

СМОЛД

ISSN 0131 — 6656

ГРЕХЕМ МАСТЕРТОН ■ ТАЙНА СФИНКСА

ГЕННАДИЙ СМОЛИН ■ КАК БЫЛ УБИТ МОЦАРТ

5 / 95

5'95

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.02.95.
Подписано к печати 21.03.95.

Формат 84×108^{1/2}.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 97 100 экз.

Заказ № 144.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Reg. № 166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

5 (1567) МАЙ

© «Смена», 1995.

- 28 ПРОЗА
Евгений Черносвитов
СПИНОЗА Рассказ
-
- 170
Грэхэм Мастертон
ТАЙНА СФИНКСА Мистический роман
-
- 22 ПОЭЗИЯ
Анна Васнева
-
- 134
КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
-
- 4 ВРЕМЯ И МЫ
КОЛЕСНИЦА ВОЙНЫ
-
- 45
МАЛ ДА УДАЛ... Беседа с председателем правления
«Росбизнесбанка» Иваном Кивелиди
-
- Олег Дзюба* 68
...А ЗОРИ ЗДЕСЬ — СНОВА ТИХИЕ
-
- Ольга Чайковская* 104
САПОГОМ ПО РЕБРАМ
-
- Анатолий Рубинов* 138
БАННЫЙ ДЕНЬ
-
- Геннадий Смолин* 52 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
КАК БЫЛ УБИТ МОЦАРТ
-

84
Михаил Погодин

ТРИ ДНЯ

Эли Фор

150

ВЕЛАСКЕС

На 1-й обложке: актриса ВЕРОНИКА ИЗОТОВА.
Фото ИГОРЯ ГНЕВАШЕВА.

На 11-й обложке: фотоэтиюд ВАДИМА ОПАЛИНА.

Ольга Чайковская

**ОГЛЯНИСЬ,
МОЯ СОВУШКА**

автора нашего журнала.

...В спокойное течение семейной жизни знаменитого московского музыканта вторгается страшное преступление. Расследование, которое пытаются вести сами герои романа, переплетается с расследованием, ведущимся профессиональными следователями.

Детективный психологический роман известного писателя-публициста, постоянного

Лев Каневский

ВАРИАЦИИ КАЗАНОВЫ

Екатериной II Казанова искусно разыгрывал роль реформатора календаря и ученого астронома; объивившись в Курляндии перед Бироном, вырядился в тогу специалиста по горному делу и деловито осмотрел рудники. Во Франции рекомендовался то фабрикантом, то случником королевского оленьего парка; в Триесте написал историю польского государства и перевел Илиаду октавами...»

«Перед русской императрицей

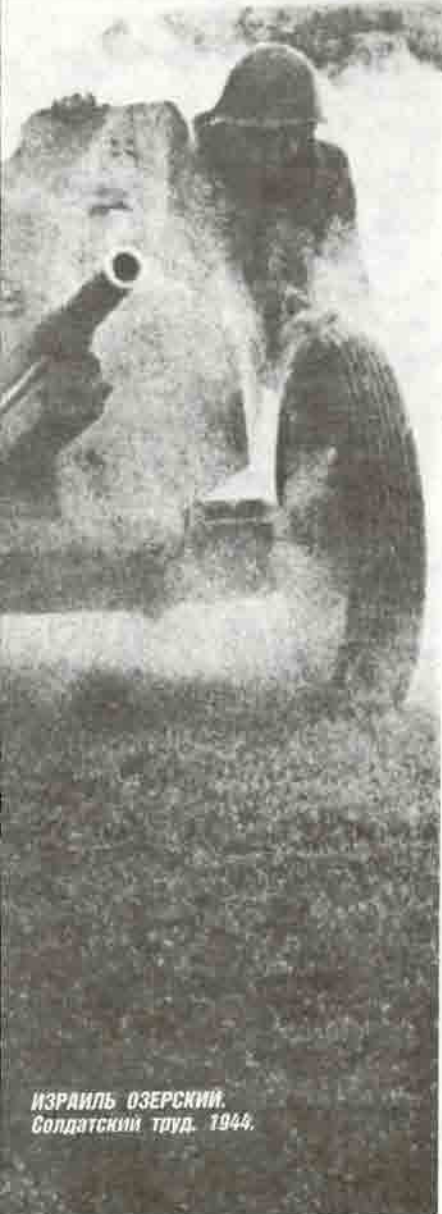
АНОНС

695

КОЛЕСНИЦА

ВОЙНЫ

ИЗРАИЛЬ ОЗЕРСКИЙ.
Солдатский труд. 1944.

Вот и пришла она, эта славная, такая дорогая для всех нас дата — 50 лет с того дня, когда над Берлином, столицей «тысячелетнего рейха», взвилось красное Знамя Победы.

А в Москве в этот день... В ночь на 9 мая 1945 года мало кто из жителей Москвы лег спать. Из репродукторов неслась легкая, веселая музыка. В два часа ночи по радио после позывных «Широка страна моя родная...» объявили, что будет передано важное правительственное сообщение.

В 2 часа 10 минут Юрий Левитан зачитал Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Днем Победы.

Сегодня, наверное, трудно установить, кто и когда впервые назвал минувшую войну Великой Отечественной, но название это в самом деле очень справедливое и точное.

Да, она именно ВЕЛИКАЯ, потому что в этой войне был сокрушен самый чудовищный из всех существовавших врагов человечества — фашизм.

И она была именно ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. Потому что десятки миллионов советских людей, не доживших до Дня Победы, сложили свои головы за Отечество.

Нам, живущим сегодня, остается выполнять святой долг: помнить о павших. Не только родных и близких, но всех, отдавших свои жизни за то, чтобы поскорее наступил этот день — День Победы.

Эта память нетленна. Она — величайшее, драгоценнейшее достояние нашей Истории.

Перелистаем еще раз некоторые редкие документы Великой Отечественной, куда вошли и официальные сводки о ходе боевых действий, и письма с фронта солдат — наших и вражеских, и их послевоенные воспоминания.

Перелистаем, чтобы представить себе сегодня, по прошествии 50 лет, какими были те 1418 дней войны...

В декабре 1940 года Гитлер дал указание политическому и военному руководству Германии о подготовке нападения на Советский Союз (план «Барбаросса»). Только малая часть немецких военных и дипломатов предостерегала Гитлера от этой войны, большинство же было согласно с его целями и надеялось на быструю победу.

Из выступления по радио народного комиссара иностранных дел Молотова 22 июня 1941 года.

...Сегодня в 4 часа утра, без объявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством... Вся ответственность за это разбойное нападение на Советский Союз целиком и полностью падет на немецких фашистских правителей...

Отрывок из дневника Елены Скрабиной от 23 июня 1941 года.

Речь Молотова звучала с заминками, торопливо, как будто ему не хватало дыхания.

Его ободряющий призыв звучал совсем неуместно. Сразу же возникло чувство, будто угрожающе, медленно приближалось чудовище и приводило

всех в ужас. После известий я выбежала на улицу. Город был в панике. Люди поспешно перебрасывались парой слов, бросались в магазины и скупали все, что попадалось под руку.

Будто вне себя металась она по улицам, многие отправились в сберкассы, чтобы забрать свои сбережения. Эта волна захлестнула и меня, и я попыталась получить рубли со своей сберкнижки. Но я пришла слишком поздно, касса была пуста, вылата была приостановлена, кругом все шумели, жаловались. А июньский день похлеще, жара была невыносимая, кому-то стало плохо, кто-то в отчаянии бранился. Весь день настроение было беспокойное и напряженное.

Лишь под вечер стало странно тихо. Казалось, что все куда-то забились от ужаса.

Письмо унтер-офицера Роберта Руппа своей жене от 1 июля 1941 года.

Рассказывают, что вышел приказ фюрера о том, что пленные и сдающиеся в плен не подлежат расстрелу. Это меня радует. Наконец-то! Многие расстрелянные, которых я видел на земле, лежали с поднятыми вверх руками без оружия и даже без ремня. Я видел таких по меньшей мере сто человек. Рассказывают, что был застрелен даже шедший с белым флагом парламентар!

Русские сдаются целыми ротами. Метод был плохим. Расстреливали даже раненых.

Военные события первых недель вселяли в гитлеровцев надежду на полный успех очередного «блицкрига». Бронетанковые сое-

динения продвигались быстро и занимали обширные пространства страны.

Фашистская директива гласила: *«В этой войне обращение с врагом в соответствии с нормами человечности и международного права недопустимо».*

А в наставлении высшим руководителям СС и полиции, подписанном начальником верховного командования вермахта Кейтелем, говорилось:

«Принципиальная линия для нас абсолютно ясна — этому народу не надо давать культуру. Я хочу повторить здесь слово в слово то, что сказал мне фюрер. Вполне достаточно: во-первых, чтобы дети в школах запомнили дорожные знаки и не бросались под машины; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо».

Тем не менее советские войска с первого дня войны оказывали неожиданно сильное сопротивление даже в самых безнадежных ситуациях. А гражданское население активно участвовало в эвакуации и перемещении важных в военном отношении промышленных объектов за Урал.

Стойкое советское сопротивление и большие потери немецкого вермахта (до 1 декабря 1941 года около 200 000 убитыми и пропавшими без вести, почти 500 000 ранеными) вскоре опровергли надежды немцев на легкую и быструю победу. Осенняя грязь, снег и ужасный холод зимой мешали военным действиям вермахта. К войне в зимних условиях гитлеровская армия не была подготовлена, считалось, что к этому времени победа уже будет достигнута. Попытка захватить Москву как политический центр Советского Союза потерпела крах, хотя не-

мецкие войска подошли к городу на расстояние 30 километров. В начале декабря Советская Армия неожиданно перешла в контрнаступление, успешное не только под Москвой, но и на других участках фронта.

«Наше дело правое — мы победим!» — с этими словами поднимались бойцы врукопашную. Шли на таран, когда кончался бензин, закрывали грудью амбразуры, с гранатой бросались под танки, вызывали огонь на себя, шли на смерть ради жизни.

Ленинградка Паша Савельева выцарапала эти слова гвоздем в камере номер 14 Луцкой тюрьмы в январе 1943 года:

«Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено — ни рук, ни ног. Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Так хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы. Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша».

Одной из главных целей войны Германии против Советского Союза было разрушение крупных городов и выселение или истребление населения. Особенно радикально план уничтожения населения проводился в отношении Москвы и Ленинграда, так как они были не только крупными городами, но и символами революции и потому должны были исчезнуть.

Начальник генерального штаба Гальдер отмечал 8 июля 1941 года:

«Фюрер принял твердое решение — сравнять с землей Москву и Ленинград, чтобы там не осталось людей, которых нам пришлось бы кормить зимой».

Этот план провалился: город не капитулировал даже зимой 1941/42 года, была организована

доставка продовольствия по льду Ладожского озера. Хотя с весны 1942 года из города было эвакуировано 500 000 человек, тем не менее за время блокады более 800 000 его жителей умерли от голода.

Лишь через 900 дней, в январе 1944 года, Советской Армии удалось прорвать блокаду Ленинграда.

Из дневника 16-летнего Володи Волкова из Ленинграда с 21 ноября по 25 декабря 1941 года.

21 ноября. Жизнь прежняя.

23 ноября. Жизнь ухудшается.

25 ноября. Хлеба рабочим 250 г., иждивенцам - 125 г.

26 ноября. Папа чувствует себя хуже, мама тоже и тетя Паша...

18 декабря. От Миши слышу нет. Папе хуже.

19 декабря. Мама опухла, тетя Паша тоже.

20 декабря. Нина ослабла. Маме хуже. Я пока таскаю ноги.

21 декабря. Жизнь ухудшается.

24 декабря. Папа совсем ослаб, я пропустил много дней.

25 декабря. В 10 утра умер папа.

Хлеба прибавили. Рабочим 350 г., иждивенцам 200 г. Продукты получить не можем. Опухоль у мамы и у тети Паши.

План «Барбаросса» был рассчитан на очередной «блицкриг», предполагалось, что его осуществление потребует немногим больше войск, чем поход на Францию. Поэтому подготовка к военным действиям в зимних условиях не была предусмотрена. Но эта операция оказалась затяжной, стоила больших потерь и в конеч-

ном счете обусловила исход войны. Только до декабря 1941 года, менее чем за полгода, Красная Армия потеряла около пяти миллионов человек (от 1,5 до 2,5 миллиона убитыми и около 3 миллионов военнопленными, из которых немногие остались в живых). Потери немцев были меньше, но по сравнению с потерями в предыдущих битвах — значительными. Около 200 000 было убито или пропало без вести, 500 000 ранено. В целом в разные периоды войны участвовало от 9 до 10 миллионов немецких и свыше 25 миллионов советских солдат. Война велась на огромных территориях, переходивших из рук в руки, со множеством наступательных операций и тяжелых отступлений. Война крупных сражений и изнуряющей повседневности.

Из дневниковой записи бывшего посла Ульриха Фок Хасселя от 18 августа 1941 года.

...Вся война на востоке ужасна, всеобщее одичание. Один молодой офицер, получив приказ уничтожить согнанных в большой сарай 350 гражданских лиц, среди которых были женщины и дети, сначала отказался это делать, но ему было сказано, что это невыполнение приказа, после чего он попросил 10 минут на размышление и, наконец, сделал это, направив пулеметные очереди в открытую дверь сарая в толпу людей, а затем добивая еще живых из автоматов. Он был настолько потрясен этим, что, получив позднее легкое ранение, твердо решил не возвращаться на фронт.

Бывший военный служащий вермахта, вспоминая взятие Брест-Литовской крепости, говорит: «...не

АНАТОЛИЙ ГАРАНИН. Смерть солдата. 1942.

было никакой пощады. Для нас все они были коммунистами, «большевистской ордой». Вот как мы их называли. Русского следовало уничтожить, не победить, а уничтожить».

Не удалось ни уничтожить, ни победить.

Отстояли Ленинград, не пустили в Москву.

Анна Ахматова писала в те дни такие стихи:

*И та, что сегодня
прощается с мильем, —
Пусть боль свою в силу
она переплавит.*

*Мы детям клянемся,
клянемся мозилам,*

*Что нас покориться
никто не заставит.*

Летом 1942 года Советской Армией были накоплены новые силы для продвижения в южном направлении. Хотя гитлеровцам и удалось захватить большие территории и продвинуться вплоть до Кавказа, они нигде не смогли укрепиться. Нефтяные промыслы находились в советских руках, а Сталинград стал плацдармом на западном берегу Волги.

Из письма родным 22-летнего артиллериста старшего сержанта Василия Налдина 20 июля 1942 года:

...Ничего, и Кутузов отступал, мы помним об этом. Даже если б сдали Москву, все равно б победили, просто б больше воевали. Зря Гитлер тешил, что, захватив столицу, он одолеет всю Россию. Зря он вообще на что-то рассчитывает...

В редакции фронтовой газеты «Красноармейское слово» сочинили на манер известного письма запорожцев турецкому султану «Грамоту-послание Гитлеру мерзкому, палачу безумному»:

«Слушай, ты, душитель немецкий, грабитель австрийский, вешатель чешский, курохват словацкий, убийца норвежский, вор датский, злодей голландский, бандит бельгийский, насильник французский, шут итальянский, осел албанский, головорез болгарский, змей хорватский, козодер греческий, удав польский, — внуки запорожские вместе со всем народом советским обещают тебе хорошо отплатить за все твои дела... Несколько лет набивал ты свою глотку награбленным. Но тебе всего этого было мало. На нашу землю ты полез. Помни же, палач проклятый, что накормим мы тебя пулями и снарядами, бомбами своими и гранатами.

Напоим мы тебя свинцом горячим, смолой кипящей, надем на тебя смирительную рубашку...

Бешеной собаке — собачья смерть!»

Из письма сталевара Андрея Каминского брату-артиллеристу, август 1942 года:

Дорогой Ваня! Фронт требует металла, много металла. И мы, магнитогорцы, даем его во все возрастающих размерах. В этом месяце я, например, за двадцать фронтовых вахт сварил 372 тонны стали, выйдет 18 тысяч снарядов для твоих пушек. Расходуй, Ваня, не жалея. Мы еще сварим.

В конце 1942 года после массированного наступления немецких войск на Сталинград и концентрации советских сил для защиты города враждующие стороны подошли к решительному моменту в ходе войны. Советская Армия

осуществила прорывы севернее и южнее Сталинграда, которые привели к окружению 6-й армии под командованием генерал-полковника Паулюса. Гитлер, не оценивший соотношение сил, запретил выход из котла. Наступление танковой армии, которая должна была прорвать кольцо окружения, провалилось. 31 января 1943 года 6-я армия капитулировала. В то же время немцам пришлось оставить обширные территории, завоеванные в 1942 году.

Враг уже был бит, и не раз, во многих сражениях, но боевого духа, спеси и решимости победить русского солдата все еще не терял.

Из речи Генриха Гимmlера в Харьковском университете перед командирами дивизий СС «Мертвая голова», «Рейх», «Лейбштандарт Адольф Гитлер» 24 апреля 1943 года.

Я хочу сказать и думаю, что те, кому я это говорю, и без того понимают, что мы должны вести войну и наш поход с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы — живыми или мертвыми? Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счету абсолютно неправильно. Такое нельзя себе допустить.

И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года

и следующей зимой потеряют свою силу и истекнут кровью.

В июле 1943 года Гитлер предпринял еще одну попытку перехватить военную инициативу путем концентрации на одном участке фронта небывалого до сих пор числа танков и бронемашин. Целью этого крупного наступления было окружение сильных, хорошо оснащенных советских соединений, занимавших оборону на выступе линии фронта в районе Курска (Курская дуга). Но наступление войск вермахта было остановлено ценой огромных потерь с обеих сторон. Гитлеровские войска были вынуждены отступить.

Из дневника дивизионного врача-хирурга Ирины Кондрашиной.

25 октября 1943 г.

Едем на Днепр. Сколько рек мы уже форсировали на этом участке?.. Десна, Сож... Всего с полмесяца назад Днепр казался непреодолимой преградой, рубежом, который, казалось, удасться взять лишь зимой... И вдруг так неожиданно все перевернулось...

Тяжелые были подходы к Днепру, надолго они останутся в памяти: большое количество подорванных на минах людей, машин, оружия. Едешь или идешь и думаешь, что каждую минуту может ждать тебя смерть. Мысль, что это может случиться совершенно неожиданно, угнетает. Стараешься не думать об этом. Что будет, то будет!

11 ноября 1943 г.

Наши войска прорвали фронт и гонят фашистов на запад. Движемся вперед. Машины — масса, артиллерия —

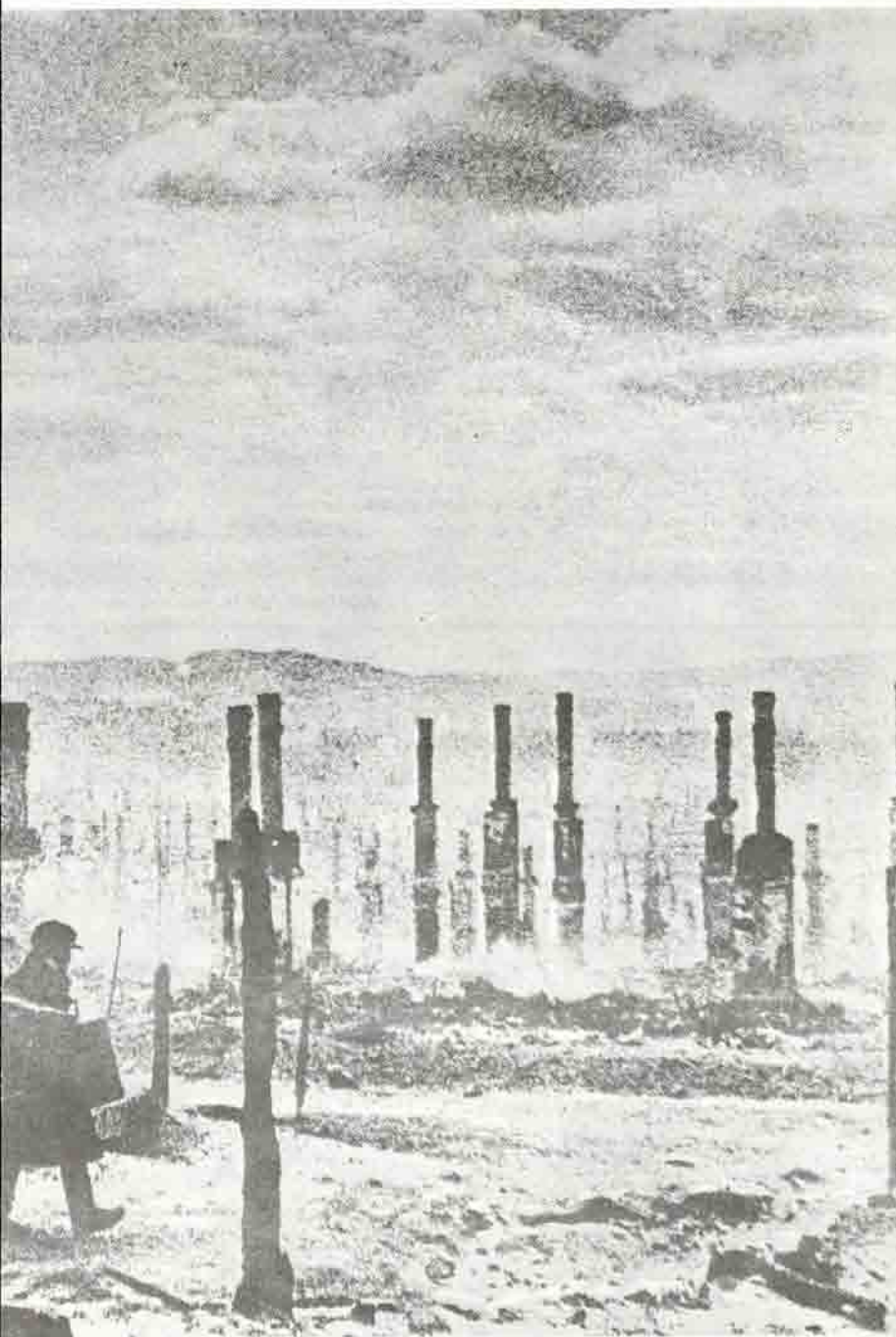
Казнь партизан (из немецкого фотоархива).

Мурманск. 1942.

тоже. По дороге — трупы фашистов. Нашли они все-таки вечный приют в России...

Пока все. Надо принимать раненых.

12 января 1944 г.

За последний год фронтовой, армейской жизни я, конечно, изменилась. Испытания закалили. Трудности сделали выносливей. Жизнь в большом коллективе выработала чувство локтя. Но я в огне войны остаюсь чистой и морально, и физически.

Что придется перенести еще? Наверное, немало. Еще не конец. Предстоит очень и очень многое. Чем все это кончится — неизвестно. Надо надеяться, что все будет хорошо, что я вернусь в отчий дом. А если вдруг погибну и кто-то незнакомый будет читать эти записки, то я просила бы об одном: пусть он будет снисходителен, пусть сохранит то, что написала. Знаю, наивно, поверхностно. Но в общей картине войны и мои скромные штрихи не лишние. Мир войны так обширен и многолик...

6 декабря 1943 года Советская Армия освободила Киев.

С июня по сентябрь 1944 года была освобождена Белоруссия, а в конце года Советская Армия находилась уже в Венгрии и в Югославии.

16 апреля 1945 года началось наступление двух фронтов под командованием Жукова и Конева с целью захвата Берлина.

А вот как вспоминали последние часы войны в Берлине те, кому посчастливилось поставить в ней последнюю точку — водрузить Знамя Победы над рейхстагом. — Герои Советского Союза Мелитон Кантарин и Михаил Егоров.

Кантарин

Нам с Михаилом надо было во что бы то ни стало найти проход наверх, ведь знамя должно развеяться на куполе! Бежим из зала по коридору. Ищем лестницу. Ага! Вот она, справа, но там — гитлеровцы. Пятясь по лестнице спиной, они лихорадочно отстреливались от нападающих на них наших солдат. Забрасываем их гранатами, гоним наверх, хотя и у нас не обходится без потерь. Вместе со всеми бой здесь ведет замполит батальона лейтенант Берест.

Наконец путь на второй этаж очищен. Перед нами снова коридоры. Там тоже идет бой. Ребята распахивают двери кабинетов, стреляют, швыряют гранаты. Кабинетов 30 прочесали, все Гитлера искали или Геббельса. Конечно, никаких там гитлеров, геббельсов не было, да ведь кто тогда знал, где они, гады, прячутся...

Когда потеснили гитлеровцев к самому входу, Берест нам скомандовал:

— Давайте знамя на второй этаж.

Все окна на втором этаже тоже замурованы кирпичом, только маленькие отверстия оставлены для пулеметчиков и снайперов. Быстренько сориентировались, нашли окно, которое выходило на Королевскую площадь, как раз над главным подъездом. Развернули полотнище и просунули его в отверстие. Древяк закрепили, как клином, обломком кирпича.

Егоров

В самом рейхстаге в это время драться приходилось буквально за каждую комнату:

АНАТОЛИЙ МОРОЗОВ. После боя, 1944.

МИХАИЛ САВИН. Отвоевался (Курская дуга, 1943).

гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Перемещаясь по зданию, они небольшими группами появлялись и там, откуда их только что выбили.

Когда знамя уже было выставлено в окне второго этажа, Берест приказал нам:

— Ищите ход на крышу.

Сам Берест с бойцами остался охранять знамя, а мы отправились выяснять, как можно пробраться на крышу. Неподалеку обнаружили витую железную лестницу, но она была так перебита, очевидно, гранатами, что подняться по ней было нельзя.

Вдруг Мелитон кричит мне:

— Подожди здесь, я сейчас принесу лестницу!

Не успел я ему ответить, а он уже со всех ног бросился вниз куда-то. Ну, думаю, голова, сейчас накличет на себя беду.

Кантария

Перед входом в рейхстаг я заметил валяющуюся за какой-то колонной деревянную лестницу. Ею, наверное, пользовались, когда закладывали кирпичом окна первого этажа. Вот она-то теперь нам и пригодилась.

В рейхстаге уже начинался сильный пожар. Горели архивы, кабинеты, мебель, огонь полз по деревянной обшивке стен, по паркету. Перескакивая через бесчисленные препятствия, я — в одной руке автомат, в другой лестница — устремился на второй этаж. Несколько раз пришлось прилаживаться к автомату...

Увидев меня, Егоров подхватил стремянку и приставил ее к железной лестнице. Пока я бежал, Михаил вынул знамя из бойницы, и теперь мы могли

продолжить наш путь наверх.

Поднявшись по лестнице, мы оказались в одной из башен. Сразу же бросились к разбитому окну — глянуть, высоко ли мы забрались. Вот тебе на: прямо под нами крыша второго этажа. Высота небольшая, спуститься — пара пустяков. Егоров прыгнул первым, я за ним.

Осмотрелись по сторонам. Да, точно, сомнений нет: мы на крыше райхстага. Она довольно широкая, завалена черт знает чем. Под сапогами хрустит стекло. По четырем сторонам здания высятся громоздкие скульптуры — какие-то рыцари на конях.

Посреди крыши — купол. Огромное, застекленное полушарие. Стекла, правда, все по-выбиты. Прикидываю на ходу: «Метров двадцать пять будет в высоту». Как туда залезть? А тут еще фашисты, заметив красное полотнище, открыли по крыше навесной огонь из минометов.

Егоров

Стали искать подходящее место, куда поставить знамя. На южной стороне, у самого края крыши, стояла скульптура конного рыцаря, закованного в латы. Рука его была простерта вперед.

— Давай, — говорит Мелитон, — привяжем знамя к руке. И надежно, и будет похоже, что мы с победой едем домой.

Так и сделали, прикрутили знамя солдатским ремнем, который Мелитон снял с себя. Только через несколько минут сплехватились. Говорю Кантарии:

— Нет, Мелитон, надо знамя с руки снять, а то, как ни крути, получается, что фриц

ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙ. После Парада Победы на Красной площади в Москве, 24 июня 1945-го.

наше знамя держит.

Опять ищем, куда поставить знамя. В это время совсем близко разорвался снаряд, и его осколок пробил брюхо коня того всадника. Образовалось отверстие диаметром как раз с дровко. В него-то и вставили знамя, даже закреплять ничем не пришлось.

Немцы продолжали обстрел крыши. Надо было найти какое-нибудь убежище, чтобы спрятаться от мин и снарядов.

Статуя конного рыцаря стояла на огромной, толщинею сантиметров в пятнадцать, чугунной плите. А та при помощи четырех массивных приставок крепилась к крыше. Так что между плитой и крышей было вполне достаточное пространство, чтобы подлезть туда. Это мы и сделали. Лежим час, два, снаряды падают то дальше, то ближе, иногда осколки бьют по плите, а нам хоть бы что.

Постепенно огонь, который гитлеровцы вели по крыше, заметно ослабел. Из нашего укрытия были отчетливо видны польхавшие в городе пожары, вспышки артиллерийских выстрелов со стороны Бранденбургских ворот... Пора было действовать.

Кантарин

...Выбрались мы из своего укрытия, сняли знамя со статуи, осмотрелись. Крыша во многих местах пробита, из-под нее поднимаются густые клубы дыма. Пожар внизу разгорался, видимо, все сильнее.

Дым ест глаза, дышать трудно. Хорошо еще, что худа без добра не бывает: в темно-

те и в дыму нас уже совсем не видно было, и мишенью для снайперов мы стать не могли. Однако шальные снаряды и пули нет-нет да и залетали на крышу. Ведь сражение за рейхстаг, бои в других кварталах Берлина продолжались. Грохот сотен орудий, лягз и скрежет танков, треск стрелкового оружия — от всего этого в ушах стоял невообразимый звон.

До основания купола метров тридцать. Казалось бы, пустяк, однако взапуски по крыше не побежишь: темень, пробоины, полно всякого хлама — сам черт ногу сломит. Приходится опуститься на четвереньки и двигаться на ощупь. Полчаса, наверное, ползли к куполу.

Наконец, подползли. Стекол в каркасе не осталось, только осколки торчат, застрявшие между резиновыми прокладками переплетов. Цепляясь за поперечины и одновременно проверяя их на прочность, полезли по этой наклонной решетчатой стенке. Снизу, как из печной трубы, валит дым. Лицо, руки мгновенно покрылись толстым слоем сажи. Жарища невероятная. Мы будто на сковородке, а ведь на нас еще ватные телогрейки!

Егоров

От дыма и копоти нечем дышать, горло разрывает кашель. Постепенно наваливается усталость, ноги деревенеют, а до верха купола еще несколько метров. Попробовали привязать знамя к ребру, но переплеты мешали полотнищу развеваться. Нет, говорю я Мелитону, так нашего знамени, наверное, никто не увидит, давай лезь дальше...

Последние эти метры дались совсем тяжело. Сил, по моему, уже не оставалось — на одной воле лезли. Но влезли!

На самом верху купола была небольшая площадка. Вокруг нее столбики натыканы, торчат сантиметров на пятьдесят. И посредине столбик такой же.

Я говорю Мелитону:

— Давай к этому столбику знамя привяжем.

Пригляделись, а это металлические трубки, и диаметр у них как раз такой, как у дровка. (Потом выяснилось, что фашисты в них по праздникам свои знамена вставляли.) Просунули мы дровко в центральную трубку, проверили, хорошо ли держится. На всякий случай еще моим ремнем закрепили.

Кантария

Площадка хоть и маленькая, но места для двоих хватило. Лезли мы, отдыхаем. Знамя между нами положится на ветру. Днем отсюда Берлин наверняка хорошо виден. А сейчас очертания огромного города только угадываются. Большая его часть в дыму, черные клубы, подсвеченные пламенем, поднимаются со всех сторон.

Не помню уж точно, сколько мы находились на той площадке, но в общем-то недолго. Поднялись, еще раз проверили, крепко ли держится знамя, и стали спускаться.

Егоров

Не мешкая, пошли вниз разыскивать КП, чтобы доложить полковнику Зинченко о выполнении задания. С помощью бойцов нашли комнату, где он расположился. Прямо с порога я доложил:

— Товарищ полковник, по вашему приказанию знамя укреплено на куполе рейхстага!

Зинченко тут же взял телефонную трубку и доложил командиру дивизии генерал-майору В. М. Шатилову:

— Товарищ генерал, знамя Военного Совета укреплено на куполе рейхстага.

Командир полка подошел к нам, обнял, каждому пожал руку, говорит:

— Ну, молодцы, ребята! Ну, молодцы! Спасибо. Идите отдыхайте — заслужили! — И добавил, засмеявшись: — Да умойтесь, черти!

День 30 апреля заканчивался. А в мрачных лабиринтах огромного здания все еще продолжалось сражение. Длилось оно до раннего утра 2 мая, когда гитлеровцы, оборонявшие рейхстаг, поняв всю безысходность своего положения, капитулировали.

Над поверженной столицей германского рейха уже второй день гордо развевалось красное Знамя Победы!

Перед вами подборка стихотворений одного из очень интересных поэтов 80-х. Не публикуемая при жизни, она сумела глубоко и точно отразить картину духовной и социальной жизни эпохи. Анна Васяева умерла в 1993 году в возрасте 37 лет.

АННА ВАСЯЕВА

≡

*Я не сумею умереть
И буду ангелом отпавшим
Лететь в метель —
сквозь жизнь*

*и смерть! —
Назло себе и прочим падшим,
Но не испившим до конца
Последней — и победной! — чаши.
И будет яд, как лед, мерцать
На дне грехов — моих и ваших.*

≡

*Часы жизни только что
остановились.*

А. Рембо

*Судьба предъявляет себя по частям:
То вдруг затаится,
то выдаст все разом.
А Время сверяет себя по часам.
А сердце глядится, как в зеркало,
в разум.*

*Проказой Пространство
пропахло насквозь,
Мир страхом зирок —
как чердак паутиной,
А Дом покосился — стоит на авось,
Покорный —
над пепельно-красной пучиной.*

*Паук поселился в одном из углов —
Такой одичалый, такой безумешный,
Что сети свои позабыл, а улов
Распутал узлы и разбрелся поспешно.*

Смешно... В этом Доме все очень смешно:

*Стрелок вдруг себя перепутал с мишенью,
Мошенник-хозяин разбавил вино,
Влекомый пристрастием к кровосмешенью.*

*Он очень спешил, он совсем позабыл,
Что Маятник мертв, что Часы замолчали.
Плечами пожал: «Разве Маятник был?
Вы разве Часы здесь хоть раз замечали?»*

*...Тем временем Ночь заглянула в окно.
Тем временем ведьма ударила в бубен.
Тем временем верилось только в одно —
Что времени не было, нет и не будет!*

*Какая игра обесмысленных слов,
Как звуки пусты, как безжизненные жесты!
Скажите, зачем, из каких это слов
Родилась идея предсмертной фиесты?!*

*О, как неуместны все эти огни!..
Выходит, что жизнь — это тоже расплата?
Скорей оглянись, мы остались одни —
Одни перед зеркалом Зла и Разлада! —*

*Разгадана тайна Часов и Веков...
А тот, кто узнал, что она означает,
Молчит, созерцая в углах пауков,
И Маятник мертвой рукою качает.*

≡

*Наши души — как туши на бойне.
Кончен бой. Время ставит тавро.
Вы не бойтесь, нам было не больно,
Только страх, что вспороли нутро.
Поутру во дворе свежесвали,
Добивали, кто плакал и пел —
Ведь не молча же мы выживали! —
А рассвет нашей кровью кипел.
Жгли костры, чтоб развеять по ветру
Неподвластные пленью тела.
Я когда-нибудь в это поверю,
Но вчера я от смерти ушла!
Задыхаясь от крови и пепла,
Вырывалась, рвалась напролом.
Я жива! Разве только ослепла...
Я жива! Но с подбитым крылом...
...Спорит ветер напористый с ливнем.
Нет ни сна, ни забытья, ни сил.
Кто-то был и при жизни счастливым,
Кто-то смерти,*

как рая, просил...

А костры полыхали, а ветер
Пламя бил, как ногами в живот.
Кто, скажите, за память ответит,
Что теперь в моих жилах живет?
Вместо крови — вы слышите? Вместо! —
Кровь осталась в том самом дворе,
Что отныне как Лобное место
Назовут старики детворе!
И поверят, и будут здоровы,
И поедут туда на метро.
Что ж, смотрите; ни непла, ни крови —
Кончен бой. Время ставит тавро.

ФЕВРАЛЬСКИЕ МЕТЕЛИ

Февральский день в оконной раме —
Пейзаж унылый и скупой.
Февраль не балует дарами,
Ведь сам он нищий и слепой.

И вечер тоже искалечен —
Метет гнетущая метель...
О, как тяжел и бесконечен
Клубок томительных недель!

Едва ли хватит мне дыхания,
Едва ли хватит мне свечей —
Жить ощущеньем ожидания
В кольце заснеженных ночей!

Хотите, жизнь мою берите,
Снега, метели и ветра!
Жить в вашем белом лабиринте —
Такая страшная игра!

Все ваши правила нелепы,
У чаши с ядом нету дна,
А игроки, как совы, слепы
При свете солнечного дня!

Я не играю в эти игры
И не скрываю, что боюсь.
Усталый мозг пронзают иглы —
Я богу мертвому молюсь!

Не потому, что кровь напрасна,
Что слишком властен зvon монет,
А потому, что смерть прекрасна
И для души бессмертья нет!

А те, что вечности хотели,
Сошли с ума, и вот для них
Метут февральские метели
Среди обломков ледяных.

ИСПОВЕДЬ

*Преступная исповедь — вхолостую! —
Пустуют кресты — наши души пустуют,—
И, значит, не горько, и, значит, не страшно
Плевать в Откровенье раскаяньем зрящим!*

*В манере Калло изощряется Гофман...
Пустуют кресты. Истомились Голгофы.
Пустуют кресты... Беспристрастные, сверху,
На рельсы глядим,*

где искромсанный Верхарн...

К какой из отдушин потянутся души?

К бодлеровским бредням,

к борделям, к пирушкам?

Пустуют кресты. На исходе столетье.

Глазголы не хлещут ременной плетью.

Пустуют кресты. Значит, снова не узнал

Посланник — и пленник, Спаситель — и узник,

След крови невинной опять не замечен...

Как души пустуют!

Раскаяться нечем...

СМЕРТЬ

*...И протянет Вселенная руки ко мне,
И костлявые пальцы вопьются мне в губы,
Страх — последний — промчится на белом коне,
И во тьме протрубят медногорлые трубы,
И светила сорвутся с печальных орбит,
И они опустеют и станут случайны.
Кто вчера был так весел, тот ныне скорбит
И свой дух обращает к зияющей тайне.*

*Скорый поезд спешит, скорый поезд бежит.
Я уехать хочу! Но куда же, ответьте.
Я уехать смогу, если — только бы жить! —
Убежать от себя и от собственной смерти!
Скорый поезд летит, оттолкнувшись от рельс.
Точно крылья несут, тяжелы и упруги.
На каком полустанке окончится рейс
И земля упадет в мои влажные руки?*

*...И земля упадет, и наполнится рот
Этой самой землей, вдруг чужой и тяжелой,
И к церковным воротам стечется народ,
Чьи-то дети придут, чьи-то братья и жены.
Ах, зачем я лежу? Тихо, руки на грудь...
Я была весела — не вчера ли, не утром?
А земля всего-навсего сорванный грунт,
И закат потускнел, стал огромным и мутным...
Как бы проще назвать, что случилось со мной?*

Неужели, как все, я подвержена смерти?!
И сомкнется земля вековой тишиной...
И замрет колесо золотой круговерти...

...Скорый поезд, скорей!

Видишь, время бежит,
Видишь, время уходит, как дым через трубы!
И поют голоса: «Только-только бы жить!..»
Но костлявые пальцы впиваются в губы.

ЧАСЫ

«...часы — весь ужас их!..»

Пространство давит на виски.
Вне времени кочует Время.
Бог мой, как тесно от тоски!
Какое проклятое бремя!

Четыре блеклые стены.
Июнь понурый — в три окошка.
Ночами, черная, как сны,
В луче луны гуляет кошка.

Ее зрачок, как циферблат —
Хранит отсчитанные годы.
Часы стучат, да все не в лад —
Как Время! — ни на что не годны...

Как мы привязаны к часам!
Спектакль для злых марионеток!
Актер и зритель — каждый сам
И каждый в меру слеп и меток.

Я не могу и не хочу
Вдыхать часов притворный запах!..

...А кошка к лунному лучу
Крадется на бесшумных лапах,

И, черной шерстью серебрясь,
Она из Времени уходит!
Я уходила столько раз —
Оно само меня находит...

ДЕНЬ

Тянусь к умершему растению
Остывшей, тающей рукой.
Я тоже скоро стану тенью
И неоконченной строкой.
И за рекой, в саду уставшем,
Забудет Август голос мой,

*И братом любящим и старшим
Заплачет мир, идя с сумой
В унылом снятившем Пространстве,
Где безнаказанно, как грех,
В своем уродливом убранстве
Зияет Время из прорех.*

*И наспех, и совсем некстати
Тоска накатит — или грусть?
И ночь впервые не настанет,
И лягут сумерки на грудь —
Стеклянный грунт, насквозь промерзший,
Зачем мне холод и хрусталь?!
Но в небо день глядит, как мертвый —
Он жить не в силах, он устал.
Останься! Слышишь? Кто б ты ни был.
Безумный ангел, блудный сын?
Пусть над тобой подобье нимба —
В моих ладонях ты один!*

*Мне не под силу слог и слово,
Мой голос выплеснут из дня,
И умер дух, и мозг изломан,
И только память мне дана!
Одна, как музыка над гробом,
Она жива и не скорбит
И в мире, точно ночь, огромном,
Звездой, не знающей орбит,
Звучит, и плачет, и смеется!
Светловолосое дитя...
Кто знает, как ей удается —
Среди безумья и дождя?..*

*...Дождешься утра. Станешь старше.
(О, сколько крови утекло!)
И новый день, как солнце, страшен,
Войдет, поранясь о стекло.*

СПИНОЗА

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОВИТОВ

28

Часть 1

РОЗОВЫЕ ОЧКИ

Спиноза позвонил мне не вовремя: в Москве было жарко, душно, люди утомляли чрезмерно.

— Хочешь вспомнить молодость? — спросил он с ходу.

— Какую? — ответил я машинально.

— Ну, начало трудовой деятельности, когда ты трупы вскрывал.

Неожиданное предложение заставило меня насторожиться.

— А в чем, собственно, дело? Кто-нибудь умер? Частную экспертизу предлагаешь, что ли? — В голове как-то не укладывались светлый образ моего соседа по завидовской даче, еврея, инвалида детства, и начало моей трудовой деятельности в должности судмедэксперта дальневосточного города Николаевска-на-Амуре. Да я просто забыл, что рассказал Спинозе, где и когда начинал свою трудовую деятельность, что по образованию я врач, хотя уже четверть века писатель, то есть имею с десяток книг, некоторое имя в литературном мире, член Союза писателей и т. д. и т. п. Врачом я вообще работал всего три года. И все это время — судмедэкспертом. Я забыл, а он вспомнил.

— Нет, ты мне нужен не как эксперт, а именно как знаток анатомии человека.

— А физиолог тебе случайно не нужен? — Я все еще не понимал, куда Спиноза клонит.

— Ну, все врачи — физиологи, иначе как бы они лечили? — уверенно отпарировал он.

— Да не тяни, в чем дело?

Я почувствовал некоторую усталость и раздражение. Спиноза звонил мне из Завидова, что почти на самом берегу Московского моря, между Тверью и Конаковым, бок о бок с президентской дачей и охотничьими угодьями правящей элиты. Там он родился, там и жил безвыездно, весь исковерканный с рождения, с огромной головой гидроцефала и маленьким тельцем уродца, с глубоко посаженными косыми глазками и тонкими конечностями. Отца Спиноза не знал. Мать была из Гомеля, но последние пятьдесят лет прожила в Завидове и работала на фетровой фабрике. От фабрики получила деревянный дом, который недавно приватизировала. Он находился рядом с моей дачей, поэтому вскоре мы познакомились и подружились. В поселке Спинозу не обижали. Он со всеми здоровался, даже с незнакомыми дачниками, наводнявшими Завидово в теплые месяцы. Кто назвал его «Спинозой», я не знаю, не знаю даже, как его настоящее имя! Лет десять назад спросил у другого своего дачного соседа, алкаша-шофера Бориса: «Почему — Спиноза?» «Как почему? — удивился Боря. — Спиноза — главный еврейский Бор!»

Думаю, основное население Завидова так и считало: в честь главного еврейского Бога!

Разговаривая сейчас со Спинозой, я усиленно старался вспомнить, когда же рассказал ему, что я врач и дал свой московский телефон. Может быть, пять лет назад, в середине июля, когда умер мой отец и я хоронил его на завидовском кладбище? Неделю калитка моей дачи была днем и ночью открыта, во двор заходили помянуть отца все, кто знал и не знал его. Посередине двора стоял стол, который круглосуточно накрывала и убирала Маринка, моя молодая жена. Спали мы на веранде и, услышав звонок, тут же вставали и выходили, чтобы благодарить и потчевать очередного гостя. Пили рюмочку-другую под «светлую память», «земля будет пухом» и «царство небесное» батюшке, закусывали малосольным огурцом, глубокомысленно кряхтели... Светлая была грусть, чистые слезы!.. Вот тогда позвонил вечером и вошел первый раз в мою калитку Спиноза.

— Извини, Спиноза, что по-походному, — сказала Маринка, разливая нам «Столичную» и нарезая тонкими ломтиками хлеб.

— По-фронтовому! — поправил Спиноза, вспомнив, что отец мой — фронтовик, и перечислил все его боевые награды.

Именно тогда я мог дать ему свой московский телефон — наверняка приглашал его в гости! — и рассказать о своей трудовой биографии. И только сейчас, первый раз в жизни, Спиноза позвонил мне — наверняка что-то непростое!

— Ну, что же случилось? — Я приготовился к чему-то неожиданному и неприятному. — Выкладывай!.. Да, как это ты вспомнил мой телефон?

— А я и не забывал. Давно собирался тебе позвонить: что-то в Завидове не появляешься.

Я действительно уже с год не был на даче: много работал

в архивах бывших соцстран, куда раньше нашего брата-писаку не допускали, ездил несколько раз в Прагу, Берлин, Софию, Будапешт. Серьезно занялся изучением архивных документов по белой эмиграции.

— Ладно, не тяни! — проговорил я с раздражением. — Готов вспомнить, что вскрывал когда-то трупы!

— Нет, — оборвал Спиноза. — Тебе придется прямо сейчас приехать на дачу...

— А по телефону нельзя сказать?

— Не сказать нужно, а кое-что показать!

— Труп?! — вырвалось у меня невольно. Мелькнула мысль, может, Спиноза убил кого-нибудь? Мало ли что в его огромной голове родится, ведь на психиатрическом учете состоит!

— Живые... Все живые! — тоненько засмеялся Спиноза.

— Ладно, жди на днях! — сказал я, несколько заинтригованный. Вообще-то все это несерьезно. Какой-то странный разговор с дурачком завидовским получился.

— Приезжай сегодня! — чуть ли не властно произнес Спиноза и положил трубку.

Я решил поехать на электричке. Сел в Ховрино и всю дорогу проехал с тревожным предчувствием, что встреча со Спинозой будет для меня роковой.

Спиноза сидел на лавочке под раскидистыми елями у калитки моего завидовского дома.

— Как доехал? — спросил он и, не дожидаясь ответа, приказал: — Пошли ко мне, что время терять?!

— Ладно. Пошли, — вяло подчинился я и поплелся за Спинозой, бодро семенящим к своей калитке.

Мать Спинозы, выйдя в 75 лет на пенсию, была уникальным специалистом, подбирающим колер фетровым шляпам, настолько уникальным, что несколько раз ездила в Англию и в Австралию делиться опытом. Дома она фактически не жила: гостила у сестры в Гомеле или у 80-летнего брата в Одессе, помогая ему подбирать колер к парикам. Он был дамским парикмахером, приватизировал мастерскую и из состриженных волос делал парики для театров, заключив договора со многими странами.

Может быть, поэтому дома было очень грязно. На большом столе, покрытом старой, рваной и грязной клеенкой, стояла грязная посуда, лежали наломанные, надкусанные черствые куски хлеба. Над банкой с прокисшим вареньем роились маленькие мушки, рядом плесневел кусок вареной колбасы.

Как будто прочитав мои мысли, Спиноза с ухмылкой оглядел свое жилище:

— Здесь ничего интересного, пойдем ко мне, на мансарду!

Он повел меня в чулан, половину которого занимала огромная, почти вертикальная лестница, и начал ловко карабкаться вверх. Поднявшись на три ступени, я увидел, что лестница упирается в нормальных размеров дверь. Спиноза толкнул ее и провалился в темное пространство. Я последовал за ним и попал... в библиотеку. Стены снизу доверху были покрыты стеллажами. На нижних полках лежали кипы аккуратно подши-

тых журналов и газет, большие картонные папки. На противоположном от двери стеллаже стояли коробки из-под обуви, а по углам расставлены деревянные чудовища из корявых пней и корней.

«Да... — подумал я. — А приятель мой не так-то прост! И вкус у него есть, и художественный талант! И жизнь другая у Спинозы тоже есть!»

Сколько я стоял, задумавшись, не знаю, но очнулся от того, что почувствовал, как Спиноза с ухмылкой смотрит на меня.

— Не ожидал? Посмотри влево... Видишь столик?

Столик! Деревянный, массивный. На нем чинно стояли: два микроскопа, трое тисков разных размеров, штук десять фарфоровых чашек, разноцветные камни, что можно собрать по берегу Московского моря или Волги, обыкновенные спиртовки, стеклянных две и две алюминиевых, рулончики наждачной бумаги, два электронаждака...

«Я действительно попал к Спинозе — шлифовальщику линз!» — подумал я и повернулся к Спинозе. Он выдержал многозначительную паузу и назидательно произнес:

— Имя творит человека. Даже такого уродца, как я, могло сделать имя! А то, что я урод, понял с раннего детства, хотя уродства своего не сознавал и не страдал от него. Завидовские мальчишки и девчонки привыкли к моему внешнему виду, и никто не называл меня: «Урод!» В школу я не пошел — врач не советовал, — бил баклуши, рыбачил, немножко бродяжничал вокруг поселка, а лет в семь призадумался: почему меня называют Спинозой, хотя имя мое Алеша, и кто такой Спиноза? С тех пор я начал собирать литературу о философе, именем которого меня называли... Это было нетрудно. В местных книжных магазинчиках я нашел сразу с десяток книжек и брошюр о Спинозе. Видишь журналы, газеты и папки с вырезками? — Он провел острым пальчиком по стеллажам. — Это все о Спинозе. И о его ремесле! Ты ведь знаешь, Спиноза был не только великим философом, но и уникальным шлифовальщиком стекол! Я тоже шлифую... и великий Спиноза передал мне свою тайну... вместе с именем своим!

Я вдруг ужасно разозлился на всю эту чепуху, на то, что приехал сюда ночью и слушаю бредни какого-то необразованного кретина о философе, жившем Бог весть когда.

Спиноза пронзительно захохотал и выпалил:

— А окрошка? Давай поедим, она у меня здесь, в потайном холодильнике... И посуда здесь... чистая. Все, как в лучших домах.

— Ладно, давай свою окрошку. Я хочу есть. А потом пойду спать.

— Окрошечка моя, окрошка, — начал подпевать высоким голосом Спиноза, ловко открывая вмонтированный в стеллаж «Морозко» и доставая чистые тарелки с яркими цветами и серебряные ложки. — Квас сегодня получился — зверь. А пока я столик накрываю, ты возьми ту плоскую деревянную коробку и открой, но... руками ничего не трогай, идет?

Я обернулся и увидел, что одна из книжных полок выступает

и на ней лежат деревянные ящички, на один из которых был направлен палец Спинозы.

— Что там? Если нельзя ничего трогать, зачем тогда показывать?

— А чтобы не скучно было, пока я на стол собираю...

Я потянулся к ящику с загадочным содержимым.

— Бери, бери, не бойся! — следя за мной, проговорил Спиноза.

Ящик был закрыт на маленькие стальные крючки. Открывая его, я испытывал легкое волнение. «А вдруг там чья-нибудь кисть? Или ухо, или нос? А может быть, это коллекция человеческих глаз?»

В ящике на красном бархате чинно лежали обыкновенные очки. Нет, вру, не совсем обыкновенные. Во-первых, они были настолько прекрасны, совершенны и разнообразны, что могли бы украсить витрины магазинчиков где-нибудь в Женеве, Берне или Цюрихе. Во-вторых, стекла у всех очков оказались розовыми. Я с детства носил очки по причине врожденной близорукости, поэтому толк в них знал. Это были великолепные очки! А оправы! Чудо! Массивные, роговые. Очки для ученого, бизнесмена, красивой женщины и мамы — главы большого семейства. Для монашки и политика. Для мальчишки и девчонки... Короче, для всех и каждого нашлись бы подходящие очки!

— Откуда все это? — стараясь удержать восторг, тихо спросил я.

— Я сам сделал, — гордо ответил Спиноза. — Нет, оправу делает Василий Романович, ну, ты его должен знать, инвалид ВОВ, его дом в конце Фабричной... Детки и внуки загнали старика в подвал, даже в сад не пускают. Вот он в подвале и соорудил мастерскую... Мы с ним работаем по европейским каталогам. Серебряную и золотую проволоку и нужные пластмассы ему доставляют с электронного завода в Зеленограде.

— Почему все стекла розовые? Чтобы видеть жизнь в розовом цвете?

— Да, да, в розовом!

Некоторое время Спиноза смотрел на меня молча и пристально, затем, вздохнув, произнес: «Пора!» Встал, спрыгнув со стульчика, размял свои тоненькие ножки и медленно, как-то боком направился к полке с ящиками. Сначала потянулся к ящику с очками, затем, передумав, взял другой, побольшей, и открыл его так, что я не смог увидеть содержимое. «Опять сюрпризы!» — подумал я, насторожившись. Но Спиноза быстро засунул руку в ящик и вытащил из него пригоршню розоватых полупрозрачных камней.

— Да ведь это обыкновенные речные кремни!

— Да, ты прав, обыкновенные речные кремни! Я собрал их на берегу Волги и Московского моря...

— Но кремни не бывают розовыми! Они разных цветов и оттенков, но только не розовые!

— Ты прав отчасти. Розовые кремни трудно найти.

— Откуда же эти?

— А ты посмотри внимательно: камни обработаны... Слегка обработаны обыкновенным наждаком!

— И что, после того, как ты их обработаешь, они розовеют... как лакмусовая бумажка?

— И здесь ты прав: появление розового цвета говорит мне, что обработка достигла нужной степени!

— Постой, значит, стекла в твоих очках вовсе и не стекла?

— Да, кремни!

— Но не проще ли делать их из стекла?

— А зачем? Для моих целей нужны кремни!

— ...Спиноза тоже кремни шлифовал?

— Нет. Но незадолго до смерти понял, что шлифовать нужно кремни... И эту тайну передал мне! Но здесь нет никакой мистики, одна технология!

— Если тебе верить, то каждый, кто проникнется мыслями Спинозы, неизбежно откроет его тайну. Почему же никто, кроме тебя, до сих пор ее не открыл?

— Во-первых, наверняка не я один раскрыл тайну нидерландского философа... Боюсь, что не один! Во-вторых, если и не раскрыли, то исключительно потому, что не жили жизнью Спинозы, как я. Ты тоже можешь вжиться в его образ, но жить его жизнью не сможешь, ибо у тебя своя жизнь, собственная. У меня же, урод, нет собственной жизни. Но свой дефект я превратил в достоинство!

— Значит, розовый цвет «стекла» в твоих очках — это дело технологий? Случайное открытие?

— Конечно! Но... как ты думаешь, откуда возникло выражение «розовые очки», «видеть жизнь в розовом цвете»? Если в самом деле посмотреть на мир в розовом цвете, долго не выдержишь! Попробуй, и тебе через десять минут станет очень неприятно: розовые щеки, розовые глаза, розовые волосы...

— Ну, «розовые очки» — это в переносном смысле...

— А у меня — в истинном, истинном, истинном... — захохотал Спиноза и начал подпрыгивать на своих паучьих ножках.

— Хватит! Не валяй дурака, уже светает, гони свои очки на примерку и вытаскивай свой труп из загашника. Для чего я здесь?

Эта тирада успокоила моего приятеля. Он послушно открыл плоский ящик и, поискав глазами, взял великолепные очки, я бы сказал, фивансита — холодного, расчетливого, но честного, которому лет так около пятидесяти.

— Для начала примерь эти!

Я взял их не без некоторого трепета. Но очки как очки, только очень тонкой работы. Есть у меня нечто похожее, из Швейцарии привез, половину книжного гонорара выложил! Потрогал стекла — ничего особенного, обыкновенной толщины. Если бы я не видел кремни, из которых эти стекла сделаны, то и не догадался бы, что это камень, а не стекло. Слегка постукал по стеклу ногтем — звук обычный. Спиноза, пристально следивший за каждым моим движением, дернул меня за рукав:

— Ты постукай ложечкой и поднеси к уху. Камертон!

Я так и сделал. Звук получился глубокий, насыщенный, растянутый. Действительно, камертон. Еще несколько раз повторил, поочередно стучая стеклышки. Приятный звук, музыкальный!

Затем я надел очки. Спиноза и здесь оказался на высоте — отгадал, какие мне нужны! Ведь подобрать стекла к моим близоруким глазам — дело непростое! Странно, стекла розовые, а никакого розового оттенка я не видел. Просто смотрел, несколько не напрягаясь, как в своих собственных.

— Спокойно, — раздался тихий голос Спинозы. — Делай медленно все, что я тебе буду говорить, приготовься к открытию и не бойся! Никаких резких движений! Я рядом, я страхую!

— Страхуй, страхуй, но побыстрее говори, не тяни!

— Посмотри на свою руку.

Я взглянул на свою левую руку и упал в кресло, ловко пододвинутое Спинозой. Руки моей не было! Нет, не то чтобы совсем не было. Просто перед моими глазами слегка шевелила костяшками пальцев рука скелета!

...Придя в себя, я почувствовал, что мне весело и любопытно: «Ай да завидовский Спиноза! Гений! Вот так изобретение! Никаких рентгеновских аппаратов и компьютерной томографии не надо! Ай да мой сосед! Во! Учудил!» Я увидел то, что должен был увидеть: руки скелета лежат на ногах скелета. Затем посмотрел на свои ступни, на которых должны быть летние туфли. Но туфель не было, кожи не было, ничего не было, только кости. Я пошевелил костяшками пальцев ног. Потом бросил кости своей левой ноги на кости правой, то есть закинул ногу на ногу, и впервые почувствовал, что испытываю явный разлад между тем, что вижу, и тем, что ощущаю.

Не помню, сколько я так развлекался, осваиваясь с новыми впечатлениями. Не могу передать, что это такое, когда видишь свой собственный скелет и, в известной степени, свободно им управляешь! О Спинозе я как-то забыл, а он следил за мной, прячась за мою спину. Сначала я подумал о зеркале и только тогда, когда начал искать его глазами, вспомнил о Спинозе! И тут меня осенила идея: посмотреть на него через розовые очки! Я резко повернулся к нему, но он ловко укрылся и произнес с ухмылкой:

— Не советую. Свалишься с кресла! Дай слово, что не будешь на меня смотреть, а я дам тебе большое зеркало. Идет?

Я согласился, решив, что сначала посмотрю в зеркало, а потом подловлю его и разгляжу его уродливое тельце. Особенно меня забавляла мысль: как огромный и тяжелый череп удерживается на маленьких позвонках? Спиноза притащил зеркало в деревянной рамке с деревянной подставкой и поставил его на стол передо мной. Я с нетерпением повернулся к зеркалу.

Ну и что? Оттуда смотрела на меня привычная физиономия, изрядно помятая и взлохмаченная, в красивых розовых очках! Да, очки мне, как говорят, идут. И все. Перед зеркалом фантастические розовые стекла оказались бессильны.

— Пора объясниться! — прозвучал голос Спинозы. — Ты можешь легко догадаться, почему я пригласил тебя сюда. Да, именно вот это... этот недостаток розовых очков, не воспринимающих отраженный образ, и заставил меня ввести в эксперимент постороннего наблюдателя. Тебя то есть.

Я весь напрягся. У меня мелькнула мысль, что, по большому

счету, розовые очки бесполезны. Ведь они проникают только в живое тело. Рентгеновские лучи вот уже скоро сто лет успешно делают то же самое. Изобретение — да! Научное открытие — несомненно. Практическое же применение розовых очков весьма сомнительно. Здесь именно тот случай — наука для науки.

— Не торопись делать выводы, — прохихикал Спиноза и подвинул ко мне плоский ящик, из которого выбрал розовые очки. — Ты ознакомился лишь с маленькой толикой «розового эффекта»... Я сразу сказал о его существенном недостатке, чтобы объяснить твое здесь появление... Да, чуть не забыл. Первое свойство розового эффекта: в розовых очках у всех стопроцентное зрение! Усвоил? Итак, ты знаешь два свойства розовых очков: положительное и отрицательное. Теперь я должен тебе сказать еще об одном, косвенном, но... философском. Видишь ли, в розовых очках можно лишь частично рассмотреть себя... Самое главное: ты никогда не сможешь посмотреть себе в глаза в розовых очках! Никогда не увидишь свой череп!..

— Понимаю, куда ты клонишь! — прервал я Спинозу. — Знаю, почему «философское значение»! Обобщаешь по причине своего бзика: уж очень тебе хотелось увидеть свой огромный череп, а не получилось! Я прав?

— Спиноза сказал: «Философская мудрость возникает на грани обыкновенной глупости...» Да, я урод и хочу видеть свой уродливый череп, поэтому на пути к этой глупости сделал гениальное открытие. Кстати, и ты здесь по этой причине. Не овладела бы мною глупость узнать, как я устроен, не открыл бы розового эффекта, да и ты бы с ним не познакомилась! И на этом же пути пришел к философскому умозаключению: природа никогда не допускает, чтобы смотрели ей, так сказать, в глаза. В этом ее сила. — Мой приятель, кажется, начал уставать. И для него этот день был непрост! — Я пригласил тебя, чтобы ты рассмотрел меня через розовые очки. Это цель моей жизни! Для тебя, возможно, звучит высокопарно, но это так. Я не нахожу ни в своем характере, ни в своей душе, ни в своем уме никаких недостатков: мой духовный облик целостен, тотален и совершен!..

«Как у психопата!» — вспомнил я определение психопатии по учебнику психиатрии, как «целостность, тотальность, стабильность» психопатических черт.

— Ладно, — вяло закончил Спиноза. — Думай на мой счет все, что хочешь, только не отказывайся выполнить мою просьбу... Ты ведь должен понять, что никому другому я больше не могу показать розовые очки! Даже Василий Романович о них ничего не знает: я для него делаю обыкновенные стекла... Он, кажется, открывает свой бизнес, будет продавать мои очки партиями, с обыкновенными стеклами, конечно...

— А почему бы тебе не запатентовать свое открытие и не предложить его медикам? Я могу тебя познакомить со Святославом Федоровым, думаю, твои очки его заинтересуют!

— Нет и еще раз нет! Ни одна живая душа, кроме тебя, ничего о розовых очках не узнает. Не будем лишать человечество иллюзии. Скоро сам поймешь, что о моем открытии нельзя

извещать мир... Что же касается тех, кто нами правит... думаю, что «розовый эффект» давно им известен и давно взят на вооружение. В армии и разведке он необходим, значит, действует... А пока я молчу — я живу... Я все рассчитал и все продумал... В Завидове последнее время часто горят дома... И мой может легко загореться, когда я захочу. Есть еще одно свойство «розового эффекта», о котором никто никогда не узнает, в том числе и ты... Вижу, что согласен, ты благоразумен, ибо все понял, — заключил мой приятель, соскакивая с кресла. Я действительно понял, что на сегодня все, конец представлению. При всем моем желании я не в состоянии усвоить больше. Да и времени было около 5 утра. — Завтра приступим к овладению «розовым эффектом», то бишь будем учиться смотреть на жизнь через розовые очки!.. Иди спать. Тебе нужно хорошо отдохнуть, восстановить силы. «Розовый эффект» — дело серьезное!..

— Разве я не все узнал?

— Завтра, все будет завтра!..

Я проснулся во втором часу — в окно через штору пробивалось яркое солнце, в спальне было невероятно жарко, но не душно, так как большие окна открыты настежь. Сильно пахло скошенной травой: вдоль по Фабричной, перед нашими домами, траву дружно скосили и, пользуясь солнечными днями, сушили. Запах вставал от земли, поднимался до уровня крыш и висел там, тяжелый, густой. Конечно же, это был не сон: разве можно уснуть нормальным сном в восемь часов утра и спать в июльскую жару? Но все же мне снился некий сон. Будто кто-то, явно незнакомый, назойливо угощал меня супом из розовых фламинго и ландыша. Сидел я в кресле, вышитом английской королевой. Но самое неприятное, что меня окружали не живые люди, а скелеты. И это было обычно и нормально. И только когда я надевал розовые очки, скелеты превращались в полнокровных людей. Но я-то знал, что это иллюзия, возникающая благодаря розовым очкам!

Я выпил привычных две чашки крепкого кофе, съел кусок сыра и сухарик и поспешил к Спинозе: несмотря ни на что, любопытство меня раздирало.

Калитка и двери дома были открыты настежь — в Завидове так не принято. Я прошел в комнату и увидел неприглядную картину: Спиноза ел. Когда он повернулся ко мне, я обмер на некоторое мгновение: Спиноза был в черных очках! Приятель мой не сразу понял, почему я так ошалело смотрю на него. Затем усмехнулся:

— А, очки!.. Нет, ничего особенного. Просто сегодня был припадок, и я расшибся. Хорошо, что на берегу, а не в воде, а то бы учить тебя было бы некому!

Спиноза страдал редкими — раз-два в год — судорожными припадками, как при эпилепсии. Я знал это, как и то, что мой приятель ежедневно, круглый год, в любую погоду, купается в пруду.

Спиноза попросил меня немного подождать, пока закончит свою трапезу. Он ел картошку в мундире, сдирая грязным

ногтем кожуру и размазывая ее по столу. Картошку макал в соль, насыпанную прямо на стол. Рядом лежали ломти свежего хлеба и селедка.

Насытившись, Спиноза прыгнул со старого фанерного стула и юркнул в ванную комнату. Когда через пять минут вернулся, то выглядел совсем другим человеком: чистенький, одетый в летний белый костюмчик, а-ля Максим Горький на Капри. Очки, однако, не снял.

Мы поднялись в «мансарду», и ученичество мое началось. Сели в кресла, а над нашими головами появилась откуда-то красивая клетка с двумя птичками: зеленым попутайчиком и канарейкой. Я сразу догадался, что птички имеют прямое отношение к моему обучению, и огляделся по сторонам, ища других животных. Но больше никого не было. Спиноза тем временем открыл коробочки с розовыми очками.

— Вот это коллекция! — не сдержал я восхищения.

— Это не коллекция, а инструментарий! — объяснил Спиноза. В руках у него были очки из комбинированных стекол. — Сделаем так: ты наденешь эти очки, но сначала закроешь глаза. Потом откроешь их и посмотришь прямо перед собой. Увидишь мой скелет... Затем снова закроешь глаза. Потом вновь откроешь и посмотришь в верхнюю полоску. Я не буду поражать твое воображение, хватит, поэтому скажу, что ты увидишь меня... Просто голого, ну, как в бане... Розовая полоска снимет мою одежду, и только. Затем еще раз закроешь глаза. Но, прежде чем открыть их для нижней полоски, постарайся ясно себе представить... Да, вспомнить... Ну, как бы выглядел я... на секционном столе! — Спиноза внезапно замолк, и я понял, что он выдерживает паузу. Затем он продолжил: — Вот тебе и труп. Вот тебе и анатомия... Внутренности мои увидишь... Живые мои потроха!

Он опять замолчал. Медленно снял свои черные очки и молча смотрел на меня. Но и я молчал, не зная, что сказать. В голове — ни одной мысли. Пустота.

Я выполнил все инструкции Спинозы и увидел то, о чем он говорил. Наверное, первый эффект, произведенный на меня розовыми очками вчера, когда я увидел собственный скелет, сделал свое дело. Больше я не удивлялся. Хотя... видеть человека без кожи... Видеть наяву, как пульсирует его мозг, как сжимается и разжимается живое человеческое сердце, поворачиваясь слегка на невидимой оси, как уверенно, рьяно раздуваются легкие, как бежит по пищеводу слюна... как работает машина желудка и кишечника... как густая сеть сосудов, третий покров тела, вслед за кожным и мышечным, разумно, очень разумно перераспределяет кровь по органам и системам, — об этом можно написать целую поэму. Я смотрел на Спинозу через розовые очки... Но человек исчез! Был сложный, очень сложный механизм! Все жило, двигалось, вибрировало, пульсировало, трепыхалось, как механизм, состоящий из блоков, узлов, деталей... Есть провода и проводки. Есть трубки и шланги. Есть разного рода покрытия, но человека нет. Я посмотрел на птичек в клетке. Сначала увидел два маленьких движущихся скелетика. Затем — две маленькие машинки, одна ползла по прутьям клетки.

Да, к этому нужно привыкнуть, но привыкаешь быстро!

— Ну, как впечатление? — спросил Спиноза.

— Ничего особенного. Я все это уже видел!

— Видел? Ты видел вскрытые трупы. Тебе знакома анатомия человеческого тела. Сейчас же ты видел живую машину!

— Может быть, приятель, — вяло возразил я ему, почувствовав вдруг сильную усталость и скуку. — Живые скелеты — это впечатляет. Но дальше... Может быть, врачи одобрят?

— Ладно! — буркнул Спиноза, взяв у меня розовые очки и протягивая другие, тоже комбинированные, из двух стекол, на сей раз правого и левого. Я надел их, посмотрел на Спинозу и чуть было не свалился с кресла. То, что я увидел, вызвало во мне сильнейший страх: человек, состоящий из двух половинок... Нет, если бы доктор Джекил и мистер Хайд объединились своими половинками и сидели бы сейчас передо мной, я наверняка меньше бы испугался.

Спиноза снял с меня очки и быстро надел другие. Как будто черепную коробку сняли с живого человека.

— Наклони голову и посмотри мне на сердце, — откуда-то издали донесся до меня голос смеющегося человечка с обнаженным мозгом.

Я посмотрел на сердце. Оно работало спокойно и уверенно. Мне захотелось его потрогать.

— Трогай, трогай, не бойся! Хочешь, вырви его у меня!

Я дотронулся до него, и пальцы мои ощутили... полотно спиновской рубашки!

— Да ты разуй глаза! — громко рассмеялся приятель. — В твоих обыкновенных стеклах в середине розовые кружочки. Они и снимают с меня все покровы!

— Дошло! Дошло!.. — вдруг закричал я.

— Дошло? А ты вроде скучать начал! Чудак! У тебя все еще впереди! Если освоишься с розовыми очками, я покажу тебе бинокль, микроскоп и подзорную трубу — все с розовыми стеклами... Но к этому нужно серьезно подготовиться... Успеем ли?..

Мы вскоре расстались: обучение оказалось коротким. Просто Спиноза сказал, что дает мне на неделю все розовые очки, которые я надевал, и предоставляет мне возможность применять их по своему разумению. Я, конечно, дал ему слово, что ни одна душа никогда и ни при каких обстоятельствах розовые очки от меня не получит. Я должен был прожить неделю с розовыми очками исключительно для того, чтобы набраться опыта, необходимого для последнего эксперимента Спинозы — с его собственным телом. По правде говоря, я никак не мог понять, чего от меня хочет Спиноза, заставляя смотреть на него сквозь розовые очки? Что надеется найти или не найти в процессе этого... жуткого эксперимента?..

Часть 2

ПИР БОГОВ

Вооруженный комплектом розовых очков, я стоял на платформе Завидово и думал над всем, что со мной произошло после

неожиданного телефонного звонка Спинозы. Ведь два дня всего прошло... Два дня! Но мое внутреннее чувство с этим не соглашалось, казалось, что за эти два дня я прожил целую жизнь, но какую-то другую. Ведь все, что я узнал благодаря розовым очкам, в реальной жизни места не имеет.

Электричка приближалась, и я сменил свои очки на розовые.

Для начала пусть все будут скелетами! Освоимся, потом пойдем дальше. «Ох, и увижу же я!..»

В тамбуре вагона стояли два скелета и курили, громко ругая третьего, отсутствующего. Они были почти одинакового роста, крутили черепами, кивали ими, смешно и жутко двигали челюстями. У одного скелета отсутствовало пять зубов, у другого были золотые коронки на верхней и нижней челюстях. Один смешно подергивал левой рукой, другой как-то лихорадочно тряс правой берцовой костью. Как определить возраст скелета? Наверное, по суставам — подвижные или нет, гладкие суставные поверхности или шершавые. Сейчас передо мной стояли скелеты, у которых все было как на картинке в анатомическом атласе: только изучай костную систему человека! Чтобы проконтролировать свои первые впечатления, я снял розовые очки. Передо мной стояли тридцатилетний мужчина (скелет, у которого не хватало зубов) и женщина лет тридцати пяти. Без розовых очков я прошел бы мимо, не обратив на них никакого внимания. «Так, так!» — сказал я себе и вошел в вагон, снова надевая розовые очки.

40

Скелеты сидели в разных позах. Я увидел, как встает скелет у окошка, и послепил на его место. Устроившись, огляделся: рядом со мной сидели два скелета, один широко разбросал кости по лавке, другой, наоборот, свои сдвинул. Напротив сидели один большой скелет и два совсем маленьких. Причем один полулежал на тазовых костях большого скелета, другой же все время вертелся. Я решил, что это мама с детьми, но, когда снял очки, понял, что жестоко ошибся. Во-первых, «мама» была мужчиной, и не просто мужчиной, а негром. Увидев, что в моих глазах появилось недоумение, негр широко улыбнулся и на чистом русском языке сказал:

— Друг просил доставить ребятишек домой, задерживается на даче!

Я лишь глупо рассмеялся в ответ и отвернулся.

Наконец электричка остановилась — мы подъехали к Солнечногорску, и в вагон стали входить новые скелеты. Этот идет, гордо и величаво неся свой череп, чуть-чуть им покачивая, челюсть слегка отвисает. Зубы целы. Движения рук вперед-назад равномерные. Также и костей ног. Стопы вырисовывают полумесяцы, словно промокашки канцелярские по написанному движутся. Да, величие и гордость и... какая свобода движений! У этого скелета выражено чувство собственного достоинства! Я заинтересовался и решил снять очки. И что же вижу? Женщина лет сорока. Рыхлая, несимпатичная, потная от жары, с уставшим лицом измученной обыденными неурядицами домохозяй-

ки! Вот те и раз! Нет, уж лучше буду смотреть через розовые очки. Следующий скелет настырно проталкивался вперед, пытаясь своими костями оттолкнуть мою знакомую. Он шел, толкая свой череп, как таран, широко расставив острые желтоватые локти и растопыренные костяшки кистей. Челюсти были сжаты, коренных зубов не хватало — такой скелет не может быть ни умным, ни добрым. Снял очки и увидел: симпатичная девчушка, лет так двадцати, мило улыбаясь, очень любезно просит пропустить ее вперед. Да, опять прокол!

Следующим моим объектом был зловещий скелет. Он шел как шкаф, выдавливая перед собой пространство. Нижняя челюсть ходила, как пила. Зубы были огромные, кривые и росли в разные стороны. Это было ужасно. Я опять снял очки и увидел перед собой очень толстого и очень большого мужчину лет пятидесяти. Он шагал грузно, его мучила одышка, лицо было землистого цвета, под глазами синие круги, ноздри и рот, казалось, жадно хватали воздух. Глаза искали ближайшее свободное место. Сразу несколько человек встали с мест и предложили ему сесть. Я надел очки: «шкаф» сидел, грозно раздвинув ноги и зловеще двигая челюстями.

«Нет, что-то не так, — сказал я себе. — Нужно или без очков быть, или розовые очки не снимать, по крайней мере поминутно. Или там, или здесь. В параллельных мирах одновременно быть не получается».

«Ховрино», — услышал я и поспешил к выходу, переодевая на ходу очки: на улице решил быть в своих, обычных.

...На следующий день я был приглашен в Кремлевский Дворец съездов. Собирались промышленники, банкиры, дипломаты, творческая интеллигенция отметить какую-то важную дату.

...В 17 часов я припарковал машину у Александровского сада и быстро прошел ко Дворцу съездов, надев розовые очки.

Видок, вероятно, был страшный, ибо говорившие и курившие монстры подозрительно косились на меня. Над толпой стоял напряженный гул, висели облака вонючего дыма. В основном монстры были мужского пола. Правда, продефилировало несколько монстров-женщин. Пока я осваивался с тем, что видел, ко мне подбежал монстр со словами: «Ты что, меня не узнаешь, старый? Двинул плечом и не поздоровался!» Это был мой сосед по лестничной площадке. Он недавно купил в нашем доме квартиру и со всеми уже перезнакомился. Я знал, что он торгует нефтепродуктами и собирается нанять меня, чтобы я написал книгу о нем. Впервые я имел возможность увидеть его мозги... У парня были наполеоновские планы и аневризма левого полушария. Он боялся, что в его «мерседес» подложат бомбу, а она была в его черепной коробке...

Мы немножко поболтали о поводе, собравшем нас здесь, и я поспешил откланяться. Шел я минут пять, петляя по большому пространству Кремлевского Дворца, пока внезапно не почувствовал, что мой взгляд к кому-то прикован. В нескольких шагах от меня, окруженный монстрами из секьюрити и паблик-релейшн, стоял монстр, в котором я узнал знаменитого в последней

декаде политика. Я неоднократно слышал его выступления по радио, видел его на телевидении. Мне было интересно, что и как он говорит. Я решил, что нужно воспользоваться случаем и познакомиться с политиком. Он был молод, лет около 40. Когда-то начинал как ученый-экономист. Сейчас всецело в политике. Говорили, что собирается выдвигать свою кандидатуру на пост Президента. Я подошел к нему, и он, как старому знакомому, просто протянул мне руку и сказал: «Привет!» Несмотря на свою ужасающую внешность — через розовые очки, конечно, — это был весьма симпатичный человек. Мы разговорились. Естественно, он начал сразу же излагать свои политические заповеди, говорить о себе и своем ближайшем окружении. Но вскоре я перестал слушать его. И не потому, что он утомил меня своими разглагольствованиями, просто я внимательно рассматривал обнаженное сердце политика. Оно было большое, такое большое, что, казалось, не помещается в отведенном ему месте. «Бычьё сердце! — вспомнил я из курса терапии сердечных заболеваний. — Такое сердце часто является причиной внезапной смерти от острой сердечно-сосудистой недостаточности. Смерти, условно говоря, здорового человека». Мне стало грустно. Захотелось подойти, положить руку на плечо этому симпатяге-монстру и сказать: «Кончай приятель, играть в политику. Дни твои сочтены. Подумай о вечности и душе своей!» О, если бы я это сделал, то наверняка отправлен был бы отсюда прямо в Институт Сербского! Тем временем гул над честной компанией усилился, движения стали лихорадочнее. Все ждали, когда позовут к столам.

42

Я по-прежнему разглядывал окружающих. Люди как люди, только у одних мозги наружу, у других — сердца, у третьих — желудки. У четвертых, простите, половые органы. Я недолго оставался в положении исследователя человеческих организмов, а очень скоро пришел к потрясающему заключению: да это же клиника! Полный перечень внутренних болезней! Меня охватил ужас. Я стал в беспорядке озираться по сторонам в поисках хотя бы одного здорового тела... Не вижу, ничего не вижу! Люди добрые! Вы чего-то хотите, строите планы. Мы слушаем вас, верим вам. На вас в конце концов смотрит весь мир, затаив дыхание от любопытства! А... каких-нибудь 5—10 лет — и никого из вас не будет в живых. Боже праведный!

Очнувшись, я решительно направился к выходу: не по мне этот пир богов...

Вечером, когда я сидел на диване и «переваривал» все увиденное, зазвонил телефон. Звонил резко, протяжно, следовательно, звонок был междугородний. Завидово! Незнакомый голос представился: «Старший лейтенант уголовного розыска поселка Завидово...» Я остолбенел, испугался и промямлил: «Слушаю! В чем дело?..» Старший лейтенант просил меня срочно приехать в поселок, ибо там «ЧП». На вопрос, зачем я понадобился, он сказал, что объяснит на месте. «Дачу, что ли, мою оборовали?» — подумал я и позвонил начальнику милиции Клину, что в 20 км от Завидова, с просьбой выяснить: что же все-таки случилось? Через полчаса телефон вновь зазвонил. На сей раз из

Клина. Николай Николаевич все выяснил и доложил мне, что сегодня вечером внезапно загорелся соседский дом, рядом с моей дачей. За несколько минут сгорел дотла, пожарные ничего не успели сделать. Сгорел и хозяин дома, инвалид по кличке Спиноза... Я нужен для каких-то свидетельских показаний. «Спиноза... Вот те раз... Да ведь он предупреждал меня, что в Завидове дома горят часто, и говорил о «степенях защиты розового эффекта»!

Я сразу поехал в милицию — тянул время, чтобы не показываться на пепелище. В милиции меня успокоили, что мой дом целехонек, только береза, разделяющая наши со Спинозой участки, сгорела. Это дерево я посадил, когда купил дачу. Именно у березы и происходили наши беседы со Спинозой, когда мы копались в огороде. Еще я узнал, что близкий друг Спинозы, старик Василий Романович, при смерти. Его хватил удар. О причинах пожара пока говорить было рано. Следствие еще не закончено.

С замиранием сердца я подъезжал к своей даче. Сразу за поворотом на Фабричную увидел огромную толпу. Пришлось остановить машину и пойти пешком. Люди при виде меня раступались и замолкали. Я шел сквозь толпу, чувствуя какую-то вину перед ними.

В дом мне заходить не хотелось. Я прошел к березе, но на ее месте было только черное пятно, метров пять в диаметре. Вот и все.

Я вернулся к машине и поехал обратно. Только начал раздеваться, чтобы принять душ, как резко зазвонил телефон — опять междугородка? Но оказалось, что звонили из главпочтамта, куда вот уже 20 лет приходит для меня почта. Почтальон сказал, что мне письмо из... Завидова! Спиноза! Весточка с того, так сказать, света. Сейчас все объяснится!..

Я с тревогой, но не без любопытства стал открывать конверт. Письмо было отпечатано на машинке и подписано: Алексей Барденштейн, по прозвищу Спиноза. Отправлено три дня назад, но число стояло сегодняшнее.

«Здравствуй, друг мой! Ты уже все знаешь... Прости, что так получилось! Ухожу вполне удовлетворенный, не буду тебе объяснять, почему. Спасибо, ты сделал все, что я просил. Не вини себя, что решил раскрыть мою тайну. «Розовые очки» — это мое изобретение. И тайна не моя. Она — настоящего Спинозы. Извини и меня, что у тебя ничего не получится. Ты — добренький. Я добрый. Мы квиты. Прощай!» Загадочное письмо! В голове после прочтения только одно осталось: «...у тебя ничего не получится!» Как — не получится? Ведь розовые очки у меня! Все образцы розового эффекта! Нет, Спиноза, ты просчитался! Неужели профессионалы не разберутся что к чему по этим образцам? Первое, что я сделал в машине, — это открыл кейс, где в купленных мной футлярчиках лежали розовые очки. Все на месте! Слава Богу! Но какая-то сила заставила меня открыть первый футляр. В нем лежали... желтые очки! Я дрожащими пальцами взял их и, сбросив свои, надел. Приятный желтый свет

сквозь... обыкновенные стекла! Не может быть! Я зачем-то протер очки и снова надел их. Розовый эффект исчез! Я начал открывать один футляр за другим — розовые очки были подменены желтыми с обыкновенными стеклами! Да нет же, это те же самые очки. Чтобы подменить их, нужно было убить меня!

На какое-то мгновение мне показалось, что я грежу. Тогда я начал полтинником стучать по стеклам желтых очков... Никакого хрустального звона! Обыкновенные стекла! Вот тебе и еще одно свойство розового эффекта, о котором намекал Спиноза, — самоуничтожение!

В голове у меня звенело. Мысли путались. Я вылез из машины. Над Тверской громко неслось из «Интуриста»: «Хава Нагила! Хава Нагила... Эй, эй!»

Московский центр
социально-психологической помощи подросткам

«ЧЕТВЕРТЫЙ МИР»

Вниманию ребят, родителей и руководителей организаций! Московский городской центр социально-психологической помощи подросткам «Четвертый мир» проводит в период летних каникул профильный лагерь «КАЗАЧЬЯ ХОРТИЦА» по программе социально-реабилитационной коррекции поведения несовершеннолетних группы социального риска.

**Подросткам — путевки бесплатно.
Организациям — по государственной цене.**

Адрес:

**Москва, ул. Корнейчука, д. 24,
офис 1.**

Телефоны:

407-54-49, 407-10-04.

*Приемная комиссия работает по пятницам и субботам
с 11 до 16 часов.*

С председателем
правления
«Росбизнесбанка»,
президентом
общероссийского
объединения
«Круглый
стол
бизнеса
России»
**ИВАН
КИВЕЛИДИ**
беседует
обозреватель
«Смены»
**СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВ.**

МАЛ да УДАЛ...

— В работе первого Конгресса российских предпринимателей в декабре прошлого года, избравшего вас президентом общероссийского объединения «Круглый стол бизнеса России», участвовали не только всем известные бизнесмены: Гусинский, Букато, Виноградов, Якунин, Щербаков, Лисовский, Семаго... Было много представителей среднего и даже малого бизнеса — тех, о ком комментаторы, перечислявшие участников

форума, обычно говорили: «...и другие». Как вы считаете, Иван Харлампиевич, какова роль этих «и других» в нашей жизни? Иными словами, какое место занимает в экономике России малый и средний бизнес?

— В малом бизнесе (а к нему относятся предприятия численностью от трех до семидесяти работающих) и бизнесе среднем (от семидесяти до двухсот занятых) про-

изводится в России около четверти валового внутреннего продукта. Всего таких предприятий около миллиона, трудится на них примерно 18 миллионов человек. Да, нам далеко в этом смысле до США, где малый и средний бизнес обеспечивает три четверти внутреннего валового продукта, а занято в нем 70 процентов от общего числа работающих. Но для нашей страны, «славной» своими монополиями и громадными промышленными «монстрами», такое количество небольших и динамичных предприятий — уже неплохо.

— А чем хороши для экономики малые и средние предприятия?

— Они восприимчивы к новому. Легко переходят на выпуск более совершенной продукции. В них меньше «лишних людей». Меньше заорганизованности и бюрократизма. Малые и средние предприятия уже сейчас дают работу десяткам, если не сотням тысяч надомников и инвалидов... Свообразный залог их разворотливости — то, что в малом и среднем бизнесе заняты в основном люди самого динамичного возраста — от 25 до 45. Доля молодежи, работающей на таких предприятиях, увеличилась за последние два года с 15 до 43 процентов.

— В каких районах страны малым и средним предприятиям легче живется?

— По моим наблюдениям, в Нижнем Новгороде, Архангельской области, Краснодарском крае, Республике Коми...

— Недавно итальянская газета назвала вас, Иван Харлампиевич, одним из самых богатых людей России. Однако когда-то и вы ходили в «начинающих»... Вспомните, как это было?

— Когда я начинал семь лет назад, у меня было пятьсот рублей на сберкнижке. Но был опыт теле-

репортера и директора небольшой пиццерии. Было журналистское образование. Были связи. Были друзья... И тогда казалось, что в паруса дует попутный ветер. Все получалось. В стране не хватало всего и вся. Мы открыли кафе — повалили посетители. Стали издавать книги — они расходились «с колес». Колбаса, которую делали в нашем мясном цехе, шла нарасхват. У туристического агентства отбоя не было от клиентов. Прибыльными стали созданные нами деревообрабатывающее производство, пушная ферма...

— А если бы вы начинали с нуля сегодня — как вы думаете, вам было бы легче?

— Нет, намного тяжелее.

— Почему?

— Во-первых, потому, что в некоторых сферах «свободные места» уже заняты. Внедриться туда просто невозможно. Трудно представить себе человека, который мог бы, например, открыть новый банк: в финансовой сфере конкуренция жесточайшая. Многие уже существующие банки ее не выдерживают. Или разоряются, или скупают более крупные.

А потом вспомни: тогда, семь лет назад, мелкий предприниматель конкурировал с неловоротливыми государственными предприятиями. Сейчас эти «монстры» приватизированы. Они, собственно, тоже теперь «частники». Худобедно, осваивают рыночную науку. Стали поворачиваться. Стараются делать не те товары и продукты, что прикажут, а те, которые нужны людям. Учатся торговать, рекламировать свои изделия. Например, недавно я с удивлением узнал, что компания «Вимм-билль-дан» не просто частное предприятие, а бывший государственный молокозавод. Конеч концерном

своим небольшим молочным цехом трудно.

К тому же климат бизнеса, который нынче создается в стране различными ветвями власти, значительно ухудшился по сравнению с тем временем — концом восьмидесятых. Это уже, простите, не климат, а нечто дурно пахнущее!.. Николай Иванович Рыжков, предсовмина Союза, говорил, уходя со своего поста: «Вы обо мне еще вспомните...» И в самом деле, при нем было легче...

— Может быть, это просто свойство памяти: «Что пройдет, то будет мило».

— Нет. В 1989 году только в Москве было около тринадцати тысяч кооперативов и малых предприятий. Сейчас какие-то из них стали большими или очень большими. А многие — разорились. Но на смену им не пришло хотя бы такое же количество новых малых предприятий. Их значительно меньше. Главным образом потому, что тогда для «начинающих бизнесменов» было много льгот, в том числе налоговых. Сейчас послаблений — никаких.

— Логику властей предрежащих можно понять: почему, они считают, какие-то «субъекты хозяйствования» должны иметь послабления?

— Малым предприятиям нужны льготы, потому что эти предприятия — малые! У них ничего нет: ни денег, ни помещения, ни оборудования, ни опыта, ни связей. Они делают первые шаги. Представьте: выходят на старт марафона олимпийский чемпион и ребенок, который только выучился ходить. Кто победит? Такой же результат будет, если вы решите завтра заняться бизнесом и вам придется на равных соревноваться с ЗИлом или Мавроди...

Другие страны тратят огромные

деньги на поддержку малого бизнеса. И в США, и в Японии расходуют на это около пяти миллиардов долларов в год. И только у нас говорится как о величайшем достижении о том, что одна из областей смогла выделить малому бизнесу около полутора миллиардов рублей...

— Однако лица западной экономики определяют все-таки «Дженерал моторс», «Рено», «Мазусита»...

— Но львиную долю деталей для того же «Дженерал моторс» делают маленькие фабрички и мастерские. Именно мелкие предприниматели эти автомобили продают, чинят, заправляют... Крупным бизнесом в Японии, например, занято около восьми процентов работающих. Остальные — мелким. Даже в социалистической экономике, кстати, частники играли большую роль.

— ?

— Вспомните, как в шестидесятые годы боролись с приусадебными участками. В семидесятые их просто не замечали. А теперь мы знаем, что в личных садах-огородах производилась едва ли не треть всей сельхозпродукции Союза!.. Так и сейчас: никакой статистики нет, но я уверен, что торговлю в стране определяют не ГУМ с ЦУМом, а «челноки» и мерзнущие на базарах мелкие оптовики...

Ведь сейчас только в Москве около семисот тысяч «скрытых безработных». Что, все они перебиваются с хлеба на квас?.. Никогда не поверю! Кто-то из них торгует, кто-то — «шабашит», кто-то — «челночит». И мало кто регистрируется. И никто не платит налоги. А ведь преуспевающий «челнок» — это настоящее торговое предприятие! У него товароборот достигает двадцати тысяч долларов в месяц! Подчеркиваю: в ме-

сяц! На него работают десятки «закупщиков» и десятки продавцов. И он с удовольствием зарегистрировал бы свою фирму. И платил бы налоги. Если бы они были разумны.

— Ну, по-моему, никто, нигде и никогда не говорит, что налоги «прекрасны». Все и всегда жалуются...

— Но факты — упрямая вещь. Вспомним царскую Россию. По «Уставу о прямых налогах» от 1893 года от сборов — любых сборов, заметьте! — освобождались маслобойни, лесопильни, кирпичные заводы и тому подобные предприятия, на которых занято меньше шестнадцати работников. Я уверен, что промышленный бум конца XIX начала XX века в России во многом объясняется подобными послаблениями...

— Однако понятно желание нынешних властей получить в бюджет побольше — нечем платить зарплату учителям, врачам... Чиновникам, наконец...

— Беда не только в том, что налоги высоки, а в том, что их много. Они запутаны. Всех их никто и не помнит. В разные органы надо представлять до тридцати форм отчетности!. Люди понимают, что хлеб предпринимателя несладок. Еще два года назад, свидетельствуют социологи, около восьмидесяти процентов опрошенных хотели бы открыть свое дело. Теперь число таких желающих упало до двадцати процентов.

— На том же первом Конгрессе предпринимателей много говорилось о тяжести нынешних законов...

— Они не столько тяжелы, сколько неразумны. Нужен нормальный, ясный и точный закон о собственности. В первую очередь — о собственности на землю. Ведь сегодня никто ничем не вла-

деет. Все у всех и все арендуют... Я знаю немало людей, готовых вложить деньги в строительство или реконструкцию гостиниц, пусть небольших — на десять-пятнадцать номеров. Устроить меблированные комнаты. Сдавать квартиры внаем. Но те, у кого есть деньги, не делают этого. Главным образом потому, что нет закона о собственности. И нет в России уважения к собственности. В Германии, близ Штутгарта, произошла показательная история. Участок местности приглянулся военным под полигон. Однако, чтобы его построить, надо было снести деревушку — домов пятнадцать. Всем жителям дали денег, на которые они в другом месте смогли бы купить не просто дома, а втрое больше. Все согласилось. Двое отказались. Им предложили еще вдесятеро больше денег. Те — ни в какую: «Нам нравится здесь жить». И что же? Власти не стали строить полигон! А у нас?! Даже я не могу быть уверенным, что завтра, придя на работу, не обнаружу, что мой банк опечатал какой-нибудь младший сержант. И пока нет уверенности, что твое останется твоим навсегда, мало кто будет вкладывать деньги в экономику России.

— Но обещают же нам что-то построить крупные западные инвесторы...

— Инвестиции в российскую экономику — это не только когда фирма «Марс» строит в Подмоскowie гигантскую фабрику по выпуску «Сникерсов» и «Педигри Пала». Когда ваш портной покупает себе новую швейную машину — это тоже инвестиция в российскую экономику. Но опросы показывают: только единицы россиян пускают свои деньги на расширение собственного производства. Большинство предпочитает скупать долла-

ры или сомнительные акции. А средства у людей есть. Миллиардами они подпитали «МММ». Свыше триллиона рублей вложили в «Русский дом селенга». Ежемесячно, судя по прогнозам, население могло бы вкладывать в экономику около миллиарда долларов. Средства, что используются россиянами на накопление, достигают двух третей всего бюджета страны! Но люди не пускают их в дело, предпочитая оставаться «халявщиками». И разве можно народ в этом винить? Нет, конечно. Такое впечатление, что государство сознательно или несознательно делает все, чтобы не появились «мелкие лавочки». Самостоятельные хозяйственные люди. Настоящий средний класс. Ведь те — люди независимые. Такого человека нельзя уволить. Его нельзя лишить премии, отодвинуть в очереди на квартиру. Его можно только посадить. Или убить.

— Вы были советником по предпринимательству и Горбачева, и Ельцина. Скажите, что вы им советовали?

— Видимо, и тот, и другой сами достаточно «разбираются в бизнесе». Потому что моего совета ни разу не спрашивали.

— А совет по развитию предпринимательства при правительстве — вы, кажется, его возглавляли...

— Я подал в отставку. Решением правительства его расширили то ли до 137, то ли до 168 человек — да им даже один раз в год собраться будет трудно. В совет записывали всех крупных директоров — чохом и даже включили вице-губернатора одной области. А возглавил совет вице-премьер правительства — это напоминает позднего Леонида Ильича, который писателем был! Точно так же, кстати, в комиссии по неплате-

жам — ни одного из тех, кто должен бы этой проблемой заниматься; никого из МВД, Минфина. А в комиссии по налогам — ни одного из крупных налогоплательщиков — директоров предприятий, бизнесменов.

— Значит, никто из представителей власти интересов бизнесменов — крупных, мелких и средних — не защищает?..

— Не защищает. Но правительства приходят и уходят, а мы собираемся делать бизнес в России долго.

— А на кого из политиков вы будете ставить?

— На ближайших выборах, в 1996 году, президентом может стать только человек из колоды уже «раскрученных» политиков. И хоть колода эта заиграна до такой степени, что не только масти не различить, но и достоинства карт — где там шестерка, а где валет... — новую распечатывать пока не станем.

— А не боитесь ли вы, что к власти придут люди, которые уничтожат всех предпринимателей как класс — и крупных, и мелких?

— Не уничтожат. Капитализм все равно будет строиться. Другое дело, что, если к власти придут люди типа Анпилова, начнется еще один передел собственности. Они будут мстить за то время, когда бессильно наблюдали, как обогащаются другие. Как жадно хватили куски демократы, когда пришли к власти! Многие «нахватались» и ушли, и вслед им кричали: «Ворюги!..» И правильно кричали.

Не должен попадать «во власть» бедный человек! Хорошо, что премьером стал Черномырдин: он к тому моменту был уже обеспеченным. Я не говорю, что в президенты надо выбирать самого богатого. Но важно, чтобы он был

небедным. Такого труднее купить.

— В последнее время вы отождаете от бизнеса и все больше занимаетесь политикой. А какие у вас шансы победить на президентских выборах?

— В 1996 году — никаких. Однако надоело, честно говоря, все время жить в условиях эксперимента. Пробовать ту или иную экономическую модель. А ведь и при Рыжкове, и при Павлове, и при Гайдаре были люди, которые выживали. В тяжелейших условиях кормили не только себя, но и свои рабочие коллективы. Может быть, следует опыт выживания практиков-предпринимателей привить экономике в целом?

— Вернемся к мелким предприятиям. Как правило, они оказываются один на один с произволом чиновников. Да еще плохо знают и законы, и свои права. Могут ли они обратиться куда-то за помощью или хотя бы за советом?

— Могут. Например, в отделе Торгово-промышленной палаты. Там готовы проконсультировать их, оказать юридическую помощь, посодействовать в получении кредита. Жаль, что туда обращается мало предпринимателей — или не знают о такой возможности, или не верят в действенность подобной просьбы. Возможно также попросить помощи у «Круглого стола бизнеса России». Пример нашего воздействия — дело Вайнберга. Бизнесмена обвинили по явно сфабрикованному обвинению. Последовали акции протеста, кампания в прессе. «Дело» развалилось, предпринимателя выпустили.

— Но Вайнберг — известный и богатый человек. А если к вам поступит за помощью, скажем, издатель Петров откуда-то из Оренбурга?

— Если дело этого Петрова из

частного может стать общим, если оно поднимает общественно значимую проблему или налицо явный произвол властей, тогда мы вступимся за него всей силой своего авторитета, денег и связей.

— Но вот вы на примере Петрова подняли «общественно значимую» проблему. А через месяц к вам с аналогичными трудностями обращается Иванов из Люберец. Но вы-то эту тему уже «отыграли». Значит, откажете?

— А, может, ему и не надо будет обращаться? Потому что, пользуясь случаем с Петровым, мы решим эту проблему в масштабах государства. Например, сейчас очень много жалоб: не дают лицензий на тот или иной вид деятельности. Если издатель Петров обратится, например, по тому поводу, что ему не предоставляют лицензию на издательскую деятельность, а мы добьемся, что этот вид бизнеса вообще станет безлицензионным, зачем же тогда будет апеллировать к нам издатель Иванов из Люберец?

— Не кажется ли вам, что мы искусственно противопоставляем предпринимателя и государство — рисуем последнее изначально в образе врага. Неужто власть имущим и в самом деле непонятно, что развитие «малой экономики» не только все народное хозяйство подхлестнет, но и самосознание людей, занятых собственным делом, изменит?

— Это не мы противопоставляем себя государству, а государство — всем остальным! Иначе оно не создало бы таких высоких и — главное! — запутанных налогов, когда любой глава райцентра может ввести собственный побор.

Однажды я спросил Гайдара, когда он еще был при власти: «Не слишком ли велики налоги, Егор Тимурович?» Тот: «Дай Бог, если

мы половину всей суммы собираем...» Зачем же высокие поборы, которые не платят? Может, лучше, чтобы они были поменьше, зато собирать их все? И на что они идут? Я об этом думаю каждый раз, когда моя машина попадает в яму на московской улице.

При нынешней системе перед бизнесменами стоит дилемма: или «убегать» от налогов, или разоряться. Есть магазины, которые месяцами не сдают выручку. А там, где какие-то нарушения, где рассчитываются наличными, к этим предпринимателям рано или поздно приходят ребята в спортивных костюмах. А у этих ребят дело отлично поставлено. Они собирают дань куда эффективнее, чем государство.

Но представьте себе, если предприниматель законопослушен. Хранит деньги в банке. Рассчитывается безналичными. Что взять с него рэкетирам? Они даже не подойдут к нему. Они прекрасно знают, где «чистый» бизнес, где «серый», где «черный».

На Западе действует жесткое гражданское право. Если не заплатил вовремя, хотя бы день просрочил, пойдут миллионные убытки, разоришься. А у нас: партнер не рассчитывается, потому что просто не хочет, и ему ничто не грозит! Если обратиться в арбитраж, получишь свои деньги года через два, когда инфляция от них оставит труху. У многих бизнесменов возникает искушение наслать на непорядочных партнеров криминальную «бригаду». Опасное искушение: один раз с уголовниками свяжешься — они тебя самого приберут к рукам.

Мне порой кажется, что власти специально стараются держать бизнесменов — да и общество в целом — под прицелом мафии. Я спрашивал у министра внутренних дел Ерина, и он подтвердил

мне: да, мы знаем всех лидеров преступных группировок, всех «авторитетов». Другой очень высокий милицейский чин говорил мне: «Мы могли бы обезглавить все банды в течение месяца...» «Почему же не действуете?!» — спрашиваю. «Нет приказа!» Но вот что любопытно: как только арестовывают серьезную банду, в ней обязательно оказывается один-двое «блюстителей порядка!» Настоящая смычка криминальных органов и правоохранительных!

— *И все-таки ваш прогноз: какое будущее у малого бизнеса в России?*

— Евгений Ясин, министр экономики России, говорил на первом Конгрессе предпринимателей, что правительство готово делать шаги навстречу деловым людям: например, упорядочить и ослабить налоги. Однако просил и нас, бизнесменов, «идти на сближение»: платить сполна те налоги, что действуют нынче.

Нас не надо уговаривать. Предприниматели в массе своей хотят быть законопослушными. Лишь бы государство в самом деле шагало навстречу с открытыми руками, а не пряча за спиной или кукиш, или новую «удавку». Без такого движения перспективы частного бизнеса в России — незавидные.

ИЗВИНИТЕ!

В статье «Нюхом чую!» («Смена», № 3, 1995 г.) по вине редакции отсутствует фамилия автора. Приносим свои извинения автору материала СВЕТЛАНЕ ГЛАДЫШ.

как был убит

МОЦАРТ

ГЕННАДИЙ СМОЛИН

52

Два столетия прошло с того момента, как в расцвете сил и таланта неожиданно скончался гений музыки Вольфганг Амадей Моцарт. С высоты веков память о великом зальцбургце вновь и вновь возвращает нас к венским событиям 1791 года... Большинство современников Моцарта считало тогда однозначно, что умер он естественной смертью от «острой просовидной лихорадки». Но то, о чем писалось либо говорилось в странах Европы только намеками, спустя 30 лет стали провозглашать в полный голос. Более того, в большую игру с разоблачительными статьями и сенсационными сообщениями включились газеты. В центре внимания оказался престарелый композитор, придворный капельмейстер Антонио Сальери. Вспомнили все: и то, что итальянский маэстро был соперником, если не врагом Моцарта, и даже высказывания «бога музыки» о том, что Сальери посягал на его жизнь. А тут еще у маэстро явно сдают нервы, и он в присутствии нескольких свидетелей будто бы признается в убийстве. Разумеется, бульварная пресса тут же подхватывает эту сенсацию. В определенных кругах не оставалось ничего другого, кроме как объявить Сальери «душевнобольным».

Между тем А. С. Пушкин, состоявший в дружеских отношениях с австрийским послом в Петербурге графом Фиккельмоном, наверняка знал о смерти Моцарта больше других. Он был близок к влиятельным кругам и читал запрещенные царской цензурой книги и периодику, а через дипломатическую почту имел даже доступ к некоторым секретным документам.

«В первое представление «Дон-Жуана», — писал Александр Сергеевич в 1832 году, — в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы в бешенстве, снедаемый завистью... Сальери умер 8 лет тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта... Завистник, который мог освистать «Дон-Жуана», мог отравить его творца...»

А двумя годами раньше, в свою знаменитую «болдинскую осень», А. С. Пушкин создает маленькую трагедию «Моцарт и Сальери», по силе и мощи равную шекспировским шедеврам. Эту поэтическую жемчужину спустя 67 лет подхватил Н. Римский-Корсаков, который на ее основе написал одноименную оперу. Благодаря этому чудесному союзу поэта и композитора на камне мировой истории культуры был высечен иероглиф, запечатлевший у потомков мысль о противоестественной кончине Моцарта.

В связи с трагедией «Моцарт и Сальери» Пушкину принадлежат такие знаменательные слова: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальной». А потому, следуя напутствию поэта, сразу же перейдем к документальным свидетельствам и рассказам очевидцев...

Итак, через тридцать лет после гибели Моцарта, в 1821 году, то есть по прошествии «срока давности», «первый композитор империи» Антонио Сальери шлет несколько странную депешу графу Г. Гаутвицу в Намешть следующего содержания: «По получении этого письма Вашим Превосходительством автор оно-го уже будет призван Господом Богом. К письму приложен оригинал моего уже Реквиема; как и обещал, преподношу Вам его с одной просьбой: чтобы исполнили его только в Вашей капелле во спасение моей души... и пока я жил в этом мире...» Такая категоричность итальянского маэстро характерна скорее для самоубийцы, нежели для человека, ждущего приближения смерти от прогрессирующего недуга. К тому же Сальери тогда, бесспорно, пребывал в здравом уме и твердой памяти и плодотворно трудился на музыкальной и педагогической ниве (в 1822 году у него, к примеру, брал уроки Ференц Лист!). Учитывая, что депеша должна была идти из Вены в графский замок минимум три дня, а определить рубеж жизни и опытному врачу не под силу, можно предположить, что доза яда, который он носил с собой целых «осямнадцать лет», не убила его и маэстро остался жив. В таком случае понятно, почему в 1823 году он использовал бритву, пытаясь перерезать себе горло. Упомянутый Реквием А. Сальери писал «для себя», следовательно, замысел самоубийства созрел у него давно, и «помутнения рассудка», как пытались заставить тогда через газеты, у него, конечно же, не было. Вот почему почти все документальные историки связывают попытку придворного капельмейстера свести счеты с жизнью, как косвенное подтверждение причастности его к таинственной гибели Моцарта (А. Сальери почил в бозе естественным образом, или,

как было сказано в протоколе о смерти за 7 мая 1825 года, «по старости»).

Бесценный вклад в разгадку всего того, что связано с преждевременным уходом из жизни «бога музыки», внес наш ученый и композитор Игорь Федорович Балза, неоднократно бывавший в Вене в 40—50-х годах по поручению Союза композиторов. Он вел переговоры, читал лекции и попутно занимался своей сердечной темой («Моцарт и Сальери»). Там Балза сблизился со старейшим венским композитором Йозефом Марксом и от него услышал следующее.

В памяти Й. Маркса сохранилось свидетельство известного австрийского историка музыки Гвидо Адлера (1855—1941 гг.) о том, что в одном венском архиве он якобы нашел запись исповеди Сальери. Она принадлежала руке духовника итальянского маэстро, который, в свою очередь, сообщал своему епископу, что Сальери отравил Моцарта. В этом документе содержались детали того, где и при каких обстоятельствах итальянский композитор давал Моцарту медленно действующий яд. Адлер дотошно проверил все содержащиеся в записи исповеди фактические данные и пришел к заключению, что исповедь Сальери вовсе не «горячечный бред умирающего», как пытались представить дело его сторонники. По мнению Адлера, судя по «исповеди А. Сальери», он выдал здесь наконец столь долго хранимую тайну. Католическая церковь, естественно, категорически выступила против перепечатки найденного Адлером документа, «так как один только факт, что существует подобная запись, поставил бы под сомнение тайну исповеди».

Понятно, что апеллировать к вышеприведенным «фактам» у нас нет ни морального, ни юридического права. И ежели на самом деле существует исповедь итальянского маэстро, хранящаяся в толщах архивов церкви, то поведение католических иерархов вполне оправданно и обоснованно: на то она и существует — тайна исповеди. Опираясь на вышесказанное и другие источники двухвековой давности, мы имеем право лишь предположить по крайней мере одно: итальянский маэстро мог оказаться в роли подстрекателя (в судебной практике не редкость наговоры на себя, ложные самообвинения; на закате жизни императорский и придворный капельмейстер находился в старческом дементивном состоянии, как принято говорить у врачей; кроме того, известно, что «фантомы», порожденные даже больным воображением, часто заключают в себе реальные фрагменты). Поэтому действительную картину легко реконструировать так. Допустим, А. Сальери завуалированно, в характерной для него иносказательной манере, или, наоборот, кондово-прямолинейно мог попытаться склонить к покушению на убийство, скажем, «двойного» ученика Зюсмайра (тот одновременно занимался у Сальери и Моцарта). Ну а по прошествии трех десятилетий его дементивное воображение раздуло этот факт до параноидальной идеи-фикс: дескать, я сам отравил Моцарта.

Заслуживает внимания то, как итальянский композитор оказался в Вене. Император Йозеф II, будучи в Италии в 1778 году, пригласил в Австрию 28-летнего маэстро А. Сальери, королевско-

го камер-композитора и капельмейстера итальянской оперы. Убежденный католик и приверженец национальной идеи, глава австрийского двора Габсбургов мечтал видеть на венской сцене немецкую комическую оперу. По заказу Йозефа II Антонио Сальери пишет оперу «Трубочист», потом «Ифигения в Тавриде» (1785 г.), чем, бесспорно, затмевает Моцарта. Последовавшие за ним постановки «Тарара» и «Аксур» вознесли итальянского композитора на вершину успеха. Сам же он в 1788 году был утвержден в должности придворного капельмейстера и тем самым приобрел исключительное могущество не только на столичных подмостках как законодатель музыки, но и как личный советник императора Йозефа II.

Теперь о Вольфганге Амадее. 7 декабря 1787 года император Йозеф II жалует Моцарту должность камерного композитора с годовым жалованьем 800 гульденов. На житье этого не хватало, зато служебная деятельность в качестве придворного сочинителя музыки давала Моцарту возможность быть при дворе, а это могло помочь в постановке собственных опер, того же «Дон-Жуана». Правда, приходилось отрабатывать черствый императорский хлеб, сочиняя музыку к различным танцам для костюмированных балов в императорских дворцах. Хотя у кудесника звуков уже была первая победа на венских подмостках — спектакль «Похищение из сераля» (1782 г.), созданный и поставленный как немецкая комическая опера (зингшпиль). Когда состоялась премьера «Свадьбы Фигаро» (1786 г.), то казалось, никто и никогда не имел в Вене более блистательного триумфа, нежели В. Моцарт. И в год премьеры по количеству спектаклей (их было 9) опера состязалась на равных с наиболее излюбленными итальянскими сочинениями. Но в следующих, 1787—1789 годах «Свадьба Фигаро» быстро сошла со столичных подмостков. Да и «Дон-Жуан» мало улучшил обстоятельства жизни великого композитора, кстати, как и «Фигаро».

Известно, что «вражда Сальери началась с оперы Моцарта «Так поступают все», — как утверждала английская чета Новелло, в 1829 году посетившая Австрию и опросившая близких и друзей Моцарта. — Придворный капельмейстер поначалу сам начал работу над этой оперой, но вскоре отказался от нее, посчитав сюжет недостойным своей музыки. Моцарт же создал мастерское сочинение, отодвинув Сальери на задний план, после чего итальянец, как это ни парадоксально, прославился уже тем, что его начали подозревать в отравлении Моцарта». Зато премьера «Дон-Жуана» была встречена столичной публикой прохладно. Но, как говорится, пессимизм здесь неуместен. Дело в том, что императорского и придворного капельмейстера во время постановки или премьеры обслуживала группа купленных завсегдаев, или клака (кстати, этот древний прием с успехом используется и в наши дни, в Большом театре подобных «наемников» называют «сыры»). В случае, если давали оперу Сальери, бурные аплодисменты и возгласы «браво», когда же разрывалось представление соперника — имитация возмущения: улюлюканье, свист. Так было после успеха «Свадьбы Фигаро», когда

стойкий зальцбургец вновь стал набирать силу, а императорский и придворный капельмейстер — терять популярность. Разумеется, итальянский композитор интриговал с умом против Моцарта: когда имя последнего сходило с афиш, он воздерживался от подстрекательств или услуг клаки.

Судя по фактам, напрашивается мысль, что чашу терпения недоброжелателей великого композитора переполнила опера «Волшебная флейта». Очевидно, замысел предполагаемого заговора сложился в то время, когда опера еще только планировалась, — ранним летом 1790 года.

Здесь, как нам кажется, сошлись интересы многих. Поскольку венская сцена была, скажем так, оккупирована Сальери, а Моцарт целиком и полностью принадлежал к реформаторам и, кроме того, совершенно не мыслил денежно-расчетными категориями, то удержаться на плаву в финансовом отношении ему становилось все труднее и труднее. И хотя данные о материальном положении семьи Моцартов противоречивы, несомненно, одно: неслыханно многогранная и активная деятельность великого композитора, продолжавшаяся весь 1787 год, странным образом и без видимых причин приостанавливается, а на оставшиеся четыре года жизни опускается грандиозная завеса умолчания. Можно лишь констатировать одно: начиная с 1788 года Моцарт, по сути дела, нищий. Концерты редки, частные уроки идут на убыль, денежные поступления — гонорары — благодаря расторопности супруги Констанцы превращаются мгновенно в ничто. Правда, супружеская жизнь Вольфганга и Констанцы, по крайней мере до 1789 года, протекала по меньшей мере удовлетворительно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что жена Моцарта постоянно была беременной. Но особого прибавления в семействе не было: трое младенцев из пяти умерли вскоре после рождения. В живых остались только Карл Томас (1784—1858) и Франц Ксавер (1791—1844). Мадам Моцарт как нельзя лучше вписывалась в беззаботный образ жизни мужа: как только появлялись деньги — они тут же тратились на хорошую еду, вино, одежду. Читая письма Моцарта, не кажется удивительным то, что он упрекает свою жену более всего за фривольное поведение, ни разу не обмолвившись о роли Констанцы как хозяйки, домоправительницы. Но, как утверждают многие исследователи, в этой области жена Моцарта не понимала ничего.

В последние два года жизни великий зальцбургец замкнулся в сочинительстве музыки настолько, что, по-видимому, игнорировал интимную связь Констанцы со своим учеником Францем Ксавером Зюсмайром или же просто не придавал этому особого значения (впрочем, как вытекает из писем, у самого Моцарта было увлечение ученицей Магдаленой Хофдемель, но об этом позже). В настоящее время уже никто не сомневается в том, что Франц Ксавер Моцарт, родившийся 26 июля 1791 года, не его сын, а естественное следствие названной любовной интрижки. Здесь в пору остановиться на ученике Моцарта Франце Ксавере Зюсмайре...

По приезде в Вену этот выходец из заштатного городка Кремс-мюнстер (Верхняя Австрия) нашел в лице придворного капель-

мейстера благосклонного учителя и наставника, даже друга. Но вот честолюбивый и среднеодаренный юноша, к тому же ведущий беспорядочный образ жизни, неожиданно в 1790 году покидает Сальери и становится учеником Моцарта, сохраняя при этом теплые, чуть ли не сыновние отношения с прежним патроном.

Зато какой парадокс! Непонятно и даже странно ведут себя новоиспеченный ученик и учитель. В письмах В. Моцарта к жене Констанце, дошедших до нас, знаменитый композитор называет его не иначе как «балбес» или «свинмайер», а то и «застольный дурак» либо «косолопый негодяй»; или же шуточно умоляет близких «дать ему пару дожик, тройку отменных и одну пощечину с оттяжкой...». После таких пассажей создается впечатление, что Зюсмайр попал у нового учителя на однозную роль «придворного шута». И из этого следует нелицеприятный вывод: Моцарт таким образом выносит суровый приговор выходцу из Кремсмюнстера как личности, человеку и музыканту.

Как покажет время, Зюсмайр, в сущности, был и остался учеником императорского и придворного капельмейстера, нежели знаменитого зальцбургца, у которого он подвизался на переписке и прочих услугах-побегушках, выполняя у композитора скорее функции секретаря, нежели подающего надежды ученика, достойного славы своего учителя. После смерти гения музыки он помогал вдове привести в порядок бумаги Вольфганга Амадея — это бесценное моцартовское наследие. Как говорилось выше, Зюсмайр подружился с Констанцей, а затем вступил с ней в любовную связь. За два года «ученичества» Франц Ксавер настолько вжился в стиль своего мнимого друга Моцарта, что даже графологу-криминалисту практически не отличить почерк обоих: кто есть кто? «Тщеславный психопат» с заурядным интеллектом, хотя и музыкально одаренный, Зюсмайр, умело используя свою архиприспособляемость к обстановке, медленно, но верно делал собственную карьеру. Не обладая музыкальной глубиной и оригинальностью истинного композитора, он подспудно был сориентирован только на Сальери — процветающего императорского и придворного маэстро, который и мог способствовать его успеху на столичной сцене, а не Моцарт-неудачник, живущий хуже подмастерья.

Обратимся теперь к последней опере Моцарта — «Волшебная флейта». Официальное моцартоведение считает Эмануэля Шиканедера автором либретто. Но более чем средний уровень около ста написанных им текстов к спектаклям, дотошный анализ которых провели специалисты, — прекрасный контраргумент такому утверждению, напроочь исключающий момент гениального озарения. Как вспоминают современники, Шиканедер родным-то немецким владел с грехом пополам, а уж с его образованием да одолеть греческие или же латинские труды по религии Древнего Египта!.. Многие авторы сегодня признают, что таковым мог быть только Игнац фон Борн, гроссмейстер масонской ложи «К истинному согласию», где часто бывал Вольфганг Моцарт...

Игнац фон Борн являлся самой значительной фигурой австрийского масонства XVIII столетия. Кроме естественнонауч-

ной деятельности, как минералог, Борн был серьезно увлечен Древним Египтом; скрупулезно изучал обряды посвящения и прочие таинства далекой эпохи фараонов...

Бесспорно, текст «Волшебной флейты» мог создать только ученый.

Действие в «Волшебной флейте» происходит в Египте, корни текста восходят к античной мировой литературе — Диодору, Гелиодору, Плутарху и Апулею. Правда, они только намекали на великие таинства посвящения, так как для них молчание оставалось свято. А вот Игнац фон Борн и Вольфганг Моцарт в тексте оперы с научной скрупулезностью воспроизвели обряд посвящения. Как пишет один немецкий исследователь: «Кульминационный момент в «Волшебной флейте» достигает наивысшей точки, когда Тамино и Пamina посвящаются в таинства Исиды и Осириса, типично ветхозаветный египетский обряд. В Египте это мертвый, который вводится в эзотерические сферы... В Египте испытуемый подвергается смерти, он приносится в жертву... Для Египта, следовательно, характерна направленность в грядущее (смерть) и деиндивидуализация мертвого... Быть посвященным — тождественно знать мифически-религиозные вещи, а это знание оставляет за собой древнеегипетский мертвый — характерно, что именно мертвый и только он...» Стало быть, в «Волшебной флейте» авторы всенародно продемонстрировали таинства обществ, которые не имели права раскрывать.

Если император Йозеф II терпимо относился к восьми масонским ложам, почти что легально действовавшим в Вене, то, когда на престол в начале 1790 года вступил Леопольд II, ситуация резко изменилась. Он запретил ложи, масонов стали называть врагами порядка, религии, а также империи. Надо думать, что антимасонская волна докатилась и до такого видного деятеля масонства, как Игнац фон Борн. Будучи по своей натуре борцом, он смело сражался с монахами и монастырями, как с заклятыми врагами всех устремлений свободных людей во имя всеобщего счастья, любви и братства. Очевидно, неспроста, стоило только Моцарту в июле 1790 года приступить к музыкальному оформлению «Волшебной флейты», ровно через год, в расцвете своих 49 лет, неожиданно в жестоких мучениях умирает фон Борн, у него не оказалось преемника подобного масштаба, а это было на руку властям преследующим.

Да и у Моцарта при свойственной ему резкости поведения, острого языка пересмешника, а в особенности подчеркнутой самостоятельности суждений, конечно же, не было недостатка в недоброжелателях. Кстати, не так давно в Пражском центральном архиве был найден любопытный документ, характеризующий пылкую нелюбовь венского императорского трона (Леопольд II) к творчеству и личности Моцарта: «Обнаружилась сильная предвзятая антипатия двора по отношению к композиции Моцарта» (имеется в виду опера «Милосердие Тита»). Если «клоунадно-демоническое» поведение Моцарта без остатка очаровывало молодежь, то в глазах сильных мира сего делало неудобным новатором, возмутительным нонконформистом. И,

возможно, с постановки «Дон-Жуана», а затем и «Фигаро», в которых Моцарт довольно-таки бесцеремонно обошелся с аристократическими кругами, там, в привилегированных слоях знати и венского бюргерства, начали сторониться строптивного композитора.

Вернемся теперь к Сальери — главному сопернику Вольфганга Амадея. С творческой точки зрения А. Сальери начиная с 1788 года в фаворе у императора Йозефа II, популярен у венской публики (как упоминалось, его опера «Аксур» — кульминация успеха итальянского маэстро). Но далее он уже ничего не мог противопоставить шедеврам Моцарта. Придворный капельмейстер вовремя заметил гений зальцбургца и предпринял упреждающие удары в отношении соперника. По всей вероятности, А. Сальери не был непосредственным отравителем, а играл роль подстрекателя в этой непростой, в некотором роде многоступенчатой акции. Как у ревностного католика и в то же время предусмотрительного интригана, у него, конечно же, не хватило бы духу лично физически устранить Моцарта. Скорее всего он поручил бы эту «грязную работу» другому. Таким, как полагают многие исследователи, мог оказаться Зюсмайр, прибывший из провинции с грандиозными планами покорения столицы, а потому готовый пойти на все. В честолюбивом Франце Ксавере придворный композитор встретил то, что нужно: послушный, а главное, исполнительный и без комплексов. Само собой, никто точно не знает, когда и при каких обстоятельствах и в какой форме императорский капельмейстер выдал «ордер на убийство» своему ученику. Очевидно, А. Сальери в психологически точно угаданный момент предложил Зюсмайру вывести из игры, а то и устранить знаменитого кудесника звуков.

60

Как уже говорилось раньше, с 1788 года имя Моцарта в забвении, венская публика его забыла. В этот период Констанца, наверное, была очень раздражена своим мужем. Она не видела в Моцарте чего-то необыкновенного, скорее считала его неудачником, который лживыми посулами заманил ее в такое эфемерное предприятие, как их брак. Разумеется, совершенно неверно было бы попытаться представить этот брак Вольфганга и Констанцы несчастливом. Подобный взгляд разделил бы и сам Моцарт, нежно любивший Констанцу и защищавший ее от нападок со стороны. Но, как отмечают многие исследователи, Констанца просто была не способна на ответную любовь к мужу в общепринятом смысле. Ее чувственная жизнь находилась в плоскости непосредственных ощущений, она отдавалась своим увлечениям, любила удовольствия. Ее привлекала жизнь в достатке и комфорте — естественное, конечно же, желание. И в этот период подворачивается Зюсмайр, который к тому же младше ее на четыре года. В нем она увидела возможную замену своему мужу-неудачнику. Констанца довольно быстро сошлась с Францем Ксавером — душевно и физически — благодаря удивительной идентичности их характеров. Этому способствовали и его тайные помыслы о собственной карьере, взлелеянные, очевидно, беседами с истинным его наставником А. Сальери. Получив карт-бланш от итальянского маэстро, кремсмонстерский провинциал активно разво-

рачивает свою деятельность в последней квартире Вольфганга Амадея на Рауэнштайнгассе в доме № 970 (сегодня — № 8), где скончался великий композитор. Судя по дальнейшему развитию событий, важнейшей целью его «агентурной» работы была, конечно же, Констанца. Как опора, а еще лучше — соучастник. Для полного успеха их гешефта он наверняка обещал ей золотые горы, распространяясь о том, что придворный капельмейстер предрек стопроцентный успех его скорой и блистательной карьере при кайзеровском дворе. Только немного усилий, терпения — и фортуна у них в кармане!

Теперь вернемся к событиям лета-осени 1791 года. Отталкиваясь от документальных источников, ученые пришли к выводу о том, что либретто оперы «Волшебная флейта» стало для заговорщиков своеобразным проектом возмездия Моцарту и в то же время отвлекающим маневром, ведь подставлялись тайные ложи, законспирированные Ордена, а сообразно с этим формировался так называемый «масонский след». И тут более чем реально руку мог приложить граф Вальзег цу Штуппах. Склонный к зловещим играм всерьез, а не понарошку и зная, что Моцарт — эзотерик, а его «Волшебная флейта» — гимн масонству, он мог предложить «штабу» единомышленников сатанинскую идею: использовать либретто оперы, а главное, символику и элементы обряда вольных каменщиков, которые декларировались в спектакле, как своеобразный проект для «ритуального» убийства гения музыки дозированными препаратами ртути (по-латыни «меркурий»). Действительно, если внимательно приглядеться к титульному листу гравюры к первому либретто, то слева есть изображение колонны Гермеса, где можно рассмотреть восемь аллегорий все того же Меркурия: ибис, змея, голова барана и так далее — все заимствовано из алхимии средневековья. А под высокой колонной Гермеса — Меркурия лежит... мертвец! По масонскому преданию, это павший от неверной руки архитектор храма Соломона — Адонирам (а в ложе вольных каменщиков данное имя — высшая степень посвящения, в которую и был как раз возведен В. А. Моцарт). Таким образом, те, кто устранял Моцарта из жизни, убивал великого композитора подобающим его положению образом — ртутью, или по-латыни меркурием, идолом Муз. Если к тому же вспомнить древнеегипетские тексты об обрядах жертвоприношения и посвящения, восходящих к языческому культу Осириса и Диониса, тогда данный яд (ртуть-меркурий) являет собой не одно лишь примитивное средство для убийства, а имеет строго мифологическое обоснование. А сама опера «Волшебная флейта» превращается в своеобразную усыпальницу-святилище, наподобие пирамид эпохи фараонов и помещенных в них мумий в саркофагах. О чем великий композитор, если суммировать крохи достоверной информации, дошедшие до нас, интуитивно догадывался, а может, и... знал. Более того, пусть это не покажется фантастикой, но Моцарт даже предполагал примерную дату своей смерти, а потому с христианской покорностью ждал неизбежного конца земной жизни, сожалея о том, что перед ним только-только открывались великолепные творческие перспективы.

Для более корректного понимания наших последующих выкладок приведем надежный и доказанный факт биографии Моцарта о том, что до лета 1791 года ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА БЫЛА СОВЕРШЕННО ПУСТА. Неоднократные же высказывания самого Вольфганга Амадея о том, что «его враг» композитор Сальери «покушался на его жизнь», а также свидетельства самой Констанцы — все это привело общественность к довольно-таки устоявшемуся мнению: Моцарту давался через определенные промежутки времени яд. Современные исследователи, как, например, медики из Германии Й. Дальхов, Г. Дуда и Д. Кернер, подробно рассмотрели симптоматику заболевания и пришли к заключению, что речь в случае Моцарта может идти о единственной интоксикации — о классическом ртутном нефрозе (хроническое отравление ртутью, каковое было изучено лишь несколько десятков лет назад и, разумеется, два века назад являлось редчайшим случаем). Головокружение, головные боли, рвота, неврозы, потеря веса, депрессия, легкая возбудимость и беспокойное состояние — симптоматика острого отравления ртутью «eretismus mercurialis», которая вписывается в те свидетельства, которые имеются в письмах Моцарта, воспоминаниях его родных или друзей, дошедших до наших дней.

Вполне понятно, что такую деликатную операцию, как ввод дозированных препаратов ртути, в одиночку было бы не провести. Возможным соучастником при этом мог быть все тот же зловецкий граф Вальзегг цу Штуппах, который не только заказывал Реквием у Моцарта, но и музыку у А. Сальери да еще поддерживал с последним (это документально подтверждено) теснейшие контакты. Примечателен такой факт: Истрия (Крайны) на территории нынешней Словении (бывшая Югославия), где добывалась европейская ртуть, входила во владения графа Вальзегга. Не исключено и то, что яд мог поступать и через Готтфрида ван Свитена. Дело в том, что его отец, лейб-медик Герхард ван Свитен, с 1754 года начал практиковать лечение различного рода недугов своей «Настойкой ртутной по Свитену» («Liquor mercurii Swietenii»), которая содержала от 0,25 до 0,5 грана сулемы, растворенной в водке. С помощью малой дозировки, растянутой во времени, можно было добиться того, что в начальной стадии проявление отравления не заметно. Поэтому в случае с «отворотным зельем от Сальери» все выглядело даже безобидно. Посыльный Зюсмайр поставлял разведенную жидкую соль ртути (сулема), которая подмешивалась им в еду или питье (а позже под видом лекарства) как символическая порча. На Моцарта подобная процедура вначале как будто не действовала: он сочинял музыку, репетировал с оркестром, много выступал как музыкант или дирижер. Но во время пребывания в Праге (с Констанцей и Зюсмайром) в августе-сентябре 1791 года для постановки оперы «Милосердие Тита» доза, по всей видимости, была завышена, что привело к усугублению кризиса. Кстати, в июле перед отъездом к Моцарту явился «серый посланец» с известием от анонимного заказчика (это был Антон Лайттеб,

управляющий графа Вальзегга цу Штуппах), отчего Моцарт пришел в неопишное волнение. Вряд ли только заказ Реквиема мог так потрясти композитора. Первый биограф Моцарта Ф. К. Немечек пишет по этому поводу: «Уже в Праге Моцарт послал неизвестному адресату в Триест письмо на итальянском языке, вероятнее всего, либреттисту Лоренцо да Понте.

«...Моя голова раскалывается, разговариваю с трудом и не могу отогнать от глаз образ неизвестного, постоянно вижу его перед собой, он меня умоляет, торопит, с нетерпением требует от меня работу. Продолжаю, потому что сочинение мне менее утомительно, нежели праздность. Впрочем, мне нечего опасаться. По всему чувствую: час мой пробил; я готов умереть; я кончил прежде, чем воспользовался своим талантом. Жизнь была столь прекрасна, карьера начиналась при столь счастливых предзнаменованиях, но изменить собственную судьбу нельзя. Никому не измерить своих дней, нужно смириться. Пусть будет то, чего желает провидение. Кончаю, передо мной моя погребальная песнь. Не могу оставить ее незавершенной».

Фраза: «Кончаю, передо мной моя погребальная песнь» — относилась, разумеется, не к Реквиему, а к опере «Волшебная флейта». Кстати сказать, «Марш жрецов» и «Увертюру» к этому спектаклю — своей лебединой песне — он закончил после возвращения из Праги, то есть к 28 сентября 1791 года.

По случаю премьеры 30 сентября в Вену из Бадена приехали Констанца и Зюсмайр. Спектакль состоялся у Э. Шиканедера в его народном театре в предместье Фрайхауза. Моцарт был у пюльта и вдохновенно дирижировал оркестром. Опера «Волшебная флейта», особенно вторая ее часть, прошла с успехом. И далее, с каждой новой постановкой, популярность спектакля возрастала в геометрической прогрессии.

У Георга Ниссена, второго мужа Констанцы и биографа В. А. Моцарта, говорится:

«В один из прекрасных осенних дней, когда она (Констанца), дабы развеять его, поехала с ним в Пратер и они остались наедине, Моцарт начал говорить о смерти... При этом в глазах у него стояли слезы, а когда она попыталась отвлечь его от черных мыслей, он возразил ей: «Нет, нет, я слишком хорошо чувствую — жить мне осталось недолго: конечно, мне дали яду! Я не могу отделаться от этой мысли...» Теперь он работал много и споро... напряжение было столь велико, что иной раз, не в силах продолжать работу, он в изнеможении откидывался на спинку стула. Он стал безучастен ко всему, что его окружало».

Констанца и Зюсмайр сразу после премьеры «Волшебной флейты» вновь вернулись в Баден. В октябре Моцарт был фактически предоставлен самому себе. Даже за месяц до гибели он придерживался прежнего распорядка: так же предельно насыщен работой каждый его час, день, а самочувствие, аппетит и сон в середине октября, судя по двум письмам к жене, казались сносными.

Моцарт присутствовал на представлении «Волшебной флейты» 8, 9 и 13 октября, причем один раз его видели с А. Сальери и его пассией К. Кавалерией.

Последний раз в обществе В. Моцарт появился 18 ноября 1791 года. На освящении нового храма «Вновь увенчанная надежда» великий композитор продирижировал своей небольшой масонской кантатой «Громко возвестим нашу радость». 20 ноября он слег в постель и более не поднимался. Начали опухать руки, ноги, затем добавилась рвота. Зато сознание не покидало его. Пение канарейки причиняло ему почти физическую боль, и птицу унесли из комнаты. Вечерами, когда шла его «Волшебная флейта», Моцарт следил по часам за ходом каждого спектакля, которые, кстати сказать, проходили с возрастающим успехом. Как утверждал Ниссен: «Болезнь, приковавшая его к постели и в конце концов сведшая в могилу, длилась 15 дней... За два часа до кончины он пребывал еще в полном сознании».

28 ноября его домашний врач доктор Маттиас фон Саллаба поставил такой диагноз своему пациенту: «острая просовидная лихорадка» (заметим, что в Вене подобных случаев более не зарегистрировано). Как утверждает немецкий исследователь доктор Дитер Кернер: «Рассматривая фактические данные, дошедшие до нас, нельзя ни в коей мере сомневаться в том, что Моцарт пал жертвой отравления ртутью, которая систематически и малыми дозами вводилась в его организм с лета 1791 года, пока наконец во второй половине ноября он не получил последнюю и смертельную дозу, в результате чего начали опухать руки и ноги». 5 декабря 1791 года театральный и домашний врач семьи Моцартов Николаус Клоссет констатировал смерть своего знаменитого пациента с поверхностным и не внушающим подозрения диагнозом, причем сей эскулап не оставил каких-либо письменных источников посмертного эдикриза Моцарта.

Так как тело покойного начало быстро разлагаться, что однозначно указывало на нефроз, вызванный систематическим отравлением сулемой, то не стали выдерживать положенных 48 часов (согласно еще действовавшему в империи указу императора Йозефа II), а решили хоронить на другой же день. В квартире дома № 790 по Рауэнштайнгассе появился Готтфрид ван Свитен, который распорядился отдать долг усопшему по... третьему классу, стоившему 8 флоринов и 36 крейцеров, хотя у вдовы великого композитора были деньги для подобающих похорон.

Тело Моцарта уложили в гроб, накрыли черным плащом братства мертвых, как в те времена было принято, отнесли в кабинет и поставили подле клавира. 6 декабря в три часа пополудни гроб отнесли в Крестовую капеллу при соборе св. Стефана для отпевания. Согласно документам в последний путь Моцарта провожали Готтфрид ван Свитен, А. Сальери, Ф. Зюсмайр, Й. Дейнер, Й. Розер, Й. Орслер, а также свояки Й. Ланге, Ф. Хофер, В. Шак. Из других источников (по г. Ниссену), Э. Шиканедер отсутствовал, он, якобы потрясенный до глубины души, воскликнул: «Его дух повсюду преследует меня, он все время стоит перед моими глазами!» Добавим только: видно, неспроста! Поскольку немного позже образовался теснейший союз «либреттиста» пьес великого композитора и ученика А. Сальери Зюсмайра, как мы увидим позже, активно поживившихся на наследии знаменитого зальцбургца.

Тело В. Моцарта отпевали в часовне Распятия при соборе св. Стефана. Затем был последний путь покойника через предместье Штубентор, по проселку Ландштрассе до кладбища св. Марка. Совершенно точно известно главное: на погребении великого композитора не было ни вдовы, ни родных или друзей, ни братьев-масонов, — все производилось гробовщиками, а общая могила так и осталась безымянной.

Спустя несколько дней австрийские, а затем европейские газеты запестрели краткими проходными сообщениями о кончине «императорского и королевского придворного композитора», «известного всей Европе редкостным своим музыкальным талантом», «достигшего высочайшего мастерства». И прочая, и прочая. Но только в берлинской «Музыкальной еженедельной газете» за 12 декабря 1791 года прозвучали совсем не благостные слова, а совершенно прямой указ на криминал:

«Моцарт скончался. Он вернулся домой из Праги больным и с той поры слабел, чах с каждым днем: полагали, что у него водянка, он умер в Вене в конце прошлой недели. Так как тело после смерти сильно распухло, предполагают даже, что он был отравлен».

Теперь подведем некоторые итоги нашего исследования этой одной из самых таинственных загадок мировой истории.

I. В. А. Моцарт погребен в безымянной могиле, так что эксгумация и выявление причины смерти попросту невозможны.

II. В конце 1791 года облегченно вздохнула католическая верхушка. С устранением В. А. Моцарта, опера которого «Волшебная флейта» является по сути гимном масонству, исчез опасный источник антиклерикализма, оставшийся после смерти Игнаца фон Борна. Тем более он замыслил и приступил к практической реализации задуманной им «подозрительной» ложи «Грот» («Grotta»). Данный «эпизод», происшедший с великим композитором, вкупе с широким набором превентивных мер только упрочил уверенность как католических князей, так и — главное — правящего двора Габсбургов в том, что Вена не окажется сестрой революционному Парижу. Ну а либретто «Волшебной флейты», использованное как изощренный план по умерщвлению великого композитора, сработало на славу и, как показало время, подключило энтузиастов к «масонскому следу», а также к поиску и охоте на ведьм в этом направлении.

III. Провинциал из Кремсмюнстера достаточно погрел руки на наследии В. Моцарта. Буквально до 1792 года, пока дороги его и Констанцы не разошлись в разные стороны, Зюсмайр обладал широкими полномочиями, имея доступ к тому, что создал и не опубликовал великий композитор. Некоторые вещи В. Моцарта долго приписывались ему. В этой связи любопытна публикация в венской газете «Тайный посланник» за 9 декабря 1791 года, в которой говорится: «Смерть Моцарта — событие крайне прискорбное для музыки и всех ее почитателей. Просянка, унесшая его в могилу, и у господина Шиканедера отняла вторую часть «Волшебной флейты», первое действие которой уже было гото-

во». Так вот, через два с половиной года (1794 г.) у Зюсмайра состоялась премьера оперы «Зеркало из Аркадии», прошедшая с большим успехом. Либретто было до чрезвычайности похоже на «Волшебную флейту». И ненароком припомнилась вышеприведенная публикация о второй части «Волшебной флейты», заготовками из которой, возможно, и воспользовался «достойный» ученик. Не обладая глубиной и основательностью великого композитора, зато умело обрядившись в чужие перья, Зюсмайр вместе с Э. Шиканедером стал выдавать общественности незаконченные да и просто не опубликованные еще работы Моцарта за свои. В 1800 году этот славный дуэт выпустил другую популярную оперу — «Сулейман II, или Три султанши».

Благодаря «Зеркалу из Аркадии» Зюсмайр снискал у венской публики успех, а в карьере получил долгожданное продвижение: в 1792 году был назначен придворным капельмейстером. Вот, оказывается, каких высот можно достигнуть, будучи марионеткой у сильных мира сего и благоразумно держась в тени. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая его жизнь, но судьбе угодно было распорядиться так, что в 1803 году Зюсмайр умер при загадочных обстоятельствах в возрасте 37 лет. По одним источникам он «преждевременно зачах от туберкулеза», по другим — оказалась виновата вроде бы холера.

IV. Отношения Констанцы и провинциала из Кремсмюнстера кончились естественным разрывом их отношений, поскольку у любовников оказались на удивление схожие характеры. Она за одну только ночь «стала вдовой знаменитости и вскоре принялась за поиски нового мужа». Кроме мистификации с Реквиемом, на совести ее и подстрекательство Франца Хофдемеля: «информирование» последнего о любовной связи его жены Магдалены с покойным супругом. Именно разыгравшаяся в день похорон Моцарта трагедия в доме Хофдемелей была так кстати для «заговорщиков» (и для Констанцы, разумеется), потому что заслонила собой смерть великого композитора. Франц Хофдемель, брат Моцарта по ложе, в состоянии аффекта набросился с ножом на беременную жену, обезобразил ее лицо и только чудом не убил. Потом он, заперевшись в другой комнате, тут же вскрыл себе вены и унес тайну с собой. В судьбе красавицы Магдалены принял непосредственное участие австрийский император Леопольд II, разрешив похоронить мужа не как самоубийцу — в коровьей шкуре, а подобающим образом, по-христиански.

А что же Констанца? Она стала сдавать внаем комнаты, а в марте 1792 года получила от императора Франца II годовую ренту в размере 266 гульденов (около трети жалованья Моцарта). Благодаря доходному делу она познакомилась с почитателем Моцарта Георгом Ниссенем, датским дипломатом, и после десятилетнего знакомства они поженились. Ниссен написал биографию Моцарта, опираясь при этом на помощь Констанцы. Может ли быть эта биография объективной, если другой исследователь жизни и смерти Моцарта утверждает, что «в пользу очевидной вины Констанцы говорит ряд фактов: не только ее отвращение к кладбищу, на котором покоится ее муж (Моцарт), не только ее

поведение в момент смерти, не только истребление документов и искаженное описание хода событий — все в ее поведении позволяет заключить, — она была замешана в преступлении».

Итак, перед нами рок или судьба? В окончательном ответе на этот вопрос, кажется, может помочь Гете, мудрейший из мудрых среди писателей и философов, который заявил следующее своему неразлучному Эккерману (11 марта 1828 года):

«Вообще вдумайтесь и вы заметите, что у человека в середине жизни нередко наступает поворот, и если смолоду все ему благоприятствовало и удавалось, то теперь все изменяется, а злосчастье и беды так и сыплются на него. А знаете, что я об этом думаю? Человеку надлежит быть сначала руинированным! Всякий незаурядный человек выполняет известную миссию, ему назначенную. Когда он ее выполнил, то в этом обличье на Земле ему уже делать нечего, и провидение уготовляет для него иную участь. Но так как в подлунном мире все происходит естественным путем, то демоны раз за разом подставляют ему подножку, покуда он не смирится. Так было с Наполеоном и многими другими. Моцарт умер на 36-м году. Почти в том же возрасте скончался Рафаэль, Байрон был чуть постарше. Все они в совершенстве выполнили свою миссию, а значит, им пришла пора уйти, дабы в этом мире, рассчитанном на долгое-долгое существование, осталось бы что-нибудь и на долю других людей».

Итак, В. А. Моцарт был загублен при помощи тайных языческих обычаев. Убеденный христианин сошел в могилу по христианскому ритуалу, как это делалось в древнеегипетские времена эпохи фараонов. Умерев, Моцарт и в смерти, кажется, следует своему исконнейшему, роковому предопределению: он был и остается ПОСЛАНЦЕМ ДРУГОГО МИРА.

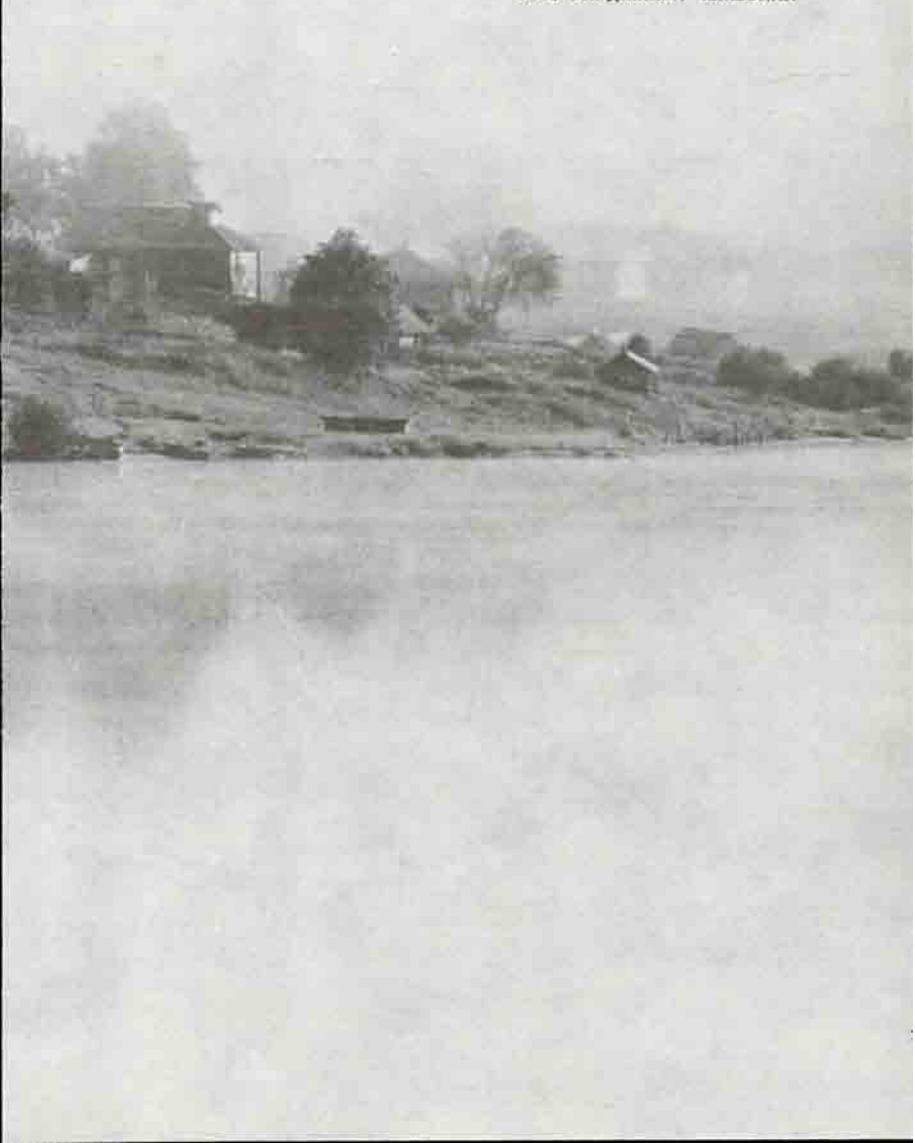
...А ЗОРИ ЗДЕСЬ

- СНОВА ТИХИЕ

ОЛЕГ ДЗЮБА

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

тормило Онежское озеро. Но к кладбищу ветер не пускали деревья. Венки на заросших могилах напоминали корабельные штурвалы...

Старый рыбак Новожилов, присевший передохнуть по дороге от дома к причалу, рассказал мне, что на заброшенном погосте упокоились онежские рыбаки да их семьи.

Я подвез старика к пристани. У смоленых лодок собрались сотоварищи Новожилова по рыбацкому делу. Онего разгулялось еще поутру, так что сети сегодня ставить никто по крутым волнам не спешил.

Здешний народ кормился щедростью озерных вод. Особо сладкой жизни онежане никогда не видывали, но в «догайдаровскую» эру все-таки рублей по триста в среднем получалось. Теперь же хоть и выходило в путину под треть миллиона за месяц, но тыщи эти, понятное дело, не чета твердым «застойным» рублям. Так что на столе рыбацком нынче картошка с соленым грибом или с соленой рыбкой. Горожанину такой рацион в экзотику и в радость, но при онежцу он уже поперек горла. Ладно еще, соль в магазине есть. С другим товаром похуже. В день, когда меня занесло на Андомугору, в деревенской лавке не оказалось ни мыла, ни спичек.

Занятия в школе прервались из-за болезни единственной учительницы. Прихворнувшую педагогиню осуждали тетки, собравшиеся у магазинного крылечка в ожидании подвоза хлеба. Сами школьники стояли тут же и, судя по всему, особой печали не испытывали.

Учеников на Андоме-горе всего двое. Брат в первом классе, сестричка в третьем. Комната для занятий одна, зато парта у каждого своя. Лечиться их наставнице

предстояло домашними средствами. Местная фельдшерка умерла, а новую еще не подыскали. Доктора из райцентра тоже не вызвать, потому что связи с Вытеграй нет уже не первый месяц: район обзавелся новой телефонной станцией, а она сломалась. Специалистов по этому мудреному делу отыскать не просто. Может, кто из беженцев, приезжающих сюда, сумеет — на них и надежда.

А в остальном жизнь как жизнь. Даже те, кто подался когда-то за лучшей долей, возвращаются назад. Золотозубый мужик, которого видел я с рыбаками возле пирса, служил прежде старшим прапорщиком во внутренних войсках. Теперь вот вернулся в родную избу, землю взял, фермерствовать собирается...

Уровень Онего ныне высок, берег завален вековыми соснами, рухнувшими с подмытой волнами глинистой высоты. Глина, щедро облепившая мои башмаки, залегла здесь еще в девонский период. Миллионолетия впечатались в обрыв четкими полосками пластов, а обломки первых в мире панцирных рыб и раковин моллюсков похрустывали под ногами, выглядывая из окаменевших древних пород. Геологи считают Андому уникальным природным музеем. Гора объявлена заказником, так что окаменелости на сувениры там подбирать не полагается. Среди камней попадались осколки совсем не доисторических костей. Я посмотрел наверх и увидел могильную оградку, нависшую над озером...

Пора было собираться в путь, чтобы засветло попасть в Вытеграу.

Крестной матерью нынешнего райцентра выступила императрица Екатерина Великая, переименовавшая деревню Вянгю в уездный городок. Имя деревушки составите-

лям высочайшего указа почему-то не глянулось, и наместник Олонецкого края Гаврила Державин получил под надзор город, название которого окрестные шутники по сей день связывают с грозной тирадой императора Петра. Рассказывают, что у задремавшего на солнышке царя непочтительная чернь утащила камзол, удостоившись за это выкрика: «Вы, тигры лютые!» Отсюда, мол, и пошло современное наименование Вытегра.

Петр I в Прионежье и впрямь бывал, обдумывая за четверть тысячелетия до Сталина свой вариант Беломоро-Балтийского канала. На память о высочайшем визите осталась часовня на месте встречи императора с подданными. Но имя города куда надежнее связать с названием реки, означающим на одном из финно-угорских наречий «озерная вода».

Для спрогнозированного императрицей светлого будущего у Вытегры были надежные заделы в прошлом: бронзовые украшения, попадающиеся археологам в древних могилах, подсказывают, что еще до основания Москвы модницы местных племен украшали свои одежды бронзовыми подвесками, сработанными в мастерских египетской Александрии. Из Вытегры в Онегу, из Онеги в Ладогу, потом по Неве в Балтику — вот тебе и варяжские земли!

Если править южнее, то по речке Ковже выплывешь в Белое озеро, а дальше или по Шексне к верховьям Волги и хоть до Персии; или по Кубенскому озеру к истокам Сухоны — там до Северной Двины рукой подать и море Белое уже неподалеку.

Перетаскивать суда посуху из реки в реку, из озера в озеро иной раз было не с руки — проще перегружать товар где-нибудь поближе к водоразделу. Так что деревуш-

ке, стоящей почти на самом перепутье, грустить без торговых гостей не приходилось. Потом затеялась Марининская система, заменившая в XIX веке прежние волоки руслами каналов. А в наше время появился на картах Волго-Балт, окончательно утвердивший Вытегру в ранге порта всех земных морей.

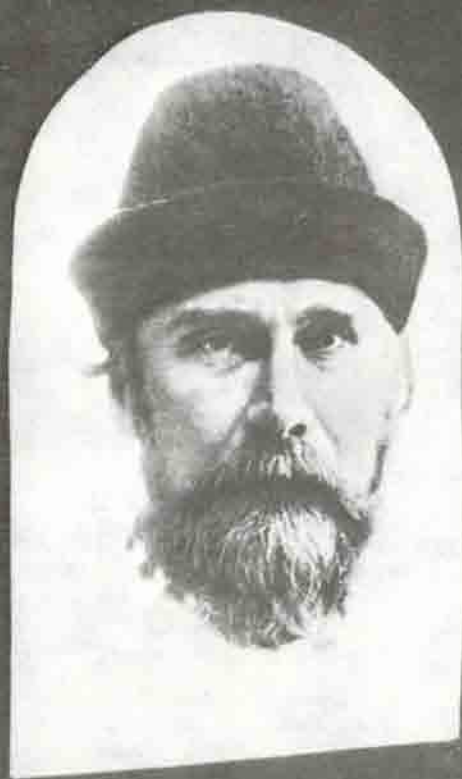
Я много раз проплывал «вологодским» отрезком Волго-Балта. Пора было бы и привыкнуть к гулким, как пещеры, камерам шлюзов, то возносящих тебя и пароходик на новый уровень высоты, то опускающих в сырую темноту гидропроеисподней. Но не мог я равнодушно взирать по сторонам, ведь тут кубокилометры изрытой и изничтоженной земли, сотни переселенных и затопленных деревень, неслучайные гектары сведенных лесов... Почву сметали струями гидромониторов, а неподъемные обломки гранита топили, вымывая из-под них рыхлую основу.

Хотя это лишь одна чаша весов. А на другой — ласковый плеск волн, ажурные силуэты туристических лайнеров и приплюснутые очертания танкеров да сухогрузов.

Года четыре назад, в самый разгар сахарного кризиса, вытегорские власти отыскивали было желанный сладкий песок в не воевавшей еще Югославии. Челябинцам или, скажем, пермякам в такой ситуации пришлось бы выколачивать вагоны, гнать их через всю страну к ближайшему порту, нанимать охрану, чтобы не «вытаял» сахар на стоянках в тупиках узловых станций. В Вытегре без проблем снарядили сухогруз за сахаром, из-за нехватки которого народ было и в лес по ягоды перестал ходить.

Это в плюсы «великих планов». Но и от минусов никуда не уйти.

В 1988 году в Онежском озере нефтеналивная баржа столкну-

Николай Клевец

18. 10. 1843 г. в с. Клевец
Вятской губернии
Умер 10. 12. 1900 г. в с. Клевец
Вятской губернии

В музее поэта Николая Клевеца, уроженца Вятской губернии.

Знак истории.

Поторгуемся?

лась с теплоходом. Вязкая пленка мазута зачернила озерные пляжи, облепила дно нерестовых прибрежий. Другая напасть: тайные сбросы неочищенных судовых вод. Новые теплоходы оснащают емкостями для сбора собственной грязи, которую в портах полагается перекачивать на специальные суда. Но старый флот — а его и сегодня куда больше, чем нового, — ничем подобным не оборудован. И механики норовят ночью избавиться от отходов прямо на фарватере. С вертолета «грехи» самого дешевого транспорта смотрятся убийственными черными кляксами. Речную и озерную живность кляксы эти губят, не разбирая возраста и породы.

Другое проклятие вечного движения из моря в море: беспросветное воровство. В рыбколхозе «Онежский» прошлогоднюю путину начинали примерно с двумястами порядками сетей. Проходящие суда пристрастились высматривать остающиеся на поверхности поплавки кухтылей и прихватывать сети вместе с рыбой. Так что ныне «тиграми лютыми» в пору называть не легендарных аборигенов, забывших царя от парадного камзола, а корабельщиков, что приплывают сюда по маршрутам, некогда намеченным Петром.

В районной администрации мне показали занятный, хотя и преизрядно пропылившийся в шкафу фолиант. Оказывается, одного Волго-Балта неуемным гидростроителям показалось мало и в предгорбачевские годы они на полном серьезе задумывали вторую нитку канала. О перегрузке магистрали речь не заходила, но инициаторы уже затевали проектные проработки второй водной дороги мимо ко всему привыкшей Вытегры.

Навигациям на втором Волго-

Балте суждено было стать круглогодичными. А чтобы не тратиться на ледокольный флот, авторы полагали воздвигнуть поблизости атомную электростанцию для постоянного подогрева воды по всему судоходному руслу. В паре с АЭС предстояло работать гидроаккумулирующей станции, мощь которой следовало направить на перекачку воды в шлюзах. Ради утилизации излишков электроэнергии авторы очередного «проекта века» рекомендовали продумать схему размещения дополнительных энергоемких производств.

— Что же они — Волгу кипятить собирались? — спросил я первого заместителя главы районной администрации, познакомившего меня с творением ленинградских гидростроителей. — Ведь до Астрахани вашего тепла не хватит.

Николай Васильевич Гольшев дипломатично улынулся и ответил: мол, инициаторы осуществления проекта технических трудностей не видели. Были бы средства и грузы. Сейчас, увы, ни того, ни другого... Прежде Волго-Балт открывался ранней весной и пропускал суда до декабрьских морозов, а теперь — в лучшем случае до ноября. (Или товаров не стало в России, или отправлять их некуда?!)

Куда там реки и озера зимой греть, когда родной город натопить непросто. Районный бюджет, полагавшийся на финансовый ручеек от доходов Волго-Балта, едва ли не как Египет на Суэцкий канал, совсем оскудел.

Мелькнула, правда, надежда немного поправить дела на продаже трофейного «хейнкеля», но обещания обернулись блефом, так что в районе ни денег, ни антикварного гидросамолета...

Трагикомическая эпопея «хейнкеля», полвека покосившегося на

дне озера Ковжа, слишком занята, чтобы не уделить ей несколько строк. Судя по легенде, бытующей в этих краях, «немец» угодил в озеро еще в сорок втором году после неудавшейся попытки тайно высадить диверсионную группу для взрыва плотины, поддерживавшей уровень воды в озере.

После ожесточенной перестрелки уцелевшие десантники оказались в плену, а изрешеченный пулями самолет потерял плавучесть и затонул. Интерес к трофейной технике пробудился несколько лет назад с легкой руки журнала «Огонек», принявшего за поиски английских, американских и немецких самолетов для последующей продажи зарубежным коллекционерам военной авиатехники. Доходы от распродажи должны были пойти на помощь ветеранам военных лет. Огоньковцы при помощи местных авиаторов и военных дорожников вытащили «хейнкель» на берег и увезли самолет на реставрацию.

Протокол, подписанный представителями редакции и существовавшим тогда еще районным Советом, предусматривал, что выручка будет поделена пополам между фирмой, взявшейся восстановить самолет в первоначальном виде, и Вытегорским районом. Две-три сотни тысяч английских фунтов, о которых предварительно шла речь, должны были приблизить Вытегру к появлению новой детской поликлиники и дома для престарелых. Пугающая воображение сумма могла в конечном итоге оказаться еще солидней. «Хейнкель-115», опознанный в ободранной до каркаса машине, выпускался недолго и малыми сериями. Эксперты не исключали, что вытегорский экземпляр вообще единственный в мире.

В дело вмешались юристы и законодатели. Райсовет провозгла-

сил самолет собственностью Вытегорского района. Областной Совет с такой трактовкой не согласился и объявил «хейнкель» принадлежащим Вологодской области. Попытка вытегорцев залатать прорехи своего бюджета за счет разгромленного агрессора, однако же, возражений не вызвала.

«Хейнкель» увезли в Москву, но вместо денег в райсовет пришло письмо с извещением, что продать самолет не удалось и вытегорцы могут ехать... в Таллинн и искать свою собственность на территории морского порта.

Тем временем Эстония обрела независимость и отгородилась границами. Так что район остался и без самолета, и без денег. Чем помочь ветеранам, тоже никто не знает, потому что таких ветеранов, как в Вытегре, во всей России больше не найти: мобилизованные, но почему-то не признанные...

— Маленькой я была тогда, худенькой, и мины меня терпели. Наступишь на противотанковую, и ничего, смолчит. Сама снимешь взрыватели и тогда только подружке отдаешь, пусть уносит, теперь не страшно. Я своим девочкам обезвреживать не доверяла. Они не обижались, помнили, как Маруся Пашкова подорвалась. Я рядом стояла, но только контузией отделалась. Меня на три метра взрывом отбросило, и ничего. А она... Одни головешки вместо Маруси.

Клавдии Николаевне Логиновой теперь за семьдесят, из всех девушек-минеров самой старшей была. Бывшая сотрудница районной газеты сейчас на покое, а писать меньше не стала. По всему бывшему Союзу разыскивает подруг, шлет властям послания, надеется, что вспомнят о них, собираются все же «признать» их за три года хождений по минным полям.

Примерно в этих же самых ме-

стах гибли когда-то героини фильма «А зори здесь тихие». Ни Логина, ни ее подруги по разминированию знаменитую ленту без слез до сих пор смотреть не могут...

В областном архиве новейшей истории мне показали папку с документами о неизвестной минной страде. Война в Прионежье шла позиционная. В сводках Совинформбюро этот участок фронта почти не упоминали. Но годы противостояния финских и наших солдат наспиговали леса и поля минами и фугасами.

Фронт ушел, а смерть осталась. Профессиональным саперам хватало дел на передовой. Мужчины воевали, вот кому-то и пришлось в голову бросить на взрывоопасные пашни девушек и подростков.

Планов большинства минных полей не сохранилось. Металлоискатели не реагировали на деревянные корпуса противопехотных взрывных ловушек.

«По мины» приходилось ходить километрами за десять. Обедали прямо на рабочем месте. Краюха ржаного, горсть клюквы или брусники, что росли под рукой, и снова «вперед и с песней».

Про песни я без иронии. Они и впрямь пели и про Катюшу, и про танкистов, и про священную войну. Пели, когда по утрам шли снимать мины (добрая половина была поставлена своими же войсками), пели, возвращаясь. Клавдия Николаевна вспоминает, что вечерами еще и на танцы в ближнюю деревню успевали бегать. Осигу Еремину и Вере Гришкиной минные поля помогли друг друга найти. Где работали, там и остались жить. Всю жизнь трудились в колхозе «Новая заря» на обезвреженных землях. Теперь внуков нянчат.

А кто-то тоже остался здесь, в этой земле — без старости, без могилы.

— От Женечки Панфиловой

лишь обрывки сарафана нашли, — говорила мне Логина, — да еще светлую косичку на березе.

Другим больше везло. Лидия Пятрашина лишилась ноги, но в госпитале нашелся добрый человек, записал в истории болезни о фронтовом ранении, так что она хоть и на протезе, но с пенсией и в почете. А Марии Кирилловой врачи попались почерствее: с похожим увечьем маялась почти сорок лет, пока не удалось справедливости добиться. Про «мелочи» вроде оторванного пальца вообще никто не вспоминал. Михаил Климов, умерший года три назад, до самой смерти хромал, но радовался, что удалось от врачей в госпитале отбиться: те хотели всю ступню отрезать. Чудом спасся от любителей ампутаций...

Через три года надобность в гражданских минерах прошла, и уцелевших отпустили по домам. Высшей наградой для выживших стал значок «Отличный минер».

Представления на ордена Москва оставила без ответа. Одно исключение все-таки было. Земляки погибшей Лидии Потаповой из города Белозерска добились Указа о награждении ее орденом «Красная звезда». Посмертно. Один случай на шестнадцать погибших и шестьдесят ныне живущих в Вытегорском районе.

Но на родине о них все же вспомнили. Губернатор Вологодской области Николай Подгорнов подписал постановление, приравнивающее «минеров поневоле» к участникам войны. Сходное постановление приняло и правительство Карелии.

А зори здесь — снова тихие.

Правда, истоки тишины не только в девственной нехоженности тайги, но и в том, что во многих дальних деревнях волки теперь появляются куда чаще людей. Даже близ Шим-озера, где совсем

Подруги.

Во дворе городского музея.

недавно обитали потомки племени, упомянутого еще в «Повести временных лет»; живет уже не двенадцать тысяч пахарей, рыбаков и умельцев на все руки, а куда меньше.

К вепсам добраться нелегко. Проходимость машины тут ничего не решает. Без знания бесчисленных лесных проселков можно проколесить сутки вдоль да поперек района, но так и не выбраться к потаенным лабиринтам озер, у которых все еще чернеют в разросшихся бурьянах покосившиеся избы заброшенных селений...

Едва различимая тропка вывела нас к древней церкви. Мой провожатый раздвинул травяные дебри, смел листву с древней могильной плиты. Некто, чье имя начисто растворили ветры и дожди, водрузил этот камень на родительской могиле в день Иоанна Предтечи 134 года назад.

— Старики в наших краях подолгу живут, — рассказывал мне президент вепской фермерской ассоциации «Кодирант» Николай Ефимов, когда мы возвращались к машине, — значит, еще до Наполеона эта семья здесь обосновалась. Мы же — вепсы, коренные жители. Посмотрите на карты — эти земли зовутся «Вепсовской возвышенностью!» Подачек ни у Вологды, ни у Москвы не клячили. Сами себя кормили и про казну не забывали.

Беды маленького народа начались с большевистской перекройки территории Севера. Былые губернии в двадцатые годы оказались раскромсаны границами новых областей. Земли вепсов поделили между Ленинградской, Вологодской областями и Карелией. А села разобрали по разным районам и сельсоветам.

В довершение всего прошла знаменитая кампания по укрупнению деревень, после чего многие

вепсы и подавно остались без отечества.

Николай Васильевич Ефимов расстался с Шим-озером еще до расселения «неперспективных» сел. Отправившись после школы в ленинградский техникум, он на среднем специальном образовании не остановился и стал со временем дипломированным инженером-ядерщиком.

Работа в «почтовых ящиках» уводила все дальше от Прионежья, и в восьмидесятые годы ветеран «Средмаша» оказался в Новосибирске. Не обиженный ни должностью, ни уважением атомщик пристрастился проводить свободное время в читальных залах, выискивая все доступные публикации о вепском народе. Идея вернуться на житье в Шимозерье рассеявшихся по Союзу земляков поначалу ему самому показалась очень уж утопичной. Да и как их собрать? Деревенский уклад позабыт и накрепко вытеснен городским. Многие сверстники Ефимова уже не рискнут без запинки объясниться на родном языке. А дети и внуки и вовсе его никогда не учили. Да и кто расщедрится в наше смутное время на финансирование благородного, но не сулящего никакой отдачи дела? Лишь строительство дороги от Шим-озера к «большой» вытегорской земле обойдется во многие миллионы рублей. А без дороги нечего и мечтать о воскрешении вепского быта на этой земле.

...Дорога в Шим-озеро уже строится. Да с таким размахом, что охотники и рыболовы, заезжающие в озерный край, прозвали ее трассой «Москва — Пекин». Деньги на строительство — спасибо губернатору — нашла областная администрация. Расчет в общем-то беспроигрышный. Обоснуются снова вепсы в родных местах, так

чего же еще желать? Не вернуться — что подделаешь. Но хорошая дорога лишней не будет.

Ефимов о пессимистических прогнозах и слышать не хочет, надеясь на скорые переселения энтузиастов. Недаром всю энергию делит между дорогой и пилюрамой, без которой вновь прибывшим не взяться за ремонт старых и строительство новых изб.

Старожилы навещают Шимозерье без подсказки, хотя зимовать мало кто остается. Верно и то, что домов, пригодных для зимовки, в округе почти не осталось, разве что у Семена Федоровича Омшева.

На омшевском доме издали видна разбрасывающая солнечные зайчики памятная доска. Восемь братьев и одна сестра, выросшие в этих стенах, постарались напомнить любому случайному путнику, что за семья счастливо жила здесь. В горнице есть и другая доска из мрамора. На ней золотом выделены имена пяти братьев, успевших повоевать в Отечественную войну. Самый удачливый стал подполковником. Другим звезд выпало поменьше, но домой вернулись все. Прежде братья непременно собирались летом в деревне, но теперь не каждому это под силу. Зато дети и внуки приезжают, правда, на зиму не остаются. А появится дорога, и кто-то, глядишь, да передумает увезжать.

Рыбалка здесь по-прежнему хороша. Земли тоже выше всякой похвалы. Пару лет назад у Омшева в деревне объявился неожиданно пришелец из столицы. Парень с рюкзаком шел куда глаза глядят, уповая на провидение и сильные ноги. Цели странника прояснились лишь на второй год. Загадочный пилигрим оказался... магом, разыскивавшим землю, не тронутую аномалиями сегодняшних дней.

Поклонник эзотерических наук первое время кормился озерной рыбой и концентратами, но потом принялся за огородничество. Потусторонние силы ли тому причиной или почвы так хороши, но в первое же лето маг вырастил пудовую тыкву и дюжину сортов диковинных капуст от кольраби до брокколи. Знали вепсы, где селиться, иначе бы не выбрали себе этот суровый, но и щедрый уголок.

На прощание я попросил растолковать название ассоциации. Ефимов пояснил, что звонкое слово можно перевести как «родной бережок». Для вепсов это понятие сродни русскому «родина», буквального эквивалента у обитателей Шимозерья прежде не имевшему. В новое издание вепско-русского словаря слово «кодирант» включено уже в этом значении. Дай Бог, чтобы снова засветились окна на родном для них шимозерском берегу.

«Газик» уже крутанул колесами по раскисшей после недавнего дождя дороге, но президент «Кодиранта» вдруг обогнал нас и властно махнул рукой.

— К «черным дырам» не забудьте подрулить! — крикнул он с травянистой бровки.

Инженер-лесостроитель Константин Смирнов, составивший мне компанию в быстrolетной поездке в «Вепсарию», согласно кивнул Ефимову сквозь стекло, и мы покатались дальше.

— Из-за Ефимова скоро совсем Дерсу Узалой стану, — хмыкнул Смирнов. — Третий раз гостей к нему провожу. Но это он верно подсказал: иначе мимо «дыр» и проскочили бы.

Первую промоину мы увидели прямо с дороги. Ничего таинственного в ней не было. Обычное, неправильных очертаний озерцо, заполненное мрачной водой. К дру-

гой «чертовой дыре», как еще именуют этот природный феномен в вытегорских краях, пришлось идти через лес.

Сумрачная вечерняя влага переполняла берега. Не верилось, что двухсотметровое это жерло способно в несколько минут сглотнуть всю воду вместе с лягушками и рыбой, а через месяц или год стремительно наполниться вновь.

— Пустая она пострашнее, — сказал Смирнов. — Дно крутое, а посредине что-то наподобие воронки с песком. Народ по ним ходить боится. Считают, что можно провалиться и прощай...

«Кочующих» озер в Вытегорском районе и впрямь немало. Местные жители убеждены, что все они связаны между собой и с расположенным в нескольких десятках километров отсюда Онежским озером. В пору падения уровня воды Онега якобы высасывает «дочерние озера», а со временем возвращает одолженное, затопляя берега, как это и произошло ушедшей осенью. Тогда мужикам в селе Унд-озеро приходилось сети прямо среди деревьев ставить, так высока была вода.

У директора Вытегорского лесхоза Николая Добрякова сохранились четвертьвековой давности фотографии, снятые на сухом дне разлившегося ныне водоема. Безводье тянулось здесь так долго, что прибрежные жители успели занять дно под огороды, настроить там сараев и знаменитых северных банек. Говорят, что вода вернулась вместе с рыбой, как и ушла, только вот лежи где-то в подземных закоулках потерялись, а щуки с окунями и прочей мелкотой снова плещутся, будто и не было сухой напасти.

Популярное местное поверье гласит, что кому-то из рыбаков попался налим с меткой ихтиологов на плавнике. К несчастью для нау-

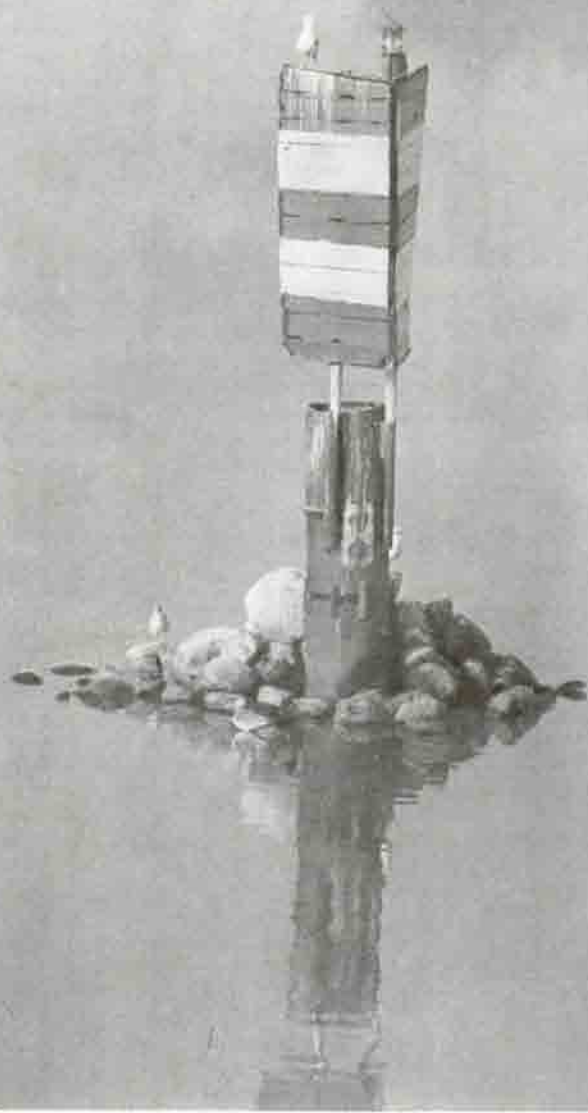
ки, удачливый добытчик счел метку золотой, а разобравшись в ошибке, с досады выбросил обманчивый кусочек металла. Говорят даже, что жив-здоров до сих пор мужик, что по пьяному делу ухнул в уходящее озерцо и объявился через пару дней в соседнем селе мокрым, простуженным и совершенно трезвым. Истинность услышанного я оценивать не берусь, припомню лишь фразу из записок знаменитого фольклориста Александра Гильфердинга, странствовавшего по берегам Онежского озера более ста лет назад.

Восторженный собиратель русских былин не раз задумывался над причинами, благодаря которым здесь сохранились исчезнувшие в других краях остатки народной эпической поэзии. Размышления петербургского профессора отчеканились в слова, обобщившие впечатления от онежских далей. «Эти причины — свобода и глушь», — писал Гильфердинг.

Геологи, к которым я обращался с просьбой пояснить загадки прионежских озер, с трудами Гильфердинга не знакомились, но вполне согласны, что большинство легенд должны бы заинтересовать не землеведов, а филологов... С тем же, что вода из озера уходит и возвращается, спорить не приходится: известняковые толщи в этих краях истощены карстовыми полостями, так что сомневаться в существовании подземных «сообщающихся сосудов» нет смысла. Но говорить всерьез о мгновенном уходе воды и столь же экстренном ее возвращении, как и о подземных путешествиях людей и рыб, очень уж рискованно.

Другое дело, что в народной памяти события нескольких дней могут со временем спрессоваться до считанных часов или даже минут.

Утро.

Необычные природные явления всегда порождают множество легенд. Этим они и сладки как для фольклориста, так и для путешественника.

Иду утром к райотделу милиции, где накануне оставил машину, спасаясь от прямых потомков «тигров лютых», как рядом тормозит «КамАЗ» с петербургским номером. Негр в кепке-бейсболке кричит из-за баранки на чистейшем русском языке: «Шеф, где здесь барахолка?»

Я подсказал заезжему коммерсанту дорогу к торговым рядам и зашагал дальше, торопясь успеть пораньше в поселок Белый Ручей, где вроде бы приловчились так рубить лес, что щепки при этом совсем не летят.

К одной белоручейской загадке прилагается другая. Иной раз сам лес остается на месте, а вальщики в ярких комбинезонах выбирают лишь отдельные деревья, мешающие корабельной роще тянуться ввысь. На языке профессионалов такая работа именуется то рубками ухода, то санитарными рубками. Разницу между ними всегда сближало одно скучное обстоятельство: заметного влияния на прибыльность и рентабельность ни те, ни другие не оказывали.

Но в Белом Ручье (слово «ручей» здесь произносят по-вытегорски: с ударением на первом слоге) все наоборот. Доходы, валюта, новейшее оборудование, неплохая и в срок выдаваемая зарплата — все благодаря тем самым «нерентабельным» рубкам.

Коммерческий директор фирмы «Онега-форест» Александр Жмакин рассказал мне, что таких вот рубок ухода он со студенческих лет просто-напросто стыдился. Страдания юного лесовода ничего не решали и ни на что повлиять не могли. Сорный подлесок, мелкие

березки и осинки сгорали в кострах, гнили на делянках. Пустить в дело перестоявшие деревья, не трогая соседних, которым еще расти и расти, было не легче. Могучие гусеничные трактора продирались сквозь подлежащие облагораживанию массивы наподобие неразумных динозавров, калеча и ломая все на своем пути.

Деваться, впрочем, было некогда. Круговорот плана, вала, нормы и других показателей заставлял заниматься делом вроде бы и благородным, но по ходу исполнения превращавшимся в полную противоположность. И это при том, что в недалеких от Прионежья Швеции и Финляндии подобные рубки стали едва ли не национальной технологической достопримечательностью.

Но вот инициатива перестала быть наказуемой, и директор Белоручейского леспромхоза Валентин Лысанов предложил попробовать взяться за лесной уход как подобает. За решимостью дело не стало, но, кроме отваги, нужны были еще деньги и техника, а откуда им взяться, если счет леспромхоза во «Внешторге», замороженный еще при «Тимурыче и его команде», так и остается недоступным?

Искали партнеров. Был, конечно, риск наткнуться на авантюриста, у которого за душой ничего, кроме нахрапистости и визитки с клеймом липовой фирмы. Но чудо свершилось: скандинавы действительно заинтересовались предприятием, способным поставлять несортную, по нашим понятиям, древесину, из которой в Европе давно научились изготавливать отличную бумагу.

В Хельсинки и Стокгольме умели читать географические карты и сразу подметили, что угодыя леспромхоза располагаются возле Волго-Балта: стало быть, с достав-

кой древесины проблем не предвидится. Потом приехали в Вытегру представители скандинавской фирмы, и пошли переговоры, увенчавшиеся в конце концов созданием предприятия «Онега-форест»...

Наш со Жмакиным разговор прервался свистом вертолетных турбин.

Погода стояла дождливая, но президент скандинавской фирмы «Томесто» барон Эрик фон Эренхейм все же прорвался сквозь мсьорь на арендованном в Петербурге вертолете для участия в регулярном заседании правления.

Пока директора рассаживались вокруг стола, господин барон любезно отвлекся от дел ради краткой беседы со мной. Никаких нареканий в адрес партнеров барон из Швеции не имел. Дела идут многообещающе, чему шведский гость и рад.

— Вы не берегли свои леса, — сказал мне фон Эренхейм, — поэтому у вас много малоценных деревьев. Наша деятельность поможет облагородить тайгу и принести прибыль. Мы рассчитываем на расширение дела...

Конспект беседы я набрасывал на листке бумаги, предложенном Жмакиным. Бумага изготовлена в Швеции из здешней осины.

Изящная белизна, достойна и поэтической строки, и весомости официального документа. Шведское ее производство на состояние российской окружающей среды не влияет. А лес, особенно мелкий, сорный, по давним вырубкам все растет и растет.

Господин барон не зря хвалил лесорубов. Леонид Шинкарчук, к примеру говоря, прежде был учителем. Зигзаги нынешней экономики заставили его подумать о семье и хлебе насущном. Взявшись за бензопилу, Шинкарчук вскоре превратился в наставника, которо-

го настойчиво зазывают для показательных занятий во все лесные края европейской России. Говорят, что у него не валка леса, а балет! А Шинкарчук еще и дилером стал от шведской фирмы, предлагающей всем желающим любое снаряжение для лесных да полевых работ. Товар, правда, недешевый, но деньги в «Онега-форест» заработать можно. Здешние лесорубы даже выпивать в рабочее время перестали: вакансии в фирме редки и ценятся они, так сказать, по золотому курсу. Так что любители расслабиться предпочитают потерпеть до пятницы...

Ужели и впрямь не все на Руси так плохо?!

МИХАИЛ ПОГОДИН

ВРАТА ТРАИ

РИСУНОК
ГЕННАДИЯ
НОВОЖИЛОВА

о кончине царя Федора Алексеевича — 27 апреля 1682 года — избран был на престол общим согласием всех чинов Московского государства меньшей его брат Петр, десяти лет, рожденный от второй супруги царя Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны Нарышкиной; избран был мимо старшего брата Ивана, четырнадцати лет, рожденного от первой его супруги, из рода Милославских.

Избрание это было устроено приближенными Федора, которые в конце его царствования сблизились по своим расчетам с Нарышкиными, в противодействие Милославским. Они же исходатайствовали у покойного царя и возвращение боярина Артемона Сергеевича Матвеева, друга и главной подпоры Нарышкиных.

Милославским, и во главе их царевне Софье Алексеевне, способнейшей из шести сестер, избрание Петра, наследника из ненавистного рода, было, разумеется, противно, но, не имея власти в руках, они на первых порах не могли этому помешать. Впрочем, они бездействовали только внешне, оставаясь как бы в стороне, но подземная работа продолжалась неусыпно и даже обнаруживалась при случаях.

Чуяли ее и Петровы приверженцы. Так, многие из них явились на избрание в панцирях под кафтанами. Однако на площади послышался только один голос из рядового дворянства — Максима Санбулова — за царевича Ивана, которого-де, как старшего, обходить не следует; да еще в одном стрелецком полку стрельцы отказались присягать, но, убежденные присланными боярами с дьяконом, поцеловали крест.

Артемону Матвееву в тот же день было возвращено боярство и отряжен почетный чиновник, стольник Алмазов, пригласить его немедленно в Москву: новое правительство надеялось найти в нем опытного руководителя и надежную подпору. Все сосланные Нарышкины были возвращены, братья царицы и многие родственники осыпаны наградами и милостями.

29 апреля совершено было торжественное погребение почившего государя. В Успенском соборе, кроме вдовствующих цариц Прасковьи Матвеевны и Натальи Кирилловны с сыном, вновь избранным царем Петром Алексеевичем, явилась на выносе и в церкви царевна Софья Алексеевна. Неожиданное ее появление вопреки исконному придворному чину сочтено было оскорблением вдовствующих цариц, и Наталья Кирилловна вместе с сыном, поклонившись гробу, удалилась до обедни и отпевания. Царевна же Софья Алексеевна осталась одна до конца священнослужения.

Такое столкновение при не остывшем еще прахе покойного царя не обещало спокойствия среди царского семейства; чувствовалось, что замышляется что-то недоброе.

Рассказывают, что, провожая тело, царевна Софья плакалась и на весь народ прилюдно причитала:

— Извели нашего любезного братца злые люди, остались мы сиротами, нет у нас ни батюшки, ни матушки, никакого заступника. Братца нашего Ивана Алексеевича на царство не выбрали. Сжальтесь, православные, над нами, сиротами. Если в чем

мы провинились перед вами, отпустите нас живых в чужие земли к королям христианским!..

В Архангельском соборе начались шестинедельные заупокойные обедни с панихидами; служили митрополиты и епископы, бывшие в Москве. У гроба сидели ежедневно бояре и стольники по установленной чередѣ; тихим голосом читали безостановочно Псалтырь с молитвами об упокоении души усопшего царя. А на Верху — в царских палатах — около царицы Натальи Кирилловны с Нарышкиными, в тереме у царских дочерей с Милославскими, в слободах стрелецких происходили явления другого рода: ковались ковы, замышлялись убийства, волновались страсти.

На Верху, в царских палатах, было искреннее ликование: родственные и ближние люди осыпались всякий день наградами и милостями; из посторонних же — никто; это подавало повод к ропоту. Внимание, впрочем, сосредотачивалось на Матвееве; его ждали с часу на час в твердой надежде, что он устроит все дела, удовлетворит недовольных и утвердит правительство.

В тереме же, напротив, оканчивались тайне приготовления к наступательным действиям: боярин Иван Михайлович Милославский нашел себе помощников — родственника Александра Ивановича Милославского, человека «злодейственного и самого грубияна», двух племянников, Ивана и Петра Андреевичей Толстых, «в уме зело острых и великого пронырства и мрачного зла исполненных», как описывает их молодой Матвеев, оставивший записки о происшествиях того времени. Из стрелецких начальников привлечены были подполковник Иван Елисеевич Цыклер, «кормовой иноземец», и Иван Озеров, из низшего новгородского дворянства. Между рядовыми стрельцами выбран десяток поверенных. Посредницей служила украинская казачка Федора Семенова, которая переносила вести от царевны Софьи к Ивану Милославскому, от того — в стрелецкие слободы, из слобод — к Софье.

Сам Милославский притворился больным, не выезжал из дома, никого не принимал, кроме избранных сообщников, которые приходили к нему ночью, доносили о том, что происходит в полках, и получали от него приказания и распоряжения, что делать дальше.

В стрелецких слободах поверенные бегали по полкам, распускали тревожные слухи, грозили новыми несправедливостями, предсказывали перемену к худшему, подготавливали исподволь восстание, нашептывали, что бояре помощью немецких докторов извели покойного царя Федора, выбрали несправедливо малолетнего брата, обойдя старшего, чтобы управлять под его именем. Стрельцам же внушалось, что их ждут казни, а потому теперь самое время проявить силу, покуда не приехал в Москву Матвеев, «всему злу корень и первоначальник».

Волнение между стрельцами нарастало. Находились, впрочем, честные и верные сотники и пятидесятники в иных полках, которые уговаривали стрельцов не бунтовать; но их начали хватать, втаскивали на каланчи при съезжих избах и, держа за ноги и за руки, раскачивали и сбрасывали на землю, крича при этом народу: «Любо ли? Любо ли?» Начальство не ставилось ни во

что, надругательствам над полковниками не было конца; безнаказанность усиливала дерзость.

30 апреля стрельцы подают челобитные на своих полковников, обвиняя их в насильствах, налогах и всяких разорениях, и требуют немедленного удовлетворения. Иначе грозились сами сыскать себе суд, перебить своих притеснителей, а на их домах и имуществах выместить все свои убытки.

Неопытное правительство совершенно потерялось при таких угрозах, каковых никогда доселе не случалось. Сторонники Милославских молчали, как будто дела эти до них не касались, или, преувеличивая опасность, прибавляли страха. А Матвеев был еще далеко.

Покуда патриарху велено было рассмотреть и обсудить челобитные, допросить полковников, а к стрельцам послан был дык посольского приказа Ларион Иванов уговаривать и успокаивать обещаниями, что дело их решено будет по справедливости. Они же потребовали, чтобы полковники были им выданы головою. До крайности, однако, дело не дошло, и 1 мая полковников велено было от приказов отставить и рассажать по тюрьмам, вотчины у них отобрать и все стрелецкие убытки взыскать. Начались переговоры о мере наказания полковников.

2 мая биты кнутом Семен Грибоедов и Александр Карандеев, а остальные двенадцать — батогами. Перед исполнением экзекуции каждому исчислялись его вины. Стоявшие кругом стрельцы распоряжались и кричали, кому «больше», «больнее», «еще», кому «довольно!».

88 Тогда же многим приверженцам Нарышкиных, людям особо именитым, велено было, чтобы они «при выходах царских не присутствовали и очей его государевых не видали». Разумеется, так потребовали стрельцы, которым этих людей могли указать только Милославские, их враги; самим же стрельцам от них не было ни тепло ни холодно. Хитрый Милославский делал как будто опыт, чтобы узнать, до какой степени будет доходить уступчивость правительства.

4 мая стрельцы подали новую челобитную на полковников, взыскивая с них свои убытки, и 5-го числа полковники были поставлены на правёж.

Целых восемь дней продолжалась расправа с несчастными, пока они не расплатились за все предъявленные с них прѣтори и убытки и разъехались по оставшимся убежищам залечивать свои раны и забывать свой позор.

Так исполнены были все требования и желанья стрельцов, справедливые и несправедливые; казалось, они должны были считать себя вполне довольными, и жаловаться им оставалось не на что и не на кого. Правительство полагало, что, удовлетворив сполна требованиям стрельцов, оно может оставаться спокойным, но, молодое и неумелое, оно продолжало делать ошибки.

Так, на седьмой день нового царствования пожалован был боярином и оружничим брат царицы Натальи Кирилловны Иван Нарышкин; родственники их и сторонники — Стрешнев, Троекуров, Лыков, Долгорукие — получили разные награды и милости.

Так прошли первые две недели по наречении на царство

малолетнего Петра. Но награды приверженцам Нарышкиных, им самим и особенно необыкновенное возвышение — без всяких заслуг — Ивана Кирилловича, молодого человека 23 лет, возбудили ропот даже между боярами. Заговорщики же умело пользовались ошибками правительства, всячески возбуждая ненависть стрельцов через своих поверенных: «Видите, как лезут Нарышкины в гору? Им теперь все ничем. Иван Нарышкин наделал уже на себя царский венец и хвадился, что он к нему пристанет лучше всех; когда царевна Софья Алексеевна начала выговаривать ему за это, то он оттолкнул ее. Нарышкины хотят извести весь царский род. Захватив в руки власть, они разделяются с вами и отплатят вам с лихвою за все теперешние ваши успехи, припомнят все до последней строки, наведут на вас дворовых людей, а их ведь больше, чем вас в Москве. Берегитесь, стрельцы!»

Наветы оказали свое действие: стрельцы увидели в Нарышкиных собственных врагов и злодеев отечества.

Наконец все было готово, заговорщики ожидали только Матвеева, чтобы порешить за один раз с ним и обеспечить свой успех окончательно; некоторые, однако ж, боялись смуты. Семь стрелцов бежали предупредить Матвеева на дороге, что ему в Москве не слобровать, но он решился разделить участь с своими, спасти их во что бы то ни стало или погибнуть вместе.

Ожидаемый таким образом обеими сторонами, друзьями и недругами, он прибыл наконец в Троицкую лавру. Отдохнув и получив благословение архимандрита, Матвеев продолжал свой путь. В Братовщине ожидала его придворная карета.

В четверг вечером, 11 мая, прибыл наконец старик после шестилетних страданий, в голоде, холоде и всякой нужде*, в свое родимое гнездо, любимый дом, теперь для него исправленный и восстановленный, у Николы в Столпах, в нынешнем Армянском переулке. Распущенные холопы воротились к доброму своему помещику.

На другой день, 12 мая, увиделся он со своею воспитанницею Натальей Кирилловной, обнял и дитя ее, десятилетнего Петра, нареченного царя. Царское семейство, члены молодого правительства, все приверженцы нового царствования возрадовались в полной уверенности, что теперь все устроится, уладится, успокоится, а все затруднения преодолееет разумный и опытный Артемон Сергеевич. И никто не помышлял, что для подготовленного взрыва недоставало только искры, которая с ним-то и являлась.

В продолжение трех дней с утра до вечера у возвращенного заточенника перебивал весь город с поклонами, начиная со стрельцов, которые принесли ему свою хлеб-соль, «сладкого меда

* Дядя и воспитатель Натальи Кирилловны Нарышкиной, второй жены царя Алексея Михайловича, А. С. Матвеев по смерти последнего был, происками Милославских, обвинен в государственных злоупотреблениях и выслан воеводою в Верхотурье, затем, обвиненный в чернокнижии, сослан в Пустозерск, позже в Мезень. Ссылка Матвеева и по тем временам была тяжкой и жестокой. (Примеч. ред.)

на остром ноже»; бояре, купцы, служилые люди спешили к нему поздравить с благополучным прибытием и пожелать всякого благополучия. Гостинцев и припасов навезено было столько, что в погребах, закромах и кладовых недоставало места.

Один только Иван Михайлович Милославский лежал в горячих отрубях, обложенный кирпичами, и не приезжал к нему засвидетельствовать свое почтение.

Матвеев же всех к нему приходивших принимал радушно, всех обласкивал, всякому говорил приветное слово; никто не уходил от него недовольным.

Эти три дня были днями полного торжества для Матвеева. В Москве все выглядело спокойно; ходили, правда, слухи о волнениях между стрельцами, но никак нельзя было угадать, чего еще им хочется, под каким предлогом могут они подняться и какой изберут образ действий. Глубокою тайной облечен был заговор, не имевший ничего подобного в прежние времена.

Матвеев не принимал никаких мер, потому ли, что не видел признаков близкой тревоги, потому ли, что был обольщен знаками всеобщего усердия и доверия, или потому, что хотел прежде отдохнуть, собраться с духом и оглядеться; он не подозревал, что бунт готов и что составлен был список жертв, обреченных на смерть, во главе которого стояло его имя.

А 15 мая с раннего утра стрельцы, вооруженные с ног до головы копьями, бердышами, ружьями, начали собираться у своих церквей одновременно во всех противоположных частях города: за Москвою-рекой, у Серпуховских ворот, пред Мещанскими слободами. Они как будто ожидали условленного знака. И вот в девятом часу дня посланцы Милославских скачут на лошадях и кричат:

— Царевича Ивана задушили Нарышкины! Нарышкины хотят извести весь царский дом! К оружию! В Кремль! Казнить изменников! Спасайте царя!..

С этими криками они проскакали по всем улицам. Произошло общее смятение. Ударили в набат, забили тревогу в барабаны, зазвонили в колокола; привезено было несколько полковых пушек. Изготовясь словно по невидимой команде, стрельцы со всех сторон бросились с распущенными знаменами в Кремль, как на неприятеля. Полковников заставили ехать впереди и вести себя.

Встречные недоумевали, видя их буйное движение, с шумом, гамом и дикими воплями, и спрашивали, дрожа от страха:

— Что такое? Что случилось?

— Идем выводить изменников и губителей царского рода! — кричали стрельцы и скакали по улицам дальше.

Большинство верило от души, что царскому роду угрожает опасность, что Нарышкины с приверженцами хотят захватить власть в свои руки и стрельцы должны спешить в Кремль спасать отечество и казнить изменников, ненавистных бояр. Поверенные, посвященные в тайны заговора, старались поддерживать народ в этих мыслях и дорогою раздували пламя выдумками, одна другой нелепее.

Бояре сидели спокойно в приказах, не подозревая, что делается в городе и какая громовая туча несется в Кремль. Кончив

дела около полудня, они собрались уже разъезжаться по дворам к обеду. Артемон Сергеевич Матвеев сходит с постельного крыльца по лестнице и видит, как ему навстречу спешит снизу князь Федор Урусов. Когда они сблизились, тот закричал, едва переводя дыхание:

— Стрельцы взбунтовались... все полки... в полном вооружении идут с барабанным боем в Кремль! Они уже в Белом городе!..

Матвеев оборачивается назад и вместе с Урусовым спешит к царице Наталье Кирилловне.

На Верху произошло общее замешательство. Никакой защиты в Кремле не было, и обороняться нечем. Велят запереть все кремлевские ворота, посылают за патриархом, чтобы он пришел к царю и царице немедленно. Намерения стрельцов неизвестны, но, судя по наружности (длинные древки у копий стрельцы обрубали, чтобы удобнее было управляться ими), должно ожидать худого.

Караульный офицер прибегает с донесением, что ворот запереть не успели, стрельцы ворвались и рассыпались по Кремлю. Все боярские колымаги согнаны на Ивановскую площадь, на иных убиты возчики или переранены, у других зарублены лошади. Никому нельзя уже было выехать из Кремля, никому не приехать в Кремль.

Перебуганные бояре собираются все в Грановитую палату. Стрельцы окружают ее и останавливаются перед Красным крыльцом. Шум и гам, крики и вопли; едва можно разобрать слова: «Где царевич Иоани? Подайте нам Нарышкиных! Матвеева сюда! Смерть изменникам!»

На общем совете в Грановитой палате решено выслать к стрельцам бояр, которые спросили бы их честью, чего им надобно. Бояре — князь Черкасский, Хованский, Голицын, Шереметев — выходят к стрельцам и спрашивают о причине такого буйного появления.

— Хотим казнить изменников! — кричат стрельцы. — Они погубили царевича, замышляют извести царский род!.. Дайте нам Нарышкиных, Матвеева, Долгорукого, Языкова, Ромодановского!..

Когда высланные бояре принесли этот ответ, то царицын отец и Матвеев подали совет, чтобы царице Наталье Кирилловне выйти на Красное крыльцо и показать стрельцам царя и царевича.

Царяца, трепещущая от страха, взяв за руки сына и пасынка, в сопровождении патриарха, бояр и прочих сановников выходит на Красное крыльцо.

— Вот царь Петр Алексеевич, вот царевич Иоани Алексеевич! — провозглашают громко бояре, припешшие с царицей, и указывают на них стрельцам. — Милостью Божией они здравствуют! Изменников в царском доме нет! Успокойтесь! Вас обманули!

Стрельцы подставляют лестницы, взлезают на площадку, где им напоказ стоит царское семейство.

Они видят Петра.

Петр видит стрельцов лицом к лицу.

Если бы могли стрельцы предчувствовать, какую лютую казнь готовят себе от руки этого безмолвного теперь ребенка, у них, верно, опустились бы руки мгновенно и они бы остолбенели. Но нет, будущее закрыто...

Подступая к царевичу Иоанну, стрельцы спрашивают: «Ты ли царевич Иоанн Алексеевич?» «Я», — тихо отвечает слабый и почти обеспамятевший юноша. «Ты ли?» — повторяют вопрос другие. «Я, я!» — чуть не плача отвечает царевич.

(Русские послы рассказывали после в Голландии, что ребенок Петр во все это время несколько не изменился в лице, не показал страха.)

Патриарх хочет сойти вниз с крыльца для увещания, но снизу раздается крик. «Не надо нам советов! Мы сами знаем, что делать!» — кричат стрельцы, и многие бросаются мимо патриарха на крыльцо.

Царица, видя их «неуклонную дерзость и злое устремление», удаляется с сыном и царевичем во внутренние покои. Матвеев, некогда любимый начальник стрельцов, которые привозили ему надгробные камни с отеческих могил на постройку нового дома, решается сойти к ним вниз за решетку. Ласковым голосом старается он образумить их и усостыжить, напоминает им прежнюю верную службу, особенно во время Коломенского мятежа, которую они теперь помрачают; Матвеев объясняет им, что волнуются они напрасно, веря ложным слухам, и попустому тревожат царское семейство, совершенно спокойное и безопасное, как видели и удостоверились они сами своими глазами.

Матвеев советует им повиниться и обещает выпросить прощение у государя. Толковая, ласковая речь подействовала. Передние стрельцы приутихли. Видно было, что на них находило раздумье. В середине послышались толки, споры, переговоры; как будто водворилось лучшее настроение. Стало тише. Матвеев поспешил на Верх успокоить царицу. Но коноводы, заметив опасный для них оборот дела, которое могло кончиться ничем, дают знак своим поверенным, чтобы те бежали с другой стороны на Верх управиться с Матвеевым. А между тем с Верху выходит князь Михаил Долгорукий, второй начальник стрелецкого приказа, и, полагая со слов Матвеева, что стрельцы смирились, обращается к ним с грубостью победителя:

— Ступайте по домам, здесь вам делать нечего, полно буйнить! Все дело разберется без вас!

Этими безвременными угрозами испорчено было и сведено на нет хорошее впечатление, произведенное речью Матвеева во многих стрельцах, готовых образумиться, а зачинщики сумели воспользоваться неудовольствием.

— Вот слышите ли, — подхватили они, — что уже говорит он? Бояре все такие, надеяться на них нечего, они нас доконают! Надо разделаться с ним, братцы! — И более дерзкие, пьяные, вскочили на крыльцо, другие взбежали за ними, схватили Долгорукого за туловище (он был очень тучен), сбросили с крыльца на площадь, восклицая: «Любо ли?» — а оставшиеся внизу стрельцы

приняли его на копыя, отвечая: «Любо, любо!» — и изрубили бердышами.

«Любо, любо!» — раздавалось в толпе. Это первое убийство послужило как бы знаком к началу кровопролития.

Убийцы, уклоняя копыя, бросились в покои, куда с другой стороны набегали уже товарищи, посланные прежде зачинщиками расправиться с Матвеевым. Он стоял в сенях перед Грановитой палатой при царице и ее сыне. Стрельцы кинулись на него. Царица хотела заслонить Матвеева собою, но напрасно: они схватили старика. Князь Черкасский начал отнимать у них Матвеева. Завязалась борьба. Кафтан на Черкасском был весь изодран. Наконец вырвали они Матвеева, несмотря на крики царицы, потащили на Красное крыльцо и с криками радости бросили на площадь против Благовещенского собора. Товарищи, стоявшие внизу, приняли Матвеева на копыя и изрубили на части.

Покончив с Матвеевым и Долгоруким, как бы не чувствуя уже никакой узды, разгорячаясь час от часу, стрельцы рассыпались по царским покоям искать изменников.

Бояре попрыгали куда кто мог; патриарх едва добрался до Успенского собора. Царица Наталья Кирилловна с сыном скрылась в Грановитой палате.

Что чувствовал этот пылкий, восприимчивый мальчик, видя перед собою любимую мать дрожащей от страха, со слезами умоляющую свирепых убийц пощадить ее друга и благодетеля, убеленного сединами старца, видя перед собою общее смятение, слыша дикие вопли стрельцов, предававшихся перед его глазами всяким неистовствам! Он понимал, что мать, все родные и близкие к нему люди боятся за его жизнь, как за свою собственную, ибо никто из них не мог предвидеть, чем кончится эта кровавая драма. Какие мысли пробегали у него в голове, какими чувствами волновалось его сердце?

А что впечатление было сильно, тому служит доказательством вся его жизнь: голова у него тряслась после при всяком особенном раздражении и судорогами подергивались его плечи. Образ буйных стрельцов, подновленный впоследствии, запал глубоко ему в душу, и он даже после страшных казней над ними никогда не мог имени их слышать равнодушно...

Стрельцы бегали по всем внутренним комнатам, заглядывали в чуланы, лазили под кровати, не оставили и придворных церквей без осмотра, проникали в алтари, искали под престолом, под жертвенниками. В мастерских сенях увидели они издали шедшего в церковь стольника Федора Салтыкова. Кто-то закричал: «Вон идет Иван Нарышкин!» Стрельцы кинулись на него, а тот несчастный так испугался, что не мог произнести ни одного слова, не мог даже назвать себя по имени. Они убили его и сбросили тело вниз. Там узнали, что это не Нарышкин, послали тело к старому Салтыкову с извинениями, что сын его убит по ошибке. «Воля Божья», — только и промолвил старик.

В церкви Воскресения-на-Сенях встретили стрельцы придворного карлу, по прозванию Хомяка. «Говори, где спрятались Нарышкины, царицены братья!» Он указал им молча на престол

в алтаре, и они вытащили оттуда Афанасия Нарышкина, проволкли за волосы до паперти, там зарубили и сбросили.

Меньшие его братья с отцом, прочими родственниками и сын Матвеева, описавший это страшное происшествие, укрылись в покоях младшей царевны Натальи Алексеевны.

На крыльце между Грановитой палатой и Благовещенским собором убиты стольник Иванов, думный дьяк Ларионов, который был посылаем прежде их уговаривать, сын его Василий, подполковники Горюшкин и Юренев.

Между патриаршим двором и Чудовым монастырем, против Посольского приказа, поймали стрельцы боярина князя Григория Ромодановского, схватили его за бороду и потащили к разряду. Там подняли вверх на копьях и, опустив на землю, изрубили за то, что в походе под Чигирином он был к ним строг.

Мертвые тела с вонзенными в них копьями стрельцы волочили за ноги в Спасские ворота, на Красную площадь и кричали: «Се боярин Артемон Сергеевич Матвеев едет, се боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский, се думный дьяк едет — давайте дорогу!» Притащив трупы к Лобному месту, рубили их бердышами на куски с костями и приговаривали: «Любили величаться, вот вам и награждение!»

А стоявший вокруг народ должен был выражать свое удовольствие. Молчавших били, называя изменниками.

Кого из бояр, поименованных в данном им списке, стрельцы не нашли в царских палатах в Кремле, тех пошлИ искать по дворам в городе.

Петр Фомич Нарышкин застигнут был врасплох в доме у себя за Москвою-рекой и предан мучительной смерти.

Особенно тщательно искали стрельцы доктора Данилу фон-Гадена, который отравил будто покойного царя Федора. Жил он около Поганого пруда, близ Покровки. Они кинулись туда и взяли его жену беременную; также отыскали дом его товарища доктора Ивана Гутменша; не найдя никого, оставили в покое, но позднее пришла другая ватага, а тот несчастный со страху ушел от них на чердак и там спрятался. Стрельцы эти нашли его, заподозрили и отвели в Кремль, вместе с женою Даниила, пригрозив, что будут держать их до тех пор, пока найдется Данило, а коли не найдется, то они будут казнены вместо него.

Желая привлечь к себе крепостных людей, чтобы те не поднялись со своими господами и не помешали хозяйничать в городе, отряды стрельцов отправились в Судный и Холопий приказы, разломали там сундуки с бумагами, передрали крепостные книги и повыкидывали в окна. «Мы сами уставим правду!» — кричали они, ходя потом по улицам, забегая в боярские дворы, объявляя всюду, что все кабалы уничтожены.

К вечеру наконец стрельцы утомились, проведя целый день на ногах, в беспрестанных поисках и тревогах. Они расставили в Кремле у всех ворот крепкие караулы со строгим запретом никого не впускать туда, не выпускать оттуда и отправились домой в свои слободы с криками: «До завтра!»

Караулы поставлены были также в Китае и Белом городе. Рассыпавшись по улицам на возвратном пути, стрельцы заходи-

ли в дома и требовали угощения. Никто не смел ни в чем им перечить или отказывать; пьяные и разгоряченные, они кололи людей и лошадей и на всех нагоняли ужас.

Мертвая тишина воцарилась в Кремле после шума, гама, грома, раздававшихся там в продолжение всего дня. Лишь только караульные сторожа перекликались между собою да часы на Спасских воротах глухим и протяжным своим звоном оглашали уснувшую тревожно окрестность.

Царские палаты остались в тесной осаде.

Страшную ночь провели там пленники, и едва ли кто из них мог вскоре сомкнуть глаза. Увидя себя одних, они образумились, обрели язык. Воспоминания о прошедшем дне переходили из уст в уста со всеми ужасными, леденящими душу подробностями.

Вопросы следовали один за другим. Отчего, зачем, как поднялись стрельцы и что было на площади, что было на Лобном месте, в городе? Что случилось с родными, присными людьми? Кто и как погиб, кто спасся? Отец царицын, старший брат и меньшие братья успели, кажется, спрятаться: об их смерти ничего не слышно, но уцелеют ли они завтра? Неизвестность и страх мучили всех. Верных сведений получить было невозможно. Страшно было и спрашивать, и отвечать, чтобы не подать повода кому-нибудь к открытию, чтобы не подвергнуть лишним опасностям близких людей. Что будет завтра? Какие еще потребуются жертвы?

Усталость взяла наконец свое. Несчастные уснули. Петр часто вздрагивал в объятиях матери. Какие сны им снились при воспоминании о прошедших и в ожидании будущих испытаний?..

Когда рассвело, пленники проснулись для новых страстей. Стрельцы явились чуть свет, опять в полном вооружении, с барабанным боем, и, пришед к золотой решетке у самых парских покоев, с криком начали требовать Ивана Нарышкина, думного дьяка Аверкия Кириллова, докторов Степана Жида да Яна.

Кириллов был выдан им, также выдан и доктор Ян (Иван Гутменш). Царевны выходили уговаривать их и упрашивать, но напрасно: они твердили свое. Только беременную жену доктора Данилы, приведенную накануне, удалось спасти. Прочие были убиты.

Потом стрельцы побежали на патриарший двор; приступали не только к служителям, но и к самому патриарху, грозя копыями и бердышами, чтобы он выдал изменников, у него схоронившихся; обыскали погреба и подмостья, ошарили сундуки и постели и, не найдя ничего, пришли опять к нему и требовали непременно выдачи. Патриарх, облаченный в омофор, отвечал, что в доме у него никаких изменников нет, а сам он умереть готов.

Одна толпа бунтовщиков отправилась еще прежде к датскому резиденту, услышав от кого-то, что доктор с сыном у него укрываются. «На рассвете 16 мая, — рассказывает он сам, — стрельцы явились в мой дом с окольным Хлоповым и требовали выдачи. Я отвечал, что у меня нет никого, напоминал им о своем звании. Не слушая ничего, они принялись обыскивать дом и грозили убить меня и имение взять в казну, если кто-

нибудь найдется в доме... Вдруг к окольному приносится известие, что докторов сын пойман на улице переодетый, а сам он бежал и за ним пущена погоня. Стрельцы бросились вон, но через час приехал ко мне капитан с 50 стрельцами взять меня во дворец для очной ставки с докторским сыном, который показал будто, что отец его спрятан у меня. Мы отправились; кремлевские ворота нам отворили и тотчас за нами заперли. Навстречу нам показался вскоре отряд стрельцов, тащивших изуродованный труп доктора сына. Капитан, шедший подле моей лошади, сказал: «Вот докторов сын; с кем же теперь давать очную ставку?» Мы подъезжали между тем к площади, усыпанной вооруженными стрельцами. Увидя меня, они ударили в барабаны и зазвонили в колокола. Это служило у них обыкновенно знаком к побиению. Мои провожатые закричали: «Это посланик!» Меня пропустили, я подъехал к крыльцу и поднялся на площадку, где увидел царицу Марфу Матвеевну, царевну Софью Алексеевну и несколько бояр. Мне хотелось пробраться к ним, но шедшие за мною стрельцы меня остановили; народу было там множество, хоть по головам ходи. В это время вошел князь Иван Андреевич Хованский и спросил у стрельцов, оставлять ли царицу Наталью Кирилловну во дворце. Они отвечали, что не надо. Хованский оглянулся в мою сторону, увидал меня в лицо и спросил с удивлением: «Зачем ты здесь, Иван Андреевич?» Так звали меня при дворе. Я указал на приведших меня стрельцов; он подошел к царице и царевне, сказал им несколько слов, которых я не мог расслышать в общем шуме. Царевна сделала знак, чтобы я скорее шел вон, а Хованский приказал моим стрельцам отвести меня опять домой и беречь как глаз».

По дороге резидент был охраняем именем царевны Софьи.

Иван Нарышкин, которого с таким упорством искали стрельцы, с отцом, меньшими братьями, несколькими родственниками и семнадцатилетним сыном Матвеева укрывались сначала по темным местам при комнатах малолетней царевны Натальи Алексеевны, а потом сведены были в дальние деревянные покои младшей царицы Марфы Матвеевны, обращенные глухою стеною к патриаршему двору. Иван Нарышкин остриг длинные волосы. Постельница Клуша, которая одна знала, куда все они спрятались, хотела укрыть их к утру в чулан в проходных сенях и запереть. «Там мы не уцелеем, — сказал молодой Матвеев, — стрельцы проломают дверь, увидят нас и перебьют. Его послушались: решено оставить дверь растворенною на четверть; в чулане было одно окошко, заваленное перинами и подушками, так что в темноте человека разглядеть там было нельзя. «Ни живые ни мертвые, — рассказывает сам Матвеев, — стали мы в угол к правой стороне; лишь только мы убрались, как послышались стрельцы, они пробежали мимо, «как быстрая вода протекла»; некоторые сунулись в отворенную дверь, посовали копыями в подушки и побежали прочь, говоря меж собой: «Наши здесь, видно, уже были»».

Толпа пришла в дом князя Долгорукого, чьего сына стрельцы накануне убили; они извинились в запальчивости и просили прощения. Старик, разбитый параличом, лежал в постели. Скре-

пя сердце он выслушал их и велел гостей угостить. Когда они ушли, оставшись один с слугою, старик не утерпел и промолвил: «Злодеи! Шуку вы съели, да зубы ее остались; придет пора, что и сами по городу развешены будете!» Хлоп выбежал, догнал стрельцов и передал им слова князя; те осерчали, воротились, стащили старика с кровати, выволокли за ворота, убили и бросили тело на навозную кучу, а сами принялись грабить дом. Найдя в погребе соленую рыбу, они набросали ее на мертвое тело: мол, на вот тебе, ешь, как бы в ответ на поговорку, которую передал им слуга.

Стрельцы между тем злились, что до сих пор не могли нигде найти Ивана Нарышкина, как ни искали, как ни домогались, и объявили в царских палатах, что если не выдадут им его завтра, то они переубьют всех, кто им попадется.

В тот же день нашли они на Никитской улице боярина Ивана Максимовича Языкова. Он шел к духовнику своему, священнику церкви св. Николы в Хлынове; с ним повстречался чей-то холоп, его знавший. Языков, испуганный, снял с руки дорогой перстень и отдал ему, умоляя не сказывать никому, где его видел. Подлый человек обещался, но тотчас повестил стрельцов; те сбежались, отыскали Языкова в церкви и с ругательствами отвели на Красную площадь, где и убили.

В этот самый день, несмотря на продолжавшийся бунт, переменено было все правительство и назначены новые начальники по приказам: в Посольский — князь Василий Васильевич Голицын, в Стрелецкий — князь Иван Андреевич Хованский, в Пушкарский — боярин Иван Милославский, в Судный — стольник князь Андрей Иванович Хованский...

Кто сделал эти распоряжения?

Одно это назначение среди общего смятения показывает, что власть захвачена была в свои руки партией царевны Софьи, которая, по свидетельству датского резидента, появляется теперь на первом плане.

На третий день, во вторник 17 мая, пришли стрельцы в Кремль также с барабанным боем, обступили кругом царский двор, многие вбежали прямо на постельное крыльцо и требовали настоятельно Ивана Нарышкина. Всем служителям грозили смертью, если не отыщут его, и твердили, что не выйдут из Кремля до тех пор, пока не получат его в свои руки. Партия, видно, боялась оставить его в живых, опасаясь его характера и способностей, чтобы не получил он со временем возможности отомстить за зло, содеянное его семейству.

Делать было нечего. Дольше беречь Нарышкина было невозможно. Стрельцы принимали все более грозное положение. Нужно было опасаться от них всяких неистовств. Царица Наталья Кирилловна привела брата в церковь Спаса за Золотой решеткой. Там он, приготавливаясь к близкой смерти, приобщился Святых Тайн и помазался елеем. Царевна Софья Алексеевна, принимая печальный вид, сказала ему: «Великая необходимая нужда требует отдаться стрельцам». Нарышкин отвечал: «Я иду на смерть, лишь бы моей невинной кровью утолились мои ненавистники». Софья с притворным участием подала царице образ

Божьей Матери надеть на брата: «Может быть, стрельцы устыдятся святого образа и отпустят его».

Князь Яков Никитич Одоевский, человек добрый, но торопливый и робкий, который тут случился, видя длинные проводы, подошел к царице и сказал:

— Сколько вам, государыня, брата ни держать, а отдать его надо будет. — И потом, оборотясь к Нарышкину, сказал: — Иди скорее, Иван Кириллович, не погибать же нам всем здесь из-за тебя.

Царица вывела брата до порога к Золотой решетке, за которой стрельцы дожидались его, как вороны крови, они схватили его, осыпая скверными словами и всякими ругательствами, потащили пред ее глазами за ноги по лестнице, а потом по площади к Константиновскому застенку. Здесь его начали мучительно пытаться. Нарышкин стиснул зубы и не произнес ни одного слова на все их вопросы. Туда же приведен был тогда доктор Данило, пойманный в нищенском платье, в лаптях, с котомкой за плечами в Немецкой слободе. Бежавши за город, он скрывался в лесу двое суток и проголодался; воротился в город попросить хлеба у приятеля в Немецкой слободе, был узан и приведен в застенок. Среди пыток Данило просил трех дней, обещаясь назвать тех, которые заслужили смерть боле, чем он. Слова его записывали, но кто-то закричал: «Что его слушать!» Тогда разорвали запись и потащили его вместе с Нарышкиным из Кремля на Красную площадь, подняли обоих на копыях вверх и потом опустили вниз, отсекли им руки и ноги, изрубили тела на мелкие части и ногами своими смешали с грязью.

Иваном Нарышкиным и доктором Данилой кончились убийства.

Тела убитых с первого дня лежали на площади. 17 мая было объявлено, что желающие могут погребать их. Верный арап боярина Матвеева пришел с простынею на площадь и собрал изуродованные останки своего господина; он отнес их в свою приходскую церковь св. Николы в Столпах, где оно было отпето и предано земле.

18 мая приходили во дворец из всех стрелецких приказов выборные люди, без оружия, и били челом государю, чтобы он велел Кирилла Полуехтовича Нарышкина постричь в монахи. Старик тотчас отведен был в Судов монастырь, пострижен под именем Киприана и в простой телеге отвозен под крепкое содержание в Кириллов монастырь на Белоозеро.

Меньшие его сыновья Лев, Мертемыян и Федор успели уйти из Москвы в людском сером платье под охраною верных слуг своих и укрылись в дальних местах, так же как и некоторые из их родственников. Молодой Матвеев выведен был из дворца в платье стряпчего конюха любимым и верным царю Петру карлою Комаром. Он велел молодому человеку идти за собою смело по светличной лестнице за ворота. Там сел он сам на лошадь, а Матвеев должен был сопровождать его. Так миновали они Кремль и из Белого города вышли через Смоленские ворота, в коих крепкие караулы его признать не могли. Он был передан священнику церкви Сошествия Святого Духа с указом царицы Натальи Кирилловны беречь его в тайне, а тот передал его

родственнику своему, стремянному конюху Кирилле Суворову, у которого в простом платье жил он несколько времени под именем Кондратия и потом скитался по разным местам, пока водворилось спокойствие.

Детская душа Петра в продолжение этих несчастных трех дней получила такие глубокие впечатления, детское сердце испытало такие сильные ощущения, врожденные страсти выжились к жизни с такою силой, что он навсегда, кажется, остался под влиянием этой грозы, пронесшейся над его головою, и многие позднейшие действия его носят явные следы потрясения, произведенного ею во всем умственном и телесном его организме.

Не успела царица Наталья Кирилловна с молодым царем и уцелевшими друзьями опомниться после трехдневных тревог и опасностей, не успели они оплакать свои горестные потери и узнать об них все ужасные подробности, как огласилось, что в последний день кровопролития сменены были все начальники приказов, им преданные, и установилось новое управление. Кто же так распорядился? Какая участь их ожидает? Что будет дальше? При чем они останутся?

Через три дня, 20 мая, стрельцы бьют челом, чтобы государь указал сослать в ссылку братьев Лихачевых, остальных Нарышкиных, молодого Матвеева и некоторых других приверженцев Петровой стороны из дьяков и думных дворян.

Неделю спустя, 26 мая, стрельцы, собрав между собою подписку, предъявляют требование, чтобы старший царевич Иван Алексеевич царствовал вместе с братом своим Петром Алексеевичем, который должен при нем считаться вторым. Если этого не будет сделано, грозили стрельцы, они опять придут в Кремль с оружием «и учинят мятеж велий».

Созываются чины государственные. Патриарх предъявляет требование стрельцов. Все считают необходимою согласиться, и патриарх в Успенском соборе совершает торжественное молебствие о двух нареченных царях.

Бояре и дьяки, державшие сторону Петра, присягают поневоле второму царю, опасаясь возобновления страшных явлений 15 мая.

По крайней мере Петр был оставлен на престоле; самые отчаянные враги, при всем своем озлоблении, не осмеливались, видно, думать о нарушении признанного права, о посягательстве на царский род, который считался в общем народном мнении священным и неприкосновенным.

Еще через неделю стрельцы объявляют через своего начальника, князя Хованского, чтобы царевна Софья Алексеевна приняла на себя управление государством по причине малолетства ее братьев. По усиленным просьбам всех чинов, она изъявляет согласие, и во все города тотчас рассылаются известительные грамоты с примером из римской истории, где по кончине императора Феодосия в малолетство сыновей его, Аркадия и Гонория, управляла империей сестра их Пульхерия.

Таким образом царевна Софья сделалась правительницей государства.

Приняв власть, Софья щедро наградила стрельцов: она велела выдать по 10 рублей на человека, увеличила их жалованье, предоставила многие преимущества и позволила выборным входить в ее покои по всем делам беспрепятственно. Начальником Стрелецкого приказа назначен князь Иван Андреевич Хованский, помощником — его сын.

Страшно было царице Наталье Кирилловне 15 мая видеть перед собою ружья и бердыши озверевших стрельцов; особенно страшно за сына. А десятилетний Петр видел все это сам, и все это глубоко врезалось ему в память. В те три дня насмотрелся он столько зверств и неистовств, увидел столько крови, что нравственное его развитие не могло не пострадать, а в сердце запали семена недобрые.

Публикация и подготовка к печати
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

100

BAVARIA

приглашает на заочно-очные курсы начинающих и играющих. В программе обучения западноевропейская и американская гитарная музыка и песни. Плата за обучение невысокая, возраст не ограничен. По окончании курса ученики приглашаются в Германию на стажировку и для получения сертификата международного образца с правом работы. Прием производится круглогодично. Напишите нам по-русски или по-немецки, и мы вышлем условия приема:

ГЕРМАНИЯ

An direktor von Gitarrenzentrum "BAVARIA" Waldemar Zvetko-Blume

innbrunnerweg 5 D-84028 Landshut Deutschland

Tel.1049-871-55941

Если вы желаете ускорить процесс, то позвоните нам, — мы говорим по-немецки и по-русски.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИР ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МУЗЫКИ

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г "Коммерция" по-русски

Г Гусь на флаге России?

Г Хочу рассказать, как я вхожу в рыночную экономику. Путь я выбрал такой же, как тысячи, даже сотни тысяч моих сверстников, если брать страну в целом, — торговля. Мелкая, конечно, потому что начальный капитал был только у комсомольских и партийных лидеров, а я учился в аспирантуре технического вуза. Числился в толковых и хотел всю жизнь заниматься делом интересным для себя лично и полезным для страны. Но пришлось бросить науку, потому что денег в вузе не платили, а есть хотелось. И так, торговля. В одном месте стараешься купить подешевле, в другом — продать подороже. Все просто. Немножечко удачи, шустрости, кое-какие расчеты, а там и навыки — казалось бы, жить можно. Как мы приговаривали: «Тянууй, пока молодой». Но это, так сказать, теоретически, а на практике...

Первый раз «наехали» на меня и моего приятеля в Москве на вокзале, когда возвращался он из Америки с курсов менеджеров домой, на Урал, и я помогал ему. По наивности мы отказались от услуг носильщиков, на что нам было сказано: «Зря, ребята, это Москва». Стали мы тащить чемоданы из машины к поезду. Я остался на платформе охранять, как вы поняли, чу-

жие вещи. Подходят ко мне шесть или семь парней: делись. Я им: не мое, мол, ждите хозяина, — а они взяли чемодан и ушли. В чемодане были документы об окончании курсов, ну и, конечно, американские подарки домашним. Вот так началась своя «учеба». Ладно, пережили. Мотаюсь челноком в Китай, стою на рынке, опять в Китай. Потом поехал за товаром в Польшу, иду по Варшаве, подходят ко мне двое соотечественников — своих они узнают четко — и спокойно предлагают: деньги давай, понимаешь ведь, что от нас не скроешься. Отдал. Оставили на дорогу десять долларов — прямо-таки робингуды благородные. Приехал домой пустой — все надо с рубля начинать. Начал. Сколотили мы небольшую компанию — ребята добросовестные, разворотливые, с высшим образованием, работаем по-честному. Все вроде в норму вошло. Когда заработали денег, поехали в Европу, товара приличного закупили, в Варшаве арендовали автобус — на себе все к поезду не дотащить. И тут снова «повезло»: отошли поезд на двадцать минут, приходим — автобуса и след простыл. Мы в полицию, да что толку. Говорят, в тот день на одной только улице шесть машин угнали. А, мо-

жет, нам все-таки повезло — живыми вернулись.

Опять все сначала. Подзял денюжат, благо появились новые друзья с деньгами, стал ездить в Турцию. И уж ученый вроде, и не разиня, а однажды вытаскили все — и деньги, и документы, и обратный билет. Хорошо, ребята в туре были нормальные, да и понимают все, с каждым такое может случиться, скинулись на билет. Ну, и здоровья в тот раз попортил!

Вот такие «этапы большого пути» — пути к капитализму — прошел я за довольно короткий срок, за два года. Но не думайте, что на этом мои приключения кончились. Договорился я с одними знакомыми, у которых уже сколотились приличные деньги, ездить для их фирмы за товаром по стране. Как-то едем домой в «Жигулях», и притирает нас на шоссе иномарка. Пришлось остановиться. Вышли из нее такие амбалы, что все нам стало ясно. Словом, пришли в себя — товара нет. Вспоминать тошно. Вернулись домой, шефу докладываем, а он: плати за потерянный товар, откуда я знаю, может, ты с ними сговорился. Где ж я сразу столько возьму? Прошу: дай время, заработаю, отдам. Не соглашается. Орет про проценты, убытки: продавай квартиру, рассчитывайся. Как я продам квартиру — мать на улицу пойдет? Да и живем-то мы в однокомнатной. В общем, скрылся я, сейчас «партизаню».

Вот так из научного работника стал я коммерсантом. То ли мне так не везет, то ли, действительно, как говорили в СССР, у капитализма звериный характер.

Много ли песен об орле сложено в России? «Орлята учатся летать» — раз. «Выходила, песню заводила про степного сизого орла» — два. Хорошие песни. Но впечатление портит «Утес Стеньки Разина»: «Да могучий орел свой притон там завел и на нем свои жертвы терзает». Впрочем, все это об орле нормальном, о птице, о двуглавом же символе державы — ни гу-гу. А вот о лебеде не только песни поют, ему посвящена опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», где главной героиней является Царевна-Лебедь, балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро», а в «Хованшчине» М. П. Мусоргского звучит хор «Плывет, плывет лебедушка» с финальными словами: «Слава лебедю, слава!» Откуда этой птице такое внимание?

Двуглавый орел, символ России, появился довольно поздно, в конце XV века. Между тем культ лебеда на Руси уходит в незапамятные времена. Всем известна сказка: налетели Гуси-Лебеди, схватили Ивашечку и унесли его в избушку Бабы Яги, которая пыталась посадить мальчика в печку. Тот, кто видит все в черном цвете, найдет в этой истории лишь компрометирующий лебеда материал, но на самом деле это — отголосок доисторического обряда инициации, когда молодежь племени превращалась в полноправных сородичей. В определенный день помощники колдуна, одетые в звериные маски, отводили посвящаемых в священную рощу, где те проходили через магические действия, в том числе через испытание огнем. Сродни ему дошедший до наших дней обычай прыгать через костер в ночь накануне Ивана Купалы.

Первой религией людей был

тотемизм — вера в происхождение каждого рода или племени от тотема, животного, считавшегося прародителем. При инициации надевали маски тотема, а тотемом наших пращуров был лебедь: они называли себя «детьми лебедя». В «Слове о полку Игореве» о русичах говорится как о Дажьдбожьих внуках. Дажьдбог, или Дажьбог, считался прародителем русского народа, а его женой была Жива-лебедь, богиня жизни и весны. Якуты также считали своей прародительницей Деву-лебедь. По легендам многих народов, в том числе восточных славян, землю создала уточка. Нырнув на дно моря-океана, она подняла в клюве ил, из которого образовалась суша. А лебедь — птица из семейства утиных. В самом низу большого Государственного герба Российской Империи расположен личный герб императора, одной из фигур которого был белый лебедь с короной на шее. Он был очень некрасив, но рано или поздно из неказистого птенца вырастает прекрасная птица. «Птицей счастья завтрашнего дня» может стать для нашей родины белый лебедь, точнее, белая лебедь: Россия — женщина.

Французы славятся как галантные кавалеры, и это нашло отражение на гербе Франции, в нижней части которого орден Почетного легиона с женским

профилем — символом Республики. Британцы известны как джентльмены, и на гербе Великобритании не только львы и леопарды, но и единорог — эмблема девственности. По средневековым легендам, этого неукротимого зверя могла приручить только дева. Единорог изображался и на некоторых российских эмблемах. Но более близким образом чистоты стала Богородица. В 1705 году изображение Богоматери было помещено на Российский государственный герб. Но хорошая традиция не привилась, привилась дурная: не уступать место женщине ни в трамвае, ни на гербе.

Братьями Царевны-Лебедь были 33 богатыря. Улетит из России благородная птица — переведутся и богатыри на Русь. Спасая белую лебедушку, князь Гвидон пустил стрелу в злого коршуна, потому что она была олицетворением чистоты и верности на святой Руси.

А душа России до сих пор тянется к небу. «Я хочу, чтоб плыли лебеди над землей моей», — поделился своей мечтой поэт. Я же предлагаю свой вариант Герба новой России.

СЕРГЕЙ МАКИН,
старший научный редактор
издательства «Большая
Российская энциклопедия»

Они познакомились в больничном коридоре и полюбили друг друга. Танечка была хороша, как день, и он делал ей подарки, все, что мог. Она же радовалась подаркам от всего сердца. Впрочем, подарить он мог немного, только то, что получал в передаче или покупал в ларьке. Ларек был скудный, тюремный, да и больница была тюремной. Ему еще не было тридцати, а ей, рожденной тут, уже исполнилось два года, оба они были заключенными следственной тюрьмы.

Он не раз попадал в больницу, да и ее мать тоже поступала туда нередко, вот тогда-то они и встретились.

Вряд ли стоит задаваться вопросом, в чем была виновата она, а вот в чем была вина ее матери, да и самого Игоря, этот вопрос не

может нас не тревожить. Вы сейчас увидите, почему.

В тот день он встречал в аэропорту Валу, свою девушку. Они приехали к нему домой, ужинали, праздновали встречу.

Дикий грохот разбудил их на рассвете, они не сразу сообразили, что это ломают дверь, — когда Игорь выскочил в прихожую, сюда уже вломилось несколько человек, кто в милицмейской форме, кто в штатском, а что было дальше, он уже не помнил, так как, получив удар прикладом по голове, потерял сознание.

Очнулся он в милиции, руки его были скованы наручниками, зацелкнутыми косо, и сидел он в неком подобии клетки, а мимо ходили люди; ему казалось, что время от времени его кому-то показывают. Он мучительно пытался сообщить, за что его схватили.

Игорь понял это, когда начались

СА ПО ГОМ ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ РЕБРАМ

допросы; от него требовали, чтобы он признал вину в преступлении, которого не совершал, о котором даже и не слышал. Он решительно отказался и получил сокрушительный удар. Он стоял на своем, и били его по-страшному, но он не сдавался и того «чистосердечного признания», текст которого ему подсовывали, не подписывал.

Игорь еще не знал, что жизнь его сломана, что родителей своих увидит не скоро, а Валу, как видно, не увидит уже никогда (она выйдет замуж и уедет в Швейцарию). А ему предстоит долгий-долгий нелегкий тюремный путь. Он и не представлял себе, что бывают такие страдания, ему и в голову не приходило, что в нашем государстве, где так много говорят о правовом устройстве и правах человека, возможно все то, что творили с ним в милиции.

Он мечтал о тюрьме, убежденный, что там уже подобного быть не может хотя бы потому, что тюремной администрации все равно, в чем его обвиняют, а также признается он или не признается. Здесь на какое-то время оставят его в покое, он сможет оклематься, набраться сил, чтобы выдержать натиск новых допросов.

Камера удивила его своей теснотой: люди тут не только сидели, но и стояли. Но главное было — передохнуть. Однако не успел он как-то освоиться и обустроиться, как его вызвали на допрос — на этот раз оперативный работник тюрьмы (огромный, похожий на громилу, с тяжелыми кулаками). К удивлению Игоря, оперативник потребовал, чтобы он признался в преступлении, в котором его обвиняют. Оказалось, что работнику тюрьмы почему-то надо Игореву признание. Впервые подумал: все они заодно. А у громилы были не только тяжелые кулаки (в тот день Игоря замертво принесли

в камеру, его отхаживали сокамерники), и он вспомнил потом, что читал о подобном в книгах о сталинском ГУЛАГе.

Но постойте, спросите вы, читатель, откуда мы все это знаем? Только из рассказов самого Игоря? А какие основания нам ему верить? И как можно проверить его слова? То, что происходит за дверью следственного кабинета или за стенами тюрьмы, мы никогда не знаем: должностные лица, нарушившие закон, ни за что в этом не признаются и всегда друг друга поддерживают. Железная тут круговая порука. И медицина этих мест, как правило, ссадин и переломов не фиксирует и не подтверждает.

С тем же основанием можно предположить, что заключенный, стремясь скрыть свое преступление, клеветает на органы дознания, следствия, а заодно и на сотрудников тюрьмы — тоже ведь дело нередкое.

Разумеется, никому нельзя верить на слово, когда речь идет о следственном и судебном деле, — ни подследственному (подсудимому), ни следователю, ни самому судье. Значение имеют только доказательства вины, которые представило обвинение и которые предстоит проверить суду.

Вот к доказательствам мы и обратимся — тогда и поймем, в чем же в конце концов обвиняли Игоря. На этот вопрос отвечает обвинительное заключение — результат следовательской работы.

Игорь Т. обвинялся в том, что он по предварительномуговору с двумя своими приятелями «совершил угон транспортного средства без цели его похищения». Они пришли в гараж, потребовали у некоего Чаплыгина (хорошо Игорю знакомого, так как он чинил у Чаплыгина отцовскую машину), чтобы

тот отдал им свой автомобиль, а когда тот отказался, избили его и так — «без цели похищения» — и уехали. Били они Чаплыгина руками, ногами, а также «специально приспособленными для нанесения ударов досками». Вот эти доски должны, конечно, особо привлечь внимание — если они были специально приспособлены, они являют собой доказательство того, что преступление было преднамеренно, не так ли? И важно было бы узнать, откуда взялись эти доски, преступники привезли их с собой? И что значит «специально приспособленные для нанесения ударов» — какие-то шипы были к ним приделаны, что ли, или они были снабжены ручкой, чтобы удобнее было наносить удары?.. А, может быть, на досках этих остались следы крови, нити одежды, волосы, мало ли что? Вещественные доказательства в подобных делах всего важнее.

Однако доски эти, существующие (пятью словами) в обвинительном заключении, в деле никак не материализовались. Никто их никогда не видел. Возникли они странным призраком и растаяли бесследно.

Что же являет собой доказательство вины Игоря и его друзей?

Судебно-медицинская экспертиза, из которой ясно, что Чаплыгин был избит и очень сильно, производит впечатление, но, разумеется, не отвечает на вопрос, кто Чаплыгина избил. Между тем сам Чаплыгин на этот вопрос, заданный экспертами, ответил, что избили его какие-то неизвестные люди. Игоря, повторим, Чаплыгин знал очень хорошо, несколько лет.

Есть в этом деле и показания свидетелей — людей, которые в час предполагаемого избиения работали в соседних гаражах. Все они показывают, что к Чаплыгину приезжали трое ребят (что было

чистой правдой, Игорь в гараж приезжал), впоследствии Чаплыгин рассказал им, что его избили именно эти парни, но странность тут заключается в том, что ни один из них не видел, как Чаплыгина били, и даже не слышал шума драки. Из чего следует, что Чаплыгин был избит не у гаража, как показывал на следствии, а где-то в другом месте и в другой час.

Вот как выглядит обвинительное заключение, занявшее у следователя четыре месяца работы, в этой главной своей части (есть и еще один эпизод, о котором ниже). Это значит, что в квартиру Игоря ворвались, оглушили, увезли и объявили опасным преступником на основании того, что неизвестно когда и неизвестно где очень странными досками он избил владельца машины, которую тут же где-то и оставил. Потому что машина оказалась цела и невредима, неизвестно даже, была ли она вообще похищена (этому факту нет уж вовсе никаких доказательств).

Можно что-нибудь понять в подобном документе?

Теперь второй эпизод. Согласно версии следователя, Игорь опять с теми же друзьями ворвались в квартиру, избили жильцов и, угрожая им ножом, унесли разную ценную аппаратуру. Жильцы Игоря и его друзей опознали — но ведь мы видели уже, что и Чаплыгин их опознал, несмотря на то, что рассказ его неправдоподобен (кстати, адвокат Игоря протестовал против самой формы опознания). Есть ли еще какие-нибудь объективные доказательства? Есть. Существует видеокассета и пульт дистанционного управления, которые принес в милицию Алавердиев М. И., заявив, что их передал ему Игорь, а на самом деле они из числа тех, что были похищены в квартире.

Вот это уже серьезно, это — вещественное доказательство при

условии, конечно, что будет доказана принадлежность этих вещей потерпевшим. И встреча Алавердиева с Игорем — тоже. Но очной ставки его с Игорем почему-то не было, и (забежим вперед) в суд Алавердиев М. И. не явился, сколько ни требовали этого адвокат Игоря и сам Игорь. Растаял в воздухе Алавердиев М. И., зато показания его были в суде оглашены и сочтены за доказательство.

Странность и порой прямую несообразность следственных документов, бывает, можно (как в данном случае) понять из самого документа. Но сколько же важных событий и обстоятельств остается неизвестными ни суду, ни проверяющим инстанциям, ни обществу в целом! При самом тщательном журналистском расследовании невозможно уловить эти обстоятельства и события, а уловив, невозможно бывает доказать. Сотрудники следственных органов, повторим, «своих не выдают», а жалоб того, кто был жертвой, заведомо никто не слушает.

Тяжко тут бывает от чувства бессилия — знаешь, что человек оговорил себя, не вынеся издевательств, истязаний, да просто условий жизни в тюремной камере, знаешь — и ничего не можешь поделать. Тем более что признание, которое, согласно закону, не может быть положено в основу обвинения и обвинительного приговора, если не подтверждено объективными доказательствами, материалами дела, — это признание действует на людей завораживающе — будь то заседатели, или посторонние, пришедшие в зал послушать дело, или журналисты, и даже сами судьи. Вот почему работники дознания и следствия с таким жаром его добиваются, рассчитывая именно на это самое «признался, значит, виноват»,

прочно засевшее в сознание общества.

И все же бывают случаи, когда истина или только краешек истины мелькнет случайно в каком-нибудь официальном документе.

Тяжка тюремная жизнь, а для Игоря, который «не сознавался», она была особенно тяжелой. Кроме кулаков «опера», как мы помним, был еще ледяной карцер. Но Игорь по-прежнему выстаивал, не сдавался, хотя силы его были на пределе. Надо ли говорить, как ждал он суда. Он уже понял, что его жалобы в разные инстанции остаются безответными, да и вряд ли куда-нибудь посылаются, но ведь суд — тут он сможет рассказать, как было дело, тут его услышат.

И вот настал желанный день — его повезли в суд.

Тут мы переходим на язык документов.

Районному прокурору от отца Игоря Т.

«В нарсуде у караульного помещения, возле двери которого я находился вместе с женой и одним из свидетелей, мы услышали из-за двери сдавленные крики и глухие удары. Узнав голос сына, мы подняли шум, стали стучать в дверь, чтобы конвой прекратил избиение. Судья и заседатели зашли в караульное помещение, долгое время там находились. Когда приехала «скорая помощь», врач нам сказал, что сына два-три часа транспортировать нельзя, так как возможны внутренние повреждения. Через несколько часов сына подняли в зал судебного заседания, и мы все увидели, что на лице его следы побоев, правый глаз заплыл, на шее кровоподтеки, вид у него был очень болезненный, он слабо передвигался, держался за бок. Несмотря на ходатайство адвоката, судья отказала в проведении экспертизы. В протоколе судебного заседания также не

зафиксированы следы побоев. Мать Игоря, видя избитого сына, сидя в зале, плакала, за что судья пригрозила выдворить ее из зала».

Заявление Игоря Т. в народный суд.

«15 мая 1992 года я находился в конвойной нарсууда, так как в этот день слушалось мое дело. Ко мне в конвойную спустилась мой адвокат для решения вопросов по делу. Конвойный милиционер не давал нам разговаривать, гнал адвоката, мы не могли обсуждать вопросы дела. Милиционер схватил меня за куртку и стал тащить в камеру. Я возмутился и сказал, что это беспредел, на что он мне ответил дословно, что сейчас увидишь настоящий беспредел, и ударил меня в грудь. Я сказал, что за это он ответит. И они меня вытащили из камеры и стали зверски избивать ногами и кулаками. Дальше я плохо все помню, мне было очень плохо. В изоляторе меня понесли к врачу, врач осмотрел меня и ничего не сказал. В больницу меня не понесли, а понесли прямо в старый карцер, где я и нахожусь в настоящее время. Врача мне не вызвали, вместо врача пришел дежурный по изолятору и сказал, что в карцере я буду сидеть за то, что плохо вел себя в суде, а помощи медицинской мне не нужно, чем скорее сдохнешь, тем лучше. Это дословно то, что он мне сказал».

А вот ответ прокуратуры на жалобу Игоря Т. и его родителей.

«Установлено, что Игорь Т. в служебном помещении, будучи недоволен прекращением беседы с адвокатом, начал выражаться нецензурной бранью в адрес сотрудников конвоя, на предупреждения не реагировал, ударил одного, потом другого начальника конвоя, в силу чего к нему были применены приемы самбо, причинившие повреждения в виде сса-

дин. В сложившейся ситуации сотрудники милицейского конвоя действовали в соответствии с уставом...»

Кто бы знал, сколько раз пришлось мне читать подобного рода документы, в которых повреждение куда серьезней — с переломом ребер и сотрясением мозга — объяснялись дерзким поведением заключенного, его агрессивностью и прочим, в то время как всякому ясно, что любую агрессию работники милиции могут остановить, не ломая ребер, одним движением (заведя, например, руку арестованного за спину), тем более если их, как это всегда бывает, несколько, и они в отличие от зека сильные, упитанные ребята, физически весьма тренированные! И к тому же специально обученные пресекать агрессию.

Вряд ли может быть сомнение, что вся суть тут в адвокате, кому-то (следователю, прокурору, судье) хотелось помешать общению с ним подсудимого (тоже явление нередкое — не дать встретиться с адвокатом). Все они заодно, эти представители власти, думал Игорь. Тюремный «опер», хотя дела следствия его не касались, бил его, требуя, чтобы «признался». Конвой, которого не касались судебные дела, бил его, не давая получить помощь от адвоката. Все они были заодно в своих беззакониях. Игорь имел основание думать, что тогда, из суда, его понесли не в больницу, а в карцер по представлению судьи.

Эта же самая судья и рассматривала его дело несколько месяцев спустя. В своем приговоре она в основном повторила обвинительное заключение, порою дословно, — только вот доски вместо «специально приспособленных» оказались «тут же валявшимися», что, разумеется, было логичней, тем более что самих-то досок, как

мы знаем, в деле не было. Приговор — 7,5 лет колонии с конфискацией имущества — долго еще ходил по судебноп-прокурорским каналам, пока не вступил в законную силу (ах, как много можно было бы рассуждать о самом этом словосочетании!).

Игорь просидел в следственной тюрьме более пяти лет — подчеркнем: в следственной, то есть до суда и без приговора суда.

Для того, чтобы понять весь ужас этих пяти лет, нужно знать хотя бы самым поверхностным образом, что такое нынешняя российская тюрьма.

Она уникальна и несравнима ни с чем — даже с тюрьмой сталинских времен.

С лязгом открывается тяжелая дверь — и навстречу шибает горячим зловонием. Мглистое логово, страшно входить. С потолка свисает темное тряпье. Виден верхний ярус лежанок, где спят полуголые люди, тощие, синие, тесно сжатые, все на одном боку. А нижнего яруса не видно за остальными, стоящими.

Да, остальные стоят, потому что нет места на полу, чтобы сесть. Если кому-то стоять уже невмогуту, он может сесть только на корточки, а так, чтобы ноги вытянуть, — не может. Так стоят они часами, ожидая очереди, чтобы лечь и ненадолго заснуть, тогда на их месте будут стоять другие.

Изможденные, измученные, они задыхаются в нехватке кислорода (а нехватка такова, что спичка не горит, ее зажечь можно только у окна). Болезни тут гуляют на свободе: и туберкулез, и гепатит. Насекомые кишмя кишат. От часоточного клеща кровоточат тела. От стояния ноги опухают и покрываются язвами.

Это происходит в сегодняшней Москве, в Бутырской тюрьме и в Матросской тишине, и в питер-

ских Крестах, и по всей стране. За что людям такая казнь? — на этот вопрос никто ответить не может. Притом, что это следственная тюрьма, и значит, здесь те, о ком еще неизвестно, виноваты они или не виноваты. В нормальном мире для людей в подобной ситуации существуют помещения с человеческими условиями. Здесь — скотский загон. Нет, и скот в подобных условиях не держат: он в них просто не выжил бы. Да люди здесь и не живут: разрушаются их тела, гниют и разъеденные отчаянием души. Они сходят здесь с ума.

Вот письмо из Краснодарского края. Пишут жители станицы Новопетровской. Механизатор Сергей Игнатенко был арестован в феврале 1993 года, просидел четыре с половиной месяца, освобожден решением суда. Но когда он вернулся в станицу, люди его не узнали. «Он психически болен, до крайности истощен (потерял половину веса), еле двигается, неизвестно, станет ли снова трудоспособным. А у него на иждивении двое детей инвалидов, престарелая мать, нетрудоспособная жена». Следуют подписи, едва ли не вся станица. Что же произошло?

Против Сергея возбудили дело по обвинению в краже рыбы в водах рыбколхоза. Суд его оправдал. И вот жена Наташа с защитником в тюрьме — ждут, когда Сергея выпустят. Ждут долго, он все не идет.

— Что же так долго? — спрашивает Наташа у прапорщика.

— Да вот же он, — отвечает прапорщик. — Тут стоит.

Неподалеку давно уже недвижим стоял кто-то Наташе не знакомый, с виду страшный. Она не смогла узнать своего мужа. И он ее не узнал.

Следственная тюрьма, казалось бы, уже по определению кратко-

срочно, почему же люди проводят в ней не только месяцы — годы? Как подобное может быть?

Страшное открытие делаешь при попытке ответить на этот вопрос. Оказывается, священное право человека на свободу, право, провозглашенное всеми декларациями, конституциями, законами, в любой цивилизованной стране тщательно оберегаемое, в сегодняшней России практически ничем не защищено. Обращусь к нашим законам, чтобы показать, чем защищена наша с вами свобода согласно российского законодательства — надо ли говорить, как важен этот вопрос для любого из нас?

Итак, чем защищено право россиян на свободу? Иначе говоря, что может служить основанием для ареста в Российском государстве? Казалось бы, доказательства вины данного человека, не так ли?

В том-то и дело, что не так.

К примеру, статья 96 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) России перечисляет более 70 статей Уголовного кодекса (УК), как бы самодостаточных для ареста: самый факт предъявления данной статьи достаточен для того, чтобы человека арестовать. То есть, если человека обвинили во взятке, его могут арестовать только лишь потому, что его обвинили во взятке. Надо ли говорить, какие безбрежные возможности для беззакония тут возникают (мне не раз приходилось видеть, как с людьми сводили счёты, обвиняя их во взятке, — достаточно получить заявление, что «такой-то» взял, и этот «такой-то» будет арестован).

Есть еще статья 89 УПК, согласно которой власти имеют право ареста «при наличии достаточных оснований полагать», что обвиняемый скроется, станет препятство-

вать выяснению истины или продолжать преступления. Нетрудно понять, что тут очевидная подмена: власти, вместо того, чтобы представлять доказательства вины, достаточные для ареста, начинают доказывать наличие этих самых «достаточных оснований полагать». А получить подобные основания нетрудно — надо, чтобы дядя Коля, которому вечно не хватает на пол-литра, написал бы, что ему известно: «такой-то» собирается уезжать. Уже сама мутность формулировок (без сомнений, намеренная) дает основание для произвола.

Спору нет, большинство тех, кто сидит в следственной тюрьме, чем-то да виновато. Но вот в Бутырках нашла я человека лет сорока, егеря из-под Пскова, его обвиняли в мелком хулиганстве (за это, как правило, по закону полагаются исправительные работы до года или небольшой штраф, он сидел тут (стоял!) пять месяцев). В отчаянии стоял: дома под Псковом у него осталась парализованная мать, он поручил ее соседям, и вот теперь, узнав, что он в тюрьме, они могут отдать ее в дом для престарелых. За что его арестовали, он представления не имел; говорят, ударил депутата, а такого и во сне ему не снилось. Я проверила его рассказ, видела дело — ноль доказательств, была на суде, слышала, как заврались «свидетели» и сам депутат. Егеря отпустили, но и до сих пор никто не может объяснить, за что он сидел в Бутырках. Было это в прошлом, 1994 году.

Камера российской следственной тюрьмы стала жизнеопасна.

Когда государство берет человека под стражу, оно должно отвечать за его здоровье и саму жизнь. Наше государство не отвечает ни за здоровье арестованного, ни за его жизнь. Люди

не только тяжело болеют в тюремных камерах и сходят тут с ума — они погибают. Вот вам еще одна история.

В сентябре прошлого года в Бутырках погиб Сергей Куликов от сердечной недостаточности. По рассказам сокамерников, он стал задыхаться, они звали врача, не дозволились (в Бутырках, я видела это собственными глазами, не работает сигнализация, ни звуковая, ни световая), пытались сами сделать ему искусственное дыхание (можно представить себе, что за воздух вгоняли они в легкие погибающего); когда его наконец вынесли в коридор, было уже поздно.

Родители Сергея говорят, что у него было здоровое сердце.

Ну а за что этот молодой человек был арестован? За ношение холодного оружия — не применение, а только ношение. Родители объясняют: Сергей, по профессии плотник, подрабатывал тем, что вставлял и чинил оконные рамы, у него всегда был при себе острый нож — орудие его профессии.

И Сергей, и егерь пробыли в тюрьме совсем недолго, несколько месяцев, а в российских тюрьмах люди сидят годами. Что говорит по этому поводу закон, какой срок пребывания в тюрьме он устанавливает?

Тут существуют как бы два срока: один идет в ходе расследования, другой — в ходе судебного процесса. Так как же обстоят дела со сроком пребывания в тюрьме во время следствия? До 1989 года максимальный срок тут составлял девять месяцев, но законом от 28 ноября 1989 года Верховный Совет СССР увеличил этот срок вдвое — полтора года (срок огромный!). Это закон уже не существующего Союза, он сильно отличается от российского закона, согласно которому срок следствия не превышает шести месяцев. Как из-

вестно, если российский закон расходится с союзным, применяется российский. А тут и Союза-то больше нет. Тем не менее закон этот, Верховным Советом России не принятый, просто вписали в Уголовный кодекс РФ, и он применяется на ее территории.

Между тем тот же закон от 28 ноября 1989 года установил и вовсе невероятное: время, в течение которого подсудимый знакомится с материалами дела, изымается из срока содержания под стражей, и вот человек сидит в тюрьме, а его тюремное время удивительным образом стоит, не движется (как сказано в законе — не учитывается, но почему, если человек в тюрьме?!). А ведь дела бывают огромные, многотомные, раздутые тем же следствием, ознакомление с томами дела может длиться долгие месяцы, как бы не поспешал несчастный заключенный.

Поток арестованных течет и течет в тюрьмы — и здесь задерживается. Вы найдете здесь людей, которые сидят и пять, и шесть лет — должители, чью вину власти доказать никак не могут, но и на свободу не выпускают, благо закон — сам закон! — дает им такую возможность. Я знаю молодого человека, который вошел в тюремную камеру, когда ему было двадцать семь, с тех пор прошло шесть лет, сейчас — я видела его на суде, закончившемся очередным «доследованием», — он еле стоял, прислонившись виском к прутьям железной клетки, восковой, худой, лысый, с замедленной речью. Страшно подумать, что он сидел (стоял) в ужасе следственной тюрьмы шесть лет и вновь туда вернулся.

А тюремная машина тем временем все мелет и мелет виноватых и невиноватых, хватает молодых и здоровых, чтобы превратить их в развалины.

Вот эта-то машина и ломала Игоря пять лет, перемальвала. Какое же он стал за эти пять лет?

Краснопресненская пересыльная. Мы в маленькой комнатке-купе, это место свиданий. Игорь уже знает, что его надежды на кассацию рухнули, что приговор вступил в законную силу и ему еще «пилить» два года — правда, уже не в следственной тюрьме, а в колонии, что куда легче. И все-таки еще два года.

Я спрашиваю, как шло следствие и почему это так произошло, что, работая целых четыре месяца, оно создало столь жалкий документ — обвинительное заключение.

— А потому, — отвечает Игорь, — что сначала дознаватели и следователи имели в виду совсем другой сценарий.

В каком-то подвале их района был найден неопознанный труп, и они задумали «навесить» его на Игоря. Вот в чем должен был он сознаться, когда его били в милиции, когда уродовал его тюремный «опер», — в убийстве этого никому не известного человека.

Так вот в чем дело! Значит, арестовали Игоря в связи с «подозрением в убийстве», и все расследование свелось к требованию «признавайся, ты убил!», а ничего не добившись, на скорую руку приготовили другое блюдо. Значит, сперва пытали «на убийство», а потом на «угон машины», в обоих случаях имея целью списать на Игоря «висяки», то есть преступления, которые зарегистрированы, но не раскрыты и причиняют поэтому милиции немалые неприятности. Конечно, куда лучше было бы навесить на парня убийство, можно было бы говорить о раскрытии крупного преступления, но парень попался редкий, обычно

люди не выдерживают таких методов следствия и пишут «чистосердечные признания».

Я смотрю на Игоря, честно говоря, с восхищением. Невысокий, тонкий, явно не богатырь, да еще с тяжким заболеванием почек, как он выдержал? Рос он в благополучной семье (отец летчик, командир корабля), окончил музыкальную школу, работал художником-оформителем, ничто не готовило его к подобным испытаниям — откуда взял он силы выстоять? Выстоять не только внешне — в том смысле, что не подписал самоговора, но и внутренне не ожесточился (тюрьма, — это, как известно, высокопроизводительная фабрика по переработке человека в зверя). А ведь Игорь оказался способным еще и помочь другим — тут самое время вспомнить о нашей маленькой узнице.

Лариса, мать Танечки, сказала мне, что она и в самом деле была виновата — вот как все случилось. Трое — Лариса, ее подруга и их приятель Алексей — подъехали в машине к гостинице. Алексей вошел в подъезд, а девушки его ждали. Вскоре он вернулся и со смехом показал пачку денег. Откуда? Да вот отнял у девки, которая тут, в гостинице, подрабатывает.

Никакого возмущения у Ларисы и ее подруги этот поступок не вызвал: они, по-видимому, разделяли широко распространённое убеждение, будто бы с плохим человеком можно не церемониться, и в том, чтобы отнять грязно заработанные деньги, ничего дурного нет. Однако в глазах закона поступок Алексея называется грабежом, и когда его арестовали, вслед за ним арестовали и Ларису. Она может быть, и была виновата в недонесении, хотя ответственность за него наступает лишь в особых случаях и вряд ли в случае мелкого грабежа, но Ларису хотели сделать чле-

ном банды (и едва ли не ее предводителем), а это уже очень серьезно. Ее тоже били, хотя палачам было известно, что она ждет ребенка. И она тоже держалась сколько было сил, но в отличие от Игоря, конечно, выстоять не смогла, подписала все, что от нее требовали, и со сломанным ребром и сотрясением мозга была отправлена в больницу (по поводу этих повреждений в милиции дали уже знакомое нам объяснение: она сопротивлялась, и потому к ней были применены соответствующие приемы). Месяца через два родилась Танечка.

Мы с Ларисой разговаривали не раз, но разговоры были телефонные. Ей вроде бы и хотелось рассказать о своих бедах, и в то же время невыносимо было вновь возвращаться мыслями в кошмар следственной тюрьмы. Мне трудно представить себе эту ее жизнь, равно как и жизнь крошечной узницы, вскормленной на тюремных кашах, выходящей в тюремный двор на недолгую арестантскую прогулку, живущей в узком, темном, грязном мирке, в кругу не самых милосердных женщин.

Танечка вышла на свободу раньше матери, она провела в тюрьме три года, Лариса — четыре с половиной. На суде ей дали срок, равный уже отсиженному, — явный знак того, что суд не располагал доказательствами, достаточными для того, чтобы осудить по данной статье, но и оправдывать по давней, идущей от советских времен традиции, не хотел. Но кто ответит за то, что молодая женщина (да еще с маленькой дочкой) провела долгие годы в аду следственной тюрьмы (без приговора)? За что их обеих российская юстиция обрекла на такие муки?

Ларисе и Танечке в их тюремной жизни помог Игорь и, разумеется, не только печеньем из посылки, —

от него шел сильный импульс поддержки. Судя по нашим разговорам, Лариса — человек сдержанный, но, когда речь зашла об Игоре, она сказала вдруг с горячностью: «Это лучший человек на земле!» Согласитесь, дорогого стоят такие слова, если учесть обстоятельства.

А что с Ларисой сейчас? Она вышла замуж за Танечкиного отца, живет в достатке (мне рассказали: интересная молодая женщина в длинной норковой шубке), но если ребенок уже вполне адаптировался к жизни (а сначала кричал от страха при виде троллейбуса, да и кто знает, как отразилась тюрьма в его душе, ведь говорят, в первые годы как раз основы сознания и формируются?), то Лариса все никак не отойдет.

Тюрьма — такое окончательное место, где проявляется вся правовая система — и дознание, и следствие, и прокуратура, и суд. Нынешнее кошмарное положение в тюрьмах во многом определено состоянием именно следственных органов. Вряд ли кто-нибудь может обвинить меня в недоброжелательном к ним отношении. Мне случалось писать о великолепной работе и дознавателей, сотрудников уголовного розыска, и следователей — с каким удовольствием рассказывала я об их профессионализме, искусности, и как это было интересно! А сейчас — или так уж мне везет? — я только и слышу со стороны властей: «Сам признался, чего вам еще нужно», — а со стороны подследственного — как его заставили признаться невыносимыми пытками или невыносимыми угрозами. И пусть не рассказывают нам, будто наши следственные тюрьмы переполнены оттого, что усилилась борьба с преступностью, больше, мол, стали арестовывать.

То, что сейчас происходит, это не борьба, это имитация борьбы. Каждый день с трибун, страниц газет и телеэкранов говорят об организованной преступности, о вооруженных бандах, о наемных убийцах, но ничего не известно нам о судебных процессах, где бы участники этих мафий и банд сидели на скамье подсудимых. Каждый день на экранах показывают, как кого-то хватают, валят, заталкивают в машины (все это так однообразно, что невольно думаешь: может быть, и это имитация?), но нам неизвестно, за что их задержали, кто они и куда потом деваются?

Да разве преступников ловят дедовскими методами облав?

Нет, не так это дело делается.

Вот, к примеру, небольшой детективный сюжет; я столкнулась с ним, когда приехала в Ростов знакомиться с огромным уголовным делом, где сотрудники правоохранительных органов — милиции и прокуратуры — работали замечательно и где, кстати, обнаружались замечательные характеры, в частности, молодых милиционеров. Тут и возник попутно этот небольшой детективный сюжет.

Кассирша привезла на завод зарплату, вошла в кассу, вывалила деньги из мешка на стол, заперла кассу и побежала перекурить. Касса являла собой кирпичный бункер, двери его обиты металлом, окно за решеткой, сейф прибит к полу, и все это под сигнализацией — и двери, и окно, и сейф. В коридоре у окошка в ожидании зарплат стояли представители цехов, дверь бункера выходила прямо в бухгалтерию, где сидели бухгалтеры. Кассирша могла быть спокойна.

А когда она вернулась, денег на столе не было. Неверьятно! Все видели: никто в кассу не заходил и зайти не мог. По заводу пополз

ядовитый слух, будто бы она денег и вовсе не привозила.

В Батайск выехала группа ростовского уголовного розыска во главе с его начальником подполковником Иваном Титаренко (теперь генерал). Картина была ясна: кто-то пробрался в вентиляционный люк, выпилил кусок гипсолитовой плиты, в образовавшееся окно спустился в кассу и через него же вышел. На чердаке нашли перчатки, винтовой домкрат да две смятые газеты, одна из них — «Вечерний Ростов». На этом ясность кончалась. А собака потеряла след.

Взялись за газету «Вечерний Ростов» — она оказалась из подшивки. Осмотрели, где могли, подшивки Батайска, эти номера все были на месте. Пришлось искать в Ростове — представьте себе работенку, если учесть, что у «Вечернего Ростова» — десятки тысяч подписчиков. И милиционеры искали следы именно такого дырокола, именно с такими дырками и таким расстоянием между ними. И вот наконец выделили семь предприятий, а среди них «Горсвет». Один из сотрудников розыска, подполковник, «поступил на работу» в «Горсвет» и без труда выяснил, что домкрат украден именно отсюда. Он внимательно наблюдал, вступал в разговоры, и вот кто-то из шоферов сказал ему, что возил одного из рабочих, Павлича, к врачу — Павлич будто бы порезал ногу. Нашли врача, тот сказал, что действительно к нему обратился молодой рабочий, у которого в ступне оказалось вовсе не стекло, как думали, а — удивительное дело! — ушко иголки с обрывком ниточки. Полные надежды (и страха, что она рухнет), работники розыска направились к кассирше. Да, у нее в стене всегда была воткнута иголка и как раз под решеткой вентиляционного

люка, но стену недавно побелили, и дырки не видать. Очертили показанное ею место, счистили побелку и ко всем дырочкам стали представлять сильный магнит, и вдруг в одной из них краска провалилась, и на магнит выскочил обломок иголки и именно ее кончик.

Администрация «Горсвета» была возмущена, когда к ней пришли из розыска. Павлик? Павлик — золотой парень, рационализатор, «висит» на Доске почета. Сам он бурно все отрицал, мастер его и друг свидетельствовал, что в час преступления молодой человек находился на работе. Но сотрудникам розыска было ясно, что Павлик вонзил себе в ногу иголку, прыгая из вентиляционного люка, на мгновение оперся ногой о стенку. Тем временем эксперт С. Калембет, исследуя газету, разглядела легкий отпечаток — ей удалось доказать, что это отпечаток безымянного пальца Павлика. Словом, настало утро, когда Павлик сказал: «Поехали». И они поехали туда, где над железной дорогой идет виадук — место настолько людное и настолько пригодное для побега, что Титаренко спросил Павлика, не собирается ли тот «баловаться». Нет, тот не собирался, он полез на насыпь, отвалил плиту — ничего. Отвалил другую — и опять ничего. А потом стал рыть песок и открыл мешки с деньгами.

Если говорить о методах милицейской работы, то, согласитесь, дело Игоря Т. и дело Павлика — небо и земля. В одном случае — портачи, убожество, в другом — исполненные достоинства профессионалы. С одной стороны, палачество, с другой — благородство и остроумие. С одной стороны, явный вред обществу (если схватили невиновного, истинный преступник остается безнаказанным и продолжает свои преступления), с дру-

гой — истинный розыск, поиск гораздо привлекательней, чем постыдный милицейский мордобой.

Между тем мы говорим о вещах первостепенной общественной важности: при подобном законодательстве, уровне следственной работы и состоянии тюремной системы любой человек (сын, муж или брат) может провалиться в тюрьму — как в звериную яму — на долгие годы.

Так что же делать и зачем я обо всем об этом пишу?

Когда предки нынешних россиян приходили проведать узников (семьями шли, с детьми, с пирогами) или когда богатые люди (аристократы, купцы) вступали в попечительские советы, жертвовали крупные суммы, — во всем этом проявлялся здоровый инстинкт нации, сознание того, что тюрьмы должны быть под контролем общества, что властям тут целиком доверять нельзя. Конечно, было тут сознательное или бессознательное убеждение: в тюрьме сидят далеко не только преступники.

А нынешнее российское общество этой проблемой не занято вовсе. Ему кажется: если главное — борьба с преступностью, то вопрос о состоянии тюрем, кто там сидит и каково ему там, уже никакого значения не имеет. Ничего, мол, не поделаешь, нынче не до гуманизма. Люди не понимают серьезности проблемы. Такое отношение, злобно-равнодушное, крайне отрицательно сказывается на всей тюремной системе и во многом определяет ее состояние. Из-за того, что тюрьмы и колонии забыты обществом, в них все хуже и хуже — ветшают и разваливаются их здания, гниет теснота, свирепеют болезни. Работа тут не престижна и плохо оплачивается, сюда идут далеко не лучшие (и тут, кстати сказать, сильно портятся), практически они бесконтроль-

ны, заключенные целиком в их власти (прокурорский надзор существует, но редко сюда заходит с серьезной проверкой). Вот и стали тюрьма и колония фабрикой по воспроизводству преступности.

У беззакония и бесправия в России глубокие корни. XIX век начал великую судебную реформу, создал новую форму суда — суд присяжных, но все это было уничтожено революцией вместе со всей государственной машиной. Страна рухнула, можно без преувеличения сказать, в бездну, в пропасть беззакония и насилия, зверского террора; вот в этой-то атмосфере беззакония, террора и страха и формировалось сознание поколений. Тяжкое наследие. Создание правового государства, в котором человек чувствовал бы себя защищенным, — работа невероятно сложная; эпоха перестройки ее начала, но идет эта работа медленно и потому, что есть силы сопротивления, и потому, что общественное мнение явно не готово. Надо ли говорить, что нынешние условия крайне неблагоприятны для правовой реформы — пойдите объясните людям, которые живут в нищете и вечной тревоге (твой завод стоит, зарплаты тебе не платят, дома голодные дети), пойдите объясните им, что главное — это права человека, что тюремный режим должен быть смягчен. А преступность тем временем бешено растет и свирепеет, бандиты уже убивают среди бела дня и явно знают о своей безнаказанности. Нужно иметь крепкую голову и хорошие нервы, чтобы во всем этом разобраться. И все-таки трезвый анализ необходим; от уровня общественного сознания, повторим, зависит очень многое, это можно показать на примере, непосредственно к нашей теме относящемся.

23 мая 1992 года в УПК РСФСР

было внесено существенное дополнение: обвиняемый (подозреваемый), его защитник и законный представитель вправе обратиться в суд с жалобой на постановление об аресте и его продление. Судебный контроль над арестами! — за этот закон наши реформаторы долго боролись и вправе были им гордиться. В самом деле, представим себе, что Игорь (или Лариса) тогда, в 1989 году, когда были взяты, имели бы право обратиться в суд с просьбой проверить, были ли основания для их ареста. Что могли бы представить в суд работники следствия, какие доказательства вины — ссадины и полманные ребра?

Закон от 23 мая 1992 года должен был стать сильной преградой на пути беззакония и сильно способствовал бы тому, что в тюрьмах сидели бы только те, кому действительно тут место. Но закон этот встретил яростное сопротивление прежде всего со стороны правоохранительных органов, сотрудники которых стали громко жаловаться, что им мешают работать — они-де ловят преступников, а судьи их отпускают. В средствах массовой информации началась травля этого закона, по телевидению показывали какого-нибудь отвратного толстяка, который, сидя в плетеном кресле на пляже, пил пиво, а голос за кадром объяснял, что это крупный преступник, которого милиция поймала, а судьи отпустили — полюбуйте! Общественное мнение было сильно раскалено, поднялась кампания против судей, которые в конце концов стали просто бояться освобождать из-под стражи до суда (под залог, поручительство или подписку о невыезде) и отказывают в жалобах даже в том случае, когда явно нет необходимости держать человека в тюрьме до суда.

Отношение общества к закону сказалось и в официальном документе — постановлении пленума Верховного суда, который фактически свел к нулю этот закон, запретив судьям вникать в суть дела и предписав им проверять только формальную его сторону (соблюдены ли сроки и т. д.). Вопрос о доказательствах вины, достаточных для ареста, судьи ставить не могут.

Прежде всего нам, общественности, надо менять свое отношение к праву, отказаться от жажды расправы, от этого вечного: «К стенке!» — давить в себе темные страсти. Надо серьезно вникать в правовые вопросы, в правовую практику. И ясно понимать, что без нас, общественности, тут дело обойтись не может.

В наших правоохранительных органах работает много способных, профессионально хорошо подготовленных людей, есть и высокоодаренные, но сейчас — это известно — немало квалифицированных специалистов из этих органов ушло, и начинает казаться, что правоохранительная система становится бастионом беззакония, — понимаю, заявление опасное, ибо всякое подобное обобщение несет в себе возможность ошибки, но ведь волна беззаконий, она очевидна? Взять этот бастион можно только изнутри. Отсюда задача: хорошо бы, если бы молодежь шла в юридические училища, в школы и вузы МВД, в юридические вузы, на юрфаки университетов, шла бы в ясном сознании, что общество не может существовать при нынешнем состоянии правовой структуры, правоохранительных органов и судов, при таком общественном правосознании.

А Игорь между тем дотягивает свой срок, и мы не знаем, как сложится дальше его покалеченная судьба.

ОТ РЕДАКЦИИ: Будем признательны всем, кто пришлет в редакцию отклики на эту публикацию, на затронутые в ней проблемы и поставленные вопросы. Ваши отклики мы опубликуем на страницах журнала, а также направим в заинтересованные ведомства и инстанции для принятия соответствующих решений.

OCTAH

ШЫ

ВАЛЕРИЙ ЩЕКОЛДИН*

Фото автора

Лет десять назад, готовя посвященную ветеранам фотовыставку, я писал что-то вроде программки для себя:

«Для кого-то война стала хорошим жизненным стартом, научила пробиваться. Кому-то дала выход жестокости, привела к преступлениям уже в мирное время. У кого-то обожгла или ранила душу; для таких война осталась болью, и День Победы им не праздник, а напоминание о том, чего бы лучше не знать и не помнить.

Говорят, на войне первыми гибнут лучшие. А без них, миллионов и миллионов убитых, портрет поколения не полон.

Ветераны — как останцы* среди разрушенных гор или обгоревшие деревья среди молодого подлеска. Они — неподвижные островки в потоке времени.

* Останцы — изолированные (островные) возвышенности рельефа, сохранившиеся от разрушения в виде отдельных массивов (примечание автора).

Для ветеранов война — точка отсчета, они знают настоящую цену мужеству и предательству.

У послевоенных поколений есть только один ценностный критерий — успех. Отсутствие успеха — чуть ли не трагедия. Болевая точка переместилась в область тщеславия. Чужая боль уже не воспринимается. И это стало совершенно естественным. Тем, кто не был на войне, нужна хотя бы «прививка» войны, чтобы задуматься об истинных ценностях...»

...Девятнадцать лет назад я впервые попал на встречу фронтовиков в столичном парке имени Горького.

Меня захватила эмоциональность происходящего: поцелуи, объятия, слезы. Влившись в эту толпу с ее праздничной бестолковой суетой, я двигался с нею, жил ее настроением.

На следующий год воспоминания снова потянули меня на праздник Победы. И снова я бродил в толпе среди ветеранов и многочисленных фотографов, и меня слепил блеск солнца, медалей и фотообъективов. Как и в первый раз, я старался «схватить» момент объятий и поцелуев этих поседевших мужчин и женщин, уловить непосредственность чувств.

И только позднее, встречая знакомых мне людей в уже виденных ситуациях и ведущих себя по-прежнему, я заметил, как подыгрывают многие из них телевизионщикам и фотографам. Журналисты вели себя с энтузиазмом и бесцеремонностью режиссеров-любителей, ветераны безропотно принимали предложенный тон, стараясь облегчить задачу «профессионалов». В игре отсутствовала подлинность. И тогда

я задумался: а что же снимать мне на этом празднике жизни?

Если военные корреспонденты могли зафиксировать, что делали люди на войне и что зойна делала с людьми, то мне оставалось показать, что послевоенные «мирные» годы сделали с победителями.

Вглядываясь в лица, я мысленно пытался произвести психологическую реконструкцию судьбы поколения, понять, как происходило постепенное расслоение общества, получившего второй жизненный старт 9 мая 1945-го...

Разные судьбы, характеры, лица. Ветераны войны — это не звание, не сословие: сближает их общая беда. Бесчеловечная попытка нашей пропаганды сделать из них бронзовых «рыцарей без страха и упрека», но и безликих, по принципу «гвозди бы делать из этих людей...» сослужила им плохую службу. Они привыкли к тяготам, а общество все эти послевоенные годы воспринимало как должное их смиренное терпение. Миллиардные затраты на исполинские и часто бездарные монументы, увековечивающие память о подвиге народа-освободителя, наверное, помогали правителям забывать о нуждах своего народа...

Десять лет назад я неосторожно думал о «прививке» войны. Сегодня мы получили настоящую войну на территории России.

Чему она нас научит?

134 ИГОРЬ БЕЛКИН,

22 года,
Москва

СЕВЕР

*Рассыпается долгая ночь. Сонно ухают филины
В бесполезной надежде сдержат отступление
тьмы.*

*Самовластие снега. И насыпь, и лес обессилены
Затянувшимся бременем лесоповальной зимы.*

*Но и здесь, в бесконечно растущих еловых торосах,
Где не слышно десятками лет человеческих слов,
Как ружейными выстрелами, от великих морозов
Наполняется бор оглушительным треском стволов.*

*Успокоилось эхо. Доносится глуше и глуше
Трепыхание птиц, притворившихся битыми влет...
Снова выстрел... И снова еловые уши
Прижимаются к мертвой земле придорожных
высот.*

*Обрекая озера туманов, холодно-апрельских,
На короткое небытие, словно ржавая сталь,
Рассыпается ночь.*

*И, звеня в промороженных рельсах,
Догоняет вагоны, давно унесенные вдаль.*

*Снова радужно-чистое небо, как будто весна в нем
Размела облака. И не знавшая грусти звезда
Загорелась неожиданно-негаданно воспоминаньем
Обо всех проходивших под синим лучом поездах.*

ТАТЬЯНА ЗАЙЦЕВА,

17 лет, школьница,
г. Александров Владимирской обл.

≡
*Июль крадется, словно жулик,
Одним экстравагантным жестом.
И серебро московских улиц
Облито золотом Одессы.*

*Тогда в Москве народу мало,
Лишь голуби воркуют что-то,
А в небе дымкой от пожара
Висят расстроенные ноты.*

*И ветер Африки железной
В лицо бросает горсти пыли.
Я вспоминаю горько, нежно
Отбывшие автомобили.*

*Блестя на солнце грязным днищем,
Они ползут по ране лета.
В них горожанин — принц. И нищий
От завтрака и до обеда.*

*А здесь лениво что-то строят;
Я вязну в мареве, увы...
Ведь не хватает меди моря
В одесском золоте Москвы.*

ЗРИК БАТУЕВ,

25 лет, журналист,
Москва

≡
*Я спускаюсь солнцем
В шелест камыша,
И вливает в сердце
Лодка не спеша.
На две половины
Сердце бороздит.
В ней, обняв колени,*

*Милая сидит.
И не замечая
Солнечный закат,
Окунает в воду
Волосы и взгляд...*

ГЕННАДИЙ ТОКАРЕВ,

32 года, актер,
Краматорск Донецкой обл.

92 ДНЯ ВЕСНЫ

*Была теплынь на сто стихов,
На тяжеленный том романа.
Собакой спящей у дивана
Весна дышала в сто мехов.*

*Был месяц май на сто картин,
На сто мольбертов и сто красок,
На сто застывших в смехе масок,
И тихий плач — на сто один.*

*Была пора, когда в дому
Часы на сотню лет отстали,
Когда сто первым снегом стали
Мечты холодному уму.*

*Был выходной на сто работ,
На сто обид на понедельник,
Сто хворостин, спряженных в веник,
Устали спорить: кто метет.*

*Была весна в сто первый раз,
Но лишь на сто ее хватило.
За девяносто два платила,
Чтоб восемь спрятать про запас.*

АЛЕКСАНДР ПИНЕГИН,

25 лет, электрик,
с. Александровское Кировской обл.

≡
*Я, как всегда, ищу ответа
В одном из новопришлых слов:
Не у пророка Магомета,
А в лексиконе дураков,
Не на запутанной странице,
Где сонмы смыслов, суть морей,
А в зыбком хороводе мыслей
Полулюдей, полузверей,
Под тонкой кожей изьяна*

*И в сладкой гнилости сердец,
На поле, что полно бурьяна,
В сознании, что всему конец
Обещан. Будет панихида,
За памятью уйдут года,
На теле ветхая хламида
Мертворожденного труда.
Под линзой будущей науки
Ползем букашками к теплу,
К чему-то простираем руки,
То ли к безумью, то ль к уму.*

ТАТЬЯНА СЕРИКОВА,

20 лет, студентка,
Барнаул

≡
*Конечно, и я могла бы,
Спокойная,
в черной шали,
Играя кольцом на пальце,
Шутить о своей любви.*

*Но вот, не шутя, не целуясь,
Не зная душистых лилий,
Я ласково в сердце целуюсь,
В свое — золотым пожом,*

*И красным цветком на платье,
Красным цветком на черном
Распустятся мои чары
И разойдутся сном.*

МИХАИЛ КОРМИШАЕВ,

24 года, работник архива,
Москва

НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

*Как знобит... Одиноко мне здесь.
Здесь холодные стены, гниющие доски,
Пустынные рожи.
Дом плывет... Знаю, сумрачна поздняя весть.
И не встретятся люди, худые обноски,
Ходячие мощи,*

*Это ночью привиделось темной душе,
Это утром явилось по первому снегу
С дождями.
Но вот улицы мерзнут в сухом мираже,
А заборы давно покосились уже,
И уже повалились частями...*

БАНИ

АНАТОЛИЙ РУБИНОВ

день

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Сотрудники «Интуриста» вечно смущались, когда гость из-за рубежа просился в русскую баню. Это считалось провокацией. В «туристском плане мероприятий» бани, конечно, были не предусмотрены. Неужели в Москве нечего больше смотреть? Пожалуйста: Мавзолей, ВДНХ, метро, высотные дома... А между тем в каждой группе туристов находился человек, который вспоминал о русской бане. Он не был провокатором — просто образованный человек, который знал, что только в России повсеместно сохранились остатки древнего культа.

Римский «терм» и русский веник

Бани имеют увлекательную историю.

Можно написать интересную книгу о том, как римляне накануне дня рождения Венеры, богини любви и красоты, повсюду мыли посвященные ей статуи и ходили в общественные бани сами. О том, как еще раньше, в Древнем Египте, жрецы пускали мыться в свои капища простой народ, потому что в Ниле купаться было невозможно — в нем водились крокодилы. О том, как Цирцея угощала Одиссея баней. О Платоне, который считал бани символом чистоты, здоровья, гостеприимства и видел необходимость государства заботиться о них.

В древнем Риме насчитывалось 856 общих и частных бань — «терм». Некоторые из них были величественны — со скульптурами, садами, гимнастическими залами. В Ульпинских термах была даже библиотека. Римские термы действовали с рассвета до заката. Император Александр Север приказал бани держать открытыми круглые сутки, днем с оплатой в самую мелкую монету — в один

асс, а для бедных и больных ночью бесплатно.

Любопытно, что русские цари в первой половине XIX века запретили брать с посетителей «торговых» (общедоступных. — Авт.) бань больше, чем две копейки за вход, и обязали непременно вручать каждому взрослому человеку березовый веник. Торговые бани появились, очевидно, в XVIII веке — до тех пор о них не было слышно. А про веники древние архивы сохранили уйму любопытного. Например, многие крестьяне платили оброк своему помещику вениками. Для княжеского двора их надо было иметь великое множество. Годился не всякий связанный пук сухих прутьев, а именно веник из березы, которая растет не в овраге, обладает широким листом и длинным стеблем. Только такая береза в пару шумно шумит, а не хлещет, выпаривает из тела нечисть и простуду. Для каждого посещения бани — отдельный веник, а баня — каждую субботу. Некоторые крестьяне обязаны были поставлять княжескому двору и полевой камень — для банной каменки. Не сотворенный руками кирпич, который не хранит тепла, а раскаленный дикий камень держит жар и способен, огрызаясь и кипящаясь, отдавать сухой пар, когда на него плеснут водой.

Настоящая русская баня, где бы она ни стояла, строилась одинаково: раздевальня, мыльня, парная. Бедная топилась по-черному. В ней берегли дрова.

Но самая бедная была в каждом доме. В русской печи... В середине прошлого века журнал «Современник» описывал, как мылись в заолустной деревне: в вытопленную печь после того, как сготовили в ней щи да кашу, настлали солому, задвигали казан с нагретой водой, залезал хозяин с березовым веником и щелоком. За ним стави-

ли заслонку, и он за ней там при мерцающей свечке мылся-парился.

Почти сто лет спустя, во время последней войны, в деревне Потапово на Северо-Западном фронте автор сам залезал в широкое жерло русской печи и при свете копилки, сделанной из снаряда самолетной пушки, мылся осторожно там, боясь погасить слабый огонек...

Для бани брали непременно липовую доску. Она белее любой другой, мягче всякой иной и — самое главное! — не дает занозы.

Княжеские бани всегда устилали и обивали белой и мягкой липовой доской. Все лавки были тоже липовые, а бады из другого какого-нибудь стойкого дерева. Попариться вместе с князем было великое отличие и награда. Он назначал себе компанию из ближних бояр каждый раз сам, и без вопросов можно было определить, кто на этой неделе в самой большой чести. Самым близким человеком князю мог оказаться тот, кто больше всего стоек в великом жару, не боится зноя высшей полки, не страшится без конца подбрасывать пар и при этом весел и голосист. (Это одна из немногих традиций, что не подверглась перестроенному зуду...)

Баня была удовольствием и потехой. Из нее люди выходили добрее прежнего, забывали обиды, прощали провинившихся. Милее становились прискучившие жены. Семейные распри неожиданно кончались миром именно после того, как супруги побывали в бане: в княжеских банях мужчины и женщины мылись раздельно, в крестьянских — всей семьей.

Тогда не подозревали, что баня была местом гораздо более важным: она берегла здоровье народа, держала всех в чистоте. Обычай еженедельного омовения охранял

народ от заразных болезней, уберечь Русь от эпидемий, которые косили старого и малого по всей Европе. И еще закалял перед простудой.

Живший в начале восемнадцатого века при дворе Петра Первого камер-юнкер Берггольц в письмах в Германию дивил своих соотечественников тем, что здешний народ после того, как его исхлестают венником в жарком пару, выбегает зимним днем голышом на улицу и сигает, радостный, без раздумий в прорубь, а если нет поблизости речки, то катается распаренным телом на снегу.

Чему дивились иностранцы?

Да, о старинной русской бане у нас известно главным образом от иностранцев; свой человек об этом не писал, свои о ней не говорили, потому что обыкновенное не видно и не удивляет. Кому в голову придет объяснять, что такое суточные щи, когда каждый их едал?

Первым описал бани на Руси знаменитый немецкий путешественник Олеарий, побывавший в Новгороде, Москве, других городах на сто лет раньше Берггольца. Его несказанно удивил обычай парения, ему, наверное, казалось, что люди венником сознательно творят себе мучение — секут сами себя или своих ближних! В Астрахани Олеарий побывал в банях, которые делились на женскую и мужскую половину условной перегородкой. Некоторые стеснительные (а может быть, горячие?) натуры только прикрывали кое-какие места венником, но большинство чувствовало себя довольно свободно — мужья и жены переговаривались... Олеарий утверждал, что русские люди в Лжедмитрии узнали иностранца по одному отношению к бане — не любил ее.

Почему же удивлялись баням путешественники в России?

Со времен крестовых походов в Европе о банях стали забывать: с Востока христианские воины принесли невиданную губительную болезнь — проказу. О ее существовании в Европе еще не знали и решили, что она заразная и распространяется там, где человек раздевается. Запрет пошел из Германии и медленно покатился по всем католическим странам. В результате о банях забыли настолько, что еще в начале XIX века, по свидетельству знаменитого врача Лассара (помните пасту Лассара — она до сих пор продается в аптеке?), в Германии человек мылся на протяжении жизни три раза: при рождении, перед свадьбой и перед похоронами. (Великий изобретатель пасты имел в виду, наверное, только горячее омовение, потому что во всех германских землях было изобилие общественных купален...)

Португальский врач Санхес, приехав в середине XVIII века на службу к русским царям, был удивлен такому необычному явлению, о котором он знал только из старых книг, — баням. Он встречал их везде — в столицах и провинции, в них мылись все — цари и крестьяне. Пытливый человек, лейб-медик Антонио Нуньес Рибериа Санхес начал с того, что стал проверять, полезны ли бани здоровью. От полученных результатов он оказался в восторге: мытье в жарком пару, хлестанье распоренным венником прекрасно сказывалось на самочувствии и не причиняло никакого ущерба даже младенцам и глубоким старикам! Санхес не пропуская случая осмотреть любую встреченную им баню, поинтересоваться, как она выстроена, из какого материала. В Париже он напечатал обо всем этом книгу, и Европа узнала о рус-

ских банях именно из книги Санхеса.

Три столетия спустя великий певец Федор Иванович Шаляпин написал из Парижа в Москву своей дочери Ирине, чтобы она подыскала литературу по такому вопросу: как строить русские бани — здесь, во Франции, никто не знает этого, а он хотел бы выстроить у себя во дворе настоящие русские бани. Ирина Федоровна нашла у букиниста две книги по этому вопросу — больше нигде не было, и сведущие люди говорили ей, что других книг на эту тему не существует. Обе книги — одна из них на французском — были одного автора — Антонио Санхеса. На обложке второй книги говорилось, что это точный перевод книжки с французского. Как в шестидесятые годы признавалась Ирина Федоровна, ей очень хотелось порадовать чем-нибудь отца, и она, случайно натолкнувшись у букинистов на две одинаковые книги, решила послать ему обе. Ей ли не знать было, что Федор Шаляпин слыл в Москве, может быть, самым большим знатоком и любителем бань!

«Сандуны» и шустрый Хлудов

Первые Сандуновские бани были построены в 1812 году на деньги разжалованных артистов императорских театров супругов Силы Николаевича Сандунова и его жены голосистой певицы Елизаветы. (В императорском театре красавец Сила Сандунов слыл прекрасным драматическим артистом, которому особенно давались роли мужей-ревнивцев, — при этом напоминали о его грузинском аристократическом происхождении и о его подлинном имени — Сильвио Зандукели...)

Сандуновы построили бани лучшие в Москве. Тогда уже насчиты-

валось около сотни городских бань — все на берегах Москвы-реки или Яузы. Самые большие бани находились у Большого Каменного моста. Как водилось, после парной мужчины и женщины в любую погоду выходили охладиться. Возле бань в любой мороз с утра делали во льду большие проруби — одну для мужчин, с другой стороны бани — для женщин, поменьше. В бани ходили семьями, потому что в Москве стали приворовывать. Главным образом в банях. Когда человек наслаждается на полке или, весь красный, ошалело бежит искупаться, у него можно спереть все.

(То не было новостью для истории бани. Этому есть литературное свидетельство: Петроний в своем «Сатириконе» авторитетно сообщал, что воровали и в хвалёных древних римских банях, в которых мылись императоры. Помните молодого героя «Сатирикона», который слишком увлекся водными процедурами и остался вовсе без одежды? И продолжение истории: другой герой, почтенного возраста и состоятельный, воспользовался этим и пригласил пострадавшего к себе для порочных утех...)

Так вот, в московских банях возле Большого Каменного моста подворовывали. Поэтому ходили туда большой гурьбой, кто-нибудь оставался сторожить одежду, его, наверно, все время меняли — чтобы удовольствие получили все.

В лучших московских Сандуновских банях не надо было иметь дежурного сторожа. Им был так называемый «пространщик». Еще не очень старому глазастому мужичку специально вменялось любезно принимать и провожать гостей, говорить им приятные слова, поздравляя с легким паром, но самое главное — зорко смотреть за скинутым бельем и платьем, чтобы никто чужой не зарился на него.

В бане было назначено несколько «пространщиков» (не привившееся нигде, кроме Москвы, слово, образованное от слова «пространство»): старому доверенному банщику отводили для охраны участок, пространство с лавками, на которых лежит, проветривается платье и белье.

Но не только в этом заключалось отличие от всех бань — в Сандунах были заведены младшие должности. Прежде всего «молодец» — суровый и вместе с тем приветливый обнаженный (но с деликатно подвязанным передничком, концы которого мотаются на открытой заднице) боец, всегда готовый оказать гостю любую услугу: крепко попарить, потом сурово натереть мыльной мочалкой, а самое главное — ласково вымыть голову, не скребя при этом ногтями корней волос. Так разумная кошечка, которая хочет быть приятной, прячет острые коготки. И самая младшая поросль — неоплачиваемая должность «мальчика». Ему, получавшему за работу только чаевые, надлежало смотреть вокруг и учиться всему: мыть, обдавать, парить, разбираться в венике, но главное — быстренько сбежать в лавку за бутылкой или за съестным. Со временем «мальчик» становился «молодцом», а с годами удостоивался чести быть королем бани — «пространщиком».

Это новшество сразу завоевало сердца богатой публики, любящей общение. В баню стали приходиться, чтобы вместе покуролесить, обсудить новости, немного в заключение выпить. Высший московский свет сделал из Сандуновских бань еще один клуб. Лукавый Сандунов не пожалел денег на серебряные шайки. И не прогадал. Сначала пришел мыться генерал-губернатор князь Долгорукий, и ему любезно поднесли для мытья шайку

из чистого серебра. Князь удивился, всей Москве рассказал. После этого богатые люди стали отправлять сюда перед свадьбой невест, появилась московская примета: для счастья в браке надо непременно помыться из серебряной шайки.

Неизвестно, сам ли придумал Сила Николаевич эту новинку или это было где-нибудь в Грузии — в Тифлисе. Уже тогда в России шла слава о знаменитых лечущих серных тифлиских банях, которым обязан своим местонахождением грузинский город: подстреленный царским охотником, орел напился воды из источника и благодаря этому вмиг выздоровел.

В Тифлисе Пушкин, посетив знаменитые бани, оставил описание их. В свое время Владимир Гиляровский узнал от старых жителей Сандуновских бань, что Пушкин, бывая в Москве, посещал и их. Туда сходилось все приличное общество.

Стали приходиться и богатеющие на глазах купцы. Бывал известный дровящик Иван Григорьевич Фирсанов, посещало Сандуны семейство купца Сергея Хлудова.

Лет через семьдесят после постройки Сандуновских бань, когда бывших артистов уже не было в живых, Иван Григорьевич Фирсанов дал денег очередному владельцу запущенных к тому времени бань в заклад. Тот не сумел возвратить долга, и Сандуновские бани остались за Фирсановым, который ими совершенно не интересовался, потому что вел крупную игру в недвижимость: скупал дома разорившихся дворян на самых престижных улицах.

В восьмидесятые годы прошлого века дочь дровящика Фирсанова Вера Ивановна жила со своим семейством в самом центре дворянского московского гнезда: на Пречистенке в роскошном дворце,

в окружении знаменитых картин и дорогого фарфора, устраивала музыкальные вечера. Но счастье сюда не пришло — погиб на Кавказе ее муж, полковник, осталась дочь. Многие благородные люди добивались внимания богатой вдовы, однако всех превзошел молодой корнет Алексей Иванович Гонецкий, имевший связи в Петербурге при самом дворе. Став мужем богатой женщины, Алексей Иванович просил свою деловую жену поручить ему какое-нибудь занятие. Тот разговор проходил в карете, когда они как раз проезжали по Неглинному проезду. Взглянув на Сандуны, Вера Ивановна, улыбнувшись, сказала: «Надо бы перестроить бани. Имя у них в Москве славное, но, говорят, сильно запущены. Займись ими. Сделай дворец!»

И Гонецкий сделал Сандуны дворцом! Он нашел зодчего в Австро-Венгрии, мрамор — в Италии. Хотя специалисты доказывали Гонецкому, что напрасно и даже смешно рассчитывать на каррарский мрамор, потому что еще Микеланджело исчерпал его, выбрал его весь для своих скульптур, удалось привезти мрамор именно из Каррары.

Ровно сто лет назад были снесены старые Сандуны, расчищено место для новых; в будний день все катили и катили подводы, подвозящие материал для самых лучших российских бань; на весну 1896 года было рассчитано освящение.

Давний соперник Ивана Фирсанова другой знатный и удачливый купец Хлудов решил потягаться с купеческой дочерью, проникшей во дворянство, и тоже стал хлопотать о разрешении на постройку бань в центре города. Еще «центрее» — рядом с Китай-городом, в Театральном проезде.

Тогдашний московский торго-

вый полицейский Юнг всеми силами запрещал всякие бани в центре города и вообще стремился охладить поднявшуюся охоту открывать новые зловонные мыльни. Москва быстро росла, появился, стал рабочим пришлый крестьянский люд, имевший обыкновение раз в неделю мыться в бане, и он шел в торговые бани. Они стали прибыльными. Бывшие пространщики, собрав капитал из чаевых, которые, на потеху друг другу, щедро бросали добрые купцы и, сердясь на дармоедов, те, что были поприжимистее, скупали домишки у каждой московской речки — на Яузе, Нищенке, вдоль Отводного канала, на Самотеке, и устраивали бани. Потом все вместе написали слезное письмо самому царю о том, какой убыток они терпят из-за того, что за баню с венником вынуждены брать всего две копейки, а венник на каждого — один расход, на старого и малого по одному. Убедительно просили оставить две копейки, а венник заставить покупать. По дешевке: копейка пара, поскольку венник не изнашивается за одно парение. Большинство обходится одним на двоих, потом банными венниками полы в дому подметают. Царь согласился. А потом, лет через тридцать, вышло другое постановление: в хороших банях и чистых можно брать с моющихся пятак, но не больше. И от этого высочайшего дозволения бань в Москве сильно прибавилось...

Купцу Хлудову удалось заполучить для бань самое центральное место. Он быстренько построил их и даже назвал «Центральными банями», но так же быстро продал их купцу Кузнецову, тем самым лишний раз доказав, что строил он их не из увлечения, а назло завважившей купчихе. Однако Фирсанова легко перенесла унижение. Весной, как раз в пору коронации по-

следнего царя, Николая Второго, москвичи смогли убедиться, какие бани лучше, наряднее, видом благороднее.

Это было видно всякому. Сандуновские бани оказались совершенно независимы, как государство Монако. К ним был проложен собственный чистейший водопровод, который брал начало там, где в Москву-реку еще не было никаких городских вливаний, создана была целая служба, которая брала в бассейне пробы воды каждый час. Делалось это заметно, чтобы все видели: откуда-то выходил человек в белом медицинском халате с белой же шапочкой, зачерпывал миской на длинной ножке воду, помещал ее в мерный закрытый сосуд, уходил и появлялся через полчаса снова — писал мелом на доске никому не понятные слова и цифры. Была в Сандуновских банях и собственная электростанция, она давала свет всем помещениям. Хозяйка раз и навсегда потребовала, чтобы электрические лампочки всегда светили ярко — свет придает помещению праздничный вид и уверенность в том, что кругом властвуют чистота и благоразумие.

А в Центральных банях, несмотря на их королевскую пышность, было все-таки темновато. Некоторые газеты намекали, что не напрасно — может быть, они хотели указать на нестерильное содержание помещений, может быть, и на что другое... Знатoki уверяли, что и вода в Центральных банях поухе сандуновской: хорошо не поможешь вопоры после мыла — не такая мягкая.

Сандуны так и остались «Царь-банями»! И, пожалуй, нет ни одного коренного москвича, который, даже живя в квартире с ванной, не побывал бы хоть раз в Сандунах, не видел их мраморного бассейна из лучшего в мире мрамора, на-

стоящей русской парной, хотя уже вышло в расход поколение, которое видело ее белой в мягкой липовой доске.

В революцию 1917 года куда-то делись серебряные шайки, из которых мылись все богатые московские невесты. Но остался мореный черный дуб, тяжелые диваны из него, что демонстрировали московскую честность — лежит открыто дорогое платье, и никто посторонний не приблизится к нему. А по всей России, даже в стране бань — Венгрии, повсюду поставлены, как поднятые вверх гробы, узкие ящики под замком, где хранится до поры до времени одежда моющихся, и от них идет затхлый запах, как из вечно запертого комода со старым добром.

Здоровый пар

Сандуны оживили интерес к баням. Императорская военно-медицинская академия вдруг задалась естественным вопросом: а не пережиток ли эти русские бани, не вредны ли они, не портят ли народу здоровье? И были проведены тщательные исследования. В Петербурге и Москве набрали за плату добровольцев, которые ходили в баню под присмотром. Их кормили и измеряли, выслушивали, наблюдали, расспрашивали.

На три летних месяца в конце прошлого века лекарь М. И. Гусев, готовя диссертацию на степень доктора медицины, получил в свое распоряжение группу молодых подопытных людей. О каждом еще теперь известно все, кроме подлинной фамилии: сколько каждому лет, как менялся его вес в ходе эксперимента, как вел себя пульс. Все они были студенты, и всем им давали бесплатно еду для поддержания сил — они завтракали и обедали под присмо-

тром, чтобы изучить, не требует ли баня излишнего питания. Ели парни и пили из мерной кружки и, чтобы ускорить эксперимент, мылись в бане каждые пять дней. В девять часов утра подопытные взвешивались без белья, выпивали чай с ситным хлебом, еще выпивали кружку молока, съедали бутерброд с маслом. В двенадцать часов парни съедали жареную котлету, вечером — снова чай с молоком и хлебом. Прямо скажем, не густо... Но так, наверное, требовал эксперимент, и для его чистоты ситный хлеб покупался в одной и той же лавке, мясо бралось лучшего качества — без жира и сухожилий, молоко доставлялось от одной коровы. В баню парни отправлялись все вместе в семь часов вечера. Мылись сорок минут. Все, кроме двух парней, парились, на мытье отмерялось 70 литров воды. В предбаннике температура была от 19 до 22,4 градуса, в мыльной — 23,2—28,2 градуса, в парилке на самой верхотуре полка — от 44,5 до 60 градусов...

По свидетельству руководителя эксперимента, «непосредственно после бани испытуемые чувствовали род усталости, но спустя некоторое время, а затем на следующий день, самочувствие было прекрасное». Парни мылись, парились, их то и дело взвешивали, обмеряли, выслушивали сердце и легкие, считали пульс и дыхание, делали все известные в ту пору анализы.

Диссертант собрал сведения об усвоении азота пищи под влиянием жаркого мытья, о белковом обмене. Как ни странно, парни в конце концов не только не похудели, но поправились. Особенно те, кому предназначено было наукой париться. А лекарь (все выпускники университета по медицинскому факультету назывались лекарями) защитил диссертацию, поспорил

с некоторыми медицинскими взглядами и таким образом сделал вклад в науку о бане.

Выводы были в пользу бани — для здорового и молодого человека.

В Петербургской императорской военно-медицинской академии были защищены и некоторые другие диссертации, которые касались людей, отягощенных различными болезнями. Исследовалось, например, «влияние бани на отделение молока у кормилиц». Все ученые отмечали благотворное влияние русской бани на здоровье человека и преимущество над сухой ирландской баней — предшественницей сауны, которая, как считали ученые, иногда наносит потери здоровью, например, отделяет пота гораздо больше безопасных и умеренных 900 граммов за одно посещение. Все диссертанты подтвердили, что русская баня, при правильном пользовании ею, не ослабляет организм, наоборот, только укрепляет. Резкие переходы от тепла к холоду закаляют кожу, а ирландско-турецкие, наоборот, изнеживают человека, делают его чувствительным к атмосферным переменам...

Сумерки банного дня

В Москве конца XIX века насчитывалось около 400 бань. Они не пустовали ни одного дня недели, кроме больших праздников, но особенно многолюдными были субботы. Число бань стало уменьшаться после 1918 года. Первыми закрылись маленькие частные баньки — трудно было с дровами для согревания воды. Сандуновские бани переименовали — они стали называться Первыми госбанными, но Центральные сохранили свое наименование, и власти почему-то лучше относились к ним. Не

из-за названия ли? Центральные бани закрывались только на выходной день — в понедельник, а Первые госбани, которые в народе все равно называли Сандунами, — по вторникам, потому что считалось, что нельзя оставлять трудящихся совершенно без бани. Да и то в обеих банях трудились и в выходные дни: по заведенному исстари порядку в выходной для публики день бани умывали, открывали все окна для просушки, проветривали. Поэтому самые большие ценители ходили в баню не в субботу, когда туда шел весь народ, а после выходного или, как потом говорили, санитарного дня: баня оказывалась чистой, сухой, в ней хорошо дышалось.

Перед Великой Отечественной войной в Москве построили много больших бань — главным образом в заводских районах. Они были просторные и незатейливые, как промышленные цеха, и в банях стало еще шумнее. Именно в эти годы вокруг каждой бани стали складываться добровольные группы любителей парения, которые знали в бане толк — и как поддавать, чтобы каменка быстро не погасла, и когда начинать размахивать веником. Люди встречались по определенным дням, приносили с собой бидончики с пивом, сидели долго, потому что делать было нечего, говорили между собой. Очень осторожно, но все-таки откровеннее, чем у себя на работе: наивные, они полагали, что, находясь среди незнакомых людей, да еще голые, они могут не бояться говорить кое-что об очередях в магазинах, о «врагах народа», которыми оказывались, как это ни странно, сами активисты и партийцы. Старые банщики утверждали, что по большей части это сходило людям с рук, но бывали случаи, когда человека с котомкой и веником поджидали люди, которые не по-

купали билета, потому что пришли вовсе не для того, чтобы париться, — не ведая о человеке ничего, не зная ни фамилии, ни адреса, они зато знали, по каким дням тот ходит в баню, и о том, чем недоволен.

В войну многие большие бани погубили — прохудилось центральное отопление, стали протекать крыши. Поэтому после войны самые длинные очереди в Москве были у оставшихся бань, главным образом у старых — Сандунов, Центральных, Палашовских, Чернышевских... Молодое поколение уже не знает даже всех названий, потому что их родители, получив отдельную благоустроенную квартиру с ванной, на радостях первоначально решили, что нет удовольствия выше, чем мыться у себя дома. Некоторое время — пока люди находились в заблуждении — Моссовет живо раздал старые здания организациям, у которых было мало места, или просто позволил разрушить, чтобы построить на старом банном месте жилой дом или стоянку для автомобилей. Так погибли старые Марьинские бани с собственной водой из артезианского колодца, Железнодорожные, где мылись люди из ближнего Подмоскovie, — бани находились возле Казанского вокзала, из старинных Палашовских бань сделали прачечную, Чернышевские — в самом центре города, поблизости от Центрального телеграфа, срыли до основания. Потом спохватились, спешно построили взамен несколько новых бань — Кадашевские вместо старых Кадашевских, Краснопресненские — вместо старых, с колоннами и литыми бронзовыми кранами Пресненских, переименованных после революции в Краснопресненские...

Но было уже поздно — что-то в банях потерялось, в самом их

духе, хотя оставалась разрозненная армия истинных любителей бань, которые даже золотую ванну не сменили бы на березовый жаркий дух, на ощущение легкости во всем теле и радости на душе после того, как потомишься в жарком пару, обдашься холодной водой. Домашний душ, квартирная ванна рождают лень, клонят ко сну, а баня зовет к активной жизни.

В отношении бани в мире происходило два противоположных процесса: в Европе, особенно в Европе, но и в Америке стали интересоваться древними банями, которые сохранились только в России, а в России власти старались от них избавиться, как от чего-то постыдного, примитивного. Этим воспользовались финские архитекторы: они пропагандировали «сухую» баню, и сначала они появились в каждом приличном зарубежном отеле, а потом умудрились втиснуть собственную баньку-сауну в жилой дом. В Соединенных Штатах Америки в бассейнах придумали банное устройство «джакузи» — индивидуальную бочку, в которой бурно ворочается, массажирует тело вода. Это взамен стегания березовым веником. В Германии появились бани в полном значении слова совместные — они совместили сауну и русскую баню, в которых вполне целомудренно совместно и одновременно моются люди обоого пола. Лучшая из них — в Берлине, в самом его центре, в знаменитом высотном доме, который называют «Европа-центр». Там и русская баня, и сауна, и турецкая баня, и бассейны с теплой водой и холодной. Но самый большой успех имеет отделение русской бани с ее парной, но... без веника. Там говорят и пишут, что парная баня более целесообразна, чем большинство лекарств. И сообщается, что она может принести: лечит суставы, хо-

рошо сказывается на эластичности легочной ткани, увеличивает содержание гемоглобина в крови, очень часто снижает кровяное давление, поднимает дух...

Бани — старые, русские — «новые»

А в Москве продолжается уничтожение бань. Многие попали в руки людей, которые любят прежде всего доход.

В Центральных банях сначала случился пожар — да, как это ни невероятно, пожар в Центральных банях, в его высшем разряде, где сто кранов с водой и большой бассейн, полный воды. Потом мэрия отдала бассейн для устройства там... ресторана. Роскошного ресторана для самых богатых людей. В чаше бывшего бассейна поставили столики, любезно обслуживаемые официантами. Слов нет, там подают отменные блюда, которые приготавливают лучшие в Москве повара — двое из них ездили недавно на мировой чемпионат в Норвегию, и хотя особо там не отличились, но с программой справились успешно. Но тот, кто бывал в Центральных банях, когда они были исправны, тот не может не улыбаться при виде жующей шикарной публики, которая аппетитно ест там, где когда-то сигали с борта. Остались даже скульптуры, которые купец Хлудов купил в заочном споре с Фирсановой. Скульптуры смотрят на богатый народ, который хорошо пьет, вкусно ест — они, скульптуры, видели другие картины: обнаженных людей, прибежавших окунуться после парной. Не будь в обиду Фирсановой или Гонцекому сказано, все-таки в Центральных банях парная была лучше, чем в Сандунах...

А что делается в Сандунах? Они живы и даже реставрируются.

Но стали очень дорогими! Цены все время поднимаются. Когда-то, в правление Фирсановой, высший разряд назывался «полтиничным», потому что удовольствие помыться в лучшей бане, в Царь-Бане, стоило пятьдесят копеек. А в 1988 году, уже в период перестройки, это же удовольствие обходилось в один советский рубль. И не было конца народу, который хотел побывать там. Пройти без очереди удавалось только ранним утром, да и то в будний день. Сейчас, когда пишутся эти строки, билет в Сандуны стоит 30 000 рублей. Очереди нет... Слов нет, бани хорошели, но тихо там, не слышно веселого людского банного гомона, нет шума березового веника. Из-за повышения цен доходы бани уменьшились. Как их поднять? Очень просто: надо повысить тарифы еще больше... В результате народу становится еще меньше. В прежнем Турецком зале, где до сих пор на керамических стенах горят, как только что нарисованные, яркие турецкие письма, прославляющие, говорят, банные радости, втиснули два бильярдных стола.

Люди только за одним — ходят с кием скучные, задумчивые, прицельно перемещаются, смотрят на шары, соображают, как ударить лучше.

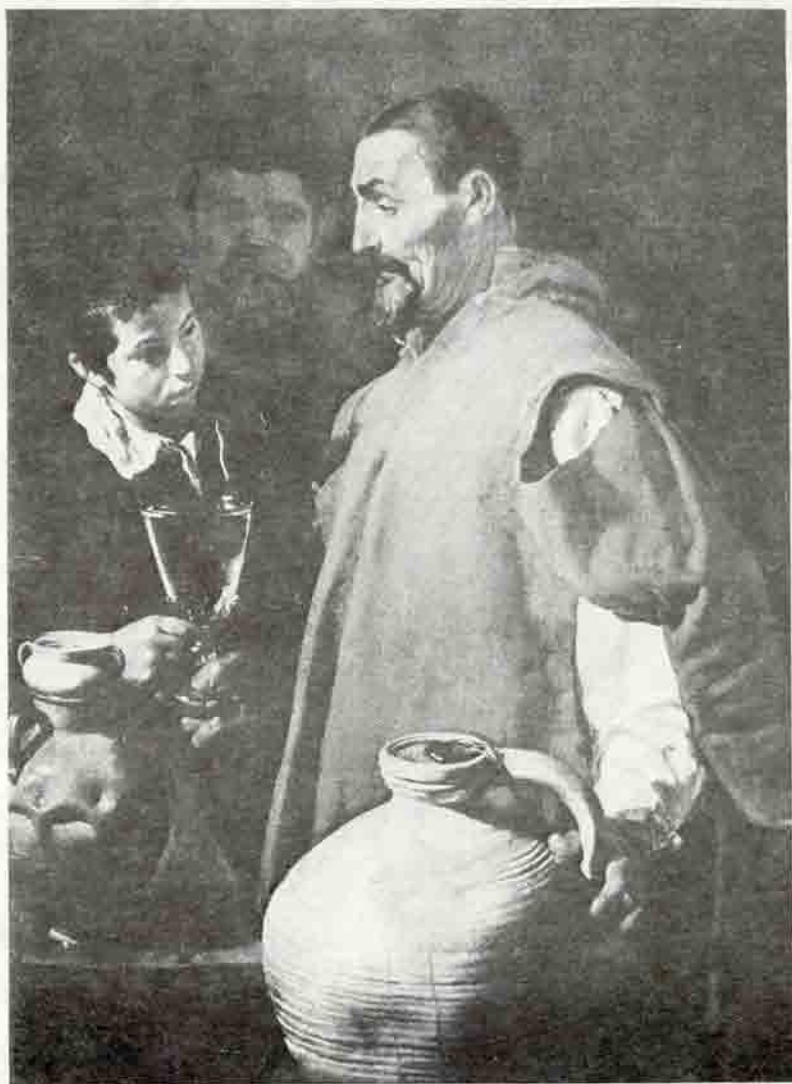
Скучно стало даже в Сандунах...

На Руси кончаются русские бани. История их была невиданно долгой, красивой, казалась бесконечной. Она несла привет из глубокой старины. Неужели ждать возвращения целительных, радостных русских бань из других государств? Неужели обязательно поехать туристом, например, в Германию, чтобы посмотреть, каковы они — русские бани?

Шестого июня 1599 года у португальца Хуана Родригеса де Сильва и Иеронимы Веласкес, живших в Севилье, родился сын Родригес де Сильва Веласкес Диего.

Биографы рассказывают, что он получил заботливое воспитание и выказал особую склонность к научным занятиям, но — что не могло остаться незамеченным — все свои классные тетради Диего упорно покрывал рисунками; родители решили предоставить способностям ребенка свободное развитие, и с научными занятиями, таким образом, было покончено.

Одиннадцати лет Веласкес поступил в школу знаменитого живописца того времени Эрреры Старшего, оказавшегося, однако, учителем не то что грубым — деспотичным. Несмотря на все

ЭЛИ ФОР

ВЕЛАСКЕС

свое терпение и незаурядное прилежание, Веласкес не мог выносить тиранию учителя и, покинув Эрреру, поступил в мастерскую образованнейшего художника Франциско Пачеко. Несмотря на то, что в собственной живописи Пачеко значительно уступал Эррере, встреча с ним Веласкеса имела далеко идущие и в высшей степени благотворные последствия.

Дом Пачеко в Севилье был открыт для всех выдающихся людей, живших в этом духовном центре Испании. Достаточно сказать, что частым гостем Пачеко был Сервантес. Понятно, никакая другая среда не могла бы более благоприятно развить духовные способности Веласкеса. А кроме того, сам Пачеко, не будучи, как сказано, первоклассным живописцем, тем не менее понял своего ученика, оценил по достоинству его возможности и отнесся к нему с полным вниманием. Именно это обстоятельство очень скоро дало свои плоды: едва начав овладевать законами пространства, формы и прочими технологическими элементами живописи, Веласкес сразу же проявил главное, быть может, свойство своего таланта — искренность.

Обладая от природы здоровым духом, молодой художник напрягает все свои силы, чтобы непосредственно воспроизводить то, что видит. Это почти исключительный пример в истории великих художников: он начинает с того, чем кончают другие, потеряв массу времени на копирование старых мастеров, истощив много сил на создание произведений исторических, мифологических и религиозных.

Остается признать, что всеми своими художественными завоеваниями Веласкес был обязан природе и самому себе. Он рисует, рисует без конца, работает над человеческими фигурами, пользуясь как натурщиком своим слугой — молодым мулатом Хуаном Парехой; он создает, или, лучше сказать, воспроизводит те народные сцены и те картины обыденной жизни, из которых некоторые дошли до нас: «Старуха, варящая яйца», «Два мальчика», «Завтрак», «Продавец воды в Севилье». И когда его

упрекают, что он не следует примеру Рафаэля, он отвечает: «Я предпочитаю быть первым в изображении народного, чем вторым в изображении утонченного».

Веласкесу было всего девятнадцать лет, когда его прямой характер, трудоспособность и, конечно, выдающийся талант снижали ему уважение всех окружающих и, в частности, его учителя Пачеко. Последнее сыграло свою особую роль в жизни Веласкеса: «После пятилетнего воспитания и образования, — вспоминает Пачеко, — я дал ему руку моей дочери, прельщенный его нравственными достоинствами, прекрасными качествами, манерами, а также надеждами, которые возбуждали его добрый характер и большой талант».

Что можно сказать об этом браке? Две дочери Веласкеса, Франческа и Игнасия, родились в 1620 и 1621 годах. Брак этот был, вероятно, счастлив, если судить о нем по всей жизни Веласкеса — спокойной и величавой, чуждой бурных страстей, ибо все было подчинено одному — живописи.

Незадолго до своей женитьбы Веласкес начал писать серию религиозных картин, которой он должен был посвятить до конца все свое пребывание в Андалузии. Но эти работы, надо сказать, наименее интересные из его юношеских произведений, совершенно лишены религиозного характера. Ни в выражении лиц, ни в обстановке, ни в красках нельзя найти никаких следов мистической идеализации. Веласкес пользуется своими обыкновенными натурщиками и заботится только о том, чтобы передать их по возможности вернее. В самих же сюжетах, выбираемых Веласкесом, сказывается его гуманизм: «Христос у Марты», «Поклонение волхвов», «Ученики по дороге в Эммаус». Словом, нет ни одной религиозной сцены, где проявился бы аскетизм с его изуверством, тот самый, который так любил созерцать мрачный гений Риберы.

Между тем слава Веласкеса стремительно росла. Видя талантливость своего зятя, Пачеко стал мечтать о придворной карьере для Веласкеса. По его настоянию в 1622 году Диего едет в Мадрид, где его берет под свое покровительство капеллан короля дон Хуан де Фонсека — знаток искусства и меценат. Скоро Веласкес окончательно переселяется в Мадрид, но уже на этот раз едет туда по вызову графа Оливареса — всемогущего фаворита и премьер-министра Филиппа IV. Гостеприимство Веласкесу оказывает все тот же Фонсека. В благодарность художник пишет его портрет, который тот относит ко двору и который определяет дальнейшую судьбу Веласкеса.

«В течение одного часа весь дворец признал редкие качества портрета», — вспоминает Пачеко.

Король заказывает Веласкесу свой конный портрет, и отныне — середина 1623 года — Веласкес поступает на службу к семнадцатилетнему Филиппу IV в качестве камердинера с ежемесячным жалованьем в двадцать дукатов. С тех пор Веласкес не покидает более короля и запечатлевает в своих произведениях все его царствование.

В августе 1623 года Веласкес закончил свой первый портрет Филиппа IV, объявившего в восхищении, что он не желает иметь

около себя никакого иного художника, кроме молодого ученика Пачеко. Желание короля исполнилось, и потому лицо Филиппа IV известно нам лучше лиц всех других государей во все возрасты его жизни. Он позировал перед своим любимым художником во всевозможных видах: и во весь рост, и на лошади, и при выезде на охоту, и на молитве, в домашнем одеянии, в боевых доспехах. Его имя, его царствование, его лицо так тесно связаны с деяниями и славою Веласкеса, что художник и король представляются в истории неотделимыми один от другого.

Но Филипп IV не был для Веласкеса бескорыстным покровителем, поклонником и другом. Веласкес имел основания много раз раскаиваться в том, что был представлен королю. Правда, Филипп IV любил своего художника и часто выказывал ему уважение, но это уважение походило на то, которое оказывают слугам. Веласкес как бы собирал крошки с барского стола, и, получая вознаграждение, часто шуточное, которое по большей части ему даже не выдавалось, он должен был проводить время в обществе слуг.

Но каковы бы ни были условия жизни и работы Веласкеса, он оставался самим собою. Быть может, даже первоначальная ограниченность круга его творчества содействовала развитию художественной сосредоточенности.

В течение первых лет исполнения своих придворных обязанностей Веласкес мог писать только портреты: самого короля, его брата дона Карлоса, ближайших придворных, затем своей жены и дочерей. Помимо того, Веласкес постоянно сопровождал короля во всех увеселительных поездках, во всех переездах, совершаемых двором, и должен был именно в эту эпоху начать серию «королевских охот». По свидетельству биографов, эта серия была очень многочисленной, но из нее дошли до нас лишь картина, находящаяся в Национальной галерее, и, быть может, «Съезд придворных»; погибло во время пожара знаменитое «Изгнание мавров», заказанное Веласкесу в 1627 году. Успех этой картины доставил художнику должность гофмейстера.

Это произошло несколько месяцев спустя после прибытия в Мадрид Рубенса, на которого правительница Нидерландов инфанта Изабелла возложила дипломатическое поручение. Знаменитый художник был окружен привычной пышностью и блеском. Он уже знал Веласкеса, и, если верить Пачеко, они даже обменялись несколькими письмами. Теперь Веласкес получил назначение состоять при Рубенсе: он должен был исполнять все предписания, данные ему на этот счет его покровителем Оливаресом.

Со дня прибытия посольства Веласкес предоставил себя в распоряжение своего знаменитого соперника и почти целый год работал вместе с ним, охотился, путешествовал, посещал музеи и церкви, вел беседы об искусстве. К сожалению, не сохранилось точных сведений об этом замечательном общении двух художников, но предание гласит, что после своего отъезда из Мадрида Рубенс вел переписку с Веласкесом.

Великому фламандцу было пятьдесят два года. В то время он был знаменитейшим художником мира, своего рода полубогом.

Всей своей личностью, всеми своими деяниями, всем своим творчеством он внушал такую веру в силу природы, какую не мог вселить в человеческие души ни один художник. Толпа учеников следовала за ним; таланты Иорданса и Ван Дейка развивались как бы в его тени; в течение двух веков все художники мира подвергались его влиянию.

Веласкесу было тогда всего двадцать девять лет, но нет никаких данных, на основании которых можно было бы утверждать, что знакомство с Рубенсом внесло какие-либо изменения в характер творчества Веласкеса. Возможно только, что знаменитые «Пьяницы» Веласкеса возникли именно во время посещения Испании Рубенсом или же сразу после него.

Это первая картина на языческий сюжет, в которой Веласкес воспроизводит нагое тело, и это единственный случай, когда он, подобно Рубенсу, помещает обнаженное тело среди персонажей, облеченных в одеяния. Но даже допуская, что в этой картине можно найти внешний след рубенсовского влияния, надо признать, что след этот теряется в глубине замысла всего произведения. Никогда Веласкес не шел далее в своей склонности к реализму. Бог Бахус и его друзья — настоящие гуляки. Чтобы набрать натурщиков, Веласкес исходил все бедные кварталы Мадрида, собрал в лачугах самых типичных представителей этой толпы — нищих, солдат и разных подонков общества, которые со времен войны с Германией и Италией наполняли глухие улицы испанских городов, не исключая парадного Мадрида, где только более тщательно их прятали от взоров собственной знати и, разумеется, иностранцев.

Очень возможно, что именно на Веласкеса — и скорее всего по поводу его «Пьяниц» — намекает его соперник Кардучо, когда говорит в своих «Диалогах» об «этих мало уважающих себя живописцах, которые унижают аристократизм художника и низводят его к воспроизведению самых грубых натурмортов, пьяниц, игроков, разбойников; самые картины их, которые изображают все это и число которых быстро увеличивается, не представляют никакого интереса; они являются исключительно плодом капризного желания написать полдюжины бесстыдных плутов». Веласкес должен был, конечно, страдать от таких нападков, но он все же продолжал следовать своей дорогой.

Следуя по пути собственного понимания задач живописи, Веласкес в момент приезда Рубенса и, по-видимому, в течение следующих двух лет испытывает приверженность к так называемому героическому вдохновению. По совету Рубенса он предпринимает путешествие в Италию, на которое всякий молодой художник того времени смотрел как на дело необходимое. Король изъявляет согласие, Оливарес вручает Веласкесу 200 дукатов и рекомендательные письма. В августе 1629 года Веласкес садится на корабль в Барселоне, чтобы приобщить себя к великим творениям латинского Возрождения.

В Венеции, первом художественном городе, который посещает молодой живописец, он приходит в восхищение. Тициан, Веронезе, особенно Тинторетто ослепили Веласкеса. Его глаза наполняются сверкающими переливами цветов, всеми оттенками серого

Портрет Филиппа IV в латах. Музей Прадо. Мадрид.

и розового, дивным сочетанием пурпурового, черного, зеленого, оранжевого и золотого среди мраморной белизны дворцов...

После путешествия в Италию гений Веласкеса быстро шествует по пути положительных живописных открытий. Он убеждается, что глаз воспринимает цвет в неразрывном единстве со светом и что локальные тона, помещенные рядом, взаимно рефлексируют. Скоро он замечает, что воздух материален, что он «видимая материя», что нельзя запечатлеть все богатство природы, если не окружить ее устойчивые, постоянные элементы воздушными волнами света. Это были огромные живописные открытия, за которыми должны были следовать новые и невиданные горизонты, которые отдаляются по мере приближения к ним, но всякий раз открывают неведомое.

Веласкес принадлежал к тем великим натурам в искусстве, для которых жизнь во всех ее проявлениях никогда не перестает быть наставницей. С непостижимым постоянством он упорно развивает свой неутомимый ум; видимо, склонность к научным занятиям, отмеченная в детстве, сказалась теперь с полной силой. Веласкес все настойчивее стремится создавать формы живой материи посредством передачи окружающей их атмосферы. Подробности исчезают. Там, где художник замечал прежде волосы, складки, линии, он хочет видеть теперь пятна, массы; все предметы с их деталями представляются ему теперь на расстоянии и всегда окруженные воздухом.

Наступает эпоха портретов: принцев в охотничьих костюмах, «Балтасара Карла», «Филиппа IV», «Дона Фернанда», замечательной конной фигуры Балтасара Карла, скачущего галопом по ветру. Эти работы показывают, что художник усердно старается укрепить свои художественные открытия и завоевания: в течение десяти лет, следующих за его возвращением из Италии, он стремится к передаче воздуха — пленэр. Почти постоянно он помещает свои модели на воздухе, вне дома; волны света «наводняют» его произведения; в них чувствуется бесконечное пространство...

Жизнь Веласкеса протекает между тем без всяких событий: она проста и серьезна, как его творчество. Он живет в мадридском Алькасаре; ему предоставлена под мастерскую целая галерея, примыкающая к покоям короля, имеющего особый ключ от галереи.

Филипп IV каждый день навещает своего художника, беседует с ним, позирует и даже сам берется за кисть под его руководством. Веласкес работает над портретами короля и его принцев. Он почти исключительно посвящает себя этим заказным работам. У него несколько учеников и среди них Хуан Батиста дель Мазо, за которого он выдает замуж свою дочь Франческу. При этом он передает ему (в 1634 году) свое звание гофмейстера, а сам получает новую должность — королевского гардеробмейстера. В это время улучшается и его материальное положение, так как после многих задержек Веласкесу была выдана плата за те картины — оригиналы и копии, — которые он вывез из Италии.

За исключением законченного в 1638 году знаменитого «Рас-

пятия», не принадлежащего, надо заметить, к лучшим его произведениям, Веласкес пишет только портреты. Он изображает одетых в черные костюмы или в кирасы воинов пешими во весь рост, до пояса или на огромных конях. В них таинственно оживал проникнутый суровой выдержкой военный дух Испании. За портретом герцога Моденского, проезжающего через Мадрид, следовал портрет адмирала Парехи, затем графа Бенаvente, наконец, мощное конное изображение, я бы сказал, статуя, министра Оливареса, которому в знак своей признательности художник хотел придать почти не оправдываемый историей героической облик.

Здесь самое место заметить, что, создавая многочисленные портреты Филиппа IV и всей габсбургской испанской фамилии, Веласкес не то что не льстит своим моделям — он беспощаден. В «Истории живописи» Мутера есть примечательное наблюдение:

«Видишь — дюжинами воспроизведенное — бледное холодно-флегматичное лицо короля, видишь братьев Филиппа IV, Карлоса и Фердинанда, мужчин с худыми бледными лицами, с удлиненным габсбургским подбородком, выдающейся нижней губой, вялые, утомленные, невыразительные фигуры, которые были уже стары, когда родились... И патологическая сторона всех этих людей придает этим портретам странное очарование. Бурбоны, так же, как и Стюарты, которых мы видим на портретах Риго и Ван Дейка, все полнокровны, здоровы и сильны. Как только лейб-медик находил обеднение соков, они женились на здоровенных кормилицах из чужеземных царских семейств, которые вводили в род новые жизненные соки.

Испанские Габсбурги, истощившие себя в продолжение целых столетий браками между родными, тонки и нервны, бледны и худы, они отмечены той хилой нежностью, которая бывает в древних родах у последних потомков, с которыми род и вымирает. Есть что-то поразительное в этом соединении двух факторов, из которых образовались эти характеры: болезнь и рыцарство, упадок и вынужденная сила воли, вялая пресыщенность и привычка к напряженности. Все они устали, и все же у них нет времени быть усталыми. Всем им хочется сидеть, а призвание верховной власти не допускает распушенности...»

Вернемся, однако, к человеку, которому Веласкес многим обязан, но которому он тоже не льстил в портретах, — графу Оливаресу. Спустя несколько лет обстоятельства доставили художнику возможность уплатить Оливаресу свой нравственный долг и вместе с тем доказать всю прямоту своего духа. В 1643 году фаворит впал в немилость, но Веласкес нисколько не скрывал своей печали по этому поводу. Несмотря на грозившую опасность, он подчеркивал привязанность к бывшему королевскому любимцу. И дружба Веласкеса вместе с его сочувствием является, быть может, единственными лучами той славы, на которую мог претендовать Оливарес.

Впрочем, отъезд Оливареса, кажется, вызвал некоторую натянутость в отношениях Филиппа IV и Веласкеса: смелая позиция, занятая художником, не соответствовала нравам времени, при-

ближенные испанского двора не были приучены к такой независимости и искренности. Как бы то ни было, но когда между Веласкесом и помощником смотрителя за работами маркизом Мальпика вскоре после отъезда Оливареса возник спор по одному художественному вопросу, король, обыкновенно соглашавшийся со своим художником, на этот раз признал его безусловно неправым. Однако происходившая в 1643 году осада Мадрида дала Веласкесу случай одержать над королем одну из обычных побед: он написал портрет Филиппа IV в том вооружении, которое он носил во время осады... Рядом с этим необычайно жизненным портретом его ближайший сосед по музею Прадо «Карл V» Тициана кажется только превосходной картиной...

Время теперь сказать о том, что, быть может, более всего связано с именем Веласкеса в искусстве. Речь идет, конечно, о Веласкесе — великом колористе.

В противоположность большинству знаменитых колористов мира Веласкес работает при помощи немногих красок, как бы окутанных воздухом. Он пользуется гаммой серого цвета, серебристо-белыми и перламутрово-белыми оттенками, некоторыми зелеными и красными красками, розовыми тонами, потухающими на полотнах, как погасает день, и глубоким черным цветом. Пользуясь двумя-тремя тонами, он искусно приводит их в гармонию такой силы и верности, что они создают вполне реальное впечатление. Серые тона с их бесконечными переходами, в создании которых Веласкес такой неподражаемый мастер, становятся на его картинах гармоническим аккомпанементом для его стройных мелодий из красных, зеленых, розовых и черных тонов.

Случайно ли это? Случайно ли, что серый цвет — основа колорита Веласкеса? Нет, это не случайность и не чье-либо влияние. Это — исключительно влияние самой испанской природы, в которой преобладает серый колорит.

Серый цвет господствует у всех подлинно испанских художников. У Эрреры он серебристого тона, у Зурбарана — пепельного, у Греко — гранитно-серебристого, у Гойи — жемчужного. У Веласкеса серый цвет имеет железный, гранитный, жемчужный, пепельный и серебристый оттенки. Таким образом, все оттенки основного цвета испанской природы проникают в красочные гармонии Веласкеса. Он берет гаммы своего серого и у воздуха, и у земли, и у неба. И только он один среди прочих художников своей изысканной и утонченной рукою находит на своей палитре гармонии редких и замечательных сочетаний.

Но Веласкес как колорист — еще не весь Веласкес. Наряду со своими королевскими и военными портретами он начал около 1644 года длинный ряд этюдов, продолжавшийся до конца его художественной карьеры. При дворе Веласкес жил среди шутов, уродов, карликов, цирюльников и слуг высшего ранга. Его имя в списке придворного штата было помещено рядом с их именами; его вознаграждение было приблизительно такое же, как у них; подобно им, он был одет на средства короля или получал одежду из запаса бракованного платья. Он входил в состав королевских увеселителей, как и они.

Инфант Балтасар Карлос в охотничьем костюме. 1635—36 гг. Музей Прадо, Мадрид.

И, кроме портретов короля и принцев, среди творений Веласкеса встречаются почти одни только портреты идиотов и расслабленных. Его восприимчивый ум не мог не отозваться на те впечатления, которые должна была производить на него подобная среда. Окружающие его несчастные, конечно, не могли оказывать воздействия на внутреннюю жизнь художника: для этого он был слишком замкнут, слишком углублен в себя. По внешнему своему положению являясь почти рабом, внутренне он был совершенно свободен. И вот он воспользовался своим полурабским состоянием для внимательного наблюдения тех жалких калеk, среди которых он обречен был жить. Без излишней сентиментальности он постепенно создал эту ужасную галерею Мадридского музея.

Назначенный в 1647 году смотрителем построек, Веласкес был обязан разбирать счета с плотниками и каменщиками и обходить королевские помещения для проверки материалов. Его труд очень плохо оплачивается, и даже это скудное вознаграждение всегда запаздывает. Он обращается к королю с протестами, в сущности, очень скромными, но они должны были много стоить его возвышенной душе. Он ведет жизнь трудовую, униженную, почти сплошь занятую работами, которые ему противны. Этот приближенный испанского двора более близок к нищете Рембрандта, чем к роскоши Рубенса. Впрочем, его новая должность скоро доставляет возможность ускользнуть на несколько месяцев от королевской опеки.

В 1648 году Филипп IV посылает Веласкеса вновь в Италию — на этот раз для разработки задуманного им проекта учреждения в Мадриде академии художеств. На Веласкеса, отправленного в Рим за советами и идеями, возложена обязанность купить слепки со статуй для новой школы и картины для королевских дворцов.

Он сходит на берег в Генуе, но, не будучи в силах воздержаться от удовольствия прежде всего увидеть Венецию, отправляется туда сухим путем, остается там несколько недель, а затем уже направляется в Рим, где тогда необычайной известностью пользовались Бернини, Сальватор Роза и Пуссен. Художественные симпатии Веласкеса очень точно передает венецианский живописец и историк искусства Марко Боскини. Сальватор Роза обратился к Веласкесу с вопросом:

Менины. (Деталь). 1656 г. Музей Прадо. Мадрид.

Поэт дон Луис де Гонгора Аргот. 1622 г. Музей изящных искусств. Бостон.

Венера с зеркалом. 1649—50 гг. Национальная галерея. Лондон.

Старуха, варящая яйца. 1618 г. Национальная галерея Шотландии. Эдинбург.

Св. Иоанн евангелист на острове Патмос пишет Апокалипсис. 1618—19 гг. Национальная галерея. Лондон.

— Что вы скажете о нашем Рафаэле? Вы, конечно, считаете его лучшим из наших мастеров после того, как видели в Италии все ее шедевры?

— О нет, — отвечал Веласкес с церемонным поклоном, — я должен признаться, мне он не нравится.

— Тогда, по-видимому, ни один художник в Италии не заслужил вашего одобрения, — возразил Сальватор Роза, — мы же отдаем пальму первенства среди всех мастеров Рафаэлю.

— В Венеции — вся полнота красоты! — воскликнул Веласкес. — Кисти ее художников, по моему мнению, принадлежит первое место. Среди них знаменосцем является Тициан.

К этому утверждению стоило прислушаться хотя бы уже потому, что на этот раз Веласкес приехал в Италию не начинающим, а уже известным художником. Этим, видимо, объясняется, что папа Иннокентий X заказал ему свой портрет. Веласкес начал с того, что для упражнения руки написал портрет своего ученика и слуги мулата Хуана Парехи. Выставленный в римском Пантеоне, портрет имел громадный успех. Но еще большую славу доставил Веласкесу портрет Иннокентия X. Это произведение, говорит историк, «вызвало удивление в Риме, многие его копировали, чтобы учиться, и любовались им как чудом». А когда сам папа увидел свой портрет, он произнес фразу, не только ставшую исторической, но и наиболее глубоко и точно определившую эту знаменитую работу Веласкеса: «Troppo vero» («Слишком правдиво»). Но, видимо, мастерство пересилило в сознании папы ту беспощадность, с которой проник в него художник. Чтобы выразить Веласкесу свое восхищение, папа предлагает ему большое денежное вознаграждение, но Веласкес, несмотря на постоянную стесненность в деньгах, отказывается от папского подарка, говоря, что состоит на службе у испанского короля и получает достаточное содержание. Иннокентий смог только убедить художника принять золотой медальон с цепью.

В 1651 году после многократных напоминаний со стороны короля Веласкес возвращается в Мадрид, где, к несчастью, его ожидала должность, о которой он сам неблагоприятно просил, вероятно, с целью улучшить свое материальное положение. Это была должность заведующего дворцовыми помещениями; она должна была еще теснее привязать художника к исполнению обязанностей, отнимающих у него львиную долю времени. Биограф прямо говорит: «Он не имел более времени, чтобы писать».

Между тем именно в это время гений Веласкеса достигает зрелости. Произведения этого последнего периода, открывающегося портретом Иннокентия X и простирающегося до самой смерти художника, не многочисленны, но свидетельствуют о таком глубоком понимании жизни, о таком глубоком постижении красочных гармоний, что их одним было бы достаточно для того, чтобы отнести их творцу почетное место в истории человеческой культуры. Именно между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами своей жизни Веласкес представил в нескольких произведениях все сокровища, накопленные им в течение предшествующих лет.

За исключением портрета Филиппа IV, конного портрета Бал-

тасара Карла, а также «Сдачи Бреды», все написанное Веласкесом до второго путешествия в Италию кажется только замечательными подготовительными этюдами. Он обладает теперь вполне соответствующим его внутреннему «я» живым и сжатым живописным языком. Веласкес занят осмотром дворцовых зданий, убранством помещений во время путешествия короля, организацией придворных праздников. Но среди этих вынужденных забот он в несколько дней, а то и в несколько часов может создавать шедевры, так как теперь он полный мастер своей формы.

Со времени возвращения в Испанию для Веласкеса начинается прежняя жизнь. Он пишет портреты короля и королевы, инфантов и инфант и полные таинственности портреты Марианны Австрийской и инфанты Маргариты.

Уже со времени своего первого путешествия в Италию Веласкес становится реалистом, и если теперь он иногда возвращается к традиционной мифологии, то только потому, что таковы данные ему заказы. Филипп IV пожелал украсить Алькасар в Мадриде. Веласкес ездил в Рим, чтобы пригласить фрескистов, которые должны были работать под его руководством. Сам он тоже принимал участие в общем деле.

Судьба Алькасара оказалась трагичной: пожар уничтожил почти все находившиеся в нем произведения, в том числе и полотна Веласкеса, станковые картины, предназначенные для украшения дворца. В числе уцелевших — «Венера с зеркалом».

Это единственная в таком роде картина в испанской живописи. Всесильное тогда испанское духовенство фанатически строго преследовало подобные сюжеты, и лишь король мог позволить себе украсить свои апартаменты картиной, изображающей обнаженную женщину. Но у Веласкеса в этой мифологической картине представлена не античная богиня, а девушка-испанка с милым, но далеко не красивым лицом, с гибким, стройным телом, рисующимся на темном фоне шали...

В последних портретах короля, «Дона Хуана Австрийского», «Эзопа», «Мениппа», «Пряжах» и, наконец, «Менинах», надо искать разрешения вопроса о том, чего хотел Веласкес, как он понимал природу и кем он был.

В этих произведениях эпохи своей зрелости Веласкес недостижим. Среди всех великих художников только он и Фидий совершенно скрывают свою личность, защищаясь от попыток точно определить их творения и проникнуть в их внутренний мир. Это происходит потому, что язык Веласкеса абсолютно неразрывно сливается с языком естественных явлений. Когда речь идет о Веласкесе, мы уже не можем прилагать обычных мерок, служащих нам для определения наших эмоций и характеристики наших впечатлений. Чисто словесные замечания о линиях, пятнах и объемах, которыми мы пользуемся, когда хотим словесно определить гений флорентийцев, венецианцев, голландцев, греков, теряют свое обычное значение и становятся неясными при попытке приложить их к произведениям великого испанца.

Что же представляет собой одна из самых, быть может, знаменитых картин Веласкеса, своеобразный венец его творчества —

«Менины»? Сразу, однако, следует пояснить непривычное русскому слуху слово: по-португальски менина — молодая девушка-аристократка, которая находилась в качестве фрейлины у испанских инфант.

В большой высокой комнате дворца, видимо, в той самой, которая была отведена под мастерскую художника, происходит сцена, изображенная в картине. Смело порывая с традициями придворного группового портрета и обнаруживая тем самым свою внутреннюю независимость, Веласкес увековечил в картине не парадную сторону двора, а, кажется, впервые в мировой живописи интимную жизнь королевской семьи — недаром в старых инвентарях картина носила название «Королевской фамилии». Главное действующее лицо сцены — маленькая инфанта

Маргарита, любимая дочь Филиппа IV от второго брака с Анной Австрийской. Она изображена стоящей в центре комнаты в нарядном розовом платье, окруженная двумя фрейлинами. Одна из них — донья Мария Агостина Сарmento — подносит инфанте бокал с водой, встав на колени согласно этикету; другая — графиня Изабелла Веласко — делает реверанс. Слева от этой группы два карлика: Мария Барбала и Николасито Пертусато, толкающий ногой спящую собаку. Позади стоит придворная дама Мария Марсела де Уллоэ. В глубине комнаты, в дверях, виднеется гофмаршал королевы дон Хосе Ньето. Слева, перед большим полотном, Веласкес поместил самого себя с кистью и палитрой в руке. Художник, должно быть, писал в этот момент Филиппа IV с Анной Австрийской, лица которых отражаются в повешенном на стене зеркале.

Это сюжетная, так сказать, сторона картины. Что же касается других, и в первую очередь живописных ее особенностей, то «в ней нет ничего, что бы не удивляло». Здесь Веласкес достиг того, к чему стремился в течение многих лет. Он претворил в искусство действительную жизнь во всей сложности ее проявлений. Люди, предметы, колебание воздуха, игра света — все передано с необыкновенным и необъяснимым мастерством...

164

Веласкес достигает шестидесятилетнего возраста и вершины своей славы. Но с тех пор, как он стал заведующим дворцовыми помещениями, его вознаграждение, к тому времени увеличившееся, выдается ему не более аккуратно, чем раньше, но он уже не простой слуга. Король разрешает вышить на шапочке художника красный крест — знак ордена Сант-Яго. Целый год прошел в разысканиях предков художника. Надо было подтвердить подлинность его дворянского происхождения, доказать, что он не жил на средства своего искусства, потребовалась целая сотня удостоверений, собранных особыми разъезжавшими для этой цели по Испании и Португалии комиссиями. Как эхо должен был прозвучать из могилы голос Рубенса, провозгласившего Веласкеса величайшим европейским художником, — и все это для того, чтобы возложить на него — воплощение гения целой расы — одеяние; уравнивавшее Веласкеса с несколькими придворными! Приближенный католического государя, приобщенный благодаря своему посвящению в знаменитый орден к высшему испанскому дворянству, Веласкес почти под конец своей жизни делается гранд-сеньором. Но он по-прежнему одинок. Быть может, со дня возведения в кавалеры ордена он уже не касался кисти.

В кавалеры ордена он был возведен в конце ноября 1659 года, а спустя четыре месяца покидает Мадрид со своим зятем дель Мазо, чтобы приготовить помещения для Филиппа IV по пути следования, вплоть до Ируна. Предстояло подписание Пиренейского трактата, и король испанский должен был встретить на границе Людовика XIV, которому в качестве вознаграждения за мир он предлагал руку инфанты Марии Терезы.

Веласкес заведовал всеми приготовлениями к этой встрече, и под его руководством украшались залы собраний. Он был

главным организатором пышных празднеств, столь прославленных авторами хроник.

По окончании празднеств Веласкес, на которого была возложена обязанность приготовить помещения для короля на обратном пути, внезапно вернулся в Мадрид, где уже носился слух о его кончине. Этот слух явился отголоском тех трудов, которые пришлось перенести художнику, так как утомительное путешествие короля, несомненно, ускорило его кончину. Ему был шестьдесят один год. По словам собственного его письма, он был «измучен ночными переездами и усиленными работами в течение дня». Именно во время этого путешествия у него, вероятно, и произошел возврат той лихорадки, которую он приобрел во время первого своего пребывания в Риме.

Как бы то ни было, лишь месяц спустя по возвращении у Веласкеса начались сильные приступы лихорадки, сопровождаемые острой болью в области желудка и сердца. Филипп IV послал ему первоначально двух своих врачей, а затем, вероятно, по их совету, архиепископа Тирского. 6 августа 1660 года Родригес де Сильва Веласкес Диего отошел к вечной жизни в мире и спокойствии. Хуана Пачеко, его жена, игравшая в тени его славы великую и немую роль тех, кто умеет разделять жизнь человека гениального, умерла через несколько дней после смерти мужа.

На пьедестале статуи, воздвигнутой в честь Веласкеса в Севилье его согражданами, можно прочесть: «Живописцу истины».

**Публикация и подготовка к печати
АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВА.**

АЛЕКСАНДР КАЛЬЯНОВ:

"ЖИВЕМ МЫ НЕДОЛГО..."

Эстрадные звезды — удивительные люди. С ними все время что-то случается. Причем «случайности» эти, как правило, счастливые. То «случайно» родился в семье музыкантов (но тут уж звезды распорядились), то «случайно» встретился с эстрадным мэтром или продюсером и понравился им, то удачно удалось выступить в престижной программе и обратить на себя внимание...

Вот и Александр Кальянов тоже

«случайно» вышел на сцену, правда, в сорок лет. А дальше случайности заканчиваются. Его заметили сразу, и он очень быстро завоевал признание слушателей. Полюбили его песни, голос низкий, с легкой хрипотцой.

— Вы не боитесь потерять популярность?

— Нет, не боюсь. Просто о ней не думаю. Если на мои концерты перестанут ходить, в этом буду ви-

новат я сам. А когда придется уйти со сцены... Что ж, трагедии не произойдет. Так или иначе, творческая жизнь эстрадного певца недолговечна. Трудно удержаться на сцене, за годы не растерять слушателей. Да и возраст играет роль. Не так уж много эстрадных исполнителей, которые остались популярными и любимыми до конца своих дней: Утесов, Бернес, Шульженко... А вообще популярность — страшная вещь, испытание на «прочность». Как трагично, если исполнитель, год или два «просверкав» на сцене и привыкнув к славе, деньгам, вдруг оказывается забытым, никому не нужным. Поэтому человек должен иметь еще кое-что про запас. У меня есть свое дело — студия.

— Действительно, студия у вас богатая. Великолепная аппаратура... Кстати, таких студий в Москве много?

— Сейчас много. Но лет десять назад это была первая коммерческая студия звукозаписи в стране.

— А как с конкуренцией?

— Конкуренция существует всюду. Но для меня студия — не средство зарабатывания денег...

— Вас что, деньги вообще не интересуют?

— Интересуют, как любого нормального человека. Деньги я зарабатываю концертами, а студия — возможность помочь начинающим исполнителям реализовать свой талант.

— Но ведь не бесплатно...

— Нет, конечно, но я никогда не буду работать с бездарью, какие бы деньги ни предлагали. У меня две жизни — сцена и студия. И весь свой заработок я вкладываю в студию. Очень люблю свою работу. Звукорежиссер — не просто «голая» техника, а умение общаться с людьми. Он должен

быть хорошим психологом. Представьте такую ситуацию. Молодой, начинающий певец в первый раз подошел к микрофону. Естественно, он волнуется, стесняется, напряжен... И даже имея вокальные данные, не сможет войти в образ, споет бездумно и загубит не только песню, но и свой дебют. И если я верно не уловлю его состояние, не войду в творческий контакт с исполнителем, то это провал в моей работе.

— Стало быть, звукорежиссер — ваша основная профессия?

— Видимо, так. Я окончил Таганрогский радиотехнический институт. Еще в школе увлекся радиотехникой. Во многом это заслуга моего преподавателя физики Владимира Авраменко. Такого педагога я никогда потом не встречал. Он вел у нас радиотехнический кружок, мы собирали детекторные приемники. А в классе шестом я сам собрал радиоприемник.

После окончания института меня распределили в Брянск, к родным местам поближе. (Сам я родом из местечка Унече Брянской области.) Работал инженером на заводе электромузыкальных инструментов. Вместе с Сергеем Олиференко разработал электронный орган, который по тем временам считался на мировом уровне. Потом с Виталием Касмяевым создали микшерский пульт «Электроника». Им с удовольствием пользуются музыканты до сих пор.

— Почему же бросили такую интересную и, судя по всему, любимую работу? Что-то не заладилось на заводе?

— Все ладилось. Я даже получил первую категорию инженера. Но следующая ступень в карьере радиоинженера — административная, рутинная работа, что совершенно меня не устраивало, и я ре-

шил уйти с завода. А так как всегда с удовольствием занимался музыкальной аппаратурой, стал работать звукорежиссером.

Как-то с коллективом «Шестеро молодых» был на гастролях в Казани и попал на концерт Владимира Высоцкого. Первое отделение работали «Шестеро молодых», второе, тридцать минут, — Владимир Семенович. Такова была программа. Запомнил ее на всю жизнь. В день проходило по шесть концертов во Дворце спорта. Стояла зима, но публика ломилась, возле здания дежурила конная милиция.

— Какое впечатление на вас произвел Высоцкий?

— Совершенно простой в общении человек, не страдал звездной болезнью, находил общий язык со всеми. Шесть концертов ему было тяжело петь, ведь работал он «на нерве». В прямом смысле сжигал себя на сцене. Но для студентов нередко давал и седьмой концерт, бесплатно.

— У вас много поклонников?

— Я не люблю слово «поклонники», потому что оно от слова «поклоняться». Просто есть «мой слушатель», который понимает и любит мои песни.

— И все-таки, как случилось, что вы, звукорежиссер, стали петь на сцене?

— Произошло все неожиданно. В 1983 году меня пригласила Алла Пугачева работать звукорежиссером в ее программе. Два года спустя я организовал звукозаписывающую студию при театре Пугачевой. Вместе с композитором Игорем Николаевым мы записывали профессиональные фонограммы для многих популярных исполнителей и Аллы Борисовны. Однажды Игорь попросил меня спеть песню, которую он написал для другого исполнителя. Ему для за-

писи требовался голос с низким тембром, и он решил проверить на мне, совершенно не предполагая, что из этого получится. Результат эксперимента привел к тому, что я записал с ним два магнитоальбома. Мы много работали по ночам. О коммерции не думали, главным был сам творческий процесс. И вообще никогда не предполагал, что буду выступать на профессиональной сцене. Просто пел песни для себя, для своих друзей. Но так получилось, что эти альбомы попали в студии звукозаписей и распространились по всей стране. Во время гастролей театра Пугачевой в Томске на одном из концертов я сидел за пультом в зрительном зале. Программа уже заканчивалась, и вдруг неожиданно Алла Пугачева сказала: «А сейчас для вас споет Александр Кальянов. Запомните это имя». Я растерялся, а мой коллега, звукорежиссер Виктор Иванов, подал мне микрофон и наушники, Игорь Николаев сел за рояль и заиграл песню «Живем мы недолго, давайте любить и радовать дружбой друг друга». Так и произошло мое первое выступление.

Потом были «Рождественские встречи», где я исполнял одну-две песни, «Утренняя почта», концерты Аллы Пугачевой. А после того, как мы сделали видеоклип «Старое кафе», я уже начал выступать со своими сольными концертами. Хотя не считаю себя профессиональным певцом и мой вокал далек от совершенства, но я песню чувствую и стараюсь донести ее до слушателя.

— Вы сумели собрать вокруг себя талантливых, профессиональных музыкантов. И в этом вам повезло, ведь это удается не каждому...

— Да, у меня много друзей среди музыкантов и поэтов. Они

с удовольствием сочиняют для меня песни. А вообще-то друзей я делю на две категории: друзья в беде и друзья в радости. Конечно же, друг в беде всегда поможет, но еще большее счастье, когда ты чего-то достигнешь в жизни или в работе, а друг искренне радуется твоей удаче. Это замечательно!

— Вы не похожи на стереотип эстрадной звезды. Не любите давать интервью, вас не увидишь на эстрадных тусовках...

— Да, я считаю, что это пустое времяпрепровождение. А уж если говорить о светском образе жизни, то предпочитаю пойти в театр.

— Судя по всему, вы человек крайне занятой. Все время гастроли, записи на студии. А как же семья?

— Все время, которое «остаётся от работы», люблю проводить с родными. У нас все Александры. Жена Саша, как и я, по профессии инженер, мы поженились, когда ей было восемнадцать, и до сих пор продолжаем любить друг друга. Сын Александр учится в Брянском музыкальном училище на саксофониста. Не знаю, насколько хороший музыкант из него получится, но мне хотелось бы, чтобы он стал таким же замечательным саксофонистом, как Владимир Пресняков-старший, мой хороший друг. Но самое главное, чтобы из него получился хороший человек. Еще один член семьи — французский бульдог Филипп, я зову его «мой младший сын». Мы всегда мечтали иметь собаку, но не имели возможности завести ее. Филипп появился у нас семь лет назад, когда я получил квартиру в Москве.

— На ваших выступлениях царит доверительная атмосфера. Чувствуется контакт с залом, с которым вы даже беседуете...

— По крайней мере я нашел

свой стиль и своего слушателя. И ему близки мои песни по духу. Но мне кажется, что это не эстрада в чистом виде, мой репертуар ближе к городскому романсу. Сцена для меня — часть жизни. У меня нет имиджа, просто на сцене я такой же, как и в жизни.

**Беседу вела
АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА.**

**Фото на IV-й обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**

ТАЙНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он частенько вспоминал тот момент, когда впервые увидел ее. Уже потом он подтрунивал над собой, окрестив свое чувство «любовью с первого укуса». Все случилось в роскошном вашигтонском ресторане. Генри Несс, новоиспеченный Госсекретарь, устроил тогда грандиозный банкет в честь своей невероятной помолвки с зычногласой и полной всевозможных амбиций девушкой из семейства Колдуэлл. Разумеется, выпивки тут было хоть отбавляй, да и закуски хватало с лихвой.

Джини Кейлер только-только перебрался парой слов с турецким дипломатом, с восхитительной шевелюры которого то и дело осыпалась перхоть, и впопыхах надкусил пирожок с крабами. Сегодня Джини так и не удосужился нормально пообедать.

И тут внезапно сверкающие платья и чопорные смокинги расступились, и в зал вприорхнула Лори Сэмпл.

Пышная, рыжевато-каштановая копна волос свободно спадала на обнаженные плечи девушки. Ее лицо поражало классической красотой — точеный носик, чувственный рот и миндалевидные глаза. На шее Лори сверкали превосходные изумруды, сияние которых опровергало любую мысль о подделке. Шелковое платье телесного цвета с глубоким вырезом на спине плотно облегало Лори. Оно нежно переливалось и так туго обтягивало ее грудь,

Грэхэм Мастертон — современный английский писатель, автор романов «Манипу», «Тайна сфинкса», «Икона»; лауреат премии Эдгара По.

ОРИНКА

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

что с первого взгляда было довольно трудно определить, есть ли оно вообще.

Бюст у девушки был высокий, и она, очевидно, не носила лифчик. Соски волнующе проступали сквозь легкий шелк, и когда Лори с достоинством шествовала вдоль зала, колыхание столь великолепной груди мгновенно вызывало вполне достойную реакцию публики: все разговоры стихали, как по мановению волшебной палочки, и взгляды тут же устремлялись в сторону Лори. Даже самые верные мужья тайком от своих благоверных с вождением косились на роскошную девицу.

Джини так и не смог потом объяснить, что же заставило его действовать, но, когда Лори остановилась совсем рядом, свысока оглядывая окружающих, он вдруг решительно шагнул вперед и протянул девушке руку. А ведь этот поступок оказался делом нелегким, ибо Джини к тому времени успел одолеть три водочных коктейля и, откровенно говоря, находился уже далеко не в лучшей форме.

Девушка взглянула на него. Ее ярко-зеленые кошачьи глаза словно впились в Джини, пригвоздив его к полу.

— А я вас что-то не знаю, — промямлил Джини и жалко улыбнулся.

Роста они были примерно одинакового, и Джини внезапно уловил сладковатый аромат каких-то терпких духов, которые подобно дымке заполняли все пространство вокруг нее.

— И я вас тоже не знаю, — томно отозвалась Лори. В ее произношении отчетливо слышался европейский акцент.

— Ну что ж,— обрадовался Джини.— Прекрасный повод познакомиться!

— Возможно.— Девушка не сводила с него глаз.

— Возможно? — опешил Кейлер.

Девушка кивнула.

— Может быть, лучше оставить все, как есть? Давайте-ка продолжать наше многообещающее незнакомство.

Джини засмеялся — тихонько, как и полагается настоящему дипломату, сумевшему по достоинству оценить ее чувство юмора.

— Кажется, я понял, что вы хотели сказать. Но ведь мы в Вашингтоне! А здесь все должны знать друг друга.

Девушка продолжала беззастенчиво разглядывать его, и чем дольше она смотрела, тем неудобнее становилось Кейлеру. Он вдруг ясно осознал, что потерпел полное фиаско, и, сконфузившись, начал переминаясь с ноги на ногу, разглядывая узоры на ковре. Никогда еще, аж со времен окончания школы, он не чувствовал себя таким болваном. И это он стоит сейчас перед какой-то бабенкой — жалкий и беспомощный. Он — Джини Кейлер, с восхитительным флоридским загаром, ослепительной белозубой улыбкой, кудрявый баловень судьбы, любимчик демократов. Да он не пропустил, наверное, ни одной кошечки, спящей здесь, в горниле политической кузницы. Кроме того, многие верные жены млели и таяли, глядя на Джини, начинали жеманно улыбаться и пороть несусветную чушь, лишь бы он обратил на них внимание.

— Почему? — обронила она, приоткрыв влажные розовые губы.

— Э-э... Простите, не понял. Что «почему»?

Девушка буравила его немигающим взглядом, и Кейлер окончательно смутился.

— Почему же все здесь должны знать друг друга?

Джини поправил воротничок рубашки.

— Ну... Я думаю, это вопрос выживания. Вы должны знать, кто ваши друзья, а кто — соперники или даже враги. Ну, что-то вроде закона джунглей.

— Джунглей?

Кейлер самодовольно ухмыльнулся.

— Так говорят. Понимаете, в наше время быть политиком довольно сложно. Не важно, где вы стоите на политической лестнице: всегда найдется тот, кто захочет подняться выше, используя в качестве ступеньки вашу голову.

— Это звучит... довольно агрессивно,— заметила Лори.

Только теперь Джини обратил внимание, что в ушах девушки покачиваются вправленные в золото маленькие кльки каких-то зверьков. Постепенно нервозность, сковавшая Джини, спала, однако он понимал, что в словесной перепалке с этой чудесной женщиной ему не победить. И, что еще хуже, многие гости исподтишка внимательно наблюдали за ними, оценивая способности Джини выкрутиться из затруднительного положения. Кейлер смущенно кашлянул и указал рукой в сторону бара.

— Не хотите ли, э-э... выпить чего-нибудь? — предложил он.

Она снова взглянула на него. Джини уже давно отметил про себя, что в их разговоре преобладают многозначительные паузы, во время которых Лори продолжает буравить его непонятым, оценивающим взглядом. Словно хищник, выслеживающий свою жертву.

— А я не пью, — весело призналась Лори. — Но вас задерживать не смею. Вы ведь, кажется, не прочь отведать коктейльчик?

Джини снова закашлялся.

— Я... ну... люблю немного выпить, чтобы расслабиться. Понимаете, это успокаивает меня, что ли...

— Нет, — холодно отозвалась девушка. — Не понимаю. Я никогда в жизни не пробовала спиртного.

Джини часто заморгал от изумления.

— Да вы смеетесь надо мной! Неужели никогда тайком от старенькой матушки вы не рыскали в буфете в поисках какого-нибудь вкусенького ликера?

Изящным движением Лори отбросила назад прядь пушистых волос и покачала головой. Кейлер успел разглядеть ее руки. У Лори были удивительно тонкие пальцы и длинные, ухоженные ногти.

— Моя матушка, кстати, вовсе не старая. Она молодая. И в доме у нас никогда не водилось спиртных напитков.

— Понимаю... — Джини замешкался, сраженный наповал подобными аргументами. — Я, разумеется, не хотел... то есть не имел в виду...

— Конечно, нет, — подхватила Лори. — Да вы не волнуйтесь. Я поняла, что вы хотели сказать.

— Я... э-э... так до сих пор и не представился, — выдавил из себя Кейлер. — Это, разумеется, непростительно, тем более что я политик и должен был сделать это в самом начале нашего знакомства. Меня зовут Джини Кейлер. Вокруг вас — потрясающий мистический ореол таинственности. Как только я вас увидел, я сразу сказал себе: «Джини, эта девушка связана с какой-то тайной. А я до сих пор не знаю даже ее имени».

— Неужели вам так важно знать мое имя?

Джини неопределенно пожал плечами.

— Ну а как же мне к вам обращаться? Предположим, что я захочу пригласить вас куда-нибудь на ужин после этого банкета. Каким же образом прикажете это сделать? Дорогая мисс Икс, или мисс Игрек, или как вы там себя называете, не угодно ли вам отужинать со мной после этой развеселой вечеринки?..

— Вам не следует так говорить, — внезапно посерьезнев, перебила его девушка и отрицательно покачала головой.

— А как мне надо говорить?

— Вообще никак, потому что я все равно никуда не поеду. Я не могу.

Джини взял ее руку и нежно зажал между своими ладонями.

— Почему же? Вы вполне могли бы поехать со мной. Вы ведь не замужем, правда?

— Правда. Ну, хорошо. Меня зовут Лори Сэмпл.

Джини нахмурился.

— Сэмпл? Позвольте, так ваш отец был...

— Французским дипломатом, совершенно верно. Его звали Жан Сэмпл.

Джини нежно сжал ее пальцы.

— Примите мое соболезнование по поводу его кончины. Я, правда, не был знаком с ним лично, но некоторые мои друзья довольно тесно общались с вашим отцом и всегда превосходно отзывались о нем. Простите...

— Вам не следует так переживать. Отец всегда знал, что его жизнь состоит из опасностей. Моя мама говорит, что теперь-то он наконец обрел покой.

Кейлеру удалось поймать за рукав шмыгнувшего рядом официанта и, прежде чем тот скрылся в толпе, заказать еще один коктейль с водкой. Джини снова повернулся к Лори.

— Вы уверены, что мне не удастся заманить вас на ужин? Я вот уже несколько месяцев мечтаю отведать окорочку во французском ресторане.

Девушка отрицательно замотала головой.

— К сожалению, Джини, ничего не получится.

— Но я не понимаю почему? — растерялся тот. — Конечно, я не супермен, но все же парень хоть куда. Молод и полон энергии. Неужели вы предпочитаете общество очкастых книжных червей из министерства финансов?

— Джини, — продолжала девушка, окатив его волной терпкого, умопомрачительного запаха каких-то невероятных духов. — Я вовсе не хочу показаться вам грубой или неблагодарной. И не собираюсь оскорблять ваши чувства и помыслы. Но я пришла сюда только потому, что на эту вечеринку незадолго до своей смерти был приглашен мой отец. И я сочла своим долгом присутствовать здесь как бы вместо него. Я уже пообщалась со всеми его друзьями и теперь со спокойной совестью могу уехать домой.

— А почему же вы в таком случае не в трауре? — неожиданно выспался Кейлер.

— Понимаете, на это есть свои причины, — спокойно осадил его Лори. — В нашем роду в течение многих поколений считалось, что смерть мужчины — это скорее повод для празднования, а не для траура и печали. И я радуюсь его кончине, ибо он выполнил свой земной долг и теперь пребывает в покое.

— Вы радуетесь?! — Джини, казалось, не верил своим ушам.

Лори горделиво закинула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Да, — подтвердила она. — Так поступают люди моего племени. Так было всегда, и так будет всегда.

Джини пытался осмыслить все сказанное этой потрясающей девушкой, когда внезапно перед ним возник официант с заказанным коктейлем. Джини сунул официанту доллар и нерешительно произнес:

— Лори, вы меня, надеюсь, извините, но только мне раньше не приходилось встречать людей, которые радовались бы смерти своих близких.

Она отвернулась и заговорила:

— Мне вообще не стоило рассказывать вам об этом. Я пре-

красно понимаю, что некоторых людей подобное буквально шокирует. А вот мы считаем, что если человек закончил свою миссию на земле, выполнив свой долг, и его жизнь оборвалась, то это уже само по себе является поводом для радости.

— Черт меня побери, если я хоть что-нибудь понял, — ошарашенно пробормотал Кейлер и отхлебнул из стакана ледяного напитка.

Лори снова повернулась к нему.

— Ну, мне пора. Прощайте, мистер Кейлер. Было приятно с вами познакомиться.

— Лори, но...

— Мне в самом деле уже пора. Меня дома ждет мать. Она будет волноваться.

— Ну позвольте, я хотя бы подвезу вас до дома. В этом-то вы не можете мне отказать!

— Не беспокойтесь. Вот мой шофер. Я прекрасно доберусь и сама.

— Лори, я настаиваю. Вы, наверное, слышали, что я самый отчаянный работник во всем Госдепартаменте, и я не потерплю никаких возражений.

Лори закусила губку. Наконец она повернулась к свирепому и хмурому шоферу, не отходившему от нее ни на шаг, и робко спросила:

— Можно?

Наступила долгая пауза. Джини чувствовал, что и сенатор Хасбаум, и его приятели во все глаза наблюдают эту молчаливую сцену, но сейчас для Кейлера существовала только Лори, а все остальное словно растворилось в тумане. Джини спокойно и уверенно устался на шофера, а тот, в свою очередь, внимательно рассматривал самого Кейлера.

Наконец шофер кивнул. Кивок был легкий, едва заметный, и если специально не присматриваться, то его вообще можно было упустить из виду. Лори разулыбалась и защелбетала:

— Благодарю вас, Джини. Пожалуй, я не откажусь.

— Ну вот, по-моему, это первые разумные слова, которые я услышал от вас за весь вечер, — подытожил Джини. — Только, позвольте, я отлучусь на минуточку и повидаюсь с Госсекретарем.

Лори кивнула.

— Хорошо. Я подожду вас у подъезда.

Попрощавшись с Нессом, Джини накинул плащ и двинулся вдоль великолепного мраморного коридора вперед, к заветному выходу. Дождь прекратился, но мокрые тротуары еще блестели. Дул влажный ветер, обещавший ливень на всю ночь. Лори и ее шофер стояли на каменных ступенях, и когда Джини приблизился к ним, ему вдруг показалось, будто Лори стоит как-то уж слишком близко к шоферу и словно что-то нашептывает ему на ухо. Джини замешкался было, но в ту же секунду девушка повернулась и, отыскав глазами Кейлера, радостно улыбнулась. Не проронив ни слова, шофер мгновенно отошел от Лори и направился к своей машине — сияющему черному лимузину. Он

с достоинством уселся за руль, сдал назад и остановился, поджидая их в стороне. Шофер не смотрел по сторонам, но Джини тут же почувствовал, что тот не выпускает их из виду, следя буквально за каждым движением, и готов в любой момент, как верный пес, вступить за хозяйку.

Лори затянула на своей восхитительной шее длинную красную бархатную накидку и ладонью откинула назад волосы.

— По-моему, шофер начинает нервничать, — усмехнувшись, констатировала она. — Мама строго приказала ему не спускать с меня глаз, вот он теперь и буравит меня взглядом, опасаясь, как бы я случайно не исчезла.

Джини тронул Лори за руку.

— Послушайте, а он всегда такой свирепый? — закинул удочку Кейлер. — Мне кажется, что если бы я вдруг решил ущипнуть вас, к примеру, за мочку уха — так, без всякой задней мысли, — он тут же подскочил бы и вышиб из меня дух. Я и глазом не успел бы моргнуть.

Лори рассмеялась.

— Да уж, по этой части он мастер. Мать говорила мне, что он — самый добросовестный и честный слуга из всех, которые перебивали в нашем доме. А их было немало. К тому же он просто дока по борьбе кравмага.

— Кравмага? Никогда о такой не слышал.

— Ну, это система самообороны, что-то вроде кунг-фу, по моему. Ее изобрели в Израиле. Главное в ней — полное уничтожение противника любыми средствами.

Джини удивленно подвнял брови:

— Знаете, ваше заявление обескураживает откровенностью. Мы, политики, привыкли скрывать подобную информацию. По крайней мере ваша кравмага лишена лицемерия.

Они стояли на тротуаре и ждали, когда лакей выкатит из гаража машину Джини. Рядом прохаживался привратник в желтой ливрее и короткими затяжками покуривал сигарету. А вдаль, в нескольких сотнях ярдов, взмывал в небо сияющий шпиль памятника Вашингтону. Сейчас, в легком вечернем тумане, он походил на призрачный надгробный камень. Где-то из района М-стрит донеслась трель сирены.

— Вы не должны сердиться на Мэтью. Он ведь исполняет свой долг, — заступилась за слугу Лори.

— Мэтью? Так зовут вашего шофера?

— Да, но, понимаете, он, к сожалению, немой. Мэтью не в состоянии выговорить ни единого слова. Он когда-то состоял на французской секретной службе в Алжире, и когда Мэтью выследили, ему вырвали ногти и отрезали язык.

— Да вы шутите!

— Нисколько. Это правда.

Джини покосился на черный «кадиллак», поджидающий их у поворота. В боковое зеркальце Кейлер заметил напряженный и суровый взгляд Мэтью, и ему показалось, будто глаза слуги словно сами по себе витают в ночном тумане.

— Да, наверное, подобное испытание кого угодно превратит в угрюмого и недоверчивого человека.

Лори печально кивнула.

— Вы правы. А это ваша машина?

К подъезду подкатил белый «ню-йоркер», и привратник распахнул его дверцы. Джини сунул по доллару привратнику и лакею, подогнавшему автомобиль, а потом уселся за руль.

— Вы сами будете указывать дорогу? — осведомился он.

Лори отрицательно покачала головой.

— Нет, первым поедет Мэтью. А вы — прямо за ним, так будет проще.

— А мы не можем от него улизнуть?

— Если вы не хотите нарваться на неприятности, то лучше не стоит. Уверяю вас, Мэтью не выпустит нас из виду.

Джини только вздохнул, и машина тронулась.

— Послушайте, а вас это никогда не раздражает? Я имею в виду то, что вас держат в золотой клетке? Вы же вполне взрослая девушка.

Лори развязала накидку, и та соскользнула с ее плеч. В бледном сиянии уличных фонарей Джини заметил украдкой, как блестят губы Лори, как сверкают изумруды на шее и переливается шелк на груди. В машине запах ее духов околдовал Джини окончательно, и это выглядело тем более странно, если вспомнить, что девушка разглагольствовала о морали, пытаясь казаться скромницей. Теперь она вдруг напомнила Джини самку во время течки, подкарауливающую самца.

— Наверное, мы кажемся вам несколько странными, — тихо произнесла Лори. — Но не забывайте о том, что мы не американцы. И Америка — не наша родина. Вот почему мы стараемся держаться вместе и помогать друг другу. И помимо всего прочего...

— Чего прочего?

— Ну... мы чуточку другие, если можно так выразиться. А когда ты чем-то отличаешься от остальных, следует придерживаться своего стада, а не втираться в чужое.

Джини обнаружил, что «кадиллак», мчащийся впереди, свернул налево, и послушно юркнул вслед за удаляющимися габаритами автомобиля. Несколько капель ударили в лобовое стекло. Начинался дождь, и Джини включил «дворники».

Они миновали центр города и, отъехав от него миль пять, очутились в тенистом фешенебельном пригороде. Особняки здесь были построены еще до войны. Колонны у входа и крашенные белоснежные ставни на окнах поражали воображение. Мэтью свернул на извилистую дорожку, петляющую по настоящему туннелю из деревьев, и вскоре показалась высокая, обитая плющом стена из старого кирпича, поросшего мхом. Наверху из нее торчали длинные проржавевшие пики.

— Там наш сад, — указала на стену Лори. — А сам дом чуть подальше.

Они еще раз свернули, и Мэтью нажал на тормоз. Обе машины остановились прямо перед коваными воротами на полукруглой стоянке. За воротами Джини углядел накатанную гравиевую дорожку. Дома не было видно, очевидно, он находился в глубине поместья.

Мэтью не выходил из автомобиля, наблюдая за молодыми людьми в зеркальце заднего вида. Он не заглушил мотор, и струйка выхлопных газов, поднимаясь из-под автомобиля, растворялась в ночном тумане.

— Итак, мы приехали, мисс Сэмпл? — спросил Джини.

— Совершенно верно. — И Лори тщательно завязала на шее накидку.

— Вы хотите сказать, что я вас здесь высажу, и на этом все закончится?

Она взглянула на него, сверкнув в темноте своими зелеными кошачьими глазами.

— А чего же еще вы ожидали? Вы любезно предложили подвести меня до дома и подвезли. Большое спасибо.

— И вы даже не пригласите меня на чашечку кофе?

Она покачала головой.

— К сожалению, нет. Понимаете, моя мама сейчас не совсем здорова.

— Но я же не собираюсь просить ее готовить!

— Что готовить? — не поняла Лори.

— Ну, кофе, конечно, что же еще? Она может преспокойненько лежать себе в постели и даже не вставать.

Лори положила руку ему на ладонь.

— Джини, — ласково проговорила она, — вы очень милый человек, и мне сразу понравились, но...

— Но вы не собираетесь приглашать меня в дом. Все ясно, теперь мне все стало ясно.

— Нет, вы ничего не поняли.

Он поднял руки вверх, как будто признавая свое поражение:

— Я все прекрасно понимаю, голубушка. Вы симпатичная девушка, у вас очень милая и дружная семья, и вы всегда делаете только то, что одобряет ваша мамочка, прямо как в старые добрые времена. Ну, хорошо, значит, и мне надо действовать соответственно.

— Как же именно?

— А вот как. Завтра в самое что ни на есть удачное время я вам звякну, затем представлюсь вашей матушке и выпрошу у нее разрешение пригласить вас отобедать со мной. При этом я, разумеется, поклянусь какой-нибудь страшной клятвой, что верну вас в целостности и сохранности.

Лори остановила на нем долгий и пристальный взгляд. А потом отрицательно покачала головой.

— Джини, — взмолилась девушка. — Это невозможно.

— Что же такого невозможного в обыкновенном обеде?

Она отвернулась.

— Вы мне нравитесь, — тихо произнесла Лори. — Именно поэтому обед и невозможен.

— Так. Значит, я вам все-таки нравлюсь, и именно поэтому вы не хотите встретиться со мной еще раз? Где же здесь логика?

Лори толкнула автомобильную дверцу.

— Джини, — голос ее стал чуть слышен, — я думаю, для вас будет гораздо лучше как можно быстрее забыть о нашей встрече.

Кейлер достал пухлый телефонный справочник и принялся листать его в поисках номера Сэмплов. Но такой фамилии в справочнике не значилось. Джини постоял некоторое время в нерешительности, постукивая стаканом о передние зубы, а потом снял трубку и набрал знакомый номер. «Сейчас всего лишь полночь, — прикинул он в уме, — многие девушки в Вашингтоне и не думают ложиться спать в такую рань. Ничего страшного».

Раздалось десять или даже одиннадцать гудков, прежде чем трубку наконец сняли, и заспанный голосок недовольно промурлыкал:

— Алло? Кто это?

— Мэгги, — как можно радостнее произнес Кейлер. — Это я, Джини.

— А который час, Джини?

— Понятия не имею. Где-то около двенадцати, полагаю.

— Как это ты не знаешь? Я дарю тебе часы за триста долларов, а ты даже не удосуживаешься ответить мне, сколько сейчас времени?

— Ну, только не заводись. Ты ведь все равно не спала. Я угадал?

Мэгги тяжело вздохнула и, послушно приготовившись внимать своему патрону, заранее запаслась терпением.

— Нет, Джини, я, конечно же, и не думала ложиться. Интересно, как можно работать твоим личным секретарем, да еще при этом умудриться урвать хоть часик для сна? Я бодрствую круглые сутки. Просто иногда я не так энергична, особенно ночью, но тем не менее всегда начеку и к твоим услугам. Так что у нас на этот раз?

Джини выдержал ее тираду с удивительным спокойствием.

— Мэгги, — отозвался он наконец, — я понимаю, с моей стороны это очень нахально и вообще неуместно, но не могла бы ты оказать мне сейчас небольшую услугу?

— Ну, знакомая песенка, Джини. А не забыл ли ты, дружок, что у меня сегодня выходной? В конце концов имею я право хоть на короткий отдых, чтобы не выглядеть завтра как чучело?

— Мэгги, ты прекрасна всегда: и свеженькая, и вымотавшаяся. — Джини попытался было подобраться с другой стороны.

— Ну ладно, уговорил. Что надо сделать?

— Ты помнишь французского дипломата по имени Жан Сэмпл? Он погиб месяца три назад то ли в Канаде, то ли еще где-то.

— Совершенно верно. Его растерзали медведи во время охоты.

— А что тебе о нем известно? Я имею в виду его прошлое. И в особенности, что можно узнать о его семье?

— Вообще ничего не известно. А зачем тебе все это?

Джини подхватил телефон и опустил с ним на кушетку. На экране телевизора какие-то полусгнившие мертвецы, скоропалительно восстав из могил, с завидной прытью преследовали живых граждан, а те зачем-то развалили рты, призывая, видимо, на

помощь других граждан. В комнате продолжала звучать спокойная и вдохновенная музыка Моцарта.

— Сегодня на банкете я познакомился с дочерью этого Сэмпла. Знаешь, вокруг нее просто мистический ореол. Она какая-то... не такая. Мне кажется... надо выяснить... какая.

Мэгги снова вздохнула.

— Ну, теперь-то все понятно. Тебе дали от ворот поворот, и теперь ты остро нуждаешься в допинге. Чтобы не потерять уверенность в том, что ты — самый соблазнительный и желанный мужчина на всем белом свете. Так?

— Нет, Мэгги, все далеко не так просто. Девушка эта обитает в огромном особняке за городом, а ограда вокруг поместья похлеще, чем в старинных крепостях, да еще собаки у них по всей территории шляют. И, между прочим, такие, что любая с ходу могла бы отхватить мне ногу.

— Ну и что же? Может быть, в доме у Сэмпов хранится бесценная коллекция картин или куча драгоценностей. Ты сам дом-то видел?

— Меня даже за ворота не пустили. При ней неотступно находился шофер или слуга, в общем, этот тип все время сопровождал ее — какой-то немой по имени Мэтью. Короче, он смахивает на чудовище из фильма ужасов. А когда я самым невинным образом попытался попроситься к ней на чашечку кофе, меня так отфутболили, что больше я об этом и заикаться не стану. А ведь весь вечер я вел себя, как робкий ягненок.

— Ты в роли ягненка? Ни за что не поверю.

— Да-да. Я ведь могу быть и робким, и мягким, и каким угодно, если, конечно, захочу. Но дело в том, что тут хоть на задние лапки становись — на нее буквально ничего не действует. И мне теперь важно выяснить, что происходит в стенах этого дома. Действительно, Лори Сэмпл — девушка потрясающая, и мне, естественно, хотелось бы узнать о ней побольше. Кстати, вовсе даже не по личным соображениям. Теперь меня просто раздражает любопытство...

— Как ты думаешь, это когда-нибудь могло бы повториться? — внезапно оборвала Кейлера Мэгги.

— Что именно? — опешил тот.

— Чтобы мы снова были вместе. Ты и я. По прогнозам за год, самая лучшая пара. Помнишь — так когда-то писали о нас? «Вдвоем они добились бы неслыханных успехов!»

— Послушай, Мэгги... Я еще слишком молод, чтобы сделать окончательный выбор. Жизнь только начинается.

— Если тебе кажется, будто тридцать два — это только начало, подумай о том, что до сорока остается только восемь лет.

Джини отхлебнул глоток виски:

— Ну, ладно. Тогда вернемся к этому вопросу через восемь лет. Ты мне звякнешь, и мы все хорошенько обсудим. А пока что, пожалуйста, выполни мою просьбу.

— Что же конкретно ты хочешь узнать?

— Во-первых, мне нужен телефон Сэмпов. Надо выяснить, покидает ли Лори вообще усадьбу, и если да, то куда она ходит. Если же нет, надо узнать, как девушка проводит свободное

время. Необходимо сделать несколько фотографий этого помещения или достать готовые и выяснить подробности гибели Жана Сэмпла. Да, еще: попробуй, если удастся, откопать хоть что-нибудь о матери Лори, миссис Сэмпл. Мне кажется, это настоящий дракон в юбке.

Мэгги с трудом успевала записывать многочисленные пожелания своего шефа. Наконец тот замолчал, и тогда девушка быстро спросила:

— Когда тебе необходимо получить всю эту информацию?

— Ну, допустим, завтра.

— Но завтра же воскресенье! — взмолилась Мэгги.

— Вот и чудненько — тебе ничего не мешает спокойно заняться выполнением моей пустяковой просьбы. Я утром буду у Уолтера. И если к обеду у тебя уже все будет готово, мы сможем заглянуть в какой-нибудь ресторанчик и вместе перекусить.

— Ты обещаешь?

— Клянусь самим Господом Богом. Неужели я рискну обмануть тебя в субботу?

— Так же, как и в другие дни. Ну все, Джини. Увидимся завтра. Не забудь про свое обещание насчет обеда.

— Пока, моя обожаемая Мэгги.

Они решили навестить в небольшой ресторанчик, расположенный неподалеку от конторы Уолтера Фарлоу, и, устроившись за уютным столиком возле зеленого витражного окна, заказали отбивные и яичницу. Это заповедное местечко любили посещать политики. Когда наступало обеденное время, ресторанчик заполнялся до отказа. Опытный глаз, издавело отличающий республиканцев от демократов, мгновенно приметил бы и здесь политическое расслоение: «ослы»¹ теснились в полуосвещенных уголках или кабинетах, а «слонов»² тянуло поближе к окошечкам.

Мэгги выглядела посвежевшей, словно успела хорошенько отдохнуть. Это была миниатюрная симпатичная брюнетка с точеным, чуть вздернутым веснушчатым носиком и огромными карими глазами. Она всегда напоминала Джини девиц с журнальных обложек. Именно такие фотодивы приветствовали американских солдат, возвращавшихся домой. Скорее всего исключительно эта глупая мысль и явилась поводом для сомнений о возможном браке с Мэгги. Много лет назад, еще в Джексонвиле, они стали любовниками. Сначала это была детская любовь, потом она переросла в юношескую. Джини не разлучался с Мэгги, пока им не исполнилось по двадцати одному году.

Вот тогда-то в Джини неожиданно взыграли политические амбиции, а Мэгги решила продолжить образование. Все случилось само собой: и страсть, и привязанность понемногу сошли на нет, пути их разошлись. Кейлера угораздило по уши влюбиться в замужнюю даму чуть ли не вдвое старше его. Джини тогда вдоволь настрадался и долго не мог прийти в себя. Мэгги подце-

¹ «Осел» — символ республиканской партии США (здесь и далее прим. перев.).

² «Слон» — символ демократической партии США.

пил какой-то прохода из Йельского университета, а потом бросил, так что ей пришлось страдать не меньше, да к тому же еще и сделать аборт.

И вот теперь они снова были вместе — их сближала не только давняя дружба, но и политические пристрастия: оба являлись сторонниками демократической партии, которая всегда стремилась к единству, столь характерному для южан.

Джини принялся отрывать от ломтя хлеба здоровенные куски и запихивать их в рот.

— Ну и как твои успехи? — поинтересовался он. — Что-нибудь есть?

Мэгги усмехнулась.

— Если ты будешь уплетать столько хлеба, то очень скоро обзаведешься брюшком.

— От того, что я ем, еще пока никого не разнесло. Знаешь, чем я, к примеру, питался в течение всего вчерашнего дня? Одним слоеным пирожком и парой стаканчиков виски. А сегодня у Уолтера я почувствовал просто лютой голод.

Мэгги подняла с пола свою гобеленовую сумку, вынула оттуда блокнот со стенографическими записями и раскрыла его.

— Дом Сэмпллов действительно стоит внимания. Их земли простираются в предместьях Вашингтона в районе Мерриам аж на сорок акров. Большую часть этой территории покрывают леса и густой кустарник. Кстати, мне обещали в скором времени сделать снимок с вертолета. Особняк состоит из пятнадцати комнат, и его выстроил еще до гражданской войны один табачный магнат из Виргинии. С тех пор хозяева несколько раз менялись — там обитали и политики, и плантаторы, а, начиная с 1911 года, дом долгое время почему-то пустовал. Потом его купил Жан Сэмпл, когда в 1973 году его назначили в дипломатический корпус в Вашингтоне. И с тех пор Сэмплы живут в этом доме.

В этот момент к их столу подплыла официантка с подносом и поставила перед ними отбивные и яичницу. Джини обильно посыпал черным перцем свою порцию, а Мэгги тем временем продолжала зачитывать записи:

— Жан Сэмпл является, то бишь являлся, весьма образованным и состоятельным человеком. Он родился во Франции в 1919 году в богатой семье. Его родители почему-то всегда верили в то, что их отпрыск сделает блестящую дипломатическую карьеру. В 1951 году Жан Сэмпл был назначен атташе в Египет. Там он и познакомился со своей будущей супругой Лейлой. О ней мне удалось наскрести очень мало — только то, что ее девичья фамилия Мисаб и почти всю жизнь она провела в Судане. Лори — их единственный ребенок. Девушка родилась в Париже восемнадцать лет назад.

Жан буквально с ума сходил по природе и диким животным. Он жертвовал колоссальные суммы различным организациям по охране животных и, в частности, национальным заповедникам в Африке. Однако в то же самое время Жан был заядлым охотником, и вот как раз во время охоты его и растерзали медведи. У меня есть заключение канадского судебного эксперта по поводу этой смерти.

Нахмурившись, Джини подцепил вилкой кусочек отбивной и, почти не прожевывая, проглотил его.

— И это все? — сердито буркнул он. — А как насчет ценностей? Что за коллекции у него в доме? То есть, мне важно знать, почему особняк так тщательно охраняется.

— Там нет ровным счетом ничего, — отрезала Мэгги. — Я переговорила кое с кем из французских дипломатов, лично знавших Жана, и все они в один голос заявили, что ничего он не коллекционировал. Жан слишком дорожил своими близкими и все свободное время находил в кругу семьи. Да, еще они говорили, что жена его — сногшибательная красавица с этими, как же он назвал их... *Une grande poitrine*.

— А что это такое?

— Большие сиськи. Я, честно говоря, считала, что ты не настолько слаб во французском, но раз уж ты даже таких слов не понимаешь...

— Ну, хватит надо мной издеваться. Займись-ка лучше отбивной.

Расправившись наконец с обедом, они миновали Белый дом и направились в контору Джини. День был пасмурный, такие частенько выпадают в сентябре и октябре, когда погода в Вашингтоне вдруг начинает капризничать. Где-то высоко в небе взвыл реактивный самолет.

У подъезда департамента Мэгги взяла Джини за руки и, потупившись, пробормотала:

— Спасибо за обед. Это была самая вкусная отбивная в моей жизни.

— И мне тоже понравилось. Слушай, может нам стоит почаще обедать вместе?

— А зачем? — отозвалась она, словно не понимая его вопроса. Джини удивленно посмотрел на нее, а потом улыбнулся и чмокнул в лоб.

— Ну, разумеется, не только обедать. Могут ведь у старых добрых друзей возникнуть общие интересы!

— А ты обещаешь вести себя хорошо и проявлять осторожность?

— Осторожность?

Она застегнула свою шерстяную кофточку и пояснила:

— Это слова одного из тех французских дипломатов. Когда я выудила у него все сведения, касающиеся миссис и мисс Сэмпл, он вдруг спросил, кто же так ими интересуется и не пахнет ли тут близкой свадьбой. Я ответила, что сомневаюсь в этом, и вот тогда дипломат выдал буквально следующее: «Если кто-то вдруг задумает жениться, предупредите его насчет танца». То ли я плохо расслышала, но была настолько ошеломлена, что даже не переспросила.

— Танца? Это еще что за чертовщина?

— Понятия не имею. Я же говорю — чушь какая-то. Но я подумала... может быть, это тебе о чем-нибудь скажет. На всякий случай предупреждаю.

Джини взял ее под руку и расхохотался. Его смех, гулким эхом отразившись от стен, прозвучал неестественно.

Утро выдалось ясным и прозрачным. В воздухе внезапно почувствовалось приближение зимы. Собираясь на работу, Джини набросил пальто. Часы еще не успели пробить восемь, а он уже явился в контору. Однако Мэгги успела его опередить. Девушка восседала за своим столом, держа в руке пластиковый стаканчик с кофе, и весело щебетала в телефонную трубку.

Джини повесил пальто на вешалку и шепотом осведомился:

— Кто это? Мне не надо с ним разговаривать?

Мэгги прикрыла ладонью трубку.

— Это мой любовник. Так что помолчи чуток, а то он тебя услышит и рассвирепеет.

Джини подошел к своему столу и спешно посмотрел почту. Здесь лежало много писем из Вест-Индии, а также несколько раздраженных посланий, где авторы весьма настойчиво требовали субсидий для Центральной Америки. Даже если бы Кейлер прямо сейчас уселся разбирать почту, на это занятие он угробил бы добрую половину утра, в ведь впереди предстояло еще закончить отчет по проблемам Вест-Индии. Кейлер вздохнул и, вынув сигарету, закурил.

— Ага, понятно, — не умолкала Мэгги. — Да, мне все ясно. Спасибо, Марвин. Я у тебя в вечном долгу.

Затем она повесила трубку и с торжествующей улыбкой подплыла к Джини. Сегодня Мэгги облачилась в строгий костюм рыжеватого-коричневого цвета, и Кейлер в который раз отметил про себя, что эта женщина чертовски хороша.

— Ну, — нахмурившись, буркнул Джини, изучая одновременно письмо на шести страницах о проблемах производства сахара. — Ты похожа на кошку, которая обнаружила вдруг полную крынку сметаны.

— Уже горячо. Ты ведь просил от меня невозможного, о мой повелитель. Так вот, я исполнила твое очередное сумасбродное желание.

Она вырвала листочек из своего блокнота и положила перед Кейлером. На нем ровным почерком было написано: «Первый Французский банк Африки. К-стрит, 1214», — а чуть ниже — номер телефона.

Джини неуверенно поднял листочек.

— Что это такое? Это связано с Лори Сэмпл?

— Так, пустячок, — усмехнувшись, проворковала Мэгги. — Это всего-навсего номер ее телефона. И адрес банка, где она работает.

Джини удивленно поднял брови:

— Лори работает? Ты что же, хочешь сказать, что она периодически выбирается из своей чертовой золотой клетки?

— Разумеется. А зачем ей торчать там все дни напролет?

— Сам не знаю, — сдался Джини. — Но Сэмплы так заботятся об охране своего драгоценного жилища, что складывается впечатление, будто они нарочно там запираются и никогда не покидают стен этой крепости.

Мэгги затушила свою сигарету.

— Ну, это твое личное мнение. Слушай, ты, похоже, искренне считаешь, что если кто-то не припадает в восторге к твоим

стопам и не умоляет переспать в первую же ночь, то, значит, здесь непременно кроется потрясающая тайна, а само существование объекта твоей страсти окутано легендами. Другого объяснения я не нахожу.

Джини взглянул на часы. Если он прямо сейчас поймает такси, то вполне успеет подкатить к банку до открытия, а значит, встретит Лори не внутри, а прямо на улице. Вот это удача!

— Послушай, Мэгги, — начал Кейлер. — Мне надо ненадолго отлучиться. Если позвонит Уолтер или нагрянет Марк, ну, короче, скажи, что меня срочно вызвали по какому-то делу. Я вернусь буквально через полчаса...

— Джини, — посерьезнев, оборвала его Мэгги. — Не будь идиотом! Если Лори не желает с тобой встречаться, не теряй из-за нее головы. Оставь ее в покое.

— Мэгги, — укоризненно произнес Кейлер, поспешно облачаясь в пальто, — неужели я хоть раз в жизни выставлялся идиотом?

— Было такое. Правда, всего один раз, — отрезала Мэгги и направилась к своему столу.

Он вышел на улицу и сразу же поймал такси. Водитель оказался здоровенным негром, всю дорогу напролет попыхивавшим какой-то зловонной сигарой, так что когда они добрались до К-стрит, Джини почувствовал себя откровенно счастливым, выскочив наконец из злосчастной машины и вдохнув полной грудью прохладный октябрьский воздух. Он заплатил шоферу, не забыв и про чаевые, а затем решительно направился к массивным стальным дверям Франко-Африканского банка.

У входа в ожидании открытия сгрудилась небольшая группа алжирцев. Они нетерпеливо поглядывали на часы, шаркали ногами и переговаривались по-французски с ужасающим акцентом. Джини сумел разобрать лишь отдельные слова из их разговора.

За несколько минут до открытия банка к дверям подошли две девушки. Джини безошибочно определил, что они работают кассиршами. Робко приблизившись к ним, Кейлер осторожно осведомился:

— Девушки, можно задать вам один вопрос?

Обе разом обернулись и удивленно уставились на незнакомца. Одна из них приподняла очки, а другая с такой энергией заработала челюстями, перемальвая жвачку, что Джини вдруг показалось, будто на ее лице заходил каждый мускул, и теперь оно смахивало на резиновую маску.

— Простите, — смутился Джини, — если не ошибаюсь, вы работаете в этом банке?

— Ну а вам-то какое дело? — неприветливо буркнула девушка, чавкая жвачкой.

— Видите ли, — окончательно потерявшись, промямлил Джини. — Просто здесь служит одна моя хорошая знакомая, и я подумал, что, возможно, она ваша подруга... Ее зовут Лори Сэмпл.

— Лори? Разумеется. Мы тут почти всех знаем. Она работает в валютном отделе.

— А вы не в курсе, она сегодня собиралась на работу?

— Она еще ни одного дня не прогуляла, — важно заявила особа, жующая жвачку. — Лори, наверное, само совершенство. Постоянно занимается какими-то хитрющими упражнениями, вроде гимнастики, только еще сложнее. Нам таких ни за что не одолеть. В общем, держит себя в идеальной форме.

— А вы что, ее парень? — вклинилась в разговор девушка в очках.

Джини рассеянно покачал головой.

— Не совсем. Просто мы хорошие друзья.

— Жаль. Ей не мешало бы завести себе любовника, — с важным видом изрекла одна из кассирш.

— А разве у нее их нет? — Джини наигранно удивился. — Вы уверены в этом?

— Я-то? Ну, откуда же мне знать наверняка. Просто у нее частенько такой тоскливый взгляд... Мне ее даже жалко становится. Вы, разумеется, понимаете, к чему я клоню. Она такая красавица, совсем неглупая, только и разглагольствует о замужестве, а у самой даже парня нет. Может, конечно, ей что-то мешает обзавестись семьей. К тому же ее рост... Мне кажется, мало кому из мужчин нравятся такие высоченные девушки.

— Да, знаете, мой Сэм тут как-то брякнул, что влюбился в нее равносильно тому, чтобы вспылать нежной страстью к нью-йоркскому небоскребу, — хохотнула кассирша, с остервенением мучая жвачку.

— Простите, это, конечно, сугубо личный вопрос, вы можете не отвечать на него... — продолжал Джини. — И все же мне интересно узнать ваше мнение о Лори. Вы ее любите?

— Конечно. — Жвачка во рту у девушки на миг обрела покой. — Лори — милое создание. В самом деле. Да и кто может не полюбить ее? Правда, иногда возникают кое-какие трудности. Ну, например, Лори никогда ничего о себе не рассказывает. Мы даже не знаем, где она живет. Ну а как можно близко общаться с человеком, если вы о нем практически ничегошеньки не знаете?

В этот момент Джини заметил, как к банку подкатывает черный «кадиллак». Кейлер слегка пригнулся, чтобы не выделяться из толпы алжирцев. Он услышал, как открылась задняя дверца лимузина, а потом снова захлопнулась. Затем раздались шаги. «Кадиллак» отъехал. Джини выпрямился. Он, конечно же, не ошибся. Это оказалась Лори собственной персоной.

В дневном свете Лори выглядела ослепительно. На девушке был безукоризненно сшитый черный костюм и черная шляпка в стиле ретро. Роскошная грива волос оказалась убранной, но это лишь подчеркивало идеальные черты ее лица и в особенности раскосые ярко-зеленые глаза. Завидев своего назойливого преследователя, Лори застыла как вкопанная и прижала к груди сумочку из змеиной кожи.

— Доброе утро, Лори, — как ни в чем не бывало поздоровался Джини.

Две кассирши переводили недоуменные взгляды то на Лори, то на незнакомого мужчину. Внезапно одна из них многозначительно толкнула подругу в бок.

Лори какое-то время молчала и вдруг, нерешительно шагнув к Джини, опустила глаза.

— Значит, вам все-таки удалось разыскать меня, — произнесла она тихим манящим голосом. — Впрочем, этого и следовало ожидать. Как же вы справились с такой нелегкой задачей?

Кейлер задумчиво покачал головой и заулыбался:

— Да с поисками и проблем-то особых не возникло. Моя секретарша нашла адрес вашего банка и телефон.

— Ну что же, — зарделась Лори. — Мне, конечно, очень лестно слышать такие слова. Столь важная особа решила вдруг уделить внимание моей незначительной персоне...

— Не стоит смеяться надо мной. Я действительно хотел вас видеть.

Глаза Лори округлились от удивления.

«Да, эта девушка чертовски хороша, — про себя признался Джини. — Просто фантастически прекрасна. Но как же получается, что при такой красоте она умудряется оставаться дикаркой? Бессмыслица какая-то!»

— Я считала, что после субботней встречи у вас вряд ли возникнет подобное желание, — призналась Лори.

— Отчего же? Вы меня заинтриговали.

Они стояли на залитом солнцем тротуаре, пока наконец не распахнулись двери Франко-Африканского банка. Коснувшись еще раз руки Джини, девушка торопливо вошла в огромное здание.

— Лори! — тоскливо позвал Кейлер.

Она остановилась, но не оглянулась.

Джини умел тщательно разрабатывать планы и поэтому пришел сейчас к заключению, что если обойтись без посторонних, то можно совершенно спокойно и без всяких осложнений выудить нужную информацию об этих загадочных Сэмплах. Да так, что о его посещении не догадается ни единая живая душа. Кейлеру предстояло осмотреть всю территорию поместья и сам дом. Может быть, именно какая-нибудь незначительная деталь и наведет Джини на мысль, почему Лори так упорно отвергает все его притязания. При этом она ровным счетом ничего не желает объяснить.

Начиная с понедельника, эта девушка овладела всеми мыслями Джини Кейлера. Он прекрасно осознавал, насколько безрассудна его страсть и то, что ведет он себя сейчас, как сопливый юнец. Но ничего не мог с собой поделать и только время от времени ловил себя на мысли о Лори. Джини то и дело выводил ее имя на промокашках, пытался даже по памяти изобразить лицо Лори. Но это лишь усугубляло его страдания, ибо в голову постоянно лезли ее странные слова о том, что Джини ей очень нравится и именно поэтому она не собирается с ним видаться. Здесь крылась какая-то тайна.

— Да-а, — протянула Мэгги, ставя на стол перед Джини пластиковый стаканчик с дымящимся кофе. — По-моему, тяжелый случай.

— Какой еще случай? — оторопел Кейлер.

— Страшная болезнь под названием «Лори Сэмпл». Современная медицина относит ее к разряду юношеской безумной влюбленности. Вот что с тобой сейчас происходит.

Джини жадно отхлебнул кофе и тут же обжегся.

— Позволь с тобой в корне не согласиться, — уверенно произнес Кейлер. — И потом, в тридцать два года невозможно страдать от юношеской влюбленности.

— Ну, это уже не мои проблемы, — пожала плечами Мэгги. — Ты лучше доказывай сей прискорбный факт тому, кто только что на промокашке — заметь, на лучшей промокашке — двадцать четыре раза вывел — «Лори Сэмпл».

— А ты хочешь, чтобы я ее имя писал не на самой лучшей в мире промокашке?

Мэгги присела рядом с ним и облокотилась о письменный стол.

— Послушай, Джини, давно пора хотя бы себе признаться в этом. Я тебя не помню таким вот уже многие годы.

Кейлер отпил еще глоток кофе.

— Ну все, уговорила. Да, эта девушка просто застряла у меня в голове, и выкинуть ее оттуда я никак не могу. А что самое забавное... она ведь открыто заявляет, будто я ей нравлюсь, но никуда идти со мной не собирается. Именно это-то и не дает мне покоя. Это же уму непостижимо!

— Ну, и что же ты замыслил предпринять по столь печальному поводу? — закинула удочку Мэгги.

Некоторое время Джини сидел молча, отхлебывая кофе из стаканчика и постоянно обжигая себе то рот, то губы. Он взвешивал в уме, стоит ли посвящать Мэгги в свои планы. В конце концов Джини пришел к заключению, что союзник в этом деле никоим образом не повредит. А ведь Мэгги вполне может подбросить какую-нибудь деловую мысль. У Кейлера не было и тени сомнения, что Мэгги его не подведет.

— Я действительно уже кое-что обдумал, — признался Джини. — Я собираюсь проникнуть на территорию поместья Сэмплов.

Вздрогнув от неожиданности, Мэгги отпрянула от Кейлера.

— Что-что ты задумал? Повтори-ка, а то мне не верится.

— Мэгги, — начал терпеливо объяснять Кейлер. — Я просто должен все выяснить. А самому пробраться туда и прочесать усадьбу — по-моему, единственный способ. Другого выхода, наверное, не существует. Я хочу понять, почему эта девушка такая замкнутая, почему никуда не выходит и ни с кем не встречается. Ну, возможно, ее мать тому причина. Черт его знает, не исключено, что она — инвалид, и Лори ни с кем не хочет связывать свою жизнь, потому что тогда не останется времени для ухода за больной и прикованной к постели женщиной...

— Джини, ты точно из ума начал выживать. А если тебя там засекут?

Но Кейлер упрямо замотал головой:

— Исключено. Я уже продумал все до мелочей. И потом: я же не собираюсь там долго засиживаться, просто устрою пробную вылазку, так сказать, — и сразу назад. Никто и глазом не успеет моргнуть.

Мэгги задумалась, а потом решительно поднялась со стула:

— Я только надеюсь, что ты действительно все тщательно обмозговал, раз уж переубедить или остановить тебя практически невозможно.

Кейлер вдруг игриво вскинулся на нее:

— Ну а что плохого в том, что меня захватила безумная страсть? Некоторые люди ради возлюбленных были готовы и на большие подвиги.

— Возможно, ты и прав, — вздохнув, печально отозвалась Мэгги. — Лишь бы ты не вляпался в какую-нибудь историю.

В четверг ближе к полуночи Джини подъехал к поместью Сэмплов. Осуществляя свой грандиозный замысел, Кейлер еще днем взял напрокат «матадор» темно-синего цвета. Да и одежда Джини была под стать его авантюрной затее: Кейлер облачился в черный спортивный свитер и такие же вельветовые джинсы, а на голову аж до самых глаз натянул угольного цвета шапочку. В руках Джини сжимал холщовую сумку, куда предварительно засунул пару газовых баллончиков. С плеча у него свисал здоровенный моток веревки, а за пояс был заткнут пистолет 38-го калибра.

Джини выключил зажигание и минут пять, не шевелясь, просидел в машине, прислушиваясь к ночным шорохам.

Сегодня он решил припарковаться не у самых ворот, а чуть дальше, в том месте, откуда, по его расчетам, было рукой подать до дома. Кейлер оставил автомобиль в гуще деревьев на противоположной стороне улицы. Ключи из замка зажигания он вытаскивать не стал, на тот случай, если все же придется уносить ноги.

Ночь выдалась холодная, дыхание то и дело облачком срывалось с его губ. Джини тихонько захлопнул автомобильную дверцу. Луна была безнадежно обложена тучами, и ему пришлось выждать некоторое время, чтобы глаза привыкли к кромешной тьме. Задержав дыхание, Джини еще раз прислушался, но здесь, похоже, царил полная тишина.

Он добежал до стены и вновь напряг слух — ни звука не доносилось из сада. Джини размотал нейлоновую веревку и, отступив на несколько шагов, прикинул на глаз высоту кирпичной стены. К концу веревки Кейлер привязал алюминиевый брусок, надеясь, что тот обязательно застрянет наверху, зацепившись за острые шипы.

С четвертой попытки Джини удалось закрепить веревку. Сначала он забросил ее недостаточно высоко, а потом два раза подряд брусок просто никак не застревал между шипами. Но вот, наконец, брусок надежно засел наверху, и оставалось лишь молиться, чтобы насквозь проржавевшие железные штыри выдержали человеческий вес.

Несколько минут спустя Джини уже восседал на самом верху прямо между штырей. Он устало перевел дух и принялся неторопливо сматывать веревку. Сквозь густую листву Кейлер разглядел свет в окнах особняка, однако никаких подозрительных звуков не доносилось оттуда. Где-то вдали раздался гудок проходящего товарного поезда, следом за ним тишину распорол реак-

тивный самолет, пронесшийся высоко в небе прямо над головой Джини.

Кейлер укрепил брусok с другой стороны ограды и скинул веревку на территорию усадьбы Сэмпов. Он спускался медленно, осторожно сползая с кирпичной стены. Очутившись наконец на земле, Джини отдышался и, выждав еще пару минут, опять прислушался. Ни звука.

Он взглянул на часы и определил, что вся операция по преодолению этой грандиозной, просто какой-то крепостной стены заняла не более пятнадцати минут. Джини неспеша зашагал по густой и высокой траве. Он то и дело оглядывался, стараясь получше запечатлеть в памяти тот участок стены, где свисала спасительная веревка.

Минут десять понадобилось Кейлеру, чтобы преодолеть подлесок, где росли молодые деревца и довольно густой кустарник. Но теперь Джини был почти уверен, что именно эта дорога ведет к дому. Собак, слава Богу, и след простыл. Они, очевидно, спали. Может быть, если он — Кейлер — и впредь будет вести себя так осторожно, монстры вообще не проснутся. Джини раздвинул кусты и вдруг прямо перед собой увидел особняк. Рошица внезапно кончилась. А дом Сэмпов располагался за ней, всего лишь на противоположной стороне лужайки.

В действительности особняк оказался еще больше, чем предполагал Джини. Это гигантское здание представляло собой довольно мрачное сооружение с многочисленными трубами. Плющ, видимо, когда-то увивавший стены особняка, облетел, и теперь его омертвевшие стебли жалко свисали с крыши.

Джини приметил на углу здания веранду. Окна здесь не светились. На другой стороне угрюмого особняка находилась еще одна веранда. Эта явно превосходила первую и размерами, и роскошью. Крышу ее подпирали колонны. Однако и она казалась нежилой. С облупленных стен уныло свисали засохшие стебли. Наверху тускло светилось одно окошко, но занавески были так плотно задернуты, что Джини при всем своем желании не смог ничего разглядеть.

Он вернулся к южному крылу здания. Кейлер то и дело останавливался, опасаясь, как бы псы не учуяли его след, однако все здесь словно вымерло. И тут Джини вдруг почувствовал, будто в листве кто-то шевельнулся. Но уже в следующий миг все опять погрузилось в тишину, и Джини решил, что это всего-навсего птичка, проснувшаяся среди ночи.

Южное крыло особняка пребывало в полнейшей тьме, и Джини решил возвратиться к западной части дома. Там он приметил стебель какого-то ползучего растения, вроде лианы. Стебель поднимался почти к самому окошку, которое было освещено. Джини прикинул в уме, что, взобравшись по этому стеблю и сделав всего пару шагов по карнизу, он окажется у водосточной трубы, а уж оттуда до окна рукой подать. Может, хоть через занавески удастся заглянуть внутрь? А вдруг ему повезет, и он увидит Лори? От одной мысли о ней у Джини бешено заколотилось сердце.

Пригнувшись, Кейлер пересек лужайку и добежал до веранды.

Он на цыпочках пробирался между плетеными креслами и пездонгами, стараясь не задеть их. Мебель, похоже, стояла здесь с лета, и вряд ли кто-нибудь пользовался ею с тех пор. И вот наконец Джини нащупал заветный стебель. Тот оказался толстым, как канат. Джини прислушался и вдруг уловил тихую, нежную музыку и чьи-то голоса.

Тучи по-прежнему скрывали луну, однако теперь из глубин неба струился прозрачный свет. Касаясь рожицы, этот переливающийся поток словно превращал ее в волнующуюся пучину. Кольхавшиися ветви и высокая трава готовы были вот-вот поглотить Кейлера.

Джини, как птица, уселся на перила веранды и попробовал стебель на прочность. Тот был прибит к стене, и Джини уцепился за него сначала одной рукой, а потом повис на нем. Раздался неприятный хруст, посыпались сухие веточки, однако стебель выдержал. Что ж, оставалось только надеяться, что он и дальше не подведет.

Затаив дыхание, Джини схватился за верхние отростки стебля и подтянулся. Он уже преодолел футов десять, когда вновь отчетливо услышал шум. Но Джини опять не обратил на него внимания, решив, что это всего-навсего далекий рев самолета.

Теперь Кейлер добрался до водосточной трубы. На первый взгляд она казалась насквозь проржавевшей. Однако терять было нечего. Он уже слишком далеко зашел, чтобы отступать. И Джини рискнул.

До освещенного окна оставалось меньше метра, и Кейлер успел услышать, как под чьими-то ногами вдруг скрипнули половицы...

Все произошло в мгновение ока. В тот самый момент, когда Джини ухватился за водосточную трубу, окружающую тишину вдруг сотряс страшный звериный рык, и тут же какой-то исподлинский зверь всей тяжестью навалился на Кейлера. Оба мгновенно рухнули вниз на землю. Джини в кровь разодрал лицо и руки, но неведомая тварь, не дав ему опомниться, потащила Кейлера прочь от дома. Она волокла Джини по траве все дальше и дальше в глубь рожицы. Ветви кустарника то и дело цеплялись за спину, их шипы глубоко впивались в кожу, раны кровоточили и саднили.

Сколько продолжался этот кошмар, Джини не помнил. В какой-то момент чудовище вдруг взгромоздилось на него, и Джини разглядел гигантские когти, мелькнувшие в дюйме от его лица.

Джини почувствовал резкий отвратительный запах, но он мог бы голову дать на отсечение, что навалившаяся на него тварь была не собакой.

Чудовище, словно играючи, полоснуло когтями по свитеру Джини, и Кейлер оцепенел, увидев, как тварь обнажила огромные клыки и прицелилась вонзить их в его сонную артерию. Уже теряя сознание, Джини успел истошно крикнуть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Джини с трудом разлепил веки. Очевидно, наступило утро.

Кейлер лежал на узкой кровати из меди. Комната, стены которой были оклеены обоями в цветочек, находилась на втором этаже. Бледный солнечный луч пробивался сквозь занавески и ласково касался шифоньера, отделанного панелями из древесины грецкого ореха.

Кейлер огляделся по сторонам. У противоположной стены стоял резной деревянный верблюд с восхитительно расшитым седлом, а над ним в серебряной рамке висела черно-белая фотография, на которой, по всей вероятности, была запечатлена бабушка Лори.

Плечо нестерпимо ныло, кровь в нем пульсировала резкими толчками. Повернув голову, Джини оторопел: плечо оказалось аккуратно перебинтованным. На повязке проступали бурые пятна — видимо, это были следы засохшей крови. Джини кашлянул и с ужасом обнаружил, что ребра у него переломаны. И опять потерял сознание.

Джини не знал, сколько он проспал. Все это время Кейлер находился между сном и бодрствованием. Он то пробуждался, то вновь соскальзывал в тревожную дрему. В какой-то момент Джини удалось сконцентрироваться и сообразить, что его просто накачивают снотворным. Страшные, бледные и свирепые чудовища набрасывались на Джини в жутких грезах, и он с криком просыпался.

Около полудня дверь в комнату открылась. Джини повернул голову и сквозь туман, застилавший глаза, заметил рядом высокую стройную женщину. Сердце его забилося, однако, приглядевшись, Кейлер понял, что эта женщина старше Лори, да и держалась с подчеркнутой надменностью. На вошедшей было скромное платье мышинного цвета, зато волосы она идеально уложила под сеточку, усеянную крупными жемчужинами. Миссис Сэмпл стукнуло уже, должно быть, лет пятьдесят, и для своего возраста она выглядела изумительно. Сложена женщина была действительно просто фантастически: осиная талия и грандиозный бюст. Джини вдруг смутно припомнил, что и Мэгги говорила ему, будто у миссис Сэмпл высокая грудь. Ага, значит, это и есть мать Лори собственной персоной.

— Мистер Кейлер,— обратилась женщина к Джини. В ее голосе прослеживался легкий французский акцент.— Вы уже пришли в себя, мистер Кейлер?

Джини кивнул.

— Я неважно себя чувствую,— признался он.— В горле пересохло.

Миссис Сэмпл присела на краешек кровати и, протянув Джини голубой стакан с прохладной минеральной водой, поддержала голову. Джини с жадностью осушил целый стакан. Женщина осторожно промокнула его губы шелковой салфеткой.

— Теперь лучше? — осведомилась она.

— Да, спасибо,— поблагодарил Джини.

Миссис Сэмпл разглядывала незваного гостя с явным интересом.

— Знаете, мистер Кейлер, вам чрезвычайно повезло,— нарушила она затянувшуюся паузу.

— Неужели? А мне кажется, что я сейчас дышу на ладан.

— Дышать на ладан все же лучше, чем не дышать вовсе. Вы находились рядом с домом, вот это вас и спасло. Если бы все произошло в отдалении, мы не успели бы вовремя прийти к вам на помощь,— пояснила миссис Сэмпл.

— Так вы что же, держите собак-убийц? — похолодел Джини. Женщина слегка склонила голову и нахмурилась, словно не понимая, что он имеет в виду.

— Ну да, настоящих убийц,— не унимался Кейлер.— Вы, очевидно, натаскиваете их, чтобы они заживо разрывали человека, оказавшегося в ваших владениях.

Женщина печально кивнула.

— К сожалению, это приходится делать,— призналась она.

— Что значит «приходится»? — взорвался Джини.— Да я чуть было не отдал Богу душу из-за ваших тварей!

Но на миссис Сэмпл эта гневная эскапада не подействовала.

— Мистер Кейлер, не забывайте, что мы вас не ждали и не приглашали к себе,— напомнила она.

— Да-да,— начал понемногу остывать разбушевавшийся Джини.— Разумеется, вы правы. Но все равно, псы у вас на редкость крупные и свирепые. Кстати, рука-то у меня цела?

— Да, вы скоро поправитесь. Я сама вас перевязывала. Еще в Египте мне приходилось... выполнять кое-какие обязанности медсестры, так что я поднаторела в этом деле.

Джини попробовал сесть в кровати.

— И тем не менее,— возразил он и тут же скривился от боли,— мне кажется, лучше бы поехать сейчас в больницу. Не помешает сделать уколы и от бешенства, и от столбняка.

Но миссис Сэмпл ласково уложила его в постель и успокоила:

— Вам не о чем волноваться, мистер Кейлер. Эти уколы я уже сама сделала. А теперь вам ничего больше не требуется, кроме отдыха.

— У вас есть телефон? Мне необходимо позвонить.

— Очевидно, работа никак не выходит у вас из головы? — осведомилась миссис Сэмпл.

— Естественно. У меня на сегодняшний день назначено несколько важных встреч, от которых очень многое зависит.

Миссис Сэмпл улыбнулась.

— И об этом мы успели побеспокоиться, мистер Кейлер. Я уже звонила в вашу контору и предупредила секретаршу, что вы заболели. Мне ответили, что все будет улажено и на встречах вас будет представлять некий Марк.

Джини с любопытством уставился на эту женщину.

— Вы слишком внимательны к моей персоне,— произнес он, но слова его прозвучали скорее как вопрос.

— Но вы же мой гость,— напомнила миссис Сэмпл.— А мы всегда проявляем к гостям исключительное внимание и заботу. Лори мне много рассказывала о вас, и я мечтала с вами познакомиться. Но вы совсем не такой, каким я вас себе представляла по ее рассказам.

— Правда? А какой? Лучше или хуже?

Миссис Сэмпл закатила глаза к потолку и мечтательно произнесла:

— О, мистер Кейлер, вы значительно лучше, разумеется. А Лори такое наворотила про вас, словно вы — ну просто настоящая помесь Квазимодо и чудовища Франкенштейна. Но вы совсем не такой, в чем я успела убедиться. Вы молоды, довольно симпатичны и, кроме того, работаете в Госдепартаменте.

Джини неуверенно тряхнул головой и протер глаза.

— Должен признаться вам, миссис Сэмпл, как на духу: я ничего не могу понять. Что за характер у вашей дочери? Она меня прямо-таки ставит в тупик своим странным поведением.

— Но она вам тем не менее нравится. Очень привлекательная девушка, верно? — не без гордости произнесла мать Лори.

— Разумеется. Иначе я бы сейчас здесь не лежал.

— Я так и предполагала. Вы... вы бредили какое-то время и в бреду несколько раз упомянули имя Лори.

— Надеюсь, я вспоминал ее исключительно с положительной стороны.

Миссис Сэмпл непринужденно рассмеялась в ответ...

Жжение в плече усилилось, и миссис Сэмпл сделала Джини еще один обезболивающий укол. Кейлер погрузился в какую-то странную дрему: ему то и дело мерещились удивительные обрывки из жизни фантастических животных. Время от времени бессвязно бормоча, Джини метался и ворочался в постели. Ему казалось, что миссис Сэмпл не отходит от его кровати, а потом вдруг почудилось, будто вовсе не она, а какой-то зверь внимательно следит за ним холодными зелеными глазами.

Очнувшись, Джини почувствовал на лбу прохладную ткань. Он открыл глаза и увидел, что на стуле рядом с его кроватью сидит Лори и осторожно прикладывает ко лбу холодный компресс. Джини снова ощутил невероятную сухость во рту, кроме того, его, похоже, начинало знобить.

— Лори, — едва ворочая языком, пробормотал Кейлер.

— Я здесь, Джини, — отозвалась девушка. — Не волнуйся. Ты бредил. Это, наверное, от укола. Но скоро все пройдет.

Джини так и не смог определить, сколько времени он проспал. С трудом повернув голову, он еле слышно спросил:

— Который час?

— Уже половина восьмого. А заснул ты в час дня.

— Мне кажется... — начал Джини и потянулся, стараясь хоть немного размять затекшие мышцы. — Мне кажется, что я действительно пошел на поправку.

— Мама сказала, что завтра тебе уже можно будет вставать. Она еще раз позвонила в твою контору и все уладила. Кстати, тебе передавала привет какая-то Мэгги.

Джини кивнул.

— Это моя секретарша. Чудесный человек и преданная подруга.

Наступила неловкая пауза. Лори сняла компресс со лба Джини и, подойдя к умывальнику, отжала ткань. Включив холодную воду, Лори проверила ее кончиком пальца. Кейлер молча наблю-

дал за всеми ее движениями, не уставая удивляться, как может эта девушка с каждым разом казаться еще красивее, и почему же он все-таки так сильно привязался к ней? Сейчас на Лори была лиловая блузка с расшитыми манжетами и идеально подходящие по оттенку бежевые брюки. На запястьях у девушки Джини заметил множество браслетов, а на шее цепочку, Брелока не было видно, хотя, судя по всему, он имелся.

— Лори, — позвал Джини. В голосе его прозвучала нежность.

Девушка не обернулась, но Кейлер заметил, что она смотрит на него в круглое зеркало, висевшее над умывальником. Зрачки ее были расширены.

— Лори, ты... может быть, боишься чего-нибудь? — неожиданно брякнул Кейлер.

Девушка резко повернулась:

— С какой стати мне бояться?

— Сам не знаю. Просто мне так показалось, вот я и решил узнать.

— Нет, я ничего не боюсь, — заявила Лори, подходя к кровати и неся в руках свежий компресс. — Мы не из пугливых.

— А мне кажется, что вы все-таки боитесь тех, кто вторгается в ваши владения.

Она погладила его по волосам и, убрав со лба пряди, снова наложила влажную ткань. Прикосновения ее показались Джини восхитительными. Девушка приоткрыла губы и облизнула их — сделано это было без всякого умысла, но тем не менее сердце у Кейлера учащенно забилося.

— Это зависит от того, кто вторгается, — подытожила Лори. — Некоторые налетчики очень даже милые люди.

— А я? Меня тебе приятно видеть здесь?

Девушка улыбнулась:

— Ну, конечно. Я уже и раньше говорила, что ты очень привлекательный и нравишься мне.

— А потом еще добавила, чтобы я убирался восвояси.

Лори опустила глаза.

— Да, — подтвердила она. — Что-то в этом роде.

Джини снял компресс со лба. Укол уже перестал действовать, и теперь Кейлер чувствовал себя достаточно бодро. Плечо потихоньку заживало: Джини почти физически ощущал, как стягивается рана и образуется корочка. И хоть ссадины и ушибы время от времени давали о себе знать, это уже были мелочи. Чувство беспомощности покинуло Кейлера, и мысли его вернулись в привычное русло.

— Лори, — обратился он к девушке. — Можно от вас позвонить?

— Куда и зачем?

— На работу. У меня были назначены важные встречи, хотелось бы узнать о результатах.

— Но мама сказала...

— Послушай, Лори, для меня это очень важно. В конце концов это моя работа. И я не намерен валяться здесь и спокойно поджидать, пока Соединенные Штаты ввяжутся в Третью мировую войну.

Лори все еще колебалась.

— Ну, я не знаю... Мама сказала, что тебе лучше никуда не звонить отсюда...

Джини нахмурился.

— Это почему же?

— Не знаю. Она, наверное, боится, что ты свяжешься с адвокатом. Ну, насчет этих укусов. Она не хочет, чтобы ты кому-нибудь рассказал о случившемся.

— Я ведь уже обещал ей, что забуду об этом злополучном инциденте,— осторожно напомнил Джини.

Лори вспыхнула.

— Да, я знаю.

— Она успела передать тебе наш разговор?

— Да. Она сказала, что ты пообещал молчать, а я в знак благодарности должна принять твоё приглашение на обед или еще куда-нибудь.

Джини не мог удержаться от смеха:

— Да пойми же ты, я тебя никуда силком не намерен тащить. Если ты не хочешь встречаться со мной, и такое твоё окончательное решение, то я был бы распоследним мерзавцем, если бы вздумал шантажировать тебя и просить о свидании в обмен на мое молчание. Но если ты захочешь пойти куда-нибудь вместе со мной, я буду искренне рад.

Лори бросила на него благодарный взгляд, полный нежности.

— Ну, и что же ты решила? — с замирающим сердцем спросил Джини. — Если ты не согласна, нам останется всего-навсего раскланяться и действительно больше не встречаться.

Девушка провела пальцем по стеганому покрывалу.

— Я все это время думала о тебе,— неожиданно призналась Лори. В ее голосе прозвучала серьезность.

— Я что-то не понял.

Она взяла его ладонь в свою. А потом тревожно посмотрела на Кейлера, будто старалась передать ему очень важную информацию, не поддающуюся никаким словесным выражениям и доступную лишь одному течению интуиции. Лори словно пыталась предостеречь Кейлера.

— Моя мать слепо следует нашим традициям, Джини,— наконец заговорила девушка. — Ей хочется, чтобы все было так, как происходило в давние времена. Некоторые вещи, в которые она верит, и ее поступки... ну, короче, тебе они покажутся дикими, нелепыми и неприемлемыми.

Джини сжал ее руки.

— Я опять ничегошеньки не понял. Какие еще традиции? О чем ты говоришь?

Но девушка лишь замотала головой.

— Я не имею права говорить о них. Если только ты сам догадаешься обо всем. Но я надеюсь, что этого не случится.

Кейлер вопросительно взглянул на Лори, ожидая, когда же та продолжит свое странное иносказание, однако тут же понял, что теперь девушка замолчала надолго. Кейлер тяжело вздохнул и, утоная в пышных подушках, устроился поудобней.

— Лори,— снова начал он,— должен заметить, что ты —

самое непонятное существо из всех, кого я раньше встречал. Прямо не от мира сего. Может быть, стоит подписать тебя на все популярные журналы? Чтобы ты хоть чуть-чуть освоилась в нашем мире?

Девушка лишь горько усмехнулась:

— Джини, не подумай, что я тут комедию ломаю. Любой девушке было бы лестно узнать, что к ней пытались пробраться, рискуя собственной жизнью. Все это, конечно, романтично, и я еще раз должна извиниться за те раны, которые ты получил в результате такого изнурительного путешествия.

— Стоит ли мне принимать эти слова за твое согласие? Соизволишь ли ты встретиться со мной на нейтральной полосе, где-нибудь за пределами своего чудного замка? Или же это такое пространное «арриведерчи»¹?

Лори печально взглянула на него, и Джини заметил, что в ее глазах заблестели слезы. Девушка наклонилась и легким поцелуем коснулась щеки Кейлера.

— Я очень, очень хочу пойти с тобой куда угодно, — прошептала Лори. — Поэтому мама так легко добилась моего согласия. Но, прежде чем окончательно решиться на это, я должна поставить перед тобой условие.

— Да вы с матушкой просто любой закон переплюнете по части поправок к нему.

— Джини, это серьезно. Ну, я прошу тебя.

Кейлер неопределенно пожал плечами.

— Ну ладно, ставь свое условие, я соглашаюсь на все. Валяй!

— Ты должен поклясться, что никогда, ни при каких обстоятельствах не будешь просить меня выйти за тебя замуж.

У Джини перехватило дыхание, он не поверил своим ушам. Да, Лори, разумеется, являла собой восхитительный образец женской красоты и сексуальности, и он даже чуть было голову не потерял, поддавшись ее чарам. Но что касается женитьбы...

— Лори, голубушка, — с трудом заговорил Джини, тщательно подбирая слова, — уж чего-чего, а мне этого только и не хватает. У меня великолепная работа, куча друзей, весь мир открыт мне, к тому же я далеко не беден. Так что мысль о законном браке не посещала покуда мою бедную голову.

— И ты поклянешься?

— Разумеется. Клянусь!

Джини поднял правую руку и низким грудным голосом произнес с напускной серьезностью:

— Я, Джини Кейлер, пребывая в здравом уме и слегка поврежденном теле, торжественно клянусь, что никогда не попрошу твоей руки, о Лори Сэмпл!

Он набрал в легкие побольше воздуха, собрался продолжать в том же духе и вдруг заметил, что лицо девушки напряжено, и она вовсе не намерена шутить. Лори судорожно вцепилась в свой брелок и так пристально смотрела на Кейлера, словно тот присягал сейчас на Американском флаге.

— Лори, — пошел на попятную Кейлер, — я не хотел обижать

¹ Арриведерчи (arrivederci) — до свидания (итал.).

тебя или насмеяться над твоими чувствами, но и ты тоже пойми меня правильно — ведь более глупую клятву и придумать трудно.

Девушка кивнула.

— Я тебя прекрасно понимаю. Но тем не менее, Джини, прошу: раз дал слово, не нарушай его. Никогда. Это единственное, что может тебя спасти.

— Что-что? — Джини решил было, что не расслышал ее слов.

Девушка наклонилась и показала брелок. Джини прищурился, заметив в ее руках крошечную золотую пирамиду. Теперь Кейлер смог хорошенько разглядеть ее. Он протянул руку, чтобы потрогать пирамиду, но Лори тут же спрятала ее в кулаке.

— Так-так, стало быть, это брелок для ключа от какой-то страшной тайны? — улыбнулся Джини.

Но Лори отрицательно покачала головой.

— Ты должен понять все сам. Влияние пирамиды невероятно сильное... Я просто хотела намекнуть, с какой стороны тебе грозит опасность.

— Лори, я...

— И отныне помни, что я тебе показала. Вот и все. Пожалуйста. По-моему, я прошу не слишком многого.

Он скользнул взглядом по ее классическому лицу с высокими, слегка выступающими скулами. В теплом свете уходящего дня Лори казалась еще прекраснее, и Джини почувствовал, что его снова начинают окутывать тайны, как тогда, когда он в первый раз решился поцеловать эту странную девицу.

— Ну хорошо, — с трудом выдавил из себя Джини. — Я буду помнить, раз ты этого хочешь.

Это было первое свидание Джини и Лори. Он позвонил ей в среду вечером и пригласил на пикник. Хотя Лори сомневалась — голос по телефону звучал не совсем уверенно и без особой радости, — сейчас она казалась возбужденной, видимо, в предвкушении интересных разговоров, аппетитных блюд и просто приятного времяпрепровождения.

Добрый час добирались они до виллы Уолтера. Само здание представляло собой своеобразное белое строение, сооруженное по уникальному проекту какого-то запредельно оригинального современного архитектора. Перед домом находился большой пруд, всю поверхность которого покрывали сейчас медленно скользящие по воде листья, а довольно обширный задний дворик давал возможность наслаждаться панорамой туманной бесконечной долины, обрамленной у горизонта лесом.

Почти все гости уже собрались, и стоянка перед домом оказалась забитой яркими и сверкающими лимузинами. На красном кирпичном мангале уже подрумянивались отбивные, и оттуда доносился восхитительный аромат жаркого. Тут же стоял и сам Фарлоу, облаченный в одеяние шеф-повара, в колпаке и желтых подтяжках. Уолтер вспотел, он беспрестанно хихикал и пытался каждому всучить отбивную на влажной тарелке.

Джини припарковал свой «нью-йоркер», и они направились к заднему дворику, где собрались гости. Кейлер не без удоволь-

ствия заметил, как головы присутствующих мгновенно повернулись в их сторону. Тут же раздались одобрительные посвистывания. Лори в своем элегантном костюме сафари, как и предполагал Джини, сумела произвести на собравшихся потрясающее впечатление. На что Кейлер и рассчитывал.

Они степенно продефилировали через дворик, и наконец сам хозяин выступил им навстречу.

— Джини! Как я рад, что вы все-таки смогли приехать. Извини, не могу пожать тебе руку — мой все в жире.

— Познакомьтесь, это Лори, — представил Джини свою спутницу. — Моя новая бесценная знакомая.

Уолтер коснулся пальцами колпака.

— Приятно познакомиться, Лори, — игриво произнес он. Вдруг из толпы выступила кудрявая девушка в шелковом желто-зеленом брючном костюме и, приблизившись к Джини, тут же подхватила его под руку.

— Кого я вижу! — воскликнула она. — Сам Джини Кейлер!

— Привет, Эффи, — отозвался Кейлер. — Как продвигается твой рекламный бизнес?

— Просто обалденно. А это твоя новая подружка?

— Как это ты догадалась? Лори, познакомься, это Эффи, моя давнишняя приятельница, еще с тех времен, когда я обитал во Флориде. Эффи, а это Лори Сэмпл.

Женщины улыбнулись друг другу, однако Джини почувствовал, как они сейчас напряжены и каждая думает, видимо, о своем.

— Джини, ты непременно должен познакомиться с Питером Грейвсом, — прошептала Эффи. — Это мой новый психиатр, и он самый нормальный человек на всем белом свете. Вон он там! — И она указала рукой куда-то в сторону. — Лори, а вы должны пойти со мной, я вас перезнакомлю со всеми дамами. Кстати, сегодня приехала сама Нэнси Баковски, представляете? Ну, та самая, которая из женского журнала.

Состроив на лице беспомощную гримасу, Лори успела подмигнуть Джини, и Эффи тут же уволокла ее за собой к сбившимся в стайку женщинам. Как и было принято на подобных встречах, женщины и мужчины предпочитали держаться отдельно. Если вдруг мужчина отваживался подойти к женщинам, у него появлялись все шансы прослыть бабником, ну а женщина, беседующая в кругу мужчин, рассматривалась как потенциальная шлюха. По этой причине ничего не мешало мужчинам, время от времени подталкивающим друг друга локтями, делиться пикантными анекдотами и весьма цекотливыми историями разного рода, а женщинам на другом конце дворика разглаговльствовать о феминизме и обсуждать архиважные проблемы: кто за кем волочится и у кого какие шансы на успех.

Джини, прихватив бокал с водочным коктейлем, отправился знакомиться с Питером Грейвсом, который в полном одиночестве восседал возле пруда. Это оказался довольно молодой, но уже лысеющий мужчина. Из-под очков в тонкой и изящной оправе смотрели задумчивые глаза. В спортивном свитере и синих шерстяных штанах, Питер Грейвс здорово смахивал на настоя-

щего легкоатлета или по крайней мере на поклонника бега трусцой. А еще он походил на Дастина Хоффмана — вот только шевелюра подкачала.

— Привет,— поздоровался Джини.— Не возражаете, если я присоединюсь к вам? Эффи только что поведала мне, какой вы замечательный человек и доктор, так что теперь я не могу спокойно пройти мимо столь выдающейся личности.

Питер несколько озадаченно взглянул на него.

— Она так меня расписала? Ну, значит, теперь мне следует основательно заняться ее здоровьем.

Джини присел на пластиковый шезлонг и отхлебнул из бокала глоток коктейля.

— Скажите, а как вы работаете? Я знаю, что сейчас большинство психиатров заставляют пациентов собственными силами разбираться в своем состоянии и самостоятельно справляться с недугами. Как бы идти на мировую со своей болезнью.

Питер понимающе кивнул.

— Да, есть и такой метод, но я стремлюсь, чтобы мои пациенты имели широкий круг общения, если вы меня понимаете.

— Не совсем, простите.

Питер в задумчивости потянул себя за нос.

— Ну, скажем, я стремлюсь, чтобы эти пациенты постоянно находились в окружении других людей, то есть в реальной жизни; не отрывались от нее и сами могли оценивать обстановку.

— Ах, в этом смысле...— Джини полез в карман за пачкой сигарет и закурил. Облачко дыма зависло над водной поверхностью.— Скажите, а бывают такие случаи, когда человек становится буквально одержим идеей, которую, как ему кажется, он не может воплотить в реальность?

— А поконкретней?

— Ну, например, моя новая подружка. Ее зовут Лори, мы приехали вместе. Вон, видите, среди женщин — в костюме сафари? С самой первой встречи она заявила, будто я ей очень понравился, а потом всячески избегала встреч, требовала, чтобы я не настраивался ни на какие серьезные отношения, а вдобавок ко всему вынудила меня поклясться, что я никогда не сделаю ей официального предложения.

— Ничего странного в этом нет. Возможно, она еще слишком молода и просто не хочет обременять себя тяготами семейной жизни.

Но Джини отрицательно покачал головой:

— Нет, дело тут гораздо сложнее. Она постоянно твердит, что существует какая-то страшная тайна, ну, по крайней мере намекает на это. То есть прямо-то она не говорит об этом, а я ума не приложу, что она имеет в виду. Каждый раз Лори талдычит о какой-то опасности, стоит мне только заикнуться о своем отношении к девушке.

— Вы хотите, чтобы я поговорил с ней? — осведомился Питер и шмыгнул носом.

— То есть протестировали ее?

— Да нет, просто поговорил. Чисто по-человечески, а не как

доктор с пациентом. Вы меня даже заинтриговали немного. Почему бы в самом деле не поболтать с ней несколько минут? Девушка она симпатичная, и мне это доставило бы удовольствие.

Джини рассеянно взглянул в ту сторону, где Лори уже знакомили с Нэнси Баковски.

— Ну что ж, я не против, — проговорил он, — если вы, конечно, не боитесь, что вас потом заживо съедят великосветские особы, поддерживающие демократическую партию.

Джини набрался терпения и с любопытством наблюдал, как Питер в своих грязных кедах направился к женщинам и что-то шепнул Лори. Они отошли в сторону, и Джини понял, что между ними завязалась довольно оживленная беседа, но тут к Кейлеру подкатил Уолтер Фарлоу и вручил ему тарелку с отбивной и салатом, а затем торжественно подал пластиковый нож и вилку. Однако, как Джини ни старался, справиться с этим незамысловатым блюдом ему не удалось. Отбивная оказалась просто железобетонной. С четвертой попытки Джини умудрился сломать вилку, а потом долго странствовал по двору в поисках подобного предмета, обуреваемый спортивным азартом. Кейлер во что бы то ни стало решил добить свою порцию.

Когда Джини вернулся к пруду, Питер Грейвс уже поджидал его на своем месте с баночкой лимонада. Лицо психиатра выражало крайнюю задумчивость.

— Ну и как? — нетерпеливо выдохнул Джини.

Питер неопределенно улынулся.

— Ну, вам удалось поговорить? — настаивал Джини. — Вы хоть что-нибудь сумели выяснить?

Питер тяжело вздохнул.

— В общем, конечно. Хотя особыми успехами не могу похвастаться.

Джини с большим трудом прожевал подгоревшее мясо:

— Вы хотите сказать, что даже для вас она осталась загадкой?

— Не совсем так, — неуверенно начал Питер. — Дело в том, что Лори искренне верит, будто впутана в какую-то таинственную историю, выбраться из которой она не в силах. Понимаете? И если вы надумаете связать с ней судьбу, в эту историю вляпаетесь и вы. Неумолимый рок встанет на вашем пути.

— Что еще за неумолимый рок? Ничего не понимаю.

— Это ее слова, — объяснил Питер. — Лори уверена в том, что ее жизнь протекает по совершенно определенным правилам, или традициям, которые соблюдаются испокон веков, и якобы не может им не следовать. Об этом Лори поведала без особого напряжения. Но когда я спросил ее о вас, она вдруг стала нервничать и заявила, что если вы ввяжетесь в ее судьбу, то станете неминуемой жертвой, чего ей совсем не хотелось бы.

Оставив все попытки дожевать резиновую отбивную, Джини отодвинул тарелку и закурил следующую сигарету. Что ж, он и так в достаточном количестве отведал грандиозной стряпни Фарлоу и не намерен больше истязать свои челюсти.

— Но она хотя бы рассказала вам, что это за древние традиции? — не отставал от психиатра Джини.

— Она в них прекрасно разбирается. — Питер пожал плечами. — Но говорить о них не стала. Не захотела, и все тут.

— Вы уверены, что она в них разбирается?

— Ну, а уж этот момент просто вписывается в схему. Такие случаи не редкость. Лори сознательно создает ореол таинственности, и вокруг нее как бы вырастает стена, которую не в силах пробить ни один психиатр. Почти не в силах.

Джини выпустил струйку дыма.

— Так вы сказали «почти»?

Питер кивнул.

— Единственный способ заставить ее забыть о том самом неумолимом роке — это избавить ее от него.

— Я совсем перестал понимать вас, — нахмурился Джини.

— Ну, вот вы сказали, будто Лори заставила вас поклясться в том, что вы никогда не женитесь на ней и тем самым избежите злого рока. Ну а вам надо сделать как раз наоборот — попросить ее руки и жениться, то есть самому как бы «напороться» на этот злополучный рок, лицом к лицу столкнуться с предначертанной судьбой и прочей чепухой, которой сейчас забита ее прекрасная головка. И тогда, наблюдая, так сказать, воочию, что ничего страшного не происходит, девушка наконец позабудет о своих фантазиях. Ложные представления рухнут, и проявится ее нормальная личность, которую сейчас она тщательно скрывает под маской таинственности.

— Знаете, возможно, в этом что-то есть, — согласился Джини.

Питер отхлебнул глоток лимонада и с трудом сдержал отрыжку.

— Ничего сложного в этом нет. Просто люди не понимают, что в психиатрии практически те же основы, что и в простейшей механике. Так что поступки вашей таинственной Лори можно заранее предугадать. Вероятно, когда-то в ее жизни произошло жуткое событие, которое потрясло девушку, и теперь она испытывает постоянную тревогу, считая, что ее преследует злая судьба, от которой никада невозможно скрыться. И чтобы доказать обратное, ей нужен человек, который был бы способен на это — в вашем случае, на женитьбу.

— То есть вы вот так, с ходу, предлагаете мне жениться на ней?

Питер почесал шею и спустя несколько секунд заговорил уже более решительно:

— Конечно, для нее это было бы идеальным вариантом. Но, разумеется, если ваши намерения так далеко не заходят, то не стоит жертвовать собою.

Джини ничего не ответил. Он уставился в ту сторону, где находилась сейчас Лори. Девушка словно светила изнутри, весело щебеча о чем-то забавном. Ее золотистые волосы отливали в солнечном сиянии ярким блеском, а изумрудные глазки призывно сверкали. И тут Джини со всей очевидностью осознал, что в целом мире вряд ли найдется хоть один мужчина, который сможет равнодушно пройти мимо такого чудесного создания. Он хотел ее, хотел до дрожи, до безумия, и теперь впервые крепко

задумался о том, что, возможно, Питер прав, и свадьба станет идеальным выходом для них обоих.

Вечером, когда пурпурное солнце закатилось за окутанные серебристой дымкой холмы, они распрощались с хозяином и отправились в Вашингтон. Джини пропустил целых три водочных коктейля, и теперь за рулем чувствовал себя не совсем уверенно, однако Лори была настолько возбуждена и восхищена пикником, что не замечала этого. Сегодня Лори внезапно раскрылась, как распускается на воде японский бумажный цветок. Девушка без умолку ворковала, рассказывая Джини, с какими интересными людьми она познакомилась и как теперь круто изменилась ее жизнь, как ей понравился проведенный в таком обществе день, и так далее.

— Тебе правда понравилось? — тут же подхватил Джини. И хотя он был уверен в положительном ответе, ему так хотелось услышать это еще раз из уст Лори!

— Джини, это просто фантастика! Я, оказывается, как дурочка, столько лет пряталась в собственную скорлупу, а ведь это так интересно — встречаться с разными людьми, беседовать о чем угодно — да теперь я готова ездить на такие пикники каждый день!

— Твой отец был очень общительным человеком, если я не ошибаюсь, — ввернул Кейлер.

Лори кивнула.

— В Вашингтоне он считался одним из самых гостеприимных людей. У мамы сохранился целый альбом с газетными вырезками, сообщающими о пирах, которые он задавал, с танцами до упаду. Там столы ломились от яств...

Джини прикурил сигарету.

— Мне очень жаль, что с ним произошло такое несчастье, — вздохнул он.

— Да, — как-то вяло согласилась Лори. — Я без него скучаю.

— А твоя мать никогда не помышляла о другом замужестве? — спросил Кейлер.

Лори откинула рукой волосы со лба:

— Что ты, никогда.

— И ты в этом настолько уверена? — удивился Джини.

— Да. Я слишком хорошо знаю свое племя. По традиции женщинам положено иметь только одного мужчину за всю жизнь, и я не вижу причин, чтобы мать стала вдруг нарушать это правило. Ведь она слишком глубоко верит в наши обычаи.

— А жаль, — искренне огорчился Джини. — Миссис Сэмпл весьма привлекательная женщина. Если бы я не увлекся тобой, я бы, несомненно, обратил самое пристальное внимание на нее.

— Ну-ка, поубавь прыти, — засмеялась Лори. — Ты еще не знаешь, насколько я ревнива!

Но Джини покачал головой.

— Тебе никогда не придется ревновать, успокойся. У тебя есть все, о чем только может мечтать мужчина, никакая другая девушка тебе и в подметки не годится. Ты действительно очень красива. Понимаешь?

Лори отвернулась, и копна ее волос засверкала в последних отсветах заходящего солнца.

— Ну вот, опять ты затянул свою старую песенку, — насушилась она.

— Это кто же из нас затянул старую песенку? — возразил Джини. — Разве мы не можем немного поразвлечься? — тут же предложил он.

Лори повернулась к нему и загадочно улыбнулась.

— Наверное, можем. Просто я хочу, чтобы ты наконец понял, что ближе мы не можем стать друг другу ни при каких обстоятельствах.

Джини с сожалением покосился на девушку и не смог сдержать вздоха. Говорить с ней о любви было так же бессмысленно, как фехтовать с соперником, который наперед рассчитал любое твоё движение. Защита, выпад, ответный укол. С какой бы стороны он ни подкатывал к ней, Лори всякий раз ставила его в тупик. Обороняясь, она снова и снова ссылалась на свою невероятную тайну.

Джини в сердцах вышвырнул недокуренную сигарету в открытое окошко.

— Послушай, ты хоть когда-нибудь можешь поговорить со мной откровенно? — внезапно вскинулся Джини. — То есть я хочу сказать, будешь ли ты столь любезна раскрыть страшную тайну, которая тебя так терзает?

Помолчав немного, Лори ответила:

— Все равно это бесполезно, Джини. Я не могу... И, пойми, так будет лучше для тебя самого.

— Интересно, каким образом мне будет лучше, если я уже чуть не спятил от твоих недомолвок? Как только тебе в голову могло прийти, что наша свадьба невозможна? Ты просто втемяшила в свою башку эту чушь. И почему мы действительно не можем спокойно пожениться? Что нам мешает? Может быть, ты отбывала в тюрьме срок за какое-то страшное преступление? Или у тебя особый набор хромосом? Но я просто не нахожу причину, по которой наша свадьба могла бы не состояться.

И снова Лори замолчала, теперь уже надолго. Наконец она выдавила из себя:

— Люди племени убасти... другие... они не похожи на всех остальных. В этом-то и дело.

— Почему другие? Как меннониты¹, что ли?

— Ну... отчасти ты прав. Религия тоже играет не последнюю роль.

— И что же? Если я задумаю жениться на тебе, то могу поменять и веру. Итак, я становлюсь протестантом. Что дальше? Почему теперь я не могу превратиться в этого... как ты себя называешь... убасти?

— Это исключено. Ты никогда не сможешь стать одним из нас.

Джини внимательно следил за дорогой, приближаясь к центру

¹ Меннониты — последователи одного из течений в протестантизме, проповедующие примирение с действительностью, отказ от насилия и т. д.

города. Стало совсем темно, и машины, вспыхивая белыми и красными огоньками, пронеслись мимо.

— Если быть до конца честным, — заговорил Джини, — то я, признаться, ровным счетом ничего не слышал о племени убасты. Конечно, подобное признание звучит странно из уст человека, работающего в Госдепартаменте, но, к своему стыду, я вынужден сказать об этом.

Лори ничего не ответила. Он скользнул взглядом по девушке и сразу же понял, что та не в настроении обсуждать ни религию, ни обычаи своего племени. Итак, разговор на эту тему закрыт.

Минут двадцать они ехали молча, а потом Лори нарушила тишину:

— Мы только что проскочили поворот к моему дому. Ты что, не заметил?

— Заметил. Я просто подумал, что сейчас самое время отправиться ко мне в гости и пропустить по рюмочке на сон грядущий. Тебе бояться нечего, я не собираюсь предлагать тебе руку и сердце, я ведь обещал.

— Но я сказала маме, что вернусь до десяти, — заволновалась вдруг Лори.

— Ну так что же? Сейчас еще и восьми нет. У нас уйма времени, — успокоил ее Джини.

— Но, правда, Джини, мне бы лучше... — начала было Лори, но Кейлер махнул рукой, пресекая любые возражения.

— Нет уж, на этот раз тебе придется поступить так, как я хочу. Мы едем ко мне, там я сварганю чудесный коктейль из мартини и водки — целый кувшин, потом на скорую руку состряпаю салат и поджарю гамбургеры. Мы поставим Моцарта и в тихой, непринужденной обстановке побеседуем о тебе и обо мне — короче, о нас.

— А может быть, я все же на секундочку заскочу домой и скажу маме, что вернусь попозже? — спохватилась Лори.

— Забудь о ней хоть на некоторое время, — посоветовал Джини. — Думай лучше о том, что тебе всего двадцать лет, ты прекрасна, а вечер только начинается.

— Но...

— Все. Ты уже о ней забыла. Это приказ солидной шишки из Госдепартамента.

Лори улыбнулась.

— Ну хорошо, мистер Шишка. Я сдаюсь. Слава Богу, мне не приходится заговаривать с тобой дипломатические пашни, ведь я бы все равно проиграла. Ты кого угодно за пояс заткнешь.

Джини усмехнулся.

— Что ты, Лори. Ты-то никогда не проиграешь. Ни мне, ни кому другому. Пора бы тебе отстегнуть булавку, которой матушка приколотла тебя к своей юбке, и почувствовать, что в этом мире ты — победительница и настоящая львица.

Оказавшись в квартире Кейлера, они распределили обязанности. На долю Лори выпали гамбургеры и салат, а Джини предстояло немедленно заняться коктейлями. Он проводил Лори на кухню, которая тут же прищлась по душе девушке: ярко-оранжевые полки и резные шкафчики в современном стиле радовали

глаз. Лори моментально освоилась здесь, в мгновение ока отыскав нужные тарелки, баночки со специями, столовое серебро — все, что было ей необходимо для приготовления пиццы. Джини тем временем достал большой стеклянный кувшин и, до половины наполнив его льдом, отправился в гостиную, где находился бар.

— Как, наверное, здорово иметь свою собственную отдельную квартиру прямо в центре города, — восхищенно призналась Лори.

— Меня, во всяком случае, это устраивает, — обронил Джини, выходя из кухни.

Приготовив коктейль, он вернулся в кухню. Лори уже подготавливала гамбургеры и теперь разогревала духовку. Джини подкрался сзади и неожиданно обнял ее, зарывшись лицом в гриву пушистых волос.

И в тот же момент почувствовал, как напряглось ее тело.

— Джини! — вспыхнув, едва слышно промолвила Лори. — Отпусти.

Но он коснулся губами ее щеки.

— Почему? — как ни в чем не бывало произнес Кейлер. — Мне очень приятно.

— Ну я прошу тебя! — дрожащим голосом произнесла Лори. — Отпусти немедленно!

Джини разжал объятия, чувствуя себя до глубины души оскорбленным.

— Я просто хотел быть с тобой нежным и ласковым, — объяснил он. — Разве нежность — это преступление? Или твоя вера не допускает ее?

— Джини, ну прости меня... Просто... когда ты ко мне прикасаешься... я начинаю нервничать.

— Послушай, я ведь не каменный и тоже начинаю немного нервничать. Но ведь это ощущение из приятных. Разве нет?

Девушка резко повернулась к нему. Она была высока и изумительно грациозна в своих движениях. Каждый раз, когда Лори заглядывала ему в глаза, Джини осознал, как нестерпимо ему хочется близости с ней. Глазищи ее сверкали, а влажные губы поблескивали и казались такими мягкими и влекущими... Ее умопомрачительная грудь находилась всего в нескольких дюймах от Джини, а стройные ноги казались еще длиннее оттого, что были обуты сейчас в высокие кожаные сапожки. А этот странный головокружительный аромат, неизменно исходящий от Лори! Волны терпкого, восхитительного запаха обволакивали и возбуждали Джини, стоило ему только приблизиться к девушке.

— Джини, — вдруг заговорила Лори, — ты же знаешь, что очень нравишься мне.

— Ну и отлично, — оживился Кейлер. — Это прекрасно. Если тебе не хочется торопить события, то я молча удаляюсь.

— Джини, я имею в виду совсем другое.

Усмехнувшись, Кейлер облокотился на резной шкафчик и приготовился выслушать Лори.

— Не важно, что ты имеешь в виду, — так и не дождавшись

объяснений, начал рассуждать Джини. — Ты сейчас здорово нервничаешь, и это вполне можно понять. Попробуй расслабиться, забыться, выпей коктейль, а может, и парочку. Вот тогда ты почувствуешь себя более свободно, оковы спадут, и все произойдет само собой, а ты даже не заметишь как.

Лори молча отвернулась.

— Ну, давай же, — подбадривал ее Джини. — Ты сейчас сварганишь пару гамбургеров по своим особым рецептам, мы пройдем в гостиную и начнем беседовать как самые настоящие взрослые люди.

— Ну хорошо, — прошептала она. — Прости, если я тебя обидела.

Он потянулся к ней, и девушка слегка пригнулась, так, чтобы он смог поцеловать ее в лоб.

— Ты не подумай, что я... ну, в общем, фригидная или что-то в этом роде, — быстро заговорила Лори. — И выбрось из головы мысль, будто я не смогла оценить тебя по достоинству. Ты очень привлекательный мужчина. Правда. Даже очень привлекательный.

— Ну, вот и чудесно, — встрепенулся Джини. — Не надо больше ничего говорить.

Лори взяла его ладонь в свои руки и крепко сжала ее.

— Ну, пожалуйста, пойми меня правильно. Я еще никогда не ходила на свидания и не оставалась наедине с мужчинами, не считая, разумеется, отца. И уж тем более мне ни разу не приходилось раздеваться в чьем-либо присутствии.

— Я тебя понял, — просто ответил Джини. — Так как насчет того, чтобы нам все же поужинать?

— Ну, конечно. Сейчас я все сделаю.

Услышав такое обещание, Кейлер поднес ее ладони к своим губам и поцеловал, а потом направился в гостиную, чтобы разлить коктейли в бокалы. Лори занялась гамбургерами. Она достала из холодильника яйца, отыскала репчатый лук и загрела кастрюлями. А Джини, набравшись терпения и уютно устроившись в своем любимом кожаном кресле, принялся наблюдать за ходом футбольного матча, предварительно выключив в телевизоре звук.

— Бьюсь об заклад, что ты приготовишь сейчас что-то фантастическое! — крикнул он, устраиваясь поудобнее в кресле.

Из кухни раздался веселый смех.

— Вот ты лучше сначала отведай мою стряпню и уж только потом нахваливай!

Тем временем на футбольном поле завязалась настоящая рукопашная битва, и Джини, потягивая коктейль, пытался разобраться, кто же виноват в этой потасовке. Ерзая в кресле, он растирал затекшие мышцы. Да, сегодняшний пикничок удался на славу, несмотря на замученные, резиновые отбивные. Но провести весь день в светских беседах... Непринужденно поддерживать любую тему и при этом неизменно блистать остроумием как среди врачей, так и в компании банкиров всегда казалось Джини занятием несколько утомительным. И сейчас, утопая в своем мягком кресле с бокалом в руке, Джини равнодушно

следил за игроками на голубом экране. Он чувствовал, как усталость вытекает из его тела и оно снова наполняется энергией и жизненной силой.

— Эй, там, на кухне! — крикнул Джини. — Я умираю от голода! Чем быстрее ты приготовишь гамбургеры, тем лучше. Не надо так долго колдовать над ними, если это, конечно, возможно.

Футбольный инцидент был наконец исчерпан. Судья что-то сказал, и часть болельщиков на трибуне возбужденно зааплодировала. И лишь несколько минут спустя Джини осознал, что на кухне воцарилась подозрительная тишина — теперь оттуда не доносилось ни грохота кастрюль, ни шипения шкворчащих гамбургеров. Джини напряг слух, но, кроме Моцарта, в квартире не раздавалось ни звука.

— Лори? — неуверенно позвал он.

Не получив ответа, Джини нахмурился и, оставив свой бокал на журнальный столик, поднялся. Потом на цыпочках подошел к кухонной двери. Взявшись за ручку, он уже собрался было распахнуть дверь. И тут Кейлер услышал странные звуки, доносившиеся из кухни. Ему вдруг показалось, что за дверью находится какой-то зверь, грызущий кости. Джини в замешательстве отпрянул от двери. Взгляд его упал на замочную скважину. Не раздумывая, Кейлер приник к ней.

То, что происходило за дверью, настолько потрясло Кейлера, что по его телу мгновенно поползли мурашки. Посреди кухни стояла Лори и держала целую пригоршню сырого фарша. Она с жадностью запихивала его себе в рот, и струйки крови стекали по подбородку на ее шею и грудь, кровь капала и с пальцев. Глаза девушки были закрыты, и хищное выражение лица навредило на мысль о звере, настигшем свою жертву и теперь пожирающем живую плоть.

Джини почувствовал нестерпимое желание рвануть на себя дверь и застигнуть Лори врасплох. Но в этот момент девушка бросила на разделочную доску остатки недоеденного фарша и вытерла рот рукой. Каким-то внутренним чутьем Джини понял: если он вот так вдруг явится сейчас перед ней и расскажет, что ему довелось наблюдать, это перечеркнет все его шансы сблизиться с Лори.

В чем бы ни состояла ее тайна, нельзя было торопить события. И уж тем более нажимать на Лори. Джини вдруг вспомнил слова Питера Грейвса. Жизнь Лори, по ее собственному мнению, находилась в руках некоего злого и непреклонного рока. Так что единственным выходом из создавшегося положения оставалось смириться с этой вымысленностью и довести дело до логической развязки, женившись на Лори.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В понедельник Кейлер пытался дозвониться до Лори, но трубку никто не снимал, и гудки показались Джини какими-то холодными и враждебными. Тогда Кейлер связался с общим отделом банка, и дежурный сообщил, что Лори Сэмпл не явилась

сегодня на работу, а ходить да узнавать, в чем дело, у него времени нет. Своих забот выше крыши.

Генри Нессу приспичило именно сегодня засадить Кейлера за подробный отчет о политической структуре на трех островах Карибского моря, и все утро Джини прилежно корпел над отчетом, копаясь в документах и собирая статистические данные о производстве сахара и отгрузке бананов.

А в голове его то и дело вспыхивали воспоминания о субботнем вечере, когда он отвез заплаканную Лори домой. Она, правда, позволила ему еще несколько поцелуев, но вечер все равно казался каким-то смазанным, и Джини уже начал сомневаться в том, что Лори снова захочет встретиться с ним. Девушка наотрез отказалась говорить о любви и браке, а вдобавок ко всему еще и заявила, что в ближайшее время будет безумно занята и не знает, когда сможет выкроить часок-другой для встречи с Кейлером.

Джини так здорово разнервничался, что, вернувшись домой, в несколько глотков осушил кувшин с коктейлем прямо из горлышка.

— Тебя Уолтер разыскивает, — прервала его мысли Мэгги. — Он не в восторге от твоего последнего отчета.

Не поднимая глаз, Джини закурил и отметил про себя, что это уже пятнадцатая сигарета за день.

— Если Уолтера что-то не устраивает в моем отчете, — вспыхнул он, — пусть сам явится сюда и скажет мне об этом лично.

— Какая муха тебя укусила? — нахмурилась Мэгги. — Забавка?

— Нет, — буркнул Джини. — Просто сегодня понедельник — день тяжелый, а впереди еще целая рабочая неделя.

Мэгги покосилась на пачку нераспечатанных писем, за которые Кейлер еще даже не сел, и ядовито заметила:

— Ясненько. Девочка оказалась не такой покладистой, как ты предполагал?

Кейлер нацарапал на полях какого-то документа очередную колонку бесконечных цифр.

— Что-то вроде этого. Ее тайны в один прекрасный день просто доконают меня. Ну и как, удовлетворил я твое любопытство?

— Не понимаю, что с тобой творится.

Кейлер откинулся на спинку своего крутящегося кресла и потянулся. Потом взглянул в окно. Тяжелые тучи сгустились на горизонте, предвещая близкую грозу. А в конторе, несмотря на ранний час, уже включили свет, отчего настроение Джини совсем упало — он то и дело ловил себя на мысли, что уже вечер и отдых не за горами.

— Если тебя это, конечно, волнует, я капитально запутался, — грустно продолжал Джини. — Она уверяет, что любит меня, сама же не позволяет даже объятий, а уж мои поцелуи переносит с таким стоическим выражением лица, будто я ее пытаю. Когда я теперь увижу Лори... Я спросил, отчего все у нас так происходит, а она снова за свою старую песенку, мол, это тайна, выдать которую — значит обречь меня на страшную опасность.

— Неужели она так сильно запала в твою душу, что ты не можешь плюнуть на все это и подыскать более сговорчивую кандидатуру? — опешила Мэгги.

— Как это?

— Да очень просто. Меня изумляет, с каким спокойствием ты сношишь все ее выходки. Это на тебя так непохоже...

— Сам диву даюсь, — признался Кейлер и вздохнул. — Она мне действительно очень нравится. Скорее всего я влюблен, причем безнадежно.

— Даже так?!

— Ну не принимай так близко к сердцу, Мэгги, — спохватился Джини, заметив, что она расстроилась от его слов. — Ты ведь сама говорила, что это рано или поздно случится. Правда?

— Верно, — грустно улыбнулась Мэгги. — Просто я не хочу, чтобы ты страдал.

— Мэгги, мне уже тридцать два года. Пора и за ум браться.

— Ты без конца напоминаешь мне о возрасте, Джини. Это уже смахивает на бестактность.

Джини не мог сдержать смеха.

— Ну-ка, убирайся отсюда, пока я не женился на тебе, — попробовал он отшутиться.

Мэгги уже собралась было покинуть кабинет, как вдруг раздался телефонный звонок, и Джини снял трубку.

— Мистер Кейлер? — раздался голос дежурной. — Вас просят к телефону. Какая-то женщина по фамилии Сампл или что-то вроде того.

Сердце у Джини учащенно забилося, когда он вдруг сообразил, что звонит, по всей видимости, мать Лори. Миссис Сэмпл разговаривала с сильным французским акцентом, вот почему дежурная девушка не совсем правильно расслышала фамилию.

— Ну хорошо, — неуверенно произнес Джини. — Я поговорю с ней. Соедините, пожалуйста.

Голос миссис Сэмпл звучал совсем близко, и Джини даже почувствовалось, будто она стоит рядом и шепчет ему на ухо. Уверенная и искренняя интонация завораживала: так разговаривала его собственная мать.

— Джини? Здравствуйте. Ну как, заживает ваше плечо?

— Добрый день, миссис Сэмпл. Все в порядке, спасибо. Вы просто дока по части наложения швов. Интересно, что помешало вам стать профессиональным хирургом?

— Подобная процедура не Бог весть какая сложная. Меня научил врач, это было давно, когда я жила в Турции. Думаю, вы переоцениваете мои способности, не исключено, что прам все-таки останется.

— Ничего страшного, прамы украшают мужчин. А как дела у Лори? — поинтересовался он.

— С ней все в порядке, — сообщила миссис Сэмпл.

— Правда? Мне сказали, что она сегодня не вышла на работу, и я начал беспокоиться...

— Так вы звонили в банк? — оживилась мать Лори. — Ничего страшного. Просто она чуточку переутомилась, а так все хорошо.

Пусть немного отдохнет. Кстати, я вам звоню как раз по поводу Лори.

Нервно смяв в пепельнице только что прикуренную сигарету, Джини приготовился услышать худшее. Возможно, Лори поручила матери позвонить ему, чтобы посоветовать Кейлеру убираться подобру-поздорову. Ну что ж, этого и следовало ожидать. Он уже почти убедил себя в том, что его краткое знакомство с Лори Сэмпл близится к завершению. И ее соблазнительный образ стал постепенно стираться в его памяти.

— Джини, позвольте, я задам вам вопрос,— осторожно ввернула миссис Сэмпл.

— Пожалуйста. Итак, что бы вы хотели узнать?

— Я хотела бы выяснить, вы действительно предлагали Лори выйти за вас замуж?

Джини набрал в легкие побольше воздуха и выпалил:

— Давайте говорить начистоту, миссис Сэмпл. Вопрос так поначалу не стоял, если вы помните. Но потом все изменилось. Да, действительно я просил ее руки. Но, видимо, переусердствовал или поторопился. Короче, я поступил по-дурацки, но предложение ей сделал. Все точно.

— И Лори вам отказала?

— Да, подобная тенденция в развитии наших отношений наблюдалась. Да, именно таково положение вещей.

— Как я люблю слушать речи политиков! — восхищенно заявила миссис Сэмпл и рассмеялась.

— Мы проходим специальный курс риторики. Так вы мне звонили только за этим?

— Не понимаю вас.

— Вы звонили мне, чтобы узнать про предложение?

— Нет-нет, что вы. Я хотела передать, что Лори согласна.

— Простите... — Джини свободной рукой дотронулся до лба. Пальцы дрожали. — Я что-то не расслышал вас...

— Лори согласна выйти за вас замуж, — чуть громче повторила миссис Сэмпл. — Мне, правда, пришлось провести с ней воспитательную беседу, чтобы она все поняла. И теперь Лори хочет стать вашей женой.

— И это значит...

— И это значит, что вы очень скоро поженитесь! — подсказала миссис Сэмпл.

Джини тупо уставился на трубку, словно та вот-вот должна была превратиться у него на глазах в бомбу или гремучую змею.

— Что случилось? — встрепнулась Мэгги. — Говори, что там стряслось? Убили Генри Несса?

Но Джини не слышал ее. Он снова прижал к уху трубку, вцепившись в нее так, что побелели костяшки пальцев.

— Миссис Сэмпл, простите еще раз, но только я что-то не могу никак понять...

— Понимать тут нечего, — раздался веселый голос матери Лори. — Просто она любит вас и хочет стать вашей женой.

Они поженились в Мерриаме три недели спустя. День выдался совсем теплый, несмотря на глубокую осень, словно та решила

немного подождать ради такого торжества. Все гости, за исключением мрачного Мэтью и миссис Сэмпл, оказались друзьями или знакомыми Джини.

Молодых наскоро обвенчали в церквушке, расположенной неподалеку от усадьбы Сэмпллов. Собравшиеся щедро осыпали ступени храма конфетти. «Вашингтон пост» не преминула послать на столь значительное мероприятие своего корреспондента.

Мэгги тоже приехала, но так и не решилась подойти к новобрачным. Она стояла поодаль, утоная по щиколотки в опавшей листве, и горько рыдала.

Свадьбу справляли в ресторане, окна его выходили на Потомак. Друзья и знакомые церемонно подходили к Джини, и каждый считал своим долгом шепнуть на ухо Кейлеру, какой же тот невероятный счастливец. Затем они все как один принялись за Лори. Девушка просто потонула в море комплиментов. Уолтер Фарлоу, изрядно поднабравшись шампанским, как ни в чем не бывало заявил Кейлеру: «Конечно, ты женился не на денежном мешке. Ты женился на сиськах!» И, подмигнув, загоготал.

Лори была в роскошном белоснежном платье. Тончайшие кипенно-белые кружева покрывали нежный шелк. Девушка сияла от счастья. Она ни на шаг не отходила от Джини. А для того весь мир покачивался сейчас в тумане. Реальность больше не существовала, и Кейлер не верил в происходящее. Однако ликование Лори передавалось и ему. Джини то и дело обнимал девушку и постоянно целовал ее под восхищенные взгляды собравшихся.

Когда же все гости разошлись, Кейлер с бокалом шампанского уселся на подоконник и молча уставился на мутную поверхность реки.

— Знаешь, что я тебе скажу, — заговорил он наконец. — Помоему, это самый счастливый день в моей жизни.

— А я знаю, — тихо ответила Лори и положила голову ему на плечо.

— Когда-нибудь, — рассуждал дальше Джини, пригубив шампанское, — мы приведем сюда наших детей, усадим их здесь, и, глядя на эту реку, я им поведаю, что когда-то давным-давно...

Лори внезапно выпрямилась и отступила назад. Джини удивленно посмотрел на нее и заметил, что девушка напряжена и чем-то взволнована.

— Что такое? Что случилось? — встревожился он.

— Нет-нет, ничего, — поспешно отозвалась Лори и натянуто улыбнулась.

— Ну перестань, милая. Теперь никаких тайн у тебя не может быть. Мы поженились. И ты моя законная супруга. Ну-ка выкладывай, что за камень у тебя на душе!

Лори подошла к нему и поцеловала. Щеки ее разругались от возбуждения и шампанского.

— Тебе не стоит так переживать, — успокоила она Джини. — Наверное, я просто вымоталась. Надо побыстрее переодеться и отдохнуть. Ты же знаешь, я жутко устаю от подобных пиршеств...

— Ну хорошо. Тогда поехали скорее домой. Мэтью нас ответ?

Выйдя из ресторана, они сразу же заметили на стоянке черный «кадиллак», за рулем которого сидел Мэтью. Шофер с бесстрастным лицом поджидал молодых. Завидев их, Мэтью вышел из автомобиля и распахнул заднюю дверцу. Лори тут же уютно устроилась на сиденье, а Джини замешкался.

— Мэтью,— обратился он к слуге.— Я думаю, теперь мы должны стать друзьями.

Но тот и бровью не повел. В зеркальных солнцезащитных очках Мэтью Кейлер разглядел лишь свое искаженное отражение. Выпрямившись, слуга стоял и ждал, пока Джини заберется наконец в машину, а потом с чувством собственного достоинства захлопнул дверцу и уселся за руль. Автомобиль тронулся, направляясь в сторону усадьбы Сэмплов.

Работы у Джини было хоть отбавляй, и молодые решили первое время пожить в Мерриаме, чтобы Лори не скучала в квартире у Кейлера одна-одинешенька. А когда обстановка в Карибском бассейне нормализуется, Кейлеры присмотрят себе в городе собственный дом. Но перед этим они, разумеется, совершат свадебное путешествие на пару недель. Правда, миссис Сэмпл с ходу сообщила Кейлеру, что в ее доме достанет места и для Джини, и для ее дочери, и, конечно же, для внучки. Так что молодожены могут жить здесь сколько душе угодно.

— Какой такой внучки? — опешил Кейлер.— Я уверен, что первым у нас будет сын.

Но миссис Сэмпл только рассмеялась, услышав подобное заявление.

Миновав дубовую аллею, они затормозили у ворот. Осенние листья шуршали под шинами. Мэтью открыл дверцу, и молодожены вышли. Они решили пойти пешком, чтобы немного подышать свежим воздухом. Особняк в глубине сада вновь показался Джини таким же зловещим, как и в первый раз, но теперь Кейлер отбросил мрачные мысли, надеясь, что скоро он привыкнет к этому угрюмому замку. Они поднялись по мраморным ступеням в просторный сумрачный холл, стены которого были увешаны африканскими копьями и старыми, пожелтевшими гравюрами, изображавшими диких животных. Черная дубовая лестница вела на второй этаж, а свет, просачивающийся сквозь витражи на стены и ступени, застывал на них яркими разноцветными бликами.

— По традиции мне следует внести тебя в спальню на руках,— возвестил Джини. Он встал на колени и попытался приподнять Лори. Напрягая силы, он сумел лишь на несколько дюймов оторвать ее от пола. Джини вдруг с ужасом осознал, что победный рыцарский жест ему не по плечу... Лори, конечно, была высока, но Кейлер даже не предполагал, насколько тяжелыми могут оказаться девушки ее роста. Джини почему-то представил себе огромного, неповоротливого зверя, которого ему предстояло тащить на руках.

Задыхаясь, он бережно опустил девушку на пол и, смахнув пот, проямлял:

— Похоже, дальше тебе придется добираться собственными силами. Конечно, если хорошенько разобраться, это вовсе и не наш дом. Но прежде, чем мы сошьем собственное гнездышко, я, пожалуй, серьезно займусь спортом, чтобы в следующий раз не ударить в грязь лицом.

— Я-то думала, что вышла замуж за первого политика в стране, — рассмеялась Лори, — а ты, оказывается, самый настоящий слабак!

— Ничего подобного, — наигранно возмутился Джини. — Ты забыла учесть, что, кроме твоего драгоценного тела, мне еще приходится тащить в себе целый обед и два куска свадебного торта!

Мэтью чинно шествовал впереди, неся в руках чемоданы с вещами Кейлера. Наконец они миновали длинный коридор и остановились у темной дубовой двери на втором этаже. Комната соседствовала с той небольшой спальней, где Джини пришел в себя после нападения сторожевых псов Сэмпов. Мэтью отпер дверь и пропустил молодых.

— Чудесная комната. Вот это кроватка — настоящий аэродром! — восхищенно присвистнув, воскликнул Джини.

Кровать и в самом деле поражала воображение. Сработана она была из черного дерева, а украшена искусной резьбой и точеными, тоже деревянными, фигурками самых разнообразных животных. Впечатляло и гигантское покрывало, сшитое из шкур зебр.

Обои в спальне были лимонного цвета, на полу раскинут пушистый темно-желтый ковер. Джини обратил внимание и на то, что вся мебель в комнате антикварная, купленная, очевидно, на дорогих аукционах. Миссис Сэмпл успела получить из Флориды самые изысканные цветы и расставить их по всей спальне, так что восхитительный аромат наполнял теперь комнату.

Мэтью опустил чемоданы и подошел к окну, чтобы раздвинуть шторы. Комната располагалась в юго-восточном крыле особняка. Утром она заливалась солнечным светом. Прямо в окно стучались ветви старых деревьев, а дальше простирались сады и зеленые поляны поместья Сэмпов.

Джини хотел было полюбоваться пейзажем и уже шагнул к окну, но тут вдруг остановился, осознав, что Мэтью не собирается уходить. Слуга стоял как вкопанный и походил на восковое изваяние, вывезенное сюда из музея. Он словно ожидал чего-то.

— Ах да, я совсем забыл про вас, — спохватившись, воскликнул Джини и, порывшись в карманах, извлек десятидолларовую банкноту. — Вот, возьмите. И большое вам спасибо за помощь.

Мэтью не шелохнулся. Он не взял деньги, глядя куда-то вдаль, поверх головы Кейлера, однако и то, что они ему не нужны, никак не явствовало из поведения этого истукана.

И вдруг Мэтью заговорил. Голос его звучал хрипло, словно это стоило ему больших усилий. Так говорят больные после серьезных операций на гортани.

— Смитова газель, — прохрипел Мэтью.

Джини нахмурился и, ничего не поняв, повернулся к Лори.

— Что он говорит? — оторопел он. — Мэтью, что вы хотите нам сказать?

Приблизившись к Мэтью, Лори ласково обхватила его за плечи и, улыбаясь, взглянула на мужа.

— Я думаю, дорогой, что Мэтью ничего не хотел нам сказать. Верно, Мэтью? Это была просто маленькая шутка.

Мэтью продолжал внимательно смотреть на Джини. Тогда Лори приказала ему уйти, и шофер, натянув фуражку, резко повернулся и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Ты знаешь, мне кажется, я отчетливо расслышал слова «смитова газель», — настаивал Джини. — Это что — какой-то вид антилопы?

— Не обращай внимания, — прошептала Лори, одним движением стряхивая с себя прозрачное облачко вуали. — Мне кажется, что после изощренных пыток, которым он подвергся в Алжире, Мэтью окончательно свихнулся. Так вроде он ведет себя довольно разумно, однако порой случаются и всякие неожиданные. Как сейчас, например.

Джини улыбнулся и, подойдя к Лори, обнял ее.

— Ну, — тихо произнес он, — и как ты чувствуешь себя в роли миссис Кейлер?

Она кокетливо склонила голову.

— Немножко необычно, — призналась девушка. — Наверное, нужно время, чтобы привыкнуть. Ведь целых двадцать лет меня звали Лори Сэмпл, а вот Лори Кейлер я именуюсь только двадцать минут.

— А мамочка вернется только через полчаса, — ни с того ни с сего воскликнул Кейлер и, внезапно рванувшись к ней, принялся судорожно расстегивать пуговицы на свадебном платье.

Лори в ужасе отшатнулась.

— Полчаса — это же так мало! — воспротивилась она. — Представляешь, что будет, если она вдруг вернется раньше, поднимется сюда и увидит, что мы...

Но Джини опять набросился на Лори.

— Что ж, в таком случае мы закроемся на ключ, — прошептал он и поцеловал ее.

— А тогда она станет подсматривать в замочную скважину, — не сдавалась Лори, остановив на его лице взгляд своих огромных глаз.

Джини кивнул и улыбнулся:

— Разумеется, — согласился он и расстегнул очередную пуговку.

Вздвогнув, Лори схватила его за пальцы.

— Не надо, Джини, не сейчас, — взмолилась она. — Давай подождем до ночи.

— С какой это стати? — возмутился Джини, стараясь держать себя в руках. — Мы же официально женаты. Все сделано согласно закону. Если мы не займемся этим прямо сейчас, то наш брак может быть расторгнут еще до захода солнца. Во Флориде, например, считается плохим признаком, если молодожены не занимаются любовью сразу после того, как уедет последний гость.

— Ну... в общем, я бы не хотела торопиться, — пробормотала Лори и отвернулась.

Джини взял девушку за руку. Ладонь ее оказалась чуть влаж-

ной, а кисть бессильно висела, словно плеть. Джини внезапно захлестнула липкая и противная тревога. А что если он женился на фригидной женщине? Разве могут быть иные причины, чтобы откладывать самые восхитительные мгновения на потом? Почему она так упорно не хотела выходить замуж? И как только могло случиться, что Лори осталась девственницей до сих пор? Это с ее-то красотой?

— Лори, — хриплым голосом выдал Джини, — может быть, ты неважно себя чувствуешь?

— Нет, со мной все в порядке, — бодро заявила девушка. Она внезапно побледнела, и Джини заметил, как по всему ее телу пробежала дрожь, похожая на судорогу. Ему вдруг стало не по себе. Похоже, у Лори вот-вот начнется истерика.

— Тебя не тошнит? Голова не кружится? — с тревогой спросил он.

— Тошнит? — рассеянно повторила девушка, словно и не слушала его, а думала о чем-то своем. — Нет, не тошнит. Но я очень голодна. Я бы сейчас съела чего-нибудь. А если честно, просто умираю с голоду. Мне надо спуститься вниз на кухню и что-нибудь перехватить.

Джини подошел к окну и нервно закурил.

— Может быть, не надо никуда уходить, — раздраженно возразил он. — Может, ты наконец согласишься рассказать мне, что с тобой происходит?

— Ничего со мной не происходит, — отмахнулась Лори. — Не понимаю, что тебя не устраивает?

Джини резко повернулся и заглянул ей в глаза.

— Послушай, Лори, — серьезно заговорил он. — Мы же только что поженились.

— Да, — спокойно ответила она. — Догадываюсь.

В отчаянии Джини протянул к ней руки.

— Послушай, неужели это тебе ни о чем не говорит? Мы же муж и жена. И вроде безумно любим друг друга. Сгораем от страсти. Да мы просто обязаны поваляться сейчас на постель и как очумелые круглосуточно заниматься любовью. А вместо этого ты вдруг проявляешь исключительный гастрономический интерес: вознамереваешься очистить холодильник от недельных запасов. Ну и что же ты выберешь на этот раз? Пару фунтов сырого мяса?

Лори от изумления широко раскрыла глаза.

— Ну, прости, — смутился Джини. — Я так долго ждал этого момента. Пойми меня правильно. У меня просто руки опускаются от растерянности. И разочарования. Что же получается? Ты моя законная жена, я тебя люблю... но еще до сих пор не видел обнаженной... уже не говоря о более приятных вещах.

Лори потупилась. Сейчас, освещенная теплым солнечным сиянием, она была восхитительна. Как ни старался Джини, он не мог оторвать взгляд от жены. Этакая сахарная дива в белоснежном — цвета девственности — платье!

— Джини, — прошептала девушка, — ты никогда не должен видеть меня обнаженной.

Джини остолбенел. Табачный дым попал ему не в то горло, и, поперхнувшись, Джини закашлялся.

— Прошу прощения, но меня, кажется, начинают одолевать слуховые галлюцинации,— неуверенно пробормотал он.— Мне показалось, будто ты сказала, что я не должен видеть тебя голой... Или что-то вроде этого.

Лори молча кивнула.

Поникнув головой, Джини задумался и вдруг в сердцах, стремительно протянув руку к крошечной фарфоровой пепельнице, яростно затушил сигарету. Скинув пиджак, он остался в белой рубашке и серых брюках. Дрожа от вожделения, Джини бросился к Лори.

— Снимай платье,— тихо, но твердо приказал он.

— Джини, прости, но я не могу сделать этого,— решительно возразила девушка, гордо вскинув голову.

— Позволь тогда узнать почему,— настаивал он.— Какие здесь могут быть причины?

— Есть кое-какие причины,— упорствовала Лори.

— Ну так назови их.

Но она замотала головой.

— Значит, я так никогда и не узнаю, что тебе мешает отдать-ся мне прямо сейчас?

Она снова покачала головой.

— Ну, в таком случае,— уверенно заявил Джини,— я своими руками раздену тебя. И сорву твоё проклятое платье, даже если от него останутся одни лохмотья.

— Джини, не надо! Это же мое свадебное платье!

Кейлер развернулся и с такой силой шархнул кулаком по тумбочке возле зеркала, что флакончики с духами жалобно звякнули, а большая массажная щетка грохнулась на пол.

— Лори, я прекрасно понимаю, что это твоё свадебное платье, которое надо беречь как зеницу ока в память о светлом событии. Неужели ты думаешь, что мне впрямь хочется разорвать его на тряпки? Ну почему бы тебе самой со знанием дела, аккуратненько, не снять его? Ты ведь чертовски красива, и в твоих руках прекрасная возможность очаровать меня своим потрясающим телом.

— Не могу и все. Я даже не в состоянии сказать тебе, почему. Я не такая, как другие девушки, Джини. Я совсем иная. Ну, я ведь тебе говорила об этом и раньше. Как же ты не понимаешь?!

Джини в отчаянии стал тереть затылок и, несколько раз глубоко вздохнув, попытался взять себя в руки.

— Лори, я все помню. Конечно, ты не такая, как все остальные,— подтвердил он удивительно спокойным, почти ледяным голосом.— Поэтому-то я и выбрал тебя. Ты действительно абсолютно не похожа ни на одну девушку, с которыми мне приходилось иметь дело. Ты на редкость привлекательна, у тебя изумительные фигура и тело, которое меня постоянно возбуждает. Когда ты появляешься, все мужчины оборачиваются, не в силах отвести от тебя взгляда. Я ведь так жутко хочу тебя именно потому, что ты не такая, как все!

И вдруг Лори разрыдалась. Она плакала, как ребенок, не пряча и не смахивая слез.

— Джини, — жалобно всхлипнула она. — Но ты не знаешь, что я имею в виду. В каком смысле я другая.

Не говоря больше ни слова, Лори стала расстегивать платье на спине. Джини застыл на месте, не пытаясь помочь ей. Расстегивая пуговицу за пуговицей, Лори продолжала всхлипывать. Наконец она выскользнула из платья и швырнула его на покрытие.

Теперь Лори стояла в белых чулках, поясе, таком же бюстгальтере и кипенно-белой короткой комбинации. Джини разглядел, как сквозь тонкую ткань просвечивает высокая грудь, а в замысловатых кружевах глубоко вырезанного бюстгальтера тонут темные упругие соски, полумесяцами проступая над кружевной пеной.

Все внутри Джини словно оборвалось. Вождедение с новой силой охватило его, но теперь Джини не произнес ни слова, даже не сделал попытку придвинуться поближе к Лори. Он твердо решил, что раздеваться она должна будет всегда сама. Очевидно, девушке никогда раньше не приходилось делать этого в присутствии мужчин. Что ж, пусть теперь учится.

Лори повернулась к нему спиной и сняла комбинацию, затем ловко расстегнула застежку бюстгальтера. Джини заметил, как умопомрачительно качнулась ее грудь, когда Лори скидывала бюстгальтер. Трусики на Лори не оказалось, ее округлые, сливочные ягодицы отливали матовым блеском в теплом вечернем свете.

— Ну вот и все, — пожирая ее глазами, с трудом выдохнул Джини. — Разве это так страшно?

Лори медленно повернулась к нему. Протянув к жене руку, Кейлер рванулся было к ней и вдруг застыл, как соляной столб. Джини показалось, что его окатили ледяной водой. Дикая ужас охватил Кейлера. Он не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться...

Выпучив глаза, Джини уставился на свою супругу.

Да, грудь ее была изумительная, упругая, полная жизненной силы, с крупными розовыми сосками. Но Лори не солгала ему. Она действительно отличалась от других девушек, потому что под великолепной грудью находилась еще одна, напоминающая грудь девушки-подростка. Но и здесь присутствовали такие же восхитительные розовые соски. Ниже располагалась еще одна грудь — совсем уже крошечная, но тем не менее тоже с сосками.

Внутреннюю сторону бедер покрывали целые заросли кудрявых рыжевато-коричневых волос. И эти шерстяные джунгли простирались аж до самого пупка.

Лори стояла перед ним совершенно беспомощная. Она широко раскинула руки, чтобы Кейлер мог хорошенько рассмотреть все ее тело. Лори перестала наконец плакать и теперь, гордо приподняв голову, внимательно наблюдала за мужем, словно наслаждалась произведенным эффектом.

— Ну вот, теперь ты видишь все сам, — усмехнулась она. — Я не такая, как все.

Джини рванулся к своему плащу и отыскал в кармане пачку сигарет. Нервно слотнув, он вдруг сообразил, что весь с ног до головы покрылся холодным потом. Его била крупная дрожь.

— Ч-что это? — запинаясь, выдавил Джини, трясущейся рукой выгаскивая сигарету. — Эт-то... какая-то шутка?

Лори пересекла комнату и остановилась у окна.

— А тебя это здорово расстроило? — осведомилась она. — Я имею в виду мою внешность.

— Не знаю, — все еще колеблясь, отозвался он. — Я даже и представить себе не мог, чтобы моя жена...

Лори подошла к мужу и ласково притронулась к его плечу. Джини не мог заставить себя поднять глаза, боясь увидеть вблизи эти многочисленные, отталкивающие бюсты, выросшие под основным, эту жуткую лобковую поросль, смахивающую скорее на шерсть зверя.

— Ну теперь мне все понятно, — печально констатировала девушка. — Ты действительно разочарован. Впрочем, этого и следовало ожидать. Я же предупреждала тебя, что лучше бы ты ничего не знал. Я же не хотела раздеваться, но ты сам настоял. Если бы не твое упрямство, ты никогда бы ничего не узнал.

— Неужели ты думала, что, женившись на тебе, я смог бы всю жизнь прожить без секса? — оторопел Джини.

Кейлер не поверил собственным ушам, но и своим глазам он верить отказывался. Еще минуту назад жизнь казалась Джини сладкой, волшебной сказкой, а теперь она превратилась в какое-то безумное и бессмысленное существование, своей колоритностью напоминающее фильмы ужасов, которые крутят исключительно по ночам, когда все нормальные люди давно спят.

— А почему бы и нет? — откликнулась наконец Лори. — Ты же сам мне сказал, что для тебя главное — работа. Все свое время ты проводил бы в конторе или на приемах, а я стала бы твоей неизменной спутницей, целомудренной и неприкосновенной. А сексом заниматься ты смог бы и с любой девушкой, которая пришлась бы тебе по вкусу. Я действительно очень люблю тебя, Джини, и понимаю. Но и ты должен понять меня.

Джини без сил рухнул на стул.

— Господи Боже мой, — пролепетал он. — Да это хуже, чем ночной кошмар.

Лори опустила на колени подле мужа и начала поглаживать его руки, успокаивая Джини. Он нервно курил, коротко затягиваясь и выпуская колечки голубоватого дыма.

— Неужели ни ты, ни твоя мать никогда серьезно не задумывались о пластической операции? Ведь если найти хорошего, опытного хирурга, то он, безусловно, смог бы...

— Джини, — возмущенно оборвала его девушка, — при чем тут операции? Просто мы такие от рождения, и для нас тут нет ничего необычного.

— Кто это «мы»? — растерялся Джини.

— Ну, я, моя мать и все наши предки. Таково племя убасти.

— То есть иметь шесть грудей для вас — обычное дело?

Лори поднялась с колен и, подойдя к кровати, присела на краешек. Она широко расставила ноги, и Джини, несмотря на то, что липкий страх все еще пробирал его, вдруг опять ощутил возбуждение.

— Американские врачи называют это атавизмом, — объяснила Лори, прикрывая руками вторую пару грудей. — Такие случаи описывались в медицинской литературе, а что касается сосков — так многие женщины имеют их не два, а больше. Это так называемая многососковость — тоже атавизм.

Джини извлек из кармана носовой платок и судорожно прижал его к вспотевшему лбу. Он даже не пытался возражать, весь превратившись теперь в слух.

— Но это, конечно, не относится к женщинам племени убасты, — с гордостью резюмировала Лори. — Для нас подобное строение — никакой не атавизм, а норма. Другие женщины не пользовались всеми шестью грудями, как это положено, у них и развились только две верхние. А остальные, так сказать, за ненадобностью, в течение тысячелетий постепенно усыхали, если так можно выразиться. А потом и вовсе исчезли. Джини, ты только представь себе, насколько красива женщина, у которой все шесть грудей такие же пышные, как у меня эти верхние...

Джини попытался было представить себе облик такой «красавицы», и ему стало тошно.

— Лори, — облизнув пересохшие губы, заговорил Кейлер, — операция тебе просто необходима. Ты не сможешь вести нормальную, полноценную жизнь, если будешь ходить с шестью сосками. Как, интересно, ты собираешься появиться на пляже? А когда ты задумаешь родить и отправишься в больницу? Вот любопытно, что же сообщит мне доктор? А тебе? «Любезнейшая миссис Кейлер, лично вам я бы посоветовал отказаться от искусственного молока и вскармливать ребенка грудью. Тем более что их у вас в избытке».

Все время, пока Джини произносил свою обличительную речь, он с неудовольствием поглядывал на Лори, которая теребила свои нижние соски.

— Ну а теперь попробуй представить себя на моем месте, Джини, — грустно промолвила девушка.

— Но ты забываешь, что я мужчина и у меня есть своя точка зрения, — продолжал горячиться Кейлер. — Сразу после свадьбы ты вдруг заявляешь мне, будто ты другая, а оказывается, что ты просто урод. Но, мало того, ты даже и не думаешь исправлять это уродство!

— Послушать тебя... так выходит, что я эгоистка, — обиделась Лори.

— Так оно и есть! — взорвался Кейлер. — Ты думаешь только о себе! Ведь когда я решил жениться на тебе, я вполне логично полагал, что тело у тебя такое же безукоризненное, как и лицо. И вдруг обнаруживается, что сосков у тебя ничуть не меньше, чем у породистой суки, а я теперь, оказывается, должен забыть о плотских развлечениях, с головой погрузившись в омут политической жизни. Стало быть, сутками просиживать на работе, протирать десятки штанов на боевом, так сказать, посту... Лори, ты, по-моему, просто спятила.

Выслушав эту тираду, девушка как ни в чем не бывало обратилась к Джини:

— Ну теперь, я надеюсь, ты не захочешь заниматься со мной любовью?

Внезапно Джини перестал верить в происходящее. Ему вдруг нестерпимо захотелось громко закричать и проснуться. Он встал со стула и, подойдя ближе, начал внимательно изучать лицо Лори, такое прелестное, соблазнительное и в то же время смущающее и даже чуточку раздражающее Кейлера.

— Знаешь, мне кажется, что ты испытываешь удовольствие, издеваясь надо мной, — проговорил он. — Я угадал? Ты ведь сейчас наслаждаешься, глядя, как я мучаюсь и переживаю.

— Джини, — откликнулась девушка. — Я же не хотела этого. Ну, вспомни сам, как я противилась и нашим встречам и тем более браку. Я делала все, чтобы этого не случилось. Я пыталась защитить тебя.

— Защитить? Интересно узнать, от кого?

Лори грустно посмотрела на мужа.

— От тебя самого, Джини. Я предупредила тебя об опасности, да только ты и слышать не хотел о ней. Ты шел напролом. Ты решил вторгнуться в мою жизнь, даже не взвесив все «за» и «против», ты не вдавался в подробности, и тебя не интересовало, кто я такая и почему так настойчиво отвергаю тебя. Пока ты не познакомился с моей матерью, у меня еще оставалась надежда, что тебя удастся спасти. Но бороться с ней я уже не в состоянии, Джини. Я ей и в подметки не гожусь. Кроме всего прочего, она ведь моя мать и тоже принадлежит к племени убасти. Я обязана делать то, что она мне приказывает.

— Честно говоря, я ни слова не понял из твоей речи, — признался Джини.

Лори откинула назад копну золотистых волос.

— Ну, тогда подойди к тумбочке и внимательно посмотри на гравюру, что висит на стене, — посоветовала девушка. — Да-да, вот тут.

Ничего не понимая, Джини приблизился к гравюре. Это оказалась небольшая картина в деревянном багете. Судя по стилю, она относилась к прошлому веку. На картине был изображен деревянный кол, врытый в землю, а к нему привязана маленькая рогатая антилопа. Неподалеку, прижавшись к земле, приготовился к прыжку огромный косматый лев. Через мгновение он, по всей вероятности, должен был разорвать несчастное животное. Надпись под картиной, сделанная красивым почерком, гласила: «Смитова газель».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Под гигантским балдахином на широченной двуспальной кровати молодожены провели беспокойную, тревожную ночь. Лори надела длинную — почти до пят — шелковую сорочку розового цвета. Джини никак не удавалось заснуть. Ворочаясь с боку на бок, он так ни разу и не сделал попытки пристать к своей молодой жене.

Кейлера одолевали самые что ни на есть противоречивые чувства. Он по-прежнему четко осознавал, что безумно любит

Лори, и потерять ее означало бы для него настоящую трагедию. Время от времени он посматривал на нее — девушка прикорнула совсем рядом. Она лежала с закрытыми глазами и казалась ему такой же соблазнительной, как и в день их первой встречи. Но тут Джини вспоминал звериную грудь, густую шерсть между ног... и сразу же приступ тошноты возвращал несчастного мужа к действительности.

Однако был здесь и один любопытный момент. Как она могла гордиться таким уродливым телом? Оказывается, три пары сосков не являлись для нее аномалией. Мало того, женщины с обыкновенной грудью представлялись Лори недоразвитыми и несчастными существами. И вот это никак не укладывалось в голове Джини. Мозг его не мог переварить сей фантастический факт. Так, к примеру, койот не в состоянии в один присест проглотить целиком барана. Или смитову газель, раз уж на то пошло.

Джини был до мозга костей американцем, и представление о шикарных девушках складывалось у него по глянцевым фотографиям из журнала «Плейбой». Пышные волосы, ослепительная улыбка, округлые формы загорелого тела... Все девушки, с которыми он встречался во Флориде, как две капли воды походили на фотомоделей с обложек. Разве что за исключением одной болезненно-бледной студенточки, которую он скорее из жалости пригласил на концерт. Так вот, ближе к финалу Джини испытывал уже просто чудовищные муки жалости, но только не к ней, а к себе самому. По его глубокому убеждению, каждая нормальная девушка просто обязана мечтать о богатстве и, следовательно, счастье, ну а те, кто к этому не стремится, вообще представляли собой, по мнению Джини, пустое место. И теперь, когда его счастье рушилось прямо на глазах, он заметался в поисках выхода из создавшегося идиотского положения. Похоже, придется прибегнуть к помощи денег. Нет, он вовсе не собирался отказываться от Лори. Напротив, Джини решил помочь ей. За кругленькую сумму можно отыскать самого лучшего хирурга, который сделает Лори пластическую операцию на высшем уровне.

Как только первые солнечные лучи рассеяли ночные тени, Лори шевельнулась в кровати и, протянув руку, коснулась его пальцев. Джини не стал отдергивать ладонь, хотя сердце его тут же учащенно забилось. Он продолжал лежать в каком-то оцепенении, ожидая, что же произойдет дальше.

— Джини, — прошептала девушка. — Ты уже проснулся?

— А я и не засыпал, — угрюмо буркнул он.

Наступила неловкая пауза. Лори громко вздохнула.

— Прости, Джини, я во всем виновата. Надо было с самого начала выложить всю правду.

Поперхнувшись, Кейлер закашлялся.

— Да, наверное. Но все еще можно исправить. Если ты хочешь, я могу найти отличного врача... То есть я даже знаю одного неплохого специалиста по гормонам... Мне кажется, это будет самый лучший выход для нас обоих.

— Давай лучше прекратим все разговоры на эту тему. С твои-

ми связями ты сможешь быстро и безболезненно оформить развод. Если понадобится, скажи, что я тебе изменила. Мне все равно. И деньги твои мне не нужны.

Джини приподнялся на локтях.

— Лори, я что-то не пойму тебя, — вспыхнул он, глядя ей в глаза. — Почему ты предпочитаешь ходить с шестью грудями и скрываться от посторонних взглядов вместо того, чтобы отважиться на простенькую операцию и стать такой же, как все? Ты очень красивая, а будешь вообще самой очаровательной девушкой на всем белом свете.

Но Лори не ответила ему ни слова.

— Это встанет мне, конечно, в пару тысяч долларов, ну и что же? — продолжал он. — Разве красота не стоит таких денег? Я считаю, что каждая девушка должна стремиться к физическому совершенству, и на это не следует жалеть никаких средств.

— Джини, — прошептала Лори, отворачиваясь. — Ну как ты не можешь понять? Я должна остаться такой, как есть. Все девушки из нашего племени такие. Я же убасти.

Джини чуть не застонал от досады. И, выскользнув из-под одеяла, бросился к пиджаку, где в кармане лежала пачка сигарет. И хотя Джини избегал курить в спальне, сейчас он находился на взводе и с трудом контролировал себя. Джини закурил и, погрузившись в мягкое кресло, выдохнул дым прямо навстречу бледным солнечным лучам.

— А если я на правах мужа потребую, чтобы ты согласилась на такую операцию? — попробовал было Джини зайти с другой стороны.

В сумраке комнаты глаза Лори гневно сверкнули.

— Ты получишь отказ, — решительно отрезала девушка.

— А ведь не далее как вчера ты торжественно поклялась слушаться меня во всем, — напомнил Джини.

— Да, но это вовсе не означает, что я должна лишаться тех частей тела, которые достались мне в наследство от предков, — вспыхнув, парировала Лори.

— Но, послушай, это же черт знает что за наследство! — не выдержал Джини.

— Я, конечно, могу представить себе, что ты думаешь по этому поводу, но мое тело принадлежит мне, и я вправе гордиться им.

Девушка села в кровати и, обхватив руками колени, с грустью поглядела на Кейлера.

— Я люблю тебя, Джини, — произнесла она с какой-то затаенной обреченностью. — И я хотела выйти за тебя замуж еще в тот самый первый вечер. Но я понимала, к чему это приведет, и теперь сожалею о том, что не сумела предотвратить эту свадьбу. А теперь остается лишь надеяться, что твоя следующая избранница окажется более миловидной, чем я.

Джини нервно затушил сигарету и, подойдя к раковине, включил свет. Он умывался и брился целую вечность и наконец начал одеваться. За все это время Кейлер не проронил ни единого слова и ни разу не взглянул на свою молодую супругу.

— Куда ты собрался? — встревожилась Лори, когда он принялся зашнуровывать ботинки.

— Погулять, — не оборачиваясь, отозвался Кейлер, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно. — Никакого определенного плана у меня нет, но мне просто необходимо побыть одному и еще раз все тщательно взвесить. Вернусь вечером, часов в девять или в десять.

С этими словами он набросил куртку и, подойдя к зеркалу, поправил галстук.

— Пожалуйста, вызови Мэтью и попроси его придержать собак, пока я не выберусь с территории вашей усадьбы, — вдруг спохватился Джини.

— Каких собак?

— Ну, ваших сторожевых шавок, которые меня чуть было в ключья не изодрали, — пояснил Джини.

— А-а, тех... — растерянно протянула Лори. — Да-да, разумеется...

Джини резко обернулся, смутно почувствовав в ее голосе тревогу. «Что-то здесь не так», — подумал он. Видимо, Лори до сих пор скрывает что-то от него. Здоровый инстинкт подсказывал Джини, что эта новая тайна будет куда страшнее, чем всякие мелочи вроде бесчисленных грудей или шерстяных бедер.

Джини явился в контору в начале девятого. Мэгги оторопела, увидев его на пороге в столь неурочный час.

— Что стряслось? — волнуясь, спросила она. — Только не вздумай убеждать меня, что ты настолько истосковался по работе, что в первый же день медового месяца бросил новобрачную на произвол судьбы.

— Мэгги, — еле слышно промямлил Джини, устало рухнув в кресло. — Я бы сейчас не отказался от стаканчика кофе.

И когда Мэгги принесла ему дымящийся кофе, Кейлер уже удобно устроился в кресле, откинувшись на его спинку и потирая глаза. Он чувствовал себя так, словно ему всю ночь напролет пришлось трястись по бескрайним просторам Сибири в дешевом плацкартном вагоне. Джини с нежностью взглянул на Мэгги и, отхлебывая горячей кофе, принялся шарить по всем ящикам стола в поисках куда-то запропастившейся пачки сигарет.

Мэгги стояла рядом и с тревогой наблюдала за своим шрифом. Сейчас она вдруг показалась Джини особенно привлекательной, и он внезапно ощутил такой искренний прилив благодарности за ее участие, что тут же к горлу подкатил комок. Вот-вот, и нервы начинают шалить после эмоциональной перегрузки! Джини схватил носовой платок и высморкался, чтобы Мэгги не заметила, как на глаза ему навернулись слезы.

— Джини, — тихо обронила Мэгги, — тебе необходимо с кем-то поделиться. Я же чувствую, что у тебя не все ладно.

— Понимаешь, — осторожно начал Кейлер, сунув платок в карман. — Тут и говорить-то, в общем, не о чем. Еще вчера я был на седьмом небе от счастья, а уже сегодня подумываю о разводе. Наверное, наш брак будет самым кратковременным за всю историю человечества.

Потрясенная услышанным, Мэгги так и села на стоявший рядом стул.

— Послушай, Джини, какая муха тебя укусила? Это как-то связано с твоей женой?

Он только печально кивнул в ответ.

— Ты угадала. Но скажи прежде, сможешь ли ты мне помочь? Я должен быть уверен заранее.

— Ну конечно. Ты прекрасно знаешь это.

— Тогда беги в библиотеку или... я не знаю... подними архивы... Попытайся разузнать все, что возможно, о племени убасты. Оно обитало в низовьях Нила в Египте, там еще находился древний город, Тель... забыл, как дальше. Баст... Тель-Бест, ну, в общем, что-то в этом роде. Во времена правления одного из Рамзесов, приблизительно 1300 год до нашей эры.

Мэгги торопливо записывала все данные в маленький блокнотик.

— Убасты? — задумчиво повторила она. — Хорошо, только мне потребуется часа два, не меньше.

— И пожалуйста, не рассказывай никому, чем ты будешь заниматься. По крайней мере до того, как все выяснится. Ладно? Мне кажется, Сэмплы хранят какую-то семейную тайну. Они упорно скрывают ее от меня. Я даже пока предположить не могу, в чем она заключается. Но тайна существует. Поэтому мне нужна вся информация, все подробности, которые ты сумеешь выудить из документов.

Мэгги положила свою руку на ладонь Джини и с беспокойством заглянула ему в глаза.

— Послушай, Джини, а что будет с тобой? Как же твоя свадьба? Неужели дело обстоит так серьезно?

Кейлер закрыл глаза и, зажмурившись, опустил голову. Молчание длилось целую вечность.

— Не знаю, — выдавил наконец Джини. — Но, если тебе все же посчастливится выяснить что-нибудь об этом растреклятом племени, я, вероятно, найду выход.

— Хорошо, я займусь этим немедленно. Думаю, отчеты о Карибском регионе могут еще пару часиков подождать, — решительно заявила девушка.

Она захлопнула блокнот и торопливо засобиравалась, но Джини тут же спохватился, вспомнив еще кое о чем.

— Мэгги, — позвал он девушку, когда та уже подходила к двери. Она застыла на пороге. — Мэгги, помнишь, твой приятель работал в полиции? Ты еще с ним поддерживаешь отношения?

— С Энрико? Конечно. Две недели назад в Мэриленд приезжал цирк, и я водила в шапито детей Энрико.

— Ну так вот, — в голосе Джини звучала неуверенность. — Как ты считаешь, мог бы он проверить, какие собаки зарегистрированы на фамилию Сэмпл? Насколько я разбираюсь в собаках, Сэмплы завели настоящих людоедов, которые у них свободно разгуливают по всей усадьбе. А ведь на это выдается специальная лицензия. Если тебя это не затруднит, разумеется... Конечно, рыскать по каким-то секретным архивам не стоит, я просто

подумал, что для Энрико подобная просьба — это, наверное, сущие пустяки...

— Хорошо, я спрошу. Кстати, если ты сам не любишь цирк, то тебе надо срочно взять у кого-нибудь напрокат дочь или сына и сводить его на представление. Этот цирк через пару недель приедет в Вашингтон. Зрелище, должна тебе сказать, незабываемое. Лично я просто с ума схожу от канатоходцев, а ты?

Джини натянута улыбнулся.

— Я тоже. Впрочем, политики только и занимаются тем, что разгуливают по проволоке.

Пока Мэгги копалась в библиотеке, отыскивая сведения о загадочном племени убасти, Джини не терял времени даром. Он набрал номер Питера Грейвса. Автоответчик сообщил, что Питер сейчас ушел по делам, но ему можно оставить свои координаты, и Джини попросил психиатра перезвонить ему, как только тот вернется домой. Опустив трубку, Джини заметался по кабинету. Он не находил себе места, то и дело выглядывая в окно на свинцовое небо, покрытое рваными лохматыми тучами, словно где-то вдали происходили оживленные баталии.

И тут Джини в который раз вспомнил, как Мэтью с таким трудом произнес вчера два слова «смитова газель». Однако, как ни старался Джини, он так и не смог понять, что же все-таки имел в виду шофер. Будучи человеком эрудированным, Джини, конечно, знал, что бывалые охотники называют так один из методов приманки, когда к деревянному кольшку привязывают ягненка или козленка. Но какое отношение имеет эта «газель» к его женитьбе на Лори? А вдруг Лори и есть та самая приманка, которой коварная миссис Сэмпл задумала заманить его — Джини — в свои сети? Но какую выгоду преследовала она, отдавая за Джини свою дочь? Разве что при случае похвастаться зятем в кругу высокопоставленных гостей, но не более того. А может быть, миссис Сэмпл лелеет мечту о том дне, когда Джини займет пост министра иностранных дел?

К тому же сама Лори показала ему гравюру с изображением смитовой газели, словно в этом рисунке заключалось объяснение происходящим событиям. Но вот только до Джини почему-то никак не доходил смысл такого таинственного объяснения. А когда дело касалось туманных намеков и загадок, Кейлер ничего не понимал или просто не старался понять.

Несмотря на страшное разочарование и физическую усталость, Джини все-таки ощущал некоторые угрызения совести, ведь он так внезапно бросил свою молодую жену. Поначалу он даже решил было позвонить Лори и сказать, что с ним все в порядке, но потом передумал. Сейчас надо было срочно решить, как относиться в дальнейшем к столь необыкновенным женским прелестям его дражайшей половины. Следует ли принять Лори, как она есть, или же немедленно связаться с адвокатом и просить о разводе. Последняя процедура заняла бы месяца полтора, если не больше. И снова Джини с горечью подумал о том, что Господь Бог избрал почему-то именно его — Кейлера — на роль подопытного кролика.

Когда Мэгги вернулась в кабинет, Кейлер мирно посапывал

в своем кресле. Она осторожно коснулась его плеча, и Джини мгновенно проснулся, растерянно хлопая ресницами.

— Ты, очевидно, задремал, — ласково произнесла Мэгги. — Ну, как себя чувствуешь?

Кейлер заморгал и, встряхнув головой, попытался прийти в себя.

— Ты знаешь, кошмары опять одолевают меня, — признался Джини. — Впрочем, они мучают меня уже которую ночь. Какие-то странные монстры — помесь зверя с демоном. И все гонятся за мной, представляешь?

— Похоже, ты слишком переусердствовал на работе, — предположила Мэгги. — А еще тебе катастрофически недостает здорового секса.

Джини печально кивнул и протер глаза.

— А ты, наверное, права, — согласился он. — Мне надо взять отпуск за свой счет и активно провести его в публичном доме. От и до.

Мэгги налила Кейлеру чашку крепкого кофе и, подсев поближе, вынула из сумочки внушительных размеров конверт, из которого извлекла несколько исписанных страничек.

— И это все? — изумился Джини. — Негусто.

— Больше информации по такому архиважному вопросу просто не существует, — парировала девушка. — Библиотекари вообще про твоих убасти не слыхали, а скудные крупички, которые нам с грехом пополам удалось выудить, — просто чистая случайность. Я обнаружила старинный фолиант — еще с прошлого века — под названием «Странствия по Египту», написанный неким сэром Китом Фордайсом, да и то там автор упоминает об убасти вскользь. И еще кое-что из отчетов одной топографической экспедиции по странам Африки. А больше — представь себе — ничегошеньки.

— Ну, и о чем нам поведал сэр Кит?

— Я сняла для тебя ксерокопию и кое-что законспектировала. Вот, сам взгляни.

Мэгги протянула ему листок, и Джини внимательно прочел конспект, написанный аккуратным ровным почерком. Затем Мэгги передала ему и ксерокопию книжной обложки. Под гравюрой, на которой были изображены древние руины, стояла надпись: «Тель-Баста. Вид юго-восточной части города. Все, что осталось от великолепных старинных сооружений».

Джини отложил гравюру в сторону и принялся перечитывать конспект Мэгги. «Мой проводник уверял, будто общее мнение о египетских пирамидах и тем более о сфинксе весьма ошибочно. Правда, многие факты, о которых он поведал, были уже известны мне. Само слово «сфинкс» греческого происхождения и в переводе означает «душитель» (тот, кто душит). Проводник пересказал мне известную легенду. Сфинкс — это чудовище с головой женщины и туловищем льва. Он или, вернее было бы сказать, «она» таилась в засаде и поджидала проходящих мимо путников, чтобы загадать им загадку. Если странник находил правильный ответ, сфинкс отпускал его на свободу. А если нет — душил несчастного насмерть. Однако были в рассказе проводни-

ка и кое-какие детали, о которых я раньше не подозревал. Например, проводник поведал о том, что сфинкс был высечен с натуры, и в пустыне действительно существовало племя, ведущее свое происхождение от людей и львов. Кстати, излагая вышеупомянутые подробности, мой проводник не на шутку разволновался и даже потребовал за такую информацию дополнительную плату. Оправдываясь, он объяснил, что якобы и поныне потомки этого племени живут в здешних местах и мстят всем тем, кто раскрывает их страшную тайну. Многие аборигены уже заплатились за свой слишком длинный язык. Когда же я, не торгуясь, заплатил и щедро угостил моего проводника, то его словно прорвало: я узнал кучу деталей об удивительном племени. Человекольвы будто бы поклонялись древнему божеству в образе льва Басту, и их кровавые обряды требовали людских жертв, членовредительства и сексуальных извращений, противных истинным христианам. Обитало это племя в городе Тель-Баста, который теперь полностью разрушен. Ни один проводник, включая и моего, не отважился наведаться в те места ни при каких условиях, опасаясь мести необычного племени».

Джини положил листок на стол. Сильный озноб охватил его. Кейлер с таким ужасом уставился на Мэгги, словно та внезапно явилась сюда на самой настоящей летающей тарелке.

— Джини, что с тобой? — всполошилась девушка. — Может, вызвать доктора? У тебя чудовищный вид!

Но Кейлер лишь покачал головой, ощущая во рту горьковатый привкус сигарет.

— Это невероятно, — хрипло простонал Джини.

— Что? Что невероятно? — опешила Мэгги.

Кейлер взял со стола листок и протянул его девушке.

— Вот это, — буркнул он. — Тут же все ясно сказано. Это страшно, это, наверное, просто безумно, но все так и есть на самом деле. Ты же собственной рукой переписывала текст.

Мэгги пробежала глазами страничку и неуверенно пожала плечами.

— Я не вижу тут ничего из ряда вон выходящего, — призналась она. — По-моему, просто красивая легенда. Разве нет?

Джини вскочил и, подойдя к окну, стал наблюдать за автомобилями. Наконец он заговорил:

— В первый же вечер Лори призналась, что происходит из древнего египетского племени, которое называется убасты. Ну я, конечно, не придавал никакого значения ее словам. Да и к чему все это? Я никогда и не слышал о таком народе. А потом она рассказала, что феллахи до сих пор боятся убасты и никогда вслух не называют их. Очевидно, племечко это действительно наводит дрожь на местное население, никто не смеет и на шаг подходить к развалинам их древнего города.

Джини отошел от окна и, опустившись на один из стульев для посетителей, заглянул Мэгги в глаза.

— И вот сегодня, в первую, так сказать, брачную ночь, когда Лори разделась... — начал было Джини, но Мэгги тут же укоризненно оборвала его:

— Джини, не надо!

— Нет, ты должна меня выслушать!

— Нет, Джини, это ваше личное дело, и я не хочу...

— Помолчи, Бога ради, и дай мне наконец высказаться! — рывкнул Кейлер. — Так вот, когда она вчера — заметь, после моих бесконечных уговоров — все-таки разделась, выяснились кое-какие незначительные подробности: у нее три пары груди. И густая шерсть, которая произрастает аж до самого пупка и ниже...

Мэгги раскрыла было рот, чтобы возразить ему, но слова застряли у нее в горле.

— Джини, — с трудом выдохнула она, часто моргая, — ты что же, решил меня надуть?

— Нет, Мэгги, к несчастью, это сушая правда. — Кейлер судорожно сглотнул. — У нее сверху прекрасная женская грудь, а чуть пониже — еще одна, недоразвитая, как у девочки-подростка... Имеется и третья пара сосков, их тоже с родинками никак не спутаешь. Лори, кажется, говорила, что... что в Америке врачи называют такое явление «многососковостью». Ну, будто бы... подобное встречается у обычных людей довольно часто.

Мэгги с сочувствием посмотрела на Кейлера и тряхнула головой.

— Какой кошмар! Джини, я тебя понимаю. Неудивительно, что ты сегодня просто не в себе, как будто в воду опущенный. Послушай, может быть, эти... излишества устранят при помощи операции? Или необходимы какие-нибудь гормоны? Ты узнавал?

— А она и не собирается от них избавляться, — мрачно сообщил Кейлер.

— Как это «не собирается»? Она что, не в своем уме? — оторопела Мэгги.

— Именно не собирается. Ты не ослышалась. Видишь ли, Лори считает, что шесть груди для женщины — вполне нормальное явление. И более того, она убеждена, что рано или поздно я разделю ее мнение. Подумать только! Шесть груди — норма!

— Да как же это может быть нормой? Это же явная патология!

Джини сердито покосился на конспект и ксерокопию книги сэра Кита Форда.

— Может быть... Если у женщины и мать, и отец — люди, вот тогда это патология. Но в этой проклятушей книге ведь черным по белому написано, что убасти являются потомками... как это... короче, рождаются в результате совокупления женщины со львом. А ведь девушка, в жилах которой течет наполовину звериная кровь, может в один прекрасный день раскрыться с неожиданной стороны. И дело не ограничится шестью сосками, которые якобы так необходимы ей для вскармливания детенышей... Да ты только вспомни хотя бы ее глаза. Зеленые, с желтым отливом. Прямо как у настоящей львицы.

— Джини, — серьезным тоном заговорила Мэгги. — Мне кажется, у тебя разыгралась фантазия.

Кейлер нервно закурил.

— Да, конечно, именно поэтому после первой брачной ночи

я и торчу в конторе спозаранку! — сыронизировал он. — И явился сюда ни свет ни заря.

Девушка печально покачала головой.

— Мэгги, спасибо тебе за помощь. Ты даже не представляешь, как много значит для меня информация, которую ты сумела раздобыть. Но теперь я просто обязан выяснить все до конца. И в любом случае, кем бы ни оказалась Лори на самом деле, теперь она моя законная супруга, и я не вправе оставлять ее одну.

— А тебе не приходила в голову мысль, что Лори может быть опасна?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Как это — «опасна»?

— Ну, львы ведь представляют некоторую опасность для людей.

— Да, но...

— У меня никак не выходят из головы слова того французского дипломата, помнишь, я тебе говорила? — И Мэгги опустила голову.

— Что-то не припоминаю...

— Ну, он тогда еще намекнул мне, чтобы ты остерегался танца.

— Да-да, ну и что же?

— Так вот. Ты же знаешь, если человек владеет несколькими языками, они порой путаются у него в голове, и он, не замечая, выдает слова сразу двух или трех языков. В общем, не мне тебе объяснять, у дипломатов подобное частенько случается. Так вот, когда француз говорил о танце, он произнес это слово по-французски. К тому же я не совсем отчетливо расслышала всю фразу целиком, но он советовал остерегаться «данс».

— А что такое «данс»?

— В переводе с французского, это означает «зубы». Так что, Джини, он советовал тебе беречься ее зубов.

Посреди ночи Джини проснулся от весьма странного ощущения. Ему показалось, что кто-то бормочет совсем рядом. Он открыл глаза и повернулся. Лори крепко спала, ее пушистые рыжеватые волосы разметались по подушке. Но странные звуки доносились из ее груди. Словно она, подобно дикому зверю, ворчала во сне. Джини склонился над женой и прислушался. Да, действительно, это было не бормотание, а рык. Лори дышала с таким хрипом, словно ее одолело серьезное простудное заболевание.

Джини включил ночник и взглянул на часы. Два часа ночи. Вокруг стояла крошечная тьма. Он потушил свет и теперь уже с трудом различал очертания мебели. Джини повернулся в постели, пытаясь снова заснуть.

И тут вдруг Лори затрепетала и несколько раз вздрогнула. Потом она заметалась, не прекращая рычать, словно пыталась сбросить кого-то невидимого со своего тела, и взревела, как хищник, путаясь в простынях.

Джини торопливо включил ночник. Закрыв глаза, Лори бушевала, рыча и срывая с себя длинную сорочку. Впиваясь ногтями

в простыни, она раздираала их на клочки. Хриплым, нечеловеческим голосом она издавала страшные звуки.

— Лори! Лори, Бога ради! Что с тобой?

Он схватил жену за руку, но ей удалось увернуться. Свободной рукой Лори умудрилась поранить ему щеку, полоснув по лицу мужа длинными ногтями. Острая боль обожгла Джини, и он в ужасе прижал к ране простыню. Ткань мгновенно обагрилась кровью.

— Ты же оцарапала меня! — завопил Джини.

Он с такой силой вцепил жене пощечину, что ладонь тут же онемела. Еще раз дернувшись, Лори внезапно затихла, тяжело дыша, как после долгого и быстрого бега. Багровое пятно заалело на ее щеке.

— Лори! — зашипел Кейлер. — Лори, что за чертовщина тут происходит? Да отвечай же мне в конце концов!

Какое-то время девушка лежала молча, и единственным звуком в комнате было ее сиплое дыхание. И вдруг Лори повернула к мужу голову и уставилась ему прямо в глаза. Зрачки ее сузились и походили теперь на вертикальные черточки. Лори смотрела на него злобно и угрожающе, и вдруг Джини вспомнился безжалостный звериный взгляд, преследовавший его в бреду, когда он впервые очутился в этом доме и на него напали сторожевые собаки Сэмплов.

— Лори, — тихо позвал Кейлер. — Лори, это ты?

Не сводя с него взгляда, Лори внезапно ощерилась, обнажив заостренные клыки. Приподнявшись на кровати, она мгновенно подползла к нему по простыням. Джини в ужасе замер. Однако, когда Лори оказалась довольно близко, Кейлер проворно перекатился на свою половину кровати, а потом, спрыгнув с постели, очутился у самой двери.

Добравшись до края постели, Лори оскалилась, как настоящая львица, и продолжала хищно следить за мужем.

Джини почувствовал, как по спине побежали мурашки. Озноб мгновенно охватил его. Кейлер нос к носу столкнулся с настоящим монстром, и он-то уж никак не походил на ту очаровательную девушку, которую он недавно назвал своей женой. В ее глазах и в помине не осталось ни капли любви. Угрожающе рыча и готовясь к прыжку, на Джини немигающим взглядом уставился зверь. Волосы Лори спутались и сейчас напоминали львиную гриву, а комната насквозь пропахла знакомым запахом мускуса, тем самым, что всегда окутывал Лори и напоминал какие-то экзотические духи.

— Лори, — в ужасе прошептал Джини.

Зверь широко раскрыл глаза и замер, не спуская с Кейлера хищного взгляда. Он словно прицеливался.

— Лори, если ты там... внутри этого монстра... — промямлил было Джини и запнулся, с трудом осознавая, что же он такое сейчас сказал. — Лори, выслушай меня!

Он медленно пытался к выходу, и, сдернув со спинки стула свой банный халат, осторожно обернул его вокруг правой руки. Джини вдруг припомнил, что видел нечто подобное в каком-то фильме про Тарзана. Там главный герой намотал на руку ткань, чтобы защититься от львицы. Как ни смешно, но халат этот,

похоже, был сейчас чуть ли не единственным средством защиты, которое оказалось под рукой. Человек и зверь не сводили друг с друга глаз. Оба замерли, ожидая решающего момента. Напряжение между жертвой и хищником возрастало с каждой секундой и становилось невыносимым.

— Лори! — снова позвал Кейлер. — Это я! Это я, Джини! Ты не узнаешь меня? Я Джини!

То, что произошло потом, повергло Кейлера в неопишуемый ужас. Лори на четвереньках спрыгнула на пол и подбежала к приоткрытому окну спальни. Она распахнула его и вскарабкалась на узкий подоконник. Обернувшись, она еще раз окинула Джини пронзительным взглядом зеленых горящих глаз. В следующую секунду, прежде чем Кейлер успел вымолвить слово, Лори выскочила из окна и исчезла.

— Лори! — только и выкрикнул ей вслед растерянный и на смерть перепуганный Кейлер.

Он подбежал к окну и выглянул во двор. До земли было никак не меньше тридцати футов, и было слышно, как девушка, словно тяжеленный валун, рухнула вниз. Но в саду лишь завывал октябрьский пронизывающий ветер, шелестя кронами древних дубов. Как ни вглядывался Кейлер в ночную мглу, он так и не смог обнаружить на земле несчастного, распростертого тела своей драгоценной половины. Не заметил он и белоснежной развевающейся ночной сорочки на дорожке, ведущей к воротам из поместья. Ничего.

Внезапно краешком глаза Джини уловил бледную тень, скользящую в направлении ворот. Кейлер присмотрелся. Какое-то животное спешило туда с невероятной скоростью. «Так быстро скачат, видимо, только лошади», — решил он. А передвигалось это существо длинными прыжками. Очень скоро неведомый зверь растворился в темноте. Тишину в доме нарушало теперь лишь поскрипывание старых половиц, да хлопали где-то створки окна, которое, похоже, запамятовали закрыть на ночь.

С упавшим сердцем Джини доплелся до умывальника и, набрав полный стакан холодной воды, залпом осушил его. Потом опустился на один из стульев, стоявших подле кровати, и прикурив сигарету. Ему не терпелось немедленно действовать. Можно, конечно, разбудить мать Лори или достучаться до Мэтью, а то и просто вызвать полицию. Но, поразмыслив немного, Кейлер пришел к выводу, что действовать следует по совету доктора: не торопиться и тем более не принимать радикальных решений, когда дело касается Лори.

Обдумывая происшедшее, Джини уже через каких-то полчаса и представить себе не мог, что именно с Лори приключилось это страшное превращение, что она всего за несколько минут перевоплотилась из милой и ласковой девушки в кровожадного зверя. Возможно, Питер Грейвс был прав, когда предположил, что Лори, вполне возможно, страдает одной из форм истерии, возмнив себя человекозловом. Но вот чем объяснить поистине фантастический прыжок с головокружительной тридцатифутовой высоты? И что это за необычный запах, которым успела пропитаться вся их спальня?

Размышляя, Джини пришел к следующему выводу. Очевидно, личность Лори имела как бы две стороны. Одна половинка ее сущности — человеческая. Это добрая, отзывчивая и чуткая девушка. Другая же, звериная половина, отражает на редкость жестокою и злою тварь. Однако это не классическое расщепление личности, ибо обе половины гармонично переплетаются. Будучи человеком, Лори прекрасно осознает и то, что с ней происходит в звериной ипостаси. Именно поэтому девушка предостерегала Джини. Правда, намеками. И вот когда ночью Кейлер напомнил чудовищу, что он — Джини — любимый и законный супруг Лори, зверь понял это. Джини даже показалось, будто Лори узнала его и поэтому не стала трогать.

Но Кейлера волновало и другое. Он подошел к тумбочке, на которой стоял телефон, набрал номер и стал ждать, когда проснется Мэгги.

Прошло минут пять, прежде чем в трубке раздался шипящий голос разъяренной Мэгги.

— Кто это, черт побери? Вы соображаете, который час? — взвилась она.

— Мэгги, успокойся. Это Джини.

— Джини, Бога ради, дай же мне отдохнуть. Сейчас два часа ночи, и я только-только заснула.

— Мэгги, прости меня, не хотел тебя тревожить, но у меня срочная просьба, — начал оправдываться Кейлер.

Мэгги судорожно вздохнула. Похоже, она поняла, что шеф чем-то не на шутку встревожен.

— Ну хорошо, Джини, — сдалась Мэгги. — Выкладывай, что там у тебя стряслось. Надеюсь, ты не собираешься выведывать у меня рецепт коричневого пирога?

— Я звоню насчет собак.

— Собак? Каких еще собак? — не сразу сообразила девушка спросенок.

— Помнишь, ты обещала узнать у Энрико насчет сторожевых псов, которые охраняют поместье Сэмплов, — напомнил Джини.

— Да, я спрашивала... — Мэгги зевнула в трубку.

— Ну, и что? — нетерпеливо перебил ее Кейлер.

— Он заявил, что никакой лицензии на содержание сторожевой собаки они не имеют. А еще Энрико связался со своим коллегой, который курирует ваш район. Так вот, тот неплохо знает самих Сэмплов. Он подтвердил, что Сэмплы вообще не держат никаких собак.

У Джини перехватило дыхание. Так вот в чем дело! Оказывается, когда Кейлер впервые выслеживал Лори, тот зверь, которого он заметил в саду, и был ею. А чудовище, которое Джини по ошибке принял за собаку и которое, ставив Кейлера с дерева, чуть было не растерзало его, оказалось не кем иным, как его собственной женой.

— Спасибо, Мэгги, — отрешенно пробормотал Джини. — Я скорее всего перезвоню тебе завтра.

Кейлер подошел к окну и тщательно закрыл его. Потом запер дверь в спальню. Одевшись, он лег поверх покрывала, чтобы хоть чуточку передохнуть. Джини действительно задремал, од-

нако поспать по-настоящему ему так и не удалось. Каждый раз, когда Кейлера начинал одолевать сон, из темноты всплывал страшный образ Лори, оскалившей длинные желтоватые клыки. Она готовилась к прыжку.

На рассвете, когда небо, покрывшись серебристыми бликами, начало светлеть, Кейлер уловил возле двери шорох. Джини приподнял голову и прислушался. Звук был тихим, словно кто-то осторожно ступал по коридору, стараясь не разбудить обитателей дома. Джини вскочил с постели и на цыпочках бесшумно подкрался по мягкому ковру к двери. Прижавшись к ней ухом, он стал выжидать, что же произойдет дальше.

Через пару секунд дверная ручка повернулась. Кто-то пытался войти в спальню. Видимо, сообразив, что комната заперта на ключ, ночной визитер начал толкать ее. Джини почувствовал, как незваный гость прямо-таки наваливается на сосновые панели обивки. Жалобно скрипнули петли, не желая впускать непрошеного посетителя.

Наступила короткая пауза, после чего неизвестный с такой силой обрушился на дверь, что та уже просто заходила ходуном, готовая в любой момент выломиться из проема.

И снова тишина. Джини отчетливо слышал, как существо по ту сторону двери тяжело дышит и принюхивается.

— Джини! — вдруг позвал знакомый голос.

Кейлер смахнул рукавом капельки холодного пота, мгновенно выступившие на лбу. Это была Лори, вернее, то чудовище, в которое превратилась девушка. Колени у Джини подкосились, зуб на зуб не попадал, да еще и голова закружилась, словно Кейлера внезапно одолел сильнейший приступ лихорадки.

— Джини! — снова позвала Лори, на этот раз более ласково.

Но Кейлер не шевелился. Стиснув зубы, он молча приник к двери.

— Джини, я знаю, что ты там, — не унималась Лори. — Пожалуйста, открой мне дверь.

Теперь голос точно принадлежал его бесценной и обожаемой Лори. Джини не верил собственным ушам. Какого же черта он держит ее в коридоре и не впускает в спальню? Это ее-то — любимую и единственную? Ведь Лори, наверное, замерзла. Она же торчит там, за дверью, в одной рубашке!

— Джини, — зашептала девушка. — Открой мне, Джини.

— Не могу, — хриплым голосом отозвался Кейлер.

— Ну я прошу тебя, пожалуйста. Мне тут холодно, Джини. Я замерзла.

— Лори, я... Мне страшно.

— Почему? — после короткой паузы спросила Лори. — Неужели ты боишься меня?

— Сама знаешь почему. Неужели я должен тебе все объяснять? Как же я открою тебе, ведь ты в любой момент можешь спанать меня, как тогда, когда я влез на дерево под вашими окнами.

— Джини, я перестаю тебя понимать. По-моему, ты несешь околесицу.

— Нет, Лори, то, что я говорю, — правда, — возразил Кейлер и откашлялся. — А тебе это известно не хуже моего. И вот еще что. Весь день моя секретарша потратила на то, чтобы разыскать в библиотеках сведения о племени убасты. Теперь-то я знаю, что это за народец и почему ты выглядишь именно так. Отчего так кичишься своим происхождением и внешностью.

— Джини, — как можно спокойней заговорила Лори. — Открой мне дверь и давай поговорим.

— Но мы и так разговариваем.

— Да, но здесь очень холодно. Тут сквозняк, Джини. Впусти меня, я ничего плохого не сделаю тебе.

— А откуда мне знать? Сейчас я открою, а ты с ходу набросишься на меня и разорвешь на куски.

— Джини, ну ты же сам видел, что со мной произошло. Ты слышал все своими ушами. Ведь тогда я не могла даже разговаривать с тобой, не могла произнести ни слова. А сейчас все опять по-прежнему, и я твоя жена.

Джини закусил губу и с сомнением уставился на ключ, торчавший из дверного замка. Если сейчас Кейлер повернет его и выпустит Лори, то у него появятся все шансы моментально превратиться в эту злополучную смитову газель. А с другой стороны... Если звериная фаза закончилась, то сейчас Лори — самое что ни на есть безобидное и любящее существо, как оно и было раньше.

— погоди секундочку, — подал голос Кейлер и, отступив в глубину комнаты, вооружился увесистой деревянной табуреткой. Крепко взявшись за нее, он быстро подскочил к двери и крутанул ключ.

— Я открыл дверь, — сообщил Кейлер. — Можешь заходить. Только не делай никаких резких движений. Договорились?

Лори не ответила. Она медленно повернула ручку, и Джини услышал, как щелкнул замок. Потом дверь дернулась и наконец распахнулась. Жалобно скрипнули петли.

В утренних сумерках Джини не удалось хорошенько разглядеть жену. Он различал только бледное пятно лица. Правда, глаза у Лори сверкали, так что их легко можно было заметить, к тому же Джини слышал ее возбужденное дыхание.

— Хорошо, Лори, я вижу тебя, — произнес Джини. — Можешь заходить внутрь.

Она сделала два робких шага, и Джини тут же отпрянул, продолжая держать над головой табуретку. Он смахивал сейчас на неопытного дрессировщика. Добредя до середины спальни, где стояла кровать, Лори замерла. Джини неясно видел ее в полутемной комнате.

— Лори, оставайся на месте, — приказал Джини. — Сейчас я включу свет.

Не сводя с жены взгляда, Кейлер пошарил рукой в поисках выключателя, нащупал его и зажег ночник.

Сначала Джини показалось, что Лори успела накинуть яркочерный халат. Присмотревшись, Кейлер отшатнулся. Он осознал, что Лори стоит в чем мать родила. А с ее тела стекает кровь. Эта кровь запеклась и в спутанных волосах девушки,

а в уголках рта виднелись сгустки. Похоже, Лори совсем недавно терзала чью-то плоть. И кровь, стекающая с тела девушки, делала ее похожей на мясника, напавшего чудовищный фартук смерти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Что ты наделала? — прошептал Джини и вдруг что есть сил крикнул: — Лори! Что ты натворила?!

Лори спокойно подошла к раковине, оставляя на ковре кровавые следы, и, включив оба крана, умыла лицо и руки. Пытаясь избавиться от крови, она тщательно вытерлась двумя полотенцами.

— Лори, — дрожащим голосом произнес Кейлер. — Лори, объясни же мне наконец, что произошло?

— Я спасла тебе жизнь, — как ни в чем не бывало отозвалась Лори, отворачиваясь от мужа.

— Что-что? — оторопел Джини. — Лори, ради всего святого...

— Я спасла тебе жизнь, — ледяным голосом повторила Лори, глядя ему в глаза. — Я убила овцу. Если бы я этого не сделала, то жертвой мог бы стать ты.

Джини не верил собственным ушам. Он был на грани истерики.

— Ты хочешь сказать, что ночью ты выскочила на улицу обнаженная и, напав на овцу, растерзала ее и сожрала?

Лори продолжала умываться. Она была спокойна и, казалось, не испытывала никаких угрызений совести.

— А что же тут удивительного? — Она пожала плечами. — Ты же знаешь, что я принадлежу к племени убасти. Мы не простые люди, мы — человекольвы, и я, и моя мать. Что же странного и необычного в том, что мы едим овец сырыми, пойманными на полях? Вот вы же, к примеру, употребляете баранину. Подаете ее на тарелках и не считаете это преступлением.

— Но ты только что обмолвилась, будто жертвой мог бы стать и я! — возмутился Джини. — А что произошло бы, если бы ты не спасла мне жизнь? А вдруг львиный инстинкт победил бы в тебе?

Лори тщательно вытерлась полотенцем и направилась к шкафу за свежей сорочкой.

— Не победил бы, — с уверенностью в голосе возразила Лори. — Во всяком случае, с тобой, как видишь, ничего не произошло. Вот и все.

Джини почувствовал комок в горле. Его начинало тошнить. Он опустился на табуретку, которую до этого момента не выпускал из рук, и принялся обшаривать карманы в поисках сигарет. В пачке оказалась лишь одна сигарета, да и то смятая. Джини осторожно выпрямил ее и закурил.

— Лори, — обратился он к девушке. — Я думаю, ты сама понимаешь, что между нами все кончено.

— То есть ты меня теперь бросишь? — удивилась она, завязывая тесемки на длинной — до пола — желтой ситцевой сорочке.

— А я просто не вижу другого выхода, — пояснил Кейлер. —

Сколько можно! Я ведь не сумею довериться тебе после того, что произошло. Ты полагаешь, я могу преспокойненько поживать рядом с тобой, осознавая, что в любой момент ты превратишься в зверюгу и как ни в чем не бывало перегрызешь мне горло? Это невозможно.

Лори расчесала волосы, погасила свет и, присев на край кровати, заглянула в глаза мужу:

— Ты, наверное, ненавидишь меня и считаешь, что я — настоящее воплощение зла.

— Послушай, Лори, — поспешил успокоить ее Кейлер. — Я не думаю ничего подобного. Но дальше терпеть твои выходки я не намерен. Если честно, то я сегодня перепугался до смерти. Хотя это-то ты понимаешь?

— Разумеется. Представляю себе, что ты сейчас чувствуешь. Но, если поразмыслить логически, этот способ добывания пищи вполне естественный. Более того, для меня он так же жизненно необходим, как, скажем, дыхание.

Джини нервно провел рукой по волосам.

— Лори, я не могу смириться с тем, что ты вытворяешь! Это исключено. И вообще, как часто подобное происходит? Каждую ночь? Раз в месяц? Или как?

— Когда мы поженились, я искренне надеялась, что ты поможешь мне, — тихо проронила девушка.

— Помогу? Что-то я перестаю улавливать суть, — растерявшись, признался Кейлер.

— Я думала, что стану самой непревзойденной и добропорядочной женой. Я надеялась, что ты поймешь меня и научишь всему тому, чего я не умею. В конце концов, Джини, род убасты должен рано или поздно угаснуть. Убасты ведь вымрут в конечном итоге. Я, возможно, последняя представительница этого племени.

— Ты хочешь сказать, что ты и твоя мать — последние убасты на этой земле? — изумился Джини.

Лори кивнула.

— Конечно, никто не может гарантировать, но по крайней мере мы никогда о них не слышали. Племя было давным-давно изгнано фараонами из Тель-Басты, еще задолго до рождения Христа и раньше, чем на свет появился Моисей. Убасты разбрелись по всему миру, но выжили очень немногие. Одних убивали, потому что в них преобладало львиное начало, а другие так и не смогли приспособиться к жизни среди людей. Моим предкам вообще-то здорово повезло. Мы очень походили на людей, потому нам удалось скрыться среди вашего племени и, переехав в Европу, продолжить здесь свой род. К тому же львиное начало проявляется только по женской линии, а женщины ведь всегда меняют фамилию, выходя замуж. Так что проследить наши корни и уничтожить род оказалось занятием практически невозможным. А иногда мы сами придумывали себе новые фамилии. Например, девичья фамилия моей матери — Масиб. Это анаграмма слова «симба», которое в переводе с одного из африканских наречий означает «лев».

— А твоего отца... разорвали медведи, — вздрогнув, заговорил

Джини. — Так он погиб. Неужели это действительно сделали медведи? А может быть, его загрызла твоя мать?

— Моя мать свято чтит традиции, — зашептала Лори. — Тут наши точки зрения расходятся. Она верит, что надо слепо следовать всем древним традициям и ритуалам.

— Так, значит, это она убила твоего отца?

— Я не могу сказать наверняка. Моя мать не любит распространяться на эту тему. Но в древних документах, повествующих о Тель-Басте, говорится, что женщина обязана сожрать мужчину после того, как он выполнит свой долг.

— Долг? — оторопел Джини.

— Ну, это зависит от того, чего именно хочет от мужчины женщина, — пояснила Лори. — После того, как у матери родилась я, и отец вывез нас в Америку, обеспечив такую жизнь, о которой мать только мечтала, отец стал для нее обузой.

Выпустив струйку дыма, Джини нервно затушил окурок.

— А что случилось бы со мной? — поинтересовался он. — Стоило бы тебе появиться в высшем свете, мой долг был бы выполнен, и ты в первый удобный момент разорвала бы меня на кусочки?

— Джини, — сердито оборвала его девушка. — Ты ничего не понял.

— Возможно. Но я и не хочу ничего понимать. Единственное, чего мне сейчас хочется, — побыстрее смотаться из этого дома. Лори, ты даже не представляешь себе, как жутко все это выглядит со стороны. Ты являешься под утро в спальню в чем мать родила, да еще и окровавленная, а я должен мило улыбнуться и как ни в чем не бывало окликнуть тебя: «Привет, дорогуша! Ну, как ты провела ночь?»

— Но ведь всего лишь пару часов тому назад ты клялся мне в вечной любви.

— Да, но вот под утро меня внезапно одолели сомнения.

— Джини, но как же так? Я-то считала, что...

— Что ты считала? — перебил Кейлер. — Ты считала, что я настоящий болван и позволю издеваться над собой?! — Он перешел на крик. — Ты даже не представляешь, скольких усилий стоило мне взять себя в руки и вернуться в эту проклятую спальню после того, как я имел счастье лицезреть тебя без одежды! Я действительно любил тебя и считал, что смогу переубедить; ты сделаешь операцию и станешь нормальной женщиной. Но только я вернулся, ты вдруг превращаешься в дикого зверя и не долго думая сигаешь из окна в поисках жертвы!

— Джини, но я ведь в самом деле хочу измениться. А кроме тебя, мне никто не поможет, — взмолилась Лори.

— Еще вчера ты об этом и слышать ничего не хотела. Забыла свои собственные слова? А уж как ты гордилась своей принадлежностью к племени убасти! Ты согласилась стать моей женой, во всем слушаться меня и уважать, но только не менять внешности. Лори, да ведь ты по большому счету даже не человек, черт побери!

Лори вздрогнула. На какую-то долю секунды глаза ее расширились, однако девушка мгновенно справилась с овладевшим ею порывом вцепиться мужу в плотку. Кровь зверя, что текла в жилах Лори, давала о себе знать.

— Джини, — вдруг ласково прошептала Лори, — я люблю тебя. Кейлер ничего не ответил.

— Какая-никакая, но я все же твоя жена. Ты хочешь, чтобы я изменилась, и я обязательно сделаю это. Я согласна на пластическую операцию. Джини, я серьезно. Пусть удалят лишние груди. И я больше никогда не буду выскакивать по ночам из дома. У меня получится, Джини, но только если ты согласишься помочь мне. Ну я прошу тебя... Даже если ты больше не любишь меня и считаешь, что я всего-навсего злобное животное... Помоги мне стать человеком и избавиться от этого несчастья.

Кейлер закашлялся.

— Легко, наверное, философствовать, когда брюхо до отказа набито свежатиной? А что станет, когда ты вновь проголодаешься? Вдруг тебя снова потянет на теплую кровушку?

— Джини, я клянусь...

— Поздно. Я уйду. Мой адвокат подготовит все необходимые документы для развода и пришлет тебе их на дом.

Лори упала на ковер и горько разрыдалась.

— Вставай! — внезапно рявкнул Кейлер. — Никакие слезы уже не помогут.

— Джини, ну дай мне хоть один-единственный шанс доказать тебе, что я исправлюсь. Я умоляю тебя!

— Я сказал вставай! — взревел Кейлер не своим голосом.

И тут в спальню величественно вплыла миссис Сэмпл, облаченная в длинный белоснежный халат. Волосы ее были, как всегда, безупречно уложены, губы накрашены, а глаза подведены. Она устремила к Лори и, нежно обняв дочь за плечи, окинула Джини ледяным взглядом.

— Как вы посмели расстроить ее? — укоризненно покачала головой миссис Сэмпл. — Разве вы не знаете, как чувствительна моя девочка?

Джини лишь усмехнулся.

— Да, в этом я уже имел счастье убедиться. Трепетная лань запросто махнула со второго этажа и схарчила здоровенного барана.

— Безумец, она же из племени убаст! — прошипела миссис Сэмпл. — Или вы успели позабыть об этом? Она наследница древнейшего рода, самого достойного из всех тех, что когда-либо существовали на земле. Вы даже не представляете себе, что может означать сей факт.

— Напротив, как раз об этом племени мне удалось прочитать довольно много пикантных подробностей, — выпалил Джини, стараясь держаться как можно спокойнее.

— Ну тогда тем более ваше поведение просто возмутительно! — вскинулась мать Лори. — Вы же должны понимать, что с Лори нельзя обращаться, как с обыкновенной женщиной, уготовив ей заурядную участь домохозяйки. Лори, крошка моя, ну, успокойся же. Взгляните на нее, Джини. Только слепой не оценит подобную красоту, которая культивировалась на протяжении тысячелетий.

— Правда? А я грешным делом считал, что выводят породы собак, лошадей на худой конец, но никак не львов.

— Ну, Лори, — окликнула дочь миссис Сэмпл, — не хнычь, не надо.

Джини подошел к серванту и, вынув из ящика свои запонки, взял с тумбочки щетку, расческу и кое-какие мелочи. В зеркало он исподтишка наблюдал за миссис Сэмпл. Та не спускала с него глаз, и Джини подчеркнуто медленно собирал свои немногочисленные пожитки. «Теперь самое главное, — решил Кейлер, — не показать этим зверюгам, что я боюсь их. Нет уж, я не какая-нибудь беспомощная газель», — подбадривал себя Джини, чувствуя, как трясутся его руки, а сердце бешено колотится в груди.

— И что же вы намерены предпринять? — ледяным голосом осведомилась миссис Сэмпл, наблюдая за действиями зятя. — Неужели вы бросите несчастную девушку на произвол судьбы? Взгляните, как она убивается...

Джини даже не обернулся.

— И вы не поможете ей выплыть в этом бурном и жестоком океане, называемом обществом, где столько злых людей, ждущих ее смерти? Вот как, оказывается, поступают истинные джентльмены, которые накануне до хрипоты клянутся в вечной любви!

— Завтра я встречаюсь со своим адвокатом, — ровным голосом произнес Джини. — Думаю, с ним вдвоем мы придем к какому-нибудь мало-мальски разумному решению.

— Если я правильно поняла, из-за странного поведения Лори и ее пристрастия к сырому мясу ваша любовь улетучилась в мгновение ока? А была ли она в таком случае настоящей? — не унималась миссис Сэмпл.

— Я этого не говорил, — хмыкнул Кейлер. — Я только сказал, что подобных выходов я не намерен терпеть. Мало того, что в первый же вечер Лори вцепилась зубами в мой язык, так, видимо, ей этого показалось недостаточно, и она чуть было не загрызла меня. А сегодня я воочию убедился в том, что жизнь моя отныне находится в серьезной опасности. Я просто чудом остался цел. Я ведь вполне мог бы смириться с ее происхождением и даже с некоторыми физическими недостатками, но, когда речь идет о моей жизни, тут уж — увольте, разлюбознейшая миссис Сэмпл. И если уж быть до конца откровенным, то этой ночью я чуть было в штаны не наложил от страха.

Джини достал из гардероба небольшой чемодан и начал укладывать в него рубашки, галстуки и носки. Все это время Лори продолжала лежать на ковре, уткнув лицо в ладони, а миссис Сэмпл, склонившись над дочерью, не переставала гладить ее волосы.

— Ну что ж, — подытожил Джини. — Вот, кажется, и все.

— Подождите, — вдруг спохватилась миссис Сэмпл. — А что, если я все же смогу гарантировать вашу личную безопасность?

— Каким же образом? — удивился Джини. — Какие такие гарантии можно давать в доме, кишмя кишящем дикими зверями?

— Ночью мы будем запираить Лори в соседней комнате, — быстро заговорила миссис Сэмпл. — Ну, в той самой комнатушке, где вы уже бывали раньше. Ключ будет находиться у вас. А Мэтью одолжит вам свое ружье. Положите оружие рядом

с собой в кровать и таким образом обеспечите свою безопасность. Ведь в любой момент вы сможете отразить нападение.

— Всю жизнь мечтал запереть на ночь жену и спать с ружьем под подушкой, — нервно хихикнул Джини.

Миссис Сэмпл подошла к зятю и взяла его за руку.

— Джини, это же временные меры предосторожности. Когда Лори поймет, что вы хотите остаться с ней, она сама начнет постепенно забывать, что принадлежала к племени убасти. Джини, я не верю, что настоящая любовь может вот так сразу погаснуть. Вы должны поддержать Лори, обращаясь с ней, как с нормальным человеком. Вы же сами знаете, как сильно она привязана к вам. Больше она уже никого не сможет полюбить. Неужели вы хотите, чтобы такая девушка провела всю оставшуюся жизнь в одиночестве?

— А представьте-ка себе: однажды ночью я чего-нибудь недогляжу, Лори ворвется в спальню и с большим удовольствием набросится на меня. В каком дурацком положении я окажусь! Мне придется пристрелить свою собственную жену, как бешеную собаку!

— Нет, я уверена, что ничего подобного не случится, — улыбаясь, возразила миссис Сэмпл. — Я предлагаю вам ружье только для вашего спокойствия. Вам не придется им воспользоваться.

— Неужели? А может быть, вы поведаете мне, что же на самом деле произошло с вашим собственным мужем? Похоже, бедолага опрометчиво поверил в свою безопасность? — вспыхнул Кейлер.

— Он погиб в Канаде, Джини. Вам прекрасно известно, что во время охоты на него напал медведь.

— Ах, медведь... Да, конечно, на первый взгляд действительно можно предположить, что его растерзал именно медведь, а не какое-нибудь другое хищное животное. Ведь так, миссис Сэмпл?

Глаза ее сверкнули и, отпустив руку зятя, она шагнула к дочери. К этому времени Лори начала успокаиваться. Присев на краешек кровати, она охватила себя руками, словно ее вдруг зазнобило.

— Джини, принимая во внимание все то, что вам пришлось вынести, я лишь могу покорно просить прощения и за себя, и за мою несчастную дочь.

Джини облизнул пересохшие губы. Он почувствовал неуверенность. Конечно, самый простой выход — это развернуться и гордо покинуть проклятое поместье, оставив Лори раз и навсегда. Но, действительно, достоин ли подобный поступок настоящего мужчины? И впрямь: повел бы себя любящий муж таким образом? Да, Лори, конечно, опасна, но в конце концов ее поведение не страшнее, чем выходки обыкновенной психопатки. И не исключено, что, воспользуясь он советами приличного врача, ну, скажем, того же Питера Грейвса, Джини и в самом деле удастся сотворить из своей свирепой пассивной трепетного ягненка, то бишь вполне приличную даму? И раз уж на то пошло, скольких львов и тигров удавалось приручить с помощью дрессировки, сделав их не более опасными, чем домашние киски. А ведь Лори-то и не совсем зверь, она наполовину принадлежит к роду человеческому.

— Пожалуйста, Джини, не бросай меня, — всхлипнула Лори. Мольба эта окончательно растопила лед в сердце Кейлера. Он принял наконец решение.

— Ну ладно, — буркнул он. — Попробуем в последний раз. Но только отныне все будет по-моему. И никакой самостоятельности! Сначала я договарюсь о пластической операции. Потом подыщу нормального психиатра. Твоя спальня будет запирается до тех пор, пока я не разрешу тебе выходить из нее.

Кейлер вдруг стремительно бросился к Лори и нежно обнял ее. Стоявшая поодаль миссис Сэмпл уставилась на влюбленных своими кошачьими глазами и, казалось, вот-вот замурлычет от удовольствия.

Питер Грейвс вышел из своего кабинета и приблизился к Джини, который вот уже битый час торчал в приемной и бездумно листал старые потрепанные журналы.

— Ну, и что вы мне можете сказать? — заговорил наконец Кейлер, отрывая взгляд от страницы.

Питер опустился в соседнее кресло и задумчиво потер подбородок.

— Очень странный случай, — нерешительно протянул он. — Пожалуй, даже самый странный в моей многолетней практике. Джини швырнул журнал на невысокий столик.

— Послушайте, Питер. Это мне и самому известно, иначе я не стал бы к вам обращаться. Мне надо знать, сможете ли вы ей помочь.

Питер откинулся на спинку кресла и шумно втянул воздух.

— Понимаете, это ведь не разновидность психоза, с которым можно справиться всего за несколько сеансов. Да и, по правде говоря, я не совсем уверен, что тут вообще психическое расстройство.

— Ну а что это, по-вашему, такое?

— Пока трудно судить. Попросту говоря, при психозе меняется отношение человека к действительности. Но ваша супруга воспринимает реальность вполне нормально. Правда, то, о чем она мне поведала, само по себе несколько необычно...

— То есть вы считаете, что никаких психических отклонений у нее нет?

— Скорее всего дело обстоит именно так. Впрочем, вы можете обратиться к другому специалисту, пусть он подтвердит. Конечно, у Лори повышена нервность, и девушка раскаивается в том, что ей пришлось скрывать от вас кое-какие подробности вплоть до самой свадьбы, ну и все такое прочее. А в остальном она совершенно здоровая женщина.

— Ну а как же ее рассуждения? Ведь они даже вам показались весьма странными? — не унимался Джини.

Питер неопределенно пожал плечами.

— Вся необычность заключается в том, что в отличие от вас или меня девушка считает вполне естественным явлением несколько пар сосков. А уж в том, чтобы разорвать животное и поедать его мясо в сыром виде, и вовсе нет ничего из ряда вон выходящего, считает Лори. Однако подобная точка зрения не

позволяет мне сделать вывод, будто подобные рассуждения являются следствием какого-то психического отклонения. Во всяком случае, все анализы и ЭЭГ показали, что Лори вполне здорова. Она начинает возбуждаться лишь тогда, когда разговор заходит либо о вас, либо о ваших с ней взаимоотношениях. Это, по моему, волнует ее сильнее всего.

— И вы действительно считаете, что она помесь льва с человеком?

На лице Питера мелькнула растерянность.

— Знаете, в ее поведении, в реакциях и в самом деле есть что-то от львицы. Конечно, все это нельзя воспринимать буквально, и все же...

— Питер, поверьте моим словам — я ведь сам видел, как она сиганула со второго этажа, выбросив вперед руки, прямо как кошка... И при этом даже не ушиблась!

Доктор нахмурился.

— Джини, а вы уверены, что вам и самому не мешало бы у меня проверить? — осторожно закинул удочку Грейвс.

— Питер, я могу поклясться!

— Ну хорошо, — примирительным тоном заговорил врач. — Тогда вы меня буквально ставите в тупик, поскольку раньше я не сталкивался с подобными случаями. Я успел просмотреть несколько книг, где описывались моменты, когда пациенты обращались к психиатрам по поводу своего уродства. Но практически во всех перечисленных случаях психика этих людей не была нарушена. А вот ваша жена, напротив, абсолютно уверена, что ничего странного в ее внешности нет и она вполне нормальна... Лори ведь даже гордится этим, — заключил Грейвс.

— Ну и что же мне делать? А вдруг это безобразие начнет прогрессировать? — насторожился Кейлер.

Питер вздохнул.

— Пока что продолжайте проявлять к жене прежнюю заботу и внимание, будьте предупредительны и говорите о будничном и повседневном. Если же Лори начнет проявлять агрессию, твердо дайте ей понять, что вы этого не одобряете, вот тогда постепенно роль полуженщины-полульвицы наскутит и ей самой.

— А она не намекала вам, что ее преследует некий рок?

— Ну, она действительно считает, будто с ней должно произойти что-то очень серьезное, но особенно не распространялась на эту тему, — поспешил успокоить Кейлера доктор.

Джини поскреб в затылке.

— А вы сами не знаете, что же такого страшного может произойти? Или когда мне ожидать этого рокового часа?

— Ни малейших предположений на сей счет. Простите меня, Джини, если я так и не сумел вам помочь, Лори только заявила, будто этого требует некий Баст. Кстати, кто он такой? Ваш общий знакомый? — поинтересовался Грейвс.

— Да, — устало отмахнулся Джини, поднимаясь с кресла. — Я его знаю.

В течение последующих трех недель Кейлеры по-прежнему

жили в поместье Сэмплон, но теперь их существование было исполнено такими странностями, что границы реальности все дальше и дальше отодвигались от Джини. Супруги пришли к обоюдному решению, что поместье являлось наиболее подходящим местом их обитания. Лори пока не проявляла никаких положительных сдвигов в сторону нормальной женщины, и оставаться по ночам один на один с ней в квартире казалось Джини еще опасным, поскольку его жилище располагалось в довольно оживленном городском районе. Джини продолжал каждое утро исправно ходить на работу. Однако и Мэгги, и даже сам Уолтер Фарлоу стали вскоре замечать, что вид у Кейлера с каждым днем ухудшается — Джини побледнел, осунулся, под глазами появились тени, свидетельствующие о том, что преуспевающему политику явно не хватает сна. Это полностью соответствовало действительности. Каждый вечер Джини запирает свою молодую супругу в небольшой комнатке. Ключ от нее Кейлер всегда носил на шее. Перед тем как растянуться на огромной — просто исполинской — кровати, Джини укладывал на одну из подушек крупнокалиберное охотничье ружье, которое ему вручил Мэтью.

Лори по-прежнему работала во франко-африканском банке. Иногда днем супруги встречались, чтобы перекусить и выпить по чашечке кофе в какой-нибудь забегаловке. Лори стала более замкнутой, в ее взгляде появилась отчужденность, и Джини не раз ловил себя на мысли, что его жена витает где-то в совершенно иных сферах. Джини нередко приходилось повторять Лори свои вопросы, чтобы она наконец сумела вникнуть в их суть.

По вечерам, если только на эти дни не выпадали какие-нибудь утомительные приемы и Джини успевал на работе разделаться с кучей срочных проблем, все поместье словно окуналось в атмосферу строжайшего распорядка, напоминавшего своей неукоснительностью расписание поездов. На ужин семья собиралась в столовой и, чинно рассевшись, при свечах начинала трапезничать.

За столом, разумеется, главенствовала миссис Сэмпл. Женщина частенько заводила разговор о Египте или Судане и, делаясь своими воспоминаниями, сетовала о минувших временах. Затем все неизменно слушали музыку, смотрели телевизор и в довершение столь оригинально проведенного вечера отправлялись на покой. Перед сном Джини целовал Лори и, проводив ее в крошечную спальню, запирает на ключ, обязательно проверяя, тщательно ли закрыта комната. Уже через дверь Кейлер желал своей жене спокойной ночи и еще некоторое время стоял у порога, надеясь услышать ответ. Но никогда его не получал.

Тогда Джини брел в спальню и, скользнув в постель, долго напрягал слух, пытаясь сквозь стенку уловить либо дыхание Лори, либо царапанье. Всю ночь напролет бедняга беспокойно ворочался в кровати, то забываясь тревожным, коротким сном, то с ужасом пробуждаясь от тяжелой, изматывающей дремы. К семи часам утра, усталый и измученный, Джини наспех одевался и мчался к Лори — освобождать жену от ночного

заточения. Девушка была всегда безукоризненно красива и ласкова.

День за днем пролетала осень. Воспоминания о той страшной ночи стали мало-помалу стираться из памяти Кейлера. Джини чувствовал, что одиночество начинает тяготить его. Только инстинкт самосохранения еще удерживал Кейлера, и тот продолжал неизменно запираť свою драгоценную половину. Хотя, впрочем, не только инстинкт. Не последнюю роль сыграла здесь и гравюра с изображением смитовой газели.

Лори никогда не жаловалась на подобный ход вещей, словно такие супружеские отношения являлись совершенно нормальными. Да и Джини вроде бы смирился с весьма незаурядной телесной конструкцией своей жены. Но, пожалуй, именно эта сдержанная и нарочитая терпимость стала камнем преткновения в супружеских отношениях Лори и Джини. Кейлер уже начал было тревожиться, не продлится ли такой счастливый брак аж до его — Кейлера — последних дней, ведь Лори, похоже, примирилась с ночным заточением, лишь бы оставаться человеком.

Однако когда Джини подыскал ей хирурга в больнице Бейдермейера, она встретила известие о пластической операции со спокойной и очаровательной улыбкой, будто все шло по плану. Стоило Джини коснуться в очередном разговоре операции, Лори расплывалась в улыбке и, как заведенная, отзывалась своим ангельским голоском: «Все будет хорошо», — словно предчувствовала, что не за горами какое-то грандиозное событие, по сравнению с которым все остальное теряет смысл. Миссис Сэмпл просто порхала по дому. Она казалась счастливой и всеми силами старалась угодить Джини. Похоже, и она знала какую-то тайну. К концу третьей недели дома уже напоминал Джини большой корабль, а он — Кейлер — остался единственным членом экипажа, который был не в курсе, что судно уже дало течь и готовится со дня на день благополучно затонуть.

После ужина в четверг Джини, провожая Лори в ее спальню, опять завел старый разговор:

— Дорогая, тебе вот-вот предстоит серьезная операция. Я подыскал в клинике самых лучших врачей — профессора Редда, а ассистировать будет его супруга. Джордж и Элен Редд известны во всем мире. Да у них просто золотые руки, и место для тебя уже забронировано. Кстати, они делали похожую операцию одной известной европейской спортсменке Мэгги Келлоу. Вот увидишь, очень скоро ты забудешь о племени убасти. Я чувствую это.

— А ты считаешь, что я стану от этого счастливей?

— Но у тебя самой появится желание побыстрее забыть обо всем. Разве ты этого не хочешь?

Она окинула Джини тоскливым и отчужденным взглядом. За спиной Лори сквозь оконные витражи просачивались тусклые разноцветные полоски света.

— Мне кажется, я не могу точно ответить на этот вопрос, — грустно заметила Лори.

Джини распахнул перед ней дверь спальни.

— Если ты хочешь оставаться такой, какая есть, я не стану принуждать тебя меняться, Лори. Но тогда и меня уволь... Я не согласен играть роль твоего мужа.

Она улыбнулась.

— Может быть, нам стоит сделать еще один маленький шаг, который бы меня вдохновил на операцию? Кто знает — может, он поможет.

— Я не понял тебя.

— Наверное, пора бы тебе пригласить меня в спальню. Ну, ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ведь мы некоторым образом муж и жена.

Джини ничего не ответил.

— Ну, пойми же меня, — продолжала Лори, нежно касаясь руки Кейлера. — Так мы ни к чему не придем. Нет, я не против того, чтобы ты запирали меня каждую ночь. И догадываюсь, что ты сейчас чувствуешь. Но нашу женитьбу и женитьбой-то не назовешь, ведь мы даже не пытаемся сделать хоть один маленький шаг навстречу друг другу!

Джини растерянно отвернулся, раздумывая, как ему реагировать на такое странное предложение.

— Ты любишь меня, ты согласился остаться со мной и помочь пережить все трудности, — уговаривала его Лори. — Ну так почему бы теперь тебе не доказать, что ты по-настоящему любишь меня? С моим нынешним телом, данным мне от природы?

Джини взглянул ей в глаза, пытаясь прочитать в них, что же Лори задумала на этот раз. Но взгляд этих зеленых глаз оставался непроницаемым.

— Если я впусти тебя, — хрипло проговорил Кейлер, — у меня не будет тогда никаких гарантий, что ты...

— Это верно, — согласилась девушка. — Гарантий я давать не намерена.

Джини задумчиво покосился на ключ, который все это время держал в руке. Что это: еще одна уловка — попытка пощекотать нервы, сознавая, как сейчас ты будешь находиться на грани жизни и смерти, или же он действительно здорово перенервничал, и вся затея с запираанием только перестраховка для его же собственного блага и спокойствия? Кстати, ведь Лори не предпринимала никаких попыток убить его, когда они вместе лежали на той громадной кровати в спальне. Ведь она всего-навсего спрыгнула вниз и наскоро перекусила. Да и потом, по большому счету, Лори права: поедание жареных барашков в конечном итоге ничуть не гуманнее, чем пожирание их сырого мяса.

Джини застыл в нерешительности, не зная, что предпринять.

Внезапно на лестнице послышались тяжелые шаги и около спальни появился молчаливый каменнолицый Мэтью. Заметив Кейлеров, слуга остановился.

— Спокойной ночи, Мэтью, — прошептала Лори. И это означало, что сегодня она не нуждается в его услугах. Но Мэтью продолжал стоять, держась покрытой шрамами рукой за поручень лестницы. Казалось, он даже и не думал двинуться с места.

— Ну хорошо, Джини, — улыбнулась Лори. — Возможно, мы попробуем как-нибудь в другой раз.

Джини переводил недоуменный взгляд то на Лори, то на Мэтью. Что за странная молчаливая связь существовала между этими людьми, связь, которая в мгновение ока заставила Лори изменить свое решение провести ночь в спальне Кейлера? Лори чмокнула супруга и, впорхнув в комнатку, закрыла за собой дверь. Мэтью внимательно наблюдал, как Джини вставил ключ в замочную скважину и дважды провернул его. Убедившись в том, что дверь заперта, Мэтью удовлетворенно кивнул и зашагал вниз в свою комнату.

— Мэтью, — позвал Джини.

Немой слуга остановился как вкопанный. Если бы его спина могла иметь выражение, оно, безусловно, было бы таким же каменным, как и его лицо.

— Мэтью, послушайте, здесь, кажется, произойдет вскорости какая-то заварушка? Я угадал?

Мэтью не шевелился, и Джини никак не мог взять в толк, раздумывает ли слуга над ответом или ждет, пока новый хозяин начнет расспрашивать его.

Кейлер опустился на несколько ступенек и заглянул в глаза шоферу. Взгляд у того оставался пустым и подозрительным.

— Ведь вы один раз предупредили меня, — напомнил Джини. — Когда вы сказали про смитову газель. Ведь то было предупреждением. Однако это еще не все, верно? Есть еще что-то. И оно, я почти уверен, связано с Бастом.

— Баст... — прохрипел слуга, выжимая это слово из гортани. Затем отрицательно замотал головой и, протянув руку, схватил Джини за запястье. Тем же страшным голосом он прохрипел еще три слова: — Сын Баста... сын.

— Сын Баста? — недоуменно переспросил Джини. — Что это такое?

Мэтью попытался еще что-то сказать, но запас его речевых возможностей иссяк. Тогда он принялся объяснять на языке жестов и мимики. Мэтью наморщил нос и оскалился. Джини испуганно отшатнулся.

— Вот так выглядит сын Баста? Вы это хотели показать?

Мэтью кивнул. Он, видимо, собирался продолжить свою страшную пантомиму, но в этот момент на лестнице послышался стук каблучков. Миссис Сэмпл отправлялась на покой. Мэтью взмахнул в воздухе руками, словно стирая представленный им ужасный образ сына Баста, и торопливо зашагал в темноту.

Джини стоял как столб. Он не заметил, как миссис Сэмпл почти вплотную подошла к нему.

— А, Джини, — весело произнесла она. — Лори уже отправилась на боковую?

Кейлер хмуро кивнул.

— Впихнута в свою тюрьму и заперта, — мрачно констатировал он.

Миссис Сэмпл доверительно положила руку на плечо Джини. Он мгновенно ощутил все тот же знакомый мускусный аромат и через плотную ткань рубашки почувствовал неприятное пока-

ливание ее длиннющих острых ногтей. Глаза миссис Сэмпл сверкали похлеще бриллиантов, вставленных в ее серьги.

— Ни о чем не беспокойтесь, милый мой, — промурлыкала она. — В самом ближайшем будущем все у нас наладится. Вы даже вообразить себе не можете, как заботится о своем партнере женщина из племени убасти.

Джини устало провел ладонью по волосам.

— Я на это очень рассчитываю, миссис Сэмпл. Честно говоря, я нахожусь уже на грани срыва и больше не выдержу такого напряжения.

— Но вы же любите Лори и не сомневаетесь в ее ответной любви, разве не так?

— Совершенно верно.

— Так пусть это и станет вашей путеводной звездой и надеждой, Джини. Маяком, озаряющим ваш путь в годину тяжелейших испытаний, когда душа томится во мраке сомнений.

Джини пристально взглянул на женщину, пытаясь угадать, исходят ли столь поэтические изыски от чистого сердца. Лицо ее вдруг показалось Кейлеру преисполненным страстности, и он решил, что миссис Сэмпл красноречива сейчас вполне искренне.

— Ну, хорошо, миссис Сэмпл, — смягчился Кейлер. — Я попробую выдержать и это испытание.

На следующее утро «Вашингтон пост» поместила в своей передовице небольшую заметку, озаглавленную «Повинен ли тигр в смерти мальчика?». Джини схватил газету со своего стола в конторе и торопливо пробежал глазами текст.

«Вчера в районе Мерриам дворники обнаружили в одной из канав труп девятилетнего мальчика Эндрю Кэха. Ребенок был, очевидно, растерзан. Полиция предполагает, что на него напал крупный хищник, по размерам на меньше тигра. К такому заключению эксперты пришли после тщательного изучения трупа. По словам начальника местной полиции, это «что-то чудовищное». Тело обезображено и наполовину съедено, вероятней всего, каким-то диким животным. Никаких сообщений о появлении крупных хищников в районную полицию не поступало. Из зоопарка или из частных зверинцев не исчез ни один тигр».

Газета выскользнула из рук Джини. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Пошатываясь и с трудом различая дорогу, он добрался до туалета, где его долго и мучительно рвало.

Джини так вымотался за этот день, что супруги решили прилечь сегодня пораньше. Перед тем, как запереть Лори, Джини поцеловал ее. Взяв ее ладони в свои, Кейлер попытался найти нужные слова, чтобы выразить свою любовь и страсть. Ему не терпелось сказать Лори что-нибудь очень ласковое, но мешал инстинкт самосохранения. В глубине души Кейлер понимал, что, потеряв он сейчас бдительность, и в любой момент может случиться непоправимое. Уж тогда-то Лори обязательно с ним разделается.

— Наверное, ты считаешь меня последним подонком, который уже замучил тебя своей подозрительностью? — выпалил вдруг Джини.

— Что ты, конечно, нет, — возразила Лори, покачав головой.

— А я бы на твоём месте так разозлился! И уж, во всяком случае, не стал бы безропотно переносить такое отношение к себе. Ты просто ангел.

— Джини, я тебе сто раз говорила и еще повторю: я люблю тебя, и ты мне очень нужен.

Кейлер прислонился спиной к дубовым панелям и потер глаза.

— Из меня вышел хреновый муж.

Лори обняла его за плечи и, поцеловав, пристально посмотрела в глаза.

— Ты великолепен, Джини. Другой мужчина на твоём месте уже давно удрал бы от меня.

— И все же... Я пока не полностью доверяю тебе, хоть мне и неловко в этом признаться.

— Все пройдет.

Кейлер поцеловал ее. Лори по-прежнему не раскрывала губы. Но они были такими влажными и мягкими, что Джини моментально возбудился.

— Лори, а самой-то тебе известно о переменах... ну, о которых говорила сегодня за столом твоя мать?

Девушка кивнула.

— Тогда расскажи мне, — попросил Кейлер.

— Еще не время. Подожди немного.

— А скоро оно придет, это время?

И Лори снова кивнула:

— Очень скоро, дорогой. Быстрее, чем ты предполагаешь.

Джини мгновенно заснул, и его тут же начали одолевать кошмары со львами и тиграми. Звери догоняли его и кусали за ноги. Джини тщетно пытался удрать от очередного огромного чудовища, а тот то удалялся, то снова наступал Кейлера и хватал его за лодыжки. А потом на Джини словно накинута пушистое меховое покрывало, и он начал задыхаться во сне. Он очнулся весь в поту, с бешено колотящимся сердцем, и обнаружил, что было всего два часа ночи.

Джини сел в кровати. В спальне царилась кромешная тьма. Окно оказалось приоткрытым, и ставни время от времени хлопали. На улице разразился настоящий ливень. Джини тряхнул головой и побрел к умывальнику, чтобы глотнуть холодной воды.

Где-то вдали раздался странный стук, словно резко закрыли дверь или окно. Отхлебнув воды, Джини вытер губы полотенцем и, подойдя к окну, выглянул из него, стараясь определить, откуда мог исходить этот звук.

На улице бушевала гроза, и деревья раскачивались и походили на скачущих призрачных зверей. Ветер швырял пригоршни листьев на крышу особняка, подвывал и стонал в трубах.

И тут Джини заметил бледную тень, скользящую по соседней стене. Какое-то существо передвигалось по узкому — не более шести дюймов — карнизу. Джини напряг зрение, пытаясь разглядеть непрошеного гостя, но тот внезапно словно растворился во мгле. Джини еще минут пять провел у окна. Ливень тем временем заметно усилился, и непроницаемая дождевая пелена поглотила все вокруг.

Кейлер затворил окно и повернулся к кровати. Сомнения вновь одолели его. Джини вдруг понял, что вновь подозревает Лори. Да и кто иной мог это быть в столь неурочный час? Неужели Лори нарушила свое обещание и снова вышла на охоту, гонимая жаждой крови?

Конечно, ничего нет проще, чем зайти сейчас в ее спальню и тем самым расставить все точки над «i». Но ведь в таком случае и он — Кейлер — нарушит свое обещание. Он унижит Лори подозрениями. Нет уж, если он хочет, чтобы в семье царил мир да любовь, надо держать слово.

Джини метался из угла в угол в темной спальне, убеждая себя в том, что он доверяет Лори, что нет никакой нужды идти и проверять, на месте его драгоценная жена или нет. Джини так и подмывало заглянуть в соседнюю комнату. Ведь если Лори опять превращается в львицу и промышляет по ночам, он должен знать об этом.

Подойдя к постели, Джини взял ружье и зарядил его. Затем накинул халат и, отперев дверь, шагнул в темный коридор. Старая деревянная обшивка дома поскрипывала от яростных порывов ветра, а ставни того самого распроклятого окна, породившего в Джини новые сомнения, все еще хлопали и хлопали. Похоже, никто не спешил закрыть их.

Засунув под мышку ружье, Джини двинулся вперед. Крадучись, он добрался до спальни Лори. Внезапно у Кейлера перехватило дыхание. Он понял, что пути к отступлению у него перерезаны. Джини снял с шеи цепочку, на которой висел заветный ключ, и осторожно вставил его в замочную скважину.

Замок щелкнул, и Джини замер, прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты.

Медленно повернув ручку, Кейлер толкнул дверь и с бешено колотящимся сердцем всмотрелся туда, где стояла кровать Лори. Но в комнате стояла кромешная мгла, и Кейлеру так и не удалось ничего разглядеть. Постояв еще какое-то время на пороге, Джини на цыпочках двинулся в глубь спальни. Он выставил ружье перед собой, чтобы случайно не наткнуться на мебель.

Джини вплотную подошел к кровати и, наклонившись, вздохнул с облегчением. Лори мирно посапывала, безмятежно раскинувшись на постели. Копна ее пушистых волос разметалась на подушках. Дыхание девушки было ровным, одну руку Лори закинула вверх, и эта беззащитная поза делала ее похожей на младенца.

Джини на цыпочках вышел из комнаты и запер ее на ключ. Теперь в доме стояла мертвая тишина, и Кейлер решил наконец прилечь.

А что касается той тени, которая померещилась ему на соседней стене... так ее скорее всего отбросили качающиеся деревья... Во всяком случае, трудно представить себе существо, способное удержаться на таком узком карнизе, да еще на высоте сорока футов. И куда потом оно делось?!

К тому же Лори сейчас мирно спит и видит, наверное, десятый сон...

В глубине души Джини чувствовал угрызения совести, однако по большому счету он был все-таки рад, что набрался духу и проверил, на месте ли супруга. Вот теперь-то у Кейлера появились все основания избавиться от подозрений. И — кто знает? — глядишь, отношения с Лори наладятся, а там... Страхи исчезнут сами собой. Конечно, Джини до сих пор не мог забыть ту страшную ночь, когда Лори вернулась в спальню вся окровавленная.

Но он утешал себя мыслью, что психические отклонения, за редким исключением, поддаются лечению. Кейлеру просто необходимо верить жене, и тогда ее необычные пристрастия сойдут на нет, а совместная жизнь супругов станет сплошным наслаждением.

Успокоившись, Джини размышлял и постепенно погрузился в сладкую дрему. И потому не мог услышать глухие удары, часом позже нарушившие тишину в доме. Вслед за ударами раздались шаги. Кто-то волочил по лестнице тяжелый предмет. Суда по звуку, тюк или матрас.

Кстати, вполне возможно, и тело умирающего мальчика.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Следующая неделя врезалась в память жителям столицы благодаря двум любопытным происшествиям. Одно из них оказалось достаточно курьезным.

Неподалеку от Белого дома «замели» весьма оригинальную личность. Этот бедолага на всех парусах мчался к зданию парламента, размахивая каким-то странным предметом, издав далеко похожим на пистолет. Потом выяснилось: этим предметом оказалось не что иное, как жареный цыпленок. Полицейским чудак объяснил: «Я хотел поделить с Президентом обедом. Он же сам не раз заявлял, будто мечтал стать народным президентом. Или я ошибаюсь?»

Второе событие ознаменовалось преждевременными — на неделю раньше — гастролями цирка Ромеро в Вашингтоне.

Погода стояла на редкость теплая. Направляясь на работу, Джини даже не стал закрывать в машине окон. Цирк раскинулся огромным цветастым куполом неподалеку от поворота, ведущего в Мерриам. Проезжая мимо шашито, Джини разглядывал пестрые флажки. До него вдруг донесся знакомый с детства запах древесных опилок и конюшен.

Мэгги догадывалась, что в отношениях Джини и Лори происходят какие-то перемены, которые здорово отражаются на психике ее шефа. Мэгги изо всех сил старалась окружить его лаской и вниманием, дабы не раздражать Джини лишней раз. После свадьбы Кейлера она проревела всю ночь, но теперь, трезво оценив ситуацию, поняла, что только она — Мэгги — сможет стать для Джини настоящим другом и советником. Только она сможет помочь ему пережить эти трудные времена, пока Лори не превратится наконец в нормальную женщину. Как только на работе возникали какие-нибудь неприятности, Мэгги первой спешила на выручку, и, стоило Джини появиться утром на пороге,

Мэгги безошибочно определяла его настроение и вела себя соответственно.

Сегодня Джини был явно в духе.

— Ты собираешься сходить в цирк? — с ходу огорошила его Мэгги, роясь в кипе неотложных документов.

— Когда вкалываешь на Генри Несса, цирка хватает по горло, — отшутился Джини.

— Зря ты так. Программа великолепная. Обязательно сходите вместе с Лори.

Джини прикурил сигарету.

— Ты знаешь, я не схожу с ума от цирка. Даже в детстве я не больно-то балдел от их трюков. Теперь — тем более. А вереница слонов, бредущих друг за другом да еще цепляющихся хоботом за хвост впереди идущих, напоминает мне разве что сборище демократической партии.

Мэгги рассмеялась.

— Кофе хочешь?

— Нет, лучше подсоби мне кое в чем.

— Помочь тебе? Да ты, похоже, и сам готов кому угодно помощь оказать. В последние дни ты просто светишься от счастья.

— Да, это верно. И Лори тоже счастлива, как мне кажется. Теперь мы перешли на совершенно иную ступень отношений. Мы начали искренне доверять друг другу и уже сделали первый шаг. Теперь самое главное — это пластическая операция. Тогда, пожалуй, почти все трудности останутся позади.

— А какие именно здесь «но»?

— Я не говорил никаких «но», — удивился Джини.

— Это верно. Вслух не произносил «но», однако явно подразумевал их. Ты налаживаешь отношения с Лори, ждешь не дождешься пластической операции, со спокойной душой переселяешься в гостеприимный и невероятно дружелюбный замок Дракулы... и все же остается маленькое «но».

— Если бы я женился на тебе, — улыбнулся Джини, — я бы, наверное, ничего не смог скрыть. Ну, хорошо, ты, как ищeyка, чуешь все. Моя проблема снова упирается в племя убасты. Понимаешь, мне кажется, существует какая-то тайна, в которую Лори и ее мать меня не посвящают, и касается она этого растреклятого племени. Думаю, если бы я поподробнее узнал об их обычаях и традициях, мне стало бы проще общаться с Лори. Короче, хотелось бы нарыть побольше информации. И не только о том, что убасты — это человекольвы.

Мэгги пожала плечами.

— Послушай, а может, все-таки имеет смысл не распутывать клубок этой тайны? Ведь если Лори сама ничего не рассказывает, наверное, она небезосновательно считает, что для твоей сверхчувствительной природы эти сведения могут явиться слишком тяжким бременем.

Джини поднялся с кресла и потянулся.

— Может быть. Однако складывается такое впечатление, будто в доме всем, кроме меня, известна какая-то тайна, которую постоянно пытаются скрыть от меня. Возьмем, к примеру, их

шофера, Мэтью. На днях он меня подкараулил и попытался сообщить про «сына Баста» или что-то в этом роде, но, стоило появиться на горизонте мадам, Мэтью спешно ретировался.

— Сдается мне, о мудрейший, что фонтан твоего воображения не иссякает,— изрекла Мэгги, неспешно потягивая кофе.

— Ты не жила в этом доме, а я торчу там постоянно.

— Ну перестань, Джини, у Лори скорее всего просто какие-то проблемы генетического характера. И никакого они не имеют отношения ни к монстрам, ни к ящерам, ни к чудовищам со дна морского. Ты ведь уже обращался к психиатру, да и операция не за горами. Теперь с тебя и взятки гладки.

— Не знаю,— задумчиво отозвался Кейлер.— Но я нутром чувую, что атмосфера в поместье со дня на день накаляется и вот-вот произойдет нечто из ряда вон выходящее. Только вот что...

— Джини, милый, ну конечно же, так скоро напряжение и не спадет. Это вполне естественно. Все так и должно быть. Стоит тебе разрешить свои проблемы с Лори, как страсти улягутся. Все это вопрос времени.

— Да уж,— согласился Джини.— В ближайшие дни вряд ли стоит ожидать изменений.

Он нахмурился и с интересом уставился на струйку голубоватого дыма, поднимающуюся от тлеющей сигареты, словно именно в ней и крылась разгадка тайны.

— Послушай,— внезапно встрепенулась Мэгги,— если тебе и в самом деле полегчает от этого, отпусти меня на пару часиков. Я сгоняю в антропологическую библиотеку и пороюсь там.

— Ты не обязана делать это.

— Знаю, что не обязана, но теперь и у меня внутри засвербило. Надо же доказать тебе, что Лори действительно настоящая красавица... с небольшими генетическими отклонениями, а семейство Сэмпов — никакие не чудовища и не пришельцы, и что наконец настало время забыть о волнениях. Знаешь, даже Генри Несс заметил, что ты не в себе. Он, похоже, предполагает, будто ты задумал нечто грандиозное, ну, например, ведешь переговоры с тайными агентами Фиделя Кастро о продаже им Панамского канала.

Джини взглянул на часы.

— Ладно, Мэгги. Два часа, максимум — три. И ровно к трем постарайся вернуться.

— Вот и прекрасно,— обрадовалась Мэгги, допивая свой кофе.— И еще одно, Джини.

— Что такое?

— Помни, что я любила тебя... А может быть, люблю и сейчас. Так что самое главное для меня — твое счастье.

Джини тепло улыбнулся.

— Спасибо, Мэгги. Ты мой ангел-хранитель.

Пробило уже пять часов, но Мэгги не возвращалась. Генри Несс вызвал Джини на срочное совещание. Кейлер сунул записку с просьбой позвонить ему домой на пишущую машинку Мэгги. Спешно собрав все необходимые документы, Кейлер

помчался на двенадцатый этаж. У входа в конференц-зал стоял раздраженный Уолтер Фарлоу и нервно покусывал мундштук потухшей трубки.

— Что стряслось? — на ходу спросил Джини.

— Плохи дела. Газетчики пока не пронюхали, слава Богу. Короче, какой-то маньяк похитил сына французского посла.

— Да вы шутите! Что, прямо сейчас?

— Насколько я понял, нынешней ночью. Полиция всячески старается, чтобы никакая информация не просочилась в прессу. Похоже, они ждут не дождутся, когда за ребенка потребуют выкуп в виде каких-то политических сделок. Генри просто с ума сходит.

— Представляю себе. Похитителей еще не вычислили?

— Пока что нет. Кстати, никто еще и не заикнулся о выкупе. Но Генри почему-то уверен, что эта чудовищная акция напрямую связана с проблемой Ближнего Востока. Ему кажется, что похитители начнут сейчас обвинять арабов в смерти ребенка.

В этот момент двери конференц-зала распахнулись. Генри Несс поджидал сотрудников в окружении мрачного представителя ФБР, французских дипломатов и агентов ЦРУ.

— Ну что ж, господа, — вздохнул Генри Несс, — давайте думать, что может означать это похищение.

Совещание длилось более трех часов. Высказывались самые безумные предположения, но постепенно переговоры зашли в тупик. Никаких сообщений из полиции так и не поступило, а зал к этому времени буквально заволокло сигаретным дымом. Когда Генри Несс раз в пятнадцатый начал излагать свою теорию относительно похищения ребенка, зазвонил телефон, стоявший возле Джини.

— Простите, — извинился Кейлер и снял трубку. — Кейлер слушает.

— Дорогой, это Лори.

— А, привет. Послушай, милая, я сейчас очень занят. Я на важном совещании, освобожусь часа через два, не раньше.

— Прекрасно. Представление в цирке начинается в половине десятого.

— В цирке? В каком цирке? Что-то я не понимаю...

— У меня для тебя приятный сюрприз, — проворковала Лори. — Мне удалось раздобыть два билета на сегодняшнее представление.

Джини потянулся за пачкой сигарет.

— Лори, мне, конечно, очень неловко, но я не хочу сегодня никуда идти.

— Но все в восхищении от цирковой программы! — не унималась она. — Там такие воздушные акробаты!

Джини прикурил сигарету и в отчаянии потер затылок.

— Лори, после пятичасового совещания я уже не в состоянии оценить твоих гениальных акробатов. Так что, пожалуйста, сделай одолжение... сдай билеты.

— Ну, Джини...

— Прости, дорогая, но я занят.

— Джини, а я так мечтала сходить в цирк! — обиделась Лори.

— Ну, хорошо, как-нибудь в другой раз обязательно сходим.
— На все представления билеты уже распроданы. А сегодня, кстати, покажут нечто особенное.

— Что же именно?

— Увидишь.

И тут только Джини заметил, что Генри Несс искоса поглядывает на него. Действительно, семейные проблемы в самый разгар такого важного совещания! Генри Несс не раз высказывал мысль о том, что все его подчиненные как один должны быть женаты на своих рабочих местах, а уж если кто-то чаще двух раз в неделю уходил вечером к жене, то такой извращенец считался если не двоеженцем, то по крайней мере развратником.

— Ну, пока,— занервничал Джини,— я все-таки на работе.

— Ну, пожалуйста, пойдем,— настаивала Лори.

— Я перезвоню тебе попозже, и тогда решим.

— Я люблю тебя, Джини. Ну, пожалуйста, пойдем.

Генри Несс недвусмысленно кашлянул, и Джини виновато улынулся.

— Ну, хорошо,— сдался он.— Пойдем в цирк. Заскочи ко мне в девять. А теперь пока, у меня срочные дела. Я не могу больше разговаривать.

— Джини, ты просто прелесть. Я тебя обожаю!

— Я тоже. Пока.

Повесив трубку, Джини с таким невозмутимым выражением лица повернулся к присутствующим, словно разговаривал только что с британским премьером.

— Я надеюсь, дома у тебя все в порядке? — поинтересовался Генри Несс.

— Конечно, сэр. Все отлично.

— Ну и прекрасно. А то мои подчиненные так усердствуют на работе, что частенько забывают про дела домашние.

Раздались смешливые повизгивания, смахивающие скорее на вой гиен. Переговоры продолжались.

Представление закончилось около полуночи. Уставший и злой Джини пробирался к стойке, перешагивая через груды пивных и лимонадных банок, стараясь не наступать на недоеденные куски пищи. Огни цирка начали гаснуть, а жонглеры и наездники гуськом потянулись к вагончикам, чтобы принять душ и, переодевшись, усесться наконец перед телевизором с баночкой пива.

Несмотря на то, что Джини благоразумно надел в этот холодный ноябрьский вечер теплый плащ, он чувствовал, что его время от времени бьет дрожь. Однако Кейлер отнес это на счет своих пошаливающих нервов.

К началу представления они опоздали из-за затора, образовавшегося на подъезде к цирку. Вдобавок ко всему выяснилось, что места их уже заняты каким-то совершенно безразмерным джентльменом деревенского разлива и его дородной супругой. В итоге Кейлеры целых два часа проторчали на галерке среди улюлюкающей детворы и дряхлых стариков. С деревянной скамейки почти ничего не было видно, а вопли мальчишек вдобавок

ко всему заглушали все звуки, доносившиеся с арены.

Однако Лори, похоже, была восхищена представлением. Джини полез в карман и обнаружил, что сигареты кончились.

— Джини, — с восторгом произнесла Лори, — мне так понравилось!

— Понравилось? — удивился он. — Чего же там было хорошего?

— Ну, все. Все здесь просто великолепно!

— Да ты издеваешься надо мной! Лично мне удалось разглядеть только каких-то толстозадых наездниц да еще того бедолагу, которым зарядили пушку и выстрелили. Несчастный подлетел аж на полметра, не меньше.

Лори дернула мужа за рукав с такой силой, что Джини пришлось замолчать. Она уставилась на Кейлера возбужденным сверкающим взглядом.

— Джини, пойдем посмотрим на львов.

— На львов? Ты думаешь, стоит?

— Джини, но они ведь такие красивые! Ты видел их во время представления?

— А-а... Ну, конечно. Настоящие красавцы.

— Вот именно. Они просто неотразимы! Помнишь того самца с обалденной гривой? Ты обратил внимание на его морду? Она такая мужественная, умная и в то же время свирепая.

— Лори, прости, но я не специалист по львам.

— Но ты ведь женился на мне.

— Да, было дело, но сейчас, похоже, имеет смысл поскорее добраться до машины и вернуться наконец домой.

Лори поцеловала мужа. На душе у Джини сразу потеплело, и он снова уловил мускусный аромат, исходивший от Лори.

— Ну, пожалуйста, Джини. Это же недалеко. Несколько шагов.

Кейлер покосился на жену и понял, что не сможет отказать ей: настолько хороша была сейчас Лори.

— Ладно. Только недолго — буквально на пару минут. И что ты в них находишь... А, впрочем, я-то простой наблюдатель... Что до меня, то я не отличу гриву от обыкновенной метлы.

Лори снова чмокнула его в щеку.

— Ты неотразим, — прошептала Лори. — Ты даже не представляешь себе, как ты неотразим.

Миновав вагончики, где разместились клоуны, они обогнули загон со слонами и наконец приблизились к рядам клеток, где обитали тигры и львы. Сейчас здесь было сумрачно, потому что свет на ночь отключали. Трава шелестела на ветру. То и дело из мрака доносились царапанье и хриплое рычание сонных хищников.

Лори потянула Джини за рукав, и они пробрались к самой дальней клетке, где находился самец льва.

Заметив чужих, лев приподнял огромную косматую голову и прищурил свои раскосые глаза. А потом снова широко раскрыл их, наблюдая, как двуногие пристально рассматривают его сквозь толстые прутья решетки.

— Вот он, — выдохнула Лори. — Правда, он великолепен?

Джини прищурился.

— Да, зверюга что надо.

— Да не просто «что надо», — увлеченно подхватила Лори. — Он настоящий царь. Даже бог. Ты только взгляни на его мускулы. А какой роскошный мех! А когти!

Джини закашлялся.

— М-да. Только уж больно задрипанный.

Но Лори как будто и не слышала его.

— Тебя держат в клетке... Правда, красавец ты мой? Тебя так долго держали в этой клетке... Послушай, Джини, а ты не знаешь, сколько может весить такой зверь?

— Фунтов двести, наверное. Ну ладно, Лори. Я уже, похоже, околел тут. Пошли.

Лев глухо зарычал и тряхнул гривой. Лори обхватила себя руками и прикрыла глаза.

— Лори, — чувствуя закипающую в нем ярость, обратился к жене Кейлер, — нам пора идти. Я голоден как зверь и к тому же продрог до костей.

Но Лори продолжала стоять с закрытыми глазами. Она нежно поглаживала рукава своей меховой шубы, будто хотела сама себя приласкать. Лев снова зарычал, но в следующий миг положил морду на передние лапы.

— Лори, — нетерпеливо позвал Джини. — Скажи своему приятелю «до свидания» и быстрее домой.

Лори медленно открыла глаза и повернулась к мужу.

— Как ты можешь насмеяться над ним, — зашипела она. — Да, он заперт в клетке. Но он так прекрасен! И нечего тут над ним издеваться.

— А я и не издеваюсь, — оторопел Джини. — Я просто хочу домой.

— Ну подожди. Еще немножко...

Лори вплотную приблизилась к железным прутьям. Лев приоткрыл глаза, внимательно наблюдая за движениями девушки. Джини попытался было одернуть Лори и предупредить, что стоять так близко к решетке весьма опасно. Однако внутренний голос подсказывал ему, что Лори не нуждается сейчас в его советах.

Лев поднял голову, а затем резко вскочил на лапы. Это был мощный и крупный самец. Длительное содержание в клетке привело к тому, что шерсть его потускнела и кое-где потерлась, однако мускулы так и играли на его напружиненном теле. От льва исходил мускусный запах.

Медленно, помахивая на ходу кончиком хвоста, лев подошел к тому месту, где стояла Лори. Обнажив огромные клыки, он тихо зарычал, но Лори и не думала отходить от клетки. Лев приблизился к прутьям и, тщательно обнюхивая Лори, начал скрести когтями деревянный настил. Несколько секунд Лори стояла не шевелясь, а потом вдруг отступила на шаг и низко поклонилась.

— Лори! — возмущенно воскликнул Джини.

Девушка неторопливо выпрямилась.

— Он прекрасен, — прошептала она. — Я должна дать ему

понять, что признаю его превосходство. Я должна выказать льву свое почтение.

— Почтение? Какому-то зверюге? Лори, Бога ради, опомнись, что ты несешь?!

Лори напряглась.

— Джини, по-моему, ты кое-что забыл.

— Я никогда ничего не забываю. Просто мне претит, когда ты раздаешь поклоны всяким цирковым животным, вот и все.

Лори собралась было дерзко ответить, но взяла себя в руки.

— Ну, не сердись, Джини. Прости меня. Но и ты не забывай, что я наполовину львица. Так что он в некотором смысле мой родственник. И кроме того — просто великолепный зверь.

— Лори, я все понимаю. И стараюсь встать сейчас на твое место. Но ведь ты сама обещала постепенно избавляться от этой своей львиной половины и начать превращаться в нормальную женщину... с человеческими идеалами. А этот... повелитель джунглей... ну, может быть, он, конечно, самый обалденный из всех львов, уж не знаю... Но только не надо отбивать ему поклоны! Хоть это тебе понятно? Он — животное, а мы — люди. На эволюционной лестнице мы стоим над ними ступенью выше. И никакого родства тут быть не может. Это азбучные истины естествознания.

Лори отвернулась от мужа и снова поглядела на льва. А тот встряхнул гривой и, глухо рыкнув, улегся на настил.

— Ты слышишь меня или нет? — вскипел Джини.

— Да, — покорно отозвалась Лори. — Я тебя слышу.

— И ты со мной не согласна?

— А ты этого хочешь?

— Я не вправе заставлять тебя, но, конечно, мне бы хотелось, чтобы ты разделяла мое мнение.

Лори взяла его под руку, и они зашагали к автостоянке по хрустящей от мороза траве. Машины уже начали разъезжаться, и повсюду вспыхивали то белые, то красные огоньки фар и габариток.

— Джини, — вдруг посерьезнев, торопливо заговорила Лори, — ты ведь никогда не перестанешь сомневаться в моей любви, правда?

— А почему я должен сомневаться?

Девушка остановилась и внезапно прижала его к себе.

— Ты никогда не должен думать, что мои чувства фальшивые или неискренние, потому что это было бы неверно. Я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить.

Кейлер поцеловал жену в щеку и уткнулся лицом в ее пушистые волосы. Если бы только он сейчас не валился с ног от усталости!

— Лишь бы ты любила меня больше, чем львов, — прошептал Джини.

Лори вскинула голову и в упор посмотрела на него.

— На древнем языке убасти есть одно выражение. Звучит оно так: «хакхим-аль фарикка», и означает «две страсти, сливающиеся в одну любовь». Однажды ты поймешь, что все это означает, и какой силы может быть такая любовь.

Кейлер еще раз поцеловал жену.

— Каждый божий день узнаю что-нибудь новенькое, — нежно произнес он. — Что ж, поехали домой.

В час ночи, когда Джини собрался было погасить ночник и лечь в кровать, он вдруг вспомнил про Мэгги. Подняв телефонную трубку, Кейлер набрал знакомый номер. После пятнадцатого гудка раздался наконец сонный голос Мэгги.

— Алло, — пробормотала она.

— Прости, я опять тебя разбудил.

— Джини, это ты? — встревожилась девушка.

— Да. Но я могу перезвонить тебе утром.

— Нет-нет, — торопливо возразила она. — Ни в коем случае.

Подожди секундочку, сейчас я проснусь окончательно.

Джини начал ковырять спичкой в зубах. Вернувшись из цирка, он наспех слепил себе здоровенный сандвич с холодной телятиной и маринованными огурчиками. Застрявшие между зубов мясные волокна досаждали, и теперь Джини с наслаждением избавлялся от них.

— Мэгги, с тобой все в порядке? — поинтересовался он. — Что-то голос у тебя странный.

— Со мной-то все нормально, — оживилась девушка. — Но я сегодня черт знает сколько проторчала в библиотеке и узнала уйму чудовищных вещей.

— Слушай, а до утра твои сенсационные новости не подождут?

— Конечно, подождут. Но кое-что я должна сообщить тебе прямо сейчас. Секундочку... Вот. Это я вычитала в очень редкой старинной книге. Называется она «Запрещенные религии Нила». Там целая глава отведена твоим убасти. Правда, кто-то успел уже вырвать иллюстрации. Библиотекарь припомнил, что картинки эти были уж слишком устрашающи. Короче, не для слабонервных.

Джини кашлянул.

— Ну, и чего там новенького? О чем я еще не слышал?

— Новенького там навалом. Кстати, кое-что меня не на шутку встревожило, — посерьезнела Мэгги. — Там говорится и про город Тель-Баста, и про поклонение богу-льву Басту. Описаны ритуалы, некоторые из них настолько омерзительны, что и читать тошно. Однако мое внимание привлекли свадебные обряды.

— Ты мне можешь зачитать?

— Ну, конечно. Слушай внимательно. «Повинуясь воле бога-льва Баста, женщины убасти должны продолжать род. Для этого они через поколение обязаны совокупляться то с мужчинами, то с самцами львов. Другими словами, если женщина убасти совокупилась со львом, ее дочери надлежит взять в мужа человека, и так далее. Таким образом, эта необычная помесь льва и человека сохраняет свою силу».

— Ничего не понимаю, — признался Джини.

— Что тебе непонятно?

— Ну, то, что мать Лори вышла замуж за Жана Сэмпла... Он

ведь человек... А ее дочь Лори стала моей женой. Но я ведь тоже человек.

— Да, но не забывай, что ты с ней ни разу не переспал. Поэтому называть тебя ее мужем я бы пока не спешила.

— Ну, пока, конечно, нет, но как только будет сделана пластическая операция...

— Не торопись, Джини, — резко оборвала его Мэгги. — Слушай дальше. После всех рассуждений о том, что из поколения в поколение нужно строго чередовать мужчин и львов, идет следующее: «Обряд совокупления у племени убасти достаточно сложен и всегда выполняется в соответствии с требованием великого богольва Баста. Если женщине предстоит совокупиться с мужчиной, она вручает ему свои деньги и драгоценности и во имя этого человека приносит в жертву льва. Но если женщине суждено совокупиться со львом, она обязана предложить ему в качестве жертвы мужчину».

— Мэгги, — попытался вставить слово Джини.

— погоди, это еще не все. Вот, слушай: «После полового акта женщина обязана сохранить тайну своего происхождения и совокупления, заставив партнера молчать. Женщины племени убасти обычно откусывают своим мужьям языки».

Джини похолодел. Он отчетливо слышал, как тяжело дышит Мэгги на другом конце провода. Кейлер механически поглаживал свой лоб, а в его мозгу роились тысячи мыслей.

— А ты все точно переписала? — хриплым голосом осведомился он.

— Слово в слово. Кстати, эту книгу частенько цитируют и в других изданиях, довольно солидных, которым, без сомнения, можно доверять.

— Ты думаешь, все это правда? — тяжело вздохнув, спросил Джини. — Или, может быть, очередная легенда?

— Не знаю, Джини. Лучше бы, конечно, так. Однако я подумала, что тебе необходимо это знать.

— Мэгги, — как бы между прочим вспомнил Джини. — Мы сегодня ходили в цирк.

— А мне-то грешным делом казалось, что ты терпеть не можешь цирк...

— Все верно, это Лори настояла. А после представления она потащила меня смотреть на львов.

— И что?

Но Кейлер не смог бы рассказать всего даже Мэгги — своему самому близкому и верному другу. Однако если, согласно легенде, Лори полагалось совокупиться со львом, то Джини сегодня собственными глазами видел этого льва. И зверь, похоже, ждал ее. А ведь если книга не лжет, то получалось, что Лори вышла за Джини замуж вовсе не по любви. И даже не из уважения. Она намеренно соблазнила Кейлера и заставила-таки его на себе жениться, чтобы предложить Джини в качестве ростбифа своему хищнику. Вот, оказывается, что имел в виду Мэтью, заикнувшись о смитовой газели. Джини Кейлер являлся всего-навсего свадебным подарком для льва, который-то и должен был стать настоящим отцом детей Лори.

Джини уронил трубку на колени. Все сходилось, все совпадало. Кейлеру вдруг показалось, будто почва ускользает из-под его ног. Весь мир словно опрокинулся. Возможно, Лори поначалу действительно влюбилась в него и поэтому всячески пыталась предотвратить их дальнейшую связь. Уж она-то прекрасно понимала, что произойдет, когда они поженятся. Она знала, что Джини необходимо будет принести в жертву.

Но Кейлер словно ослеп и угодил в ловушку, можно сказать, по собственному желанию. Хотя, надо отдать им должное, сети были расставлены весьма искусно. А уж когда на Кейлера положила глаз миссис Сэмпл, судьба Джини была предрешена. Матушка Лори всеми правдами и неправдами добилась того, что Кейлер стал встречаться с ее дочерью. Не составило ей особого труда и убедить Лори выйти замуж за Джини. Для полного соблюдения ритуала.

И вот наконец обе женщины уговаривают Джини остаться в поместье Сэмпл, потихоньку готовясь к страшному обряду. Возможно, Лори допустила серьезную промашку, когда решила поохотиться той ночью, но зато как ловко ее мамаша обвела Джини вокруг пальца, усыпив бдительность Кейлера «искренними» обещаниями того, что Лори «скоро поправится».

Как бы не так! Никогда она не поправится. Лори — истинная дочь племени убасти. Как и все женщины их рода, она обязана свято чтить заповеди, завещанные богольвом Бастом, дабы сохранять чистоту племени. Наверное, легче обратиться в христианство самого закоренелого мусульманина.

— Джини! — вдруг раздался из трубки голос. — Джини, ты меня слушаешь?

— Да-да, Мэгги. И очень внимательно.

— Джини, тебе, наверное, хочется знать, что я обо всем этом думаю? Мне неприятно говорить, но...

Кейлер закашлялся.

— Я все понял, Мэгги. Да, все действительно сходится. Тут, пожалуй, и лежит разгадка.

— Но, если это правда, тебе надо побыстрее сматываться отсюда. Я серьезно.

— А вдруг это не так?

— Джини, если они решили покормить тобой льва, я думаю, у тебя не больно-то много времени на всяческие предположения.

— Но если это не так? Если это просто древняя легенда? Если я сейчас сбегу, то потеряю Лори навсегда. Тут и без того обстановка достаточно напряженная.

Мэгги долго молчала.

— Послушай, а что если тебе попробовать разыскать Мэтью и спросить у него?

— Мэтью?

— Ты же сам рассказывал, как он предупреждал тебя о сыне Баста. Теперь-то тебе должно быть ясно, кого он имел в виду. Сын Баста, Джини, это лев. Самый настоящий лев.

— А почему, собственно, я должен...

Тут Джини замолк и нахмурился.

— Мэгги, — вдруг спросил он, — прочитай-ка мне еще раз тот

отрывок, где говорится, будто женщины убасти должны хранить тайну.

В трубке послышался шелест.

— Вот. Нашла. «После полового акта женщина обязана сохранить тайну своего происхождения и совокупления, заставив партнера молчать. Женщины племени убасти обычно откусывают своим мужьям языки».

— Теперь все понятно.

— Что ты сказал?

— Я говорю, что теперь мне все становится ясно. Никакой он не Мэтью. Он — отец Лори. Пожалуйста, завтра как можно быстрее раздобудь мне в справочном отделе газетной хроники фотографию Жана Сэмпла. Если Сэмпл и Мэтью не одно и то же лицо, я готов провалиться сквозь землю.

— Но если сам Сэмпл в курсе их дел и догадывался, что ему откусят язык, почему же он не попытался бежать? — опешила Мэгги.

— Может, и пытался, — задумчиво промолвил Джини. — А может, и нет. Интересно, кому нужен немой дипломат? Каким образом Сэмпл мог бы заработать себе на жизнь? Очевидно, ему проще оставаться в доме, где за ним будут присматривать. А может быть, он все еще любит свою жену. Наверное, надо отыскать его самого и расспросить обо всем.

— Джини, — забеспокоилась Мэгги. — А у тебя ружье под рукой?

— Да. Охотничья винтовка. С ней впору идти и на крупную дичь.

— Только, пожалуйста, поосторожней. Позвони, если вдруг потребуется помощь. Я мигом примчусь.

— Надеюсь, что и сам управлюсь. А ты, пожалуйста, не отходи от телефона.

— Ну, разумеется. Когда поговоришь с Мэтью, перезвони мне, хорошо?

— Обязательно. Спасибо тебе, Мэгги. Ты настоящий друг.

— Джини, да я ради тебя на все готова. Лишь бы ты оставался живехонек.

Джини достал из-под подушки винтовку и убедился, что она заряжена. Пробило четверть второго. В доме стояла крошечная тьма. Ветер улегся, и ночь, бесшумно крадучись, заполнила все вокруг. Время от времени крик сов тревожил сон обитателей мрачного особняка Сэмпов.

Кейлер натянул шерстяной свитер и темно-серые брюки. Подхватив правой рукой винтовку, он подошел к двери. Когда Джини открывал ее, раздавался противный скрип. Снаружи царил мрачное безмолвие.

Кейлер знал, что комната Мэтью где-то внизу, на первом этаже. На цыпочках он добрался до лестницы. Сквозь витражное стекло просачивались разноцветные сумрачные блики, падая на лестничный пролет.

Джини замер и прислушался. Никого.

Опираясь на перила, Кейлер начал спускаться. Внизу стояла

такая мгла — хоть глаз коли. Джини пришлось некоторое время постоять на месте, чтобы глаза свыклись с окружающим мраком. Затем он подкрался к кухне и распахнул дверь. Кейлер надеялся обнаружить поблизости с кухней комнату Мэтью. По его расчетам она должна была находиться где-то рядом.

Дверь в кухню скрипнула, и Джини застыл на месте, прислушиваясь, не разбудил ли он кого-нибудь в доме. В отношении Лори Кейлер особенно не беспокоился: ведь он сам запер ее. А вот что касается миссис Сэмпл, то та могла сейчас здорово спутать ему карты. Если легенда, которую поведала Кейлеру Мэгги, имеет под собой реальную почву, то главным действующим лицом в семействе является миссис Сэмпл. Именно эта женщина свято чтит древние традиции и, разумеется, была заинтересована в том, чтобы племя убасти не вымерло окончательно. Уж она-то вряд ли потерпела бы ночные вояжи по дому. Да, мать Лори — противник серьезный.

В особняке по-прежнему стояла тишина, и Джини подкрался к следующей двери. Он тихонько толкнул ее дулом винтовки, и мрак снова со всех сторон обступил Кейлера. Передвигаться дальше приходилось исключительно на ощупь.

Выставив вперед руку, чтобы случайно не наткнуться на мебель, и приподняв ружье, Джини побрел влево, туда, где должна была располагаться дверь в комнату Мэтью. Кейлер то и дело останавливался и прислушивался. В доме было тихо.

Он уже собрался было ухватиться за ручку двери, как вдруг раздался подозрительный шорох. Джини застыл как вкопанный, но в особняке снова воцарилась тишина. Кейлер протянул руку вперед, и тут кто-то нанес ему сильнейший удар по шее, словно огрел куском железа. Джини потерял равновесие и, влетев в стену, рухнул на пол. Невидимый враг выкрутил из руки Кейлера винтовку, и она с шумом грохнулась наземь.

Что-то грузное тело навалилось сверху, крепкая рука зажала рот Джини, и как ни старался несчастный Кейлер вырваться — все было тщетно. Противник оказался намного сильнее его.

— Не шевелись, — раздался хриплый шепот. — Не шевелись, иначе я тебе шею сверну.

Джини перестал сопротивляться. Он и без того здорово ударился затылком о кафельный пол, и сейчас голова просто раскалывалась от боли.

— Месье Сэмпл? — только и выдохнул он.

Наступила пауза, затем противник поднялся.

— Вы знаете меня? — послышался все тот же присвистывающий и хриплый шепот. — Вы меня знаете?

Джини приподнялся на локтях, а затем осторожно оцупал рану на затылке.

— Я догадался, — тихо отозвался он. — Использовал, так сказать, антропологические данные.

— Вам известно что-нибудь об убасти?

— Стало известно. Но только сегодня. Моя секретарша специально ездила в антропологическую библиотеку и выяснила, каким изысканным способом это племя продолжает свой род.

— Смитова газель, — прохрипел месье Сэмпл.

— Вот именно,— подтвердил Джини.— Смитова газель. Сегодня мне стало известно, кто играет роль этой бедной газели и вообще для чего здесь нужен я.

Месье Сэмпл протянул вперед руку и помог Джини подняться на ноги.

— Пойдемте ко мне,— предложил он.— А то женщины могут проснуться.

Сэмпл толкнул дверь рядом с буфетной, и взгляду Джини открылась крохотная комнатка. Здесь стояла единственная кровать, наспех прикрытая красным пледом, длинный ряд самодельных книжных полок и два потертых кресла. Обогревалась эта каморка стареньким электрокамином. Здесь же находилась выдавшая виды небольшая электроплитка, на которой месье Сэмпл, очевидно, разогревал себе еду и готовил чай или кофе. Стены пестрели многочисленными фотографиями французских офицеров в Тунисе и Алжире, здесь же висели снимки миссис Сэмпл и Лори, когда та была еще ребенком.

— Садитесь,— пригласил месье Сэмпл.— Простите, что я ударил вас. Но мне надо было защищаться.

Джини опустился в одно из кресел.

— У вас есть сигареты? — сразу же спросил он.

— Если не брезгуете французскими,— извинился хозяин каморки.— Мне тут выделяют пять пачек в неделю.

Джини извлек из синей пачки сигарету, и очень скоро комнатка наполнилась едким табачным дымом. Месье Сэмпл устроился напротив гостя и скрестил ноги. Лицо его по-прежнему было бесстрастным. Однако, взглядевшись в холодные глаза, Джини понял, что безразличие это отражает внутреннюю замкнутость Сэмпла.

— А вы неплохо разговариваете,— признался Кейлер.— Вы сами этому научились?

Месье Сэмпл кивнул.

— После того, как львица откусила мне язык, я очень долго не мог произнести ни звука. Как-то в журнале «Таймс» я прочитал о людях, которым были сделаны сложнейшие операции на гортань, и они самостоятельно научились разговаривать. Конечно, это было непросто, но уж львицам-то я никогда не показываю, что добился успехов. Однако в один прекрасный день мне это пригодится. Вот уж тогда-то я их удивлю!

— А сегодня вы ошарашили меня.

— Взаимно, мистер Кейлер. Я-то считал вас послушной жертвенной овечкой.

— Так вы знали, что они надумали сотворить со мной? — оторопел Джини.

— Разумеется.

— Так почему же вы не сказали мне об этом раньше?

— Я пытался намекнуть вам. Но эти львицы... Они же постоянно шпионят за мной. Если бы они пронюхали о нашем разговоре, они бы тут же разорвали меня на части.

— Но разве вы не могли сообщить в полицию?

— Мистер Кейлер, мне пока еще дорога моя жизнь. К тому же, раз уж вы добровольно явились сюда, то у меня были все

основания полагать, что вы готовы принести себя в жертву древним обрядам. Это ведь акция исключительно вашей доброй воли.

Последняя фраза далась месяе Сэмплу нелегко, время от времени ему приходилось делать значительные паузы, чтобы перевести дыхание. И тем не менее Кейлера поразили удивительные способности Сэмпла. Тот вполне отчетливо выговаривал слова. Уж сколько дней потратил он на эти фонетические упражнения, тренируя свою гортань, одному Богу известно. На полке Джини заметил несколько книг по разработке голосовых связок. Тут же стоял и медицинский том, посвященный проблемам дикции.

— Месяе Сэмпл, — промолвил Джини. — Не могли бы вы рассказать о всей этой чертовщине, происходящей в доме? Что же в конце концов задумали миссис Сэмпл и Лори?

Сэмпл прикурил сигарету.

— Они делают только то, что считают нужным и правильным. Для них в этом нет никакой чертовщины. Они просто продолжают род богольва Баста.

— Но как же можно заставить льва... совокупиться?

Лицо месяе Сэмпла оставалось холодным и равнодушным.

— Существует обряд, и он свято исполняется. Своими корнями этот обряд уходит в далекое прошлое, когда еще существовал город Тель-Баста, о котором, я уверен, вы уже слышали. Рамзес изгнал учеников богольва Баста с территории верхнего течения Нила и проклял их от имени бога Солнца Гора¹. Убасти же поклялись, что будут продолжать свой род, и существование человекольвов никогда не прекратится. И имя Баста не умрет. Ну и, как вы убедились, слово свое они держат.

Замолчав, француз затянулся сигаретой.

— И когда настает время совокупления со львом, — продолжал он, — обряд повторяется. Девушка сама должна подыскать жертву для льва. Очень важно, чтобы в роли приманки выступал достойный человек — и внешне красивый, и умный. Вот почему Лори и отправилась тогда на банкет. Чтобы наметить себе жертву. К сожалению, ей подвернулись именно вы. Вы ведь сами налетели на нее... Вы ей понравились, а через некоторое время девочка вас действительно полюбила. И не хотела поначалу, чтобы вы погибли. Но вы, мистер Кейлер, слишком уж навязчиво предлагали себя в качестве жертвы для Баста. А стоило моей жене увидеть вас... она мгновенно одобрила выбор, и поэтому они обе из кожи вон лезли, чтобы вы не бросали Лори и оставались здесь.

— Но как же тогда объяснить тот факт, что ночью Лори выбралась из дома и убила овцу? Это ведь было опрометчиво, я тогда чуть не сбежал отсюда.

— Такие вещи случаются порой, — прохрипел месяе Сэмпл. — Львицы не в состоянии контролировать себя. Как только прибли-

¹ Гор — в египетской мифологии бог Солнца, имеющий голову ястреба и тело человека, сын Осириса и Изиды.

жается время совокупления со львом, львиная половина в убасти начинает доминировать, и тогда они выходят на охоту, как самые настоящие хищники, по ночам. Днем они охотиться не могут, ибо прокляты богом Солнца, а если это все же произойдет, то убасти непременно погибнут. Так вот, за несколько недель до совокупления девушка убасти должна совершить помазание, и делается это кровью ребенка-первенца. Это, так сказать, подготовительная часть. Девушка обязана доказать, что она сильна, как львица, и что в жилах ее течет настоящая кровь убасти. Происходит как бы самоутверждение.

— Так вы хотите сказать... — оторопел Джини.

— Никакой овцы, конечно, не было. Ваши подозрения оказались вполне справедливыми. В ту ночь она разорвала мальчика и сожрала его.

— Господи, — пробормотал Джини, опуская глаза. — А я ведь поверил ей!

Сэмпл только пожал плечами.

— Не казните себя, вашей вины в этом нет. Вы доверяли моей жене. Я ведь отец Лори, мистер Кейлер, не забывайте, и я просто уверен, что, будь она нормальной девушкой, вы бы составили идеальную пару.

Джини глубоко затянулся сигаретным дымом.

— Благодарю вас, месье Сэмпл. Это, конечно, слабое утешение, но все же...

Сэмпл поднялся с кресла и подошел к стене, сплошь увешанной фотографиями.

— Вот моя супруга в день нашей свадьбы. Правда, она восхитительна здесь? Если бы я только знал, чем все это кончится!

— Месье Сэмпл, послушайте, — спохватился вдруг Джини. — А вот ночью я видел... Или мне показалось... Не знаю, короче, какая-то тень, что ли... выпрыгнула из дома. Но я не могу сказать наверняка. Я сразу же проверил, на месте ли Лори, но она крепко спала.

Сэмпл кивнул.

— Совершенно верно. Это была моя жена. А в ее обязанности как жрицы входит соблазнить льва совокупиться с ее дочерью. Конечно, главная награда — это вы как жертва. Но вас предложат льву только после акта совокупления. Вы вместе со львом благополучно перейдете в стадию «хакхим-аль фарикка», что означает примерно «две любви, сливающиеся в одну». Но, разумеется, льва надо еще заманить в ловушку. Делается это так. Находят ребенка. Не убивая, вспарывают ему живот, и еще теплыми внутренностями промазывают дорогу от львиного логова до места предполагаемой случки.

Джини нахмурился.

— Вы хотите сказать... Неужели погиб еще один мальчик?

Сэмпл грустно кивнул.

— Прошлой ночью. Сын французского посла. Моя жена знает посольство как свои пять пальцев и, разумеется, всех его обитателей. Поэтому ей не составило особого труда ловко выкрасть мальчика.

— Я не могу поверить в это. Я просто не могу поверить.

Неужели вы пытаетесь убедить меня, что миссис Сэмпл смогла убить ребенка? И все лишь для того, чтобы пометить след?

— Я не заставляю вас ни во что верить, — спокойно отозвался Сэмпл. — Однако мне кажется, что вы уже видели достаточно, чтобы прислушаться к моим словам. Ведь это не обычные львицы, мистер Кейлер, они принадлежат к племени убасты. Это самые страшные существа, существовавшие на земле со времен Рамзеса и других фараонов.

Джини нервно затушил сигарету.

— Но вы-то почему сидели все это время сложа руки? Вы знали об их обычаях и молчали в тряпочку! Ничего не предпринимая!

Сэмпл присел на край кровати и затеребил обтрепанные кисти покрывала.

— Вы, наверное, принимаете меня за труса. И скорее всего вы правы. Меня заставили молчать и делать все, что приказывают. Только так у меня остается шанс выжить. Мне из этих сетей уже не выпутаться. Куда бы я ни скрылся, львицы очень скоро разыщут меня, а уж тогда пощады не жди.

— Поэтому пусть лучше гибнут беззащитные дети...

Сэмпл вскинул голову.

— Не надо напоминать, какой я негодяй, мистер Кейлер! — с жаром воскликнул он. — Бывают моменты, когда мне хочется удавиться от стыда. Но дело в том, что убасты несут с собой смерть и только смерть, где бы они ни находились. То же произошло и в Канаде, когда из-за меня погиб человек. Простой бродяга из Ванкувера. Моя жена передела его в мою одежду, чтобы не оставалось никаких подозрений, а потом растерзала до неузнаваемости. На следствии она подтвердила, что тело принадлежит мне. Вот таким необычным образом я и погиб для всех. Убасты — хладнокровные убийцы, мистер Кейлер, и вам остается либо умереть, как послушная овца, либо влачить довольно жалкое существование.

— Господи, да у вас же есть оружие! Почему вы до сих пор не отправили их к праотцам, черт возьми?

Но Сэмпл лишь усмехнулся.

— Ружье-то есть, мистер Кейлер, да только патронов к нему не хватает. Вам вот тоже они выдали винтовочку для безопасности. Только жаль, что заряды холостые.

Джини поднялся и стряхнул пыль с одежды.

— Месье Сэмпл, — твердо заявил он. — Я покидаю ваш дом. Прямо сейчас. И первым делом я позвоню в полицию.

— Я не позволю вам уйти, — холодно возразил Сэмпл.

— Ну тогда вам придется как-то остановить меня.

— Это не составит большого труда. Я в совершенстве владею кравмагой. Меня тренировали израильские профессионалы.

— Месье Сэмпл, вы, кажется, не понимаете, о чем я говорю. Если полиция вмешается, мы сразу вытащим вас отсюда, а вашу жену и дочь упрячем туда, где им и следует находиться.

Сэмпл отрицательно покачал головой.

— Все вы, американцы, одним миром мазаны. Либо полицейский, либо вор! Вы даже не представляете, что может произойти

в результате вашего вмешательства. И что станет со мной. Ведь я тоже, хоть и косвенно, причастен к смерти мальчиков. Как это называется? Соучастник? Так вот, я и есть косвенный соучастник.

— Месье Сэмпл, я ухожу.

— Даже не пытайтесь, мистер Кейлер. Вы умрете страшной и мучительной смертью. Так пусть лучше она будет легкой и мгновенной. Вас поймают гораздо раньше, чем вы сумеете добраться до ворот. Да, кстати, лев уже в пути. Он-то вас и встретит.

Джини поперхнулся.

— Лев? — переспросил он.

— Вот именно. Прошлой ночью моя жена пометила след от цирка к нашему дому. Так что на сегодня намечено совокупление Лори со львом. Пришлось поторопиться. Видите ли, руководство цирка изменило планы, и завтра шапито отправляется в другой город.

И тут Джини вспомнил просьбу миссис Сэмпл остаться в их доме ну хотя бы еще на одну неделю.

— Мне кажется, чем быстрее я уберусь восвоюси, тем лучше, — пробормотал растерянный Джини.

Он приоткрыл дверь. Некоторое время Сэмпл сидел неподвижно, никак не реагируя на действия своего гостя. Но только Джини собрался было выскользнуть за дверь, Сэмпл одним прыжком оказался рядом с Кейлером и ударом ноги захлопнул дверь.

Джини отшатнулся и принял боксерскую стойку, как его когда-то учили в школе. Сэмпл осторожно подкрадывался к нему. При этом француз окидывал Кейлера таким безучастным взглядом, что, казалось, глаза его принадлежали не живому человеку, а манекену.

— Соглашайтесь же, месье Сэмпл, — пытался убедить Сэмпла Джини. — Вместе мы смогли бы одолеть их. Зачем же нам, союзникам, драться друг с другом?

Но Сэмпл упрямо замотал головой.

— Потому что вы не можете тягаться со львами, вот зачем. Вы многого не понимаете, мистер Кейлер. Мне очень жаль, но я вас отсюда не выпущу.

Джини нырнул вперед, но Сэмпл нанес ему увесистый удар по голове, отчего у Кейлера сразу зазвенело в ушах. Он покачнулся, однако, устояв-таки на ногах, ловко увернулся от следующего удара, укрьвшись с одним из кресел. Мужчины тяжело дышали и, напрягая мускулы, внимательно следили за каждым движением противника.

Внезапно Джини подхватил легкое кресло и швырнул его прямо в голени француз, а потом прыгнул и навалился на Сэмпла всей своей тяжестью. На какой-то миг Сэмпл обмяк, и этого мгновения с лихвой хватило Кейлеру, чтобы выпрыгнуть за дверь и скрыться в темноте.

Сэмпл отшвырнул кресло и рванулся вслед за Джини. Тот не успел и пикнуть, как француз припер его к стене в тесной буфетной.

— Вы совершили ошибку,— задыхаясь, прохрипел Сэмпл.— Вы не уйдете отсюда. Мне очень жаль, мистер Кейлер, но это так.

А потом что есть силы ударил Джини прямо в живот. Кейлер согнулся пополам от безумной боли и упал, ударившись плечом. При этом он чуть было не напоролся на собственную винтовку.

— Ну а теперь поднимайтесь, мистер Кейлер,— приказал Сэмпл.— И, пожалуйста, без фокусов. А если будете шуметь, разбудите львиц.

Стоя на коленях, Джини судорожно хватал ртом воздух. Рука его вдруг нащупала винтовку. Выждав несколько секунд, он вскоре заметил, что Сэмпл слегка расслабился.

Надо было действовать решительно. И как можно быстрее. Чтобы Сэмпл не успел сообразить, что происходит.

Кейлер сосредоточился. Быстро сосчитав про себя — пять, четыре, три, два, один,— он сунул винтовку прямо под нос Сэмплу. И нажал на курок.

Заряд был холостой, но взрыв пороха на какое-то время ослепил и оглушил француза. Дико закричав, Сэмпл грохнулся на пол и закрыл глаза руками.

Джини с грохотом швырнул винтовку на кафедру и бросился прочь из буфетной. Времени оставалось в обрез, и уж если львицы проснутся, ему просто не сдобровать. Надо было как можно быстрее выбраться из поместья.

Кейлер подбежал к кухонной двери и, рванув ее обеими руками, очутился в большом зале. Парадная дверь была от него всего в трех шагах. Три засова, один замок — и Джини на свободе. Кейлер захлопнул кухонную дверь и кинулся дальше.

Первый засов отошел с удивительной легкостью. Второй оказался попрочнее. И вот когда Кейлер возился с ним, он услышал сзади странные звуки. Кто-то приближался, и Джини безошибочно почувствовал страшную угрозу для своей жизни. Кто-то царапал когтями по дереву.

Джини оглянулся. В нескольких ярдах находилась лестница, ведущая наверх, к витражному окну. Вот по этой-то лестнице и спускались сейчас Лори и миссис Сэмпл. Гибкие и бледные, совершенно обнаженные, на четвереньках, как и подобает настоящим человекольвам. Их золотистые волосы растрепались, а глаза сверкали холодом, совсем как у того льва, которого они видели с Лори в цирке. Обе оскалились, обнажив острые клыки.

Шаг за шагом, пригнув головы, они спускались по ступенькам, а потом, рыча и мотая косматыми гривами, потрусили по кафедре зала. Желтоватые зубы угрожающе обнажились, и Кейлер совершенно отчетливо осознал, что в этих существах не осталось ничего человеческого. И никто теперь не в состоянии остановить их.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Адреналин разрывал его жилы, и Джини, мгновенно отодвинув оба засова, повернул ключ в замке. Эти действия не ускользнули от львиц. Лори приготовилась к прыжку.

И она прыгнула, но Джини успел отскочить в сторону. Лори тяжело опустилась на пол и царапнула когтями кафель, как промахнувшаяся кошка. Джини распахнул дверь и ринулся в темноту, на ходу задев ключ и выдрав из рукава здоровенный кусок ткани.

Кейлер мчался по гравиевой дорожке. Да, так резво бегать ему не приходилось уже давно.

Он слышал, как его настигают женщины из племени убасты. До ворот было рукой подать, однако Джини прекрасно понимал, что ему не успеть. Он явно уступал львицам и в силе, и в проворности. К тому же они были рождены, чтобы убивать.

Джини работал ногами, как мог, легкие его просто разрывались от боли. Дубы по обеим сторонам аллеи мелькали, словно частокол. Свернув за угол, Джини разглядел высокие кованые ворота.

Однако через пару секунд Кейлер заметил рядом с собой бледную тень. Одна из львиц нагнала его и теперь бежала сбоку, не отставая ни на шаг. Другая настигала сзади. Дыхание львиц заглушало все посторонние звуки.

В отчаянии Джини попытался было сквозь высокую траву прорваться туда, где он впервые взбирался на ворота в поисках Лори. Если удача улыбнется ему, то Джини обнаружит и ту самую веревку, по которой совсем недавно карабкался в это проклятое поместье. Кейлер прекрасно сознавал, что еще чуть-чуть, и он не выдержит. А если веревки на стене не окажется, львицы в два счета покончат с ним. Джини метнулся в заросли вереска и, продираясь сквозь него, выбрался на лужайку. Бледная тень сопровождала его слева. Повернув голову, Джини с ужасом обнаружил, что и вторая львица настигла его. Теперь она вровень с Кейлером мчалась с другой стороны. Они гнали Джини так же, как делают это львицы в Африке, охотясь на зебр или антилоп. И пока Джини судорожно соображал, куда ему бежать, львицы хладнокровно преследовали его, руководствуясь лишь собственными инстинктами.

Джини вдруг понял, что стену ему не одолеть. Он задышался от быстрого бега, ноги стали свинцовыми и готовы были вот-вот отказать. А лужайка, как нарочно, резко пошла вверх. Джини покачнулся и сбавил скорость, а львицы тем временем только входили во вкус погони.

И вот совсем рядом зашуршали опавшие листья. Джини инстинктивно поднял руку, закрывая лицо. Лори прыгнула на него слева, и от удара Джини повалился на усыпанную осенней листвою траву. Не рассчитав сил, Лори перекатилась через него. А Джини так и остался лежать на земле.

Он зажмурил глаза и с ужасом ожидал, когда же острые зубы вопьются в его тело. Он слышал, как тяжело и возбужденно дышит Лори, как сглатывает она набегающую слюну. Кейлер чувствовал и тяжесть ее тела. Вокруг стоял нестерпимо резкий запах звернца.

Джини осторожно приоткрыл глаза. Лори заметила это и слегка отпрянула от Кейлера. Не сводя с него своих прекрасных кошачьих глаз, она отползла от Джини и, припав к земле,

замурлыкала. Внезапно из-за деревьев вынырнула ее мать. Теперь они вдвоем уставились на свою жертву. И так они смахивали на настоящих львов, что Джини стало не по себе. Трудно было даже представить себе, что совсем недавно эти львицы имели человеческое обличье. А ведь Джини танцевал с Лори, сопровождал ее на вечеринки, они вели светские беседы и даже смеялись над чем-то. И вот теперь Лори стояла на четвереньках в застывшем от холода ноябрьском лесу и, оскалившись, не сводила с него звериного взгляда.

Похоже, они просто стерегли его. Джини не сразу понял это. Они и не думали убивать его. Еще бы! Ведь Джини предназначался для иной цели — его должен был разорвать лев. Жертва сыну Баста, который, кстати, с минуты на минуту должен был присоединиться к их живописной компании, чтобы совокупиться с Лори. Нет, эти львицы никогда бы не осмелились убить Джини. Ведь благодаря ему у Лори появятся все шансы доказать, что она достойна своих предков.

Джини чуточку приподнялся в траве.

— Лори, — тихонько позвал он. — Ты слышишь меня?

Лори тряхнула головой и ничего не ответила. Так лев отгоняет назойливых мух.

— Послушай, Лори, — продолжал Джини, не зная, с какого края подойти к жене. — Ты должна понять, что никогда не сможешь этого сделать. Полиция уже на полпути к вашему дому. Точно говорю. Я успел ее вызвать, и очень скоро они будут здесь. А если тебя схватят, то посадят в тюрьму, причем на долгий срок. И никаких львят у тебя не будет, Лори. Если ты сейчас же не дашь мне спокойно уйти, они запрут тебя в клетку и отберут детеныша. Но скорее всего они его утопят.

Лори злобно оскалилась, однако Джини так и не понял, дошли до нее его слова или нет. Кейлер попытался было сесть, но обе львицы внезапно зарычали и угрожающе направились в его сторону. Джини поднял руки, как бы давая понять, что больше не позволит себе никаких вольностей, и тогда львицы отступили.

Похоже, сын Баста, то есть тот самый лев из цирка, должен был вот-вот явиться сюда, иначе они не стали бы так преспокойненько ждать его. Интересно, а каким образом лев выберется из своей клетки? Вероятно, миссис Сэмпл успела подточить замок. Не исключено также, что, учуяв запах крови, хищник проломит деревянный настил или заднюю стенку клетки. Джини нестерпимо хотелось курить. Участь преступников, идущих на казнь, и то куда завиднее: перед депортацией в мир иной им разрешают выкурить сигарету.

Все вокруг словно замерло. Стоял легкий морозец. Однако ни одна львица не испытывала холода. Они сидели бок о бок и в ожидании льва прислушивались к малейшим шорохам.

— Лори, — предпринял очередную атаку Джини, — отпусти меня, Лори. И больше я ни о чем не попрошу. Ну, дай мне всего полчаса. Я не проболтаюсь ни единой живой душе ни о тебе, ни о твоей матери. Клянусь. Ведь ты можешь заниматься любовью со львом и без моего участия, верно? Зачем же меня впутывать?

Лори молча наблюдала за Кейлером своими прекрасными

изумрудными глазами. Миссис Сэмпл то и дело недовольно встряхивала роскошной гривой волос, очевидно, волнуясь, что льва до сих пор не видно. Уж такому монстру ничего не стоило проломить клетку и в мгновение ока одолеть небольшое расстояние, которое отделяет цирк от поместья. А ночью льва вряд ли кто-нибудь успеет разглядеть. Джини покосился на часы. Почти два часа.

К половине третьего Кейлер совершенно окоченел. Вдобавок ко всему затекли ноги и руки. В небе стужались тучи, поднялся легкий ветер. Джини начал покашливать. Он собрался было сменить позу и растереть онемевшие руки, но миссис Сэмпл так грозно рыкнула на него, что Кейлер предпочел мучиться, но не шевелиться.

И тут вдруг послышался шорох. Грузный зверь прыжками приближался к тому месту, где в полубоморочном состоянии лежал Джини. Зашуршали листья под гигантскими лапами.

Тело Лори напряжилось, и она резко повернулась на шум. Вскочив на четвереньки, миссис Сэмпл нетерпеливо забегала взад-вперед.

Внезапно раздалось глухое рычание. Джини оглянулся и увидел сына Баста собственной персоной. Сейчас, на природе, лев казался еще крупнее, чем в клетке.

Зверь мчался прямо на них. Во всем его облике сквозила царственность. Каждый шаг был полон величия, а под шкурой то и дело перекачивались стальные мускулы. Кейлеру не раз попадались на глаза страшные снимки, где львы раздирают на части своих незадачливых дрессировщиков или несчастных посетителей сафари-парков. Каждый раз, глядя на подобные фотографии, Джини удивлялся, почему эти бедняги не могут убежать от льва. Однако теперь, столкнувшись лицом к лицу со взрослым самцом и по достоинству оценив его размеры, Джини понял, что тягаться в беге с этим монстром просто не имело смысла.

Остановившись, лев не спеша окинул лужайку горделивым взглядом. И зарычал. Внезапно волосы у Джини встали дыбом. Он услышал, как Лори ответила самцу. Однако ее рык отличался от предыдущего: в нем звучала покорность. Словно Лори заискивала перед львом. Очевидно, так течная самка подзывает самца. Лев вскинул голову, и Джини увидел, как раздуваются у него ноздри. Лев почуял запах самки, исходящий от Лори.

А та нетерпеливо царапала когтями землю. Лори скрежетала зубами от вожделения, и все ее напряженное тело трепетало в порыве страстного возбуждения. Лев неторопливо приблизился к Лори и начал медленно обнюхивать ее с ног до головы. Миссис Сэмпл устроилась неподалеку в высокой траве. Она изредка поглядывала в сторону живописной парочки, и Джини был абсолютно уверен в том, что, сделай он хоть одно лишнее движение, матушка Лори мгновенно окажется тут как тут.

Обнюхивание длилось никак не меньше десяти минут. За это время Лори и лев, похоже, попривыкли друг к другу. Джини видел, как Лори, нежно потираясь щекой о шкуру своего избранника, входит постепенно в экстаз. Она была здорово возбуждена,

такой Кейлер ее никогда раньше не видел. Лори нервно рыла землю когтями.

Тогда в шапиту Лори призналась Джини, что сильно возбудилась. Однако Кейлер отнес это за счет циркового представления.

И тут послышалось странное журчание. В тот же момент Лори повернулась, и Джини, разглядев ее мокрые бедра, понял, что произошло. Лори помочилась, чтобы запах сильнее возбудил ее партнера. Лев хрипло зарычал и, фыркнув, грузно вскочил сзади на Лори.

Та стояла на четвереньках, дугой выгнув спину. Рядом с гигантским зверем девушка казалась хрупкой. И вот, взгромоздившись на Лори, лев вошел в ее тело.

Джини услышал пронзительный вопль. Но это был не человеческий крик, так, наверное, стонет раненый зверь или существо, которому причинили страшную боль...

Лев глубоко вонзил свои когти в плечи девушки, и по ее телу заструилась кровь. Он входил все глубже и глубже, мускулы его наливались и вздрагивали.

Комок подкатил к горлу Джини. Он почувствовал резкую тошноту. Но отвернуться от этого жуткого зрелища Кейлер уже не мог.

Внезапно тело льва охватила судорога. Дернувшись несколько раз в конвульсиях, он тут же соскочил с Лори. Глухо зарычав, лев отвернулся.

Лори дрожала с головы до ног. Обливаясь кровью, она повалилась на землю. Лев равнодушно обошел вокруг девушки. Теперь он ждал человеческой жертвы. А та находилась неподалеку. Ни жива ни мертва от ужаса.

Джини чуточку приподнялся, стараясь не обратить на себя внимания. Он затаил дыхание. И хотя Кейлер прекрасно понимал, что тягаться в беге со львами бессмысленно, тем не менее внезапность была на его стороне, и, если резко броситься к забору, вполне можно рассчитывать на успех.

Кейлер выжидал. Он надеялся, что лев снова обойдет Лори, и тогда наступит подходящий момент для бегства.

Джини собрался с духом и уже готов был пуститься наутек, как лев вдруг застыл на месте и настороженно поднял голову. Миссис Сэмпл тоже забеспокоилась.

И тут Джини услышал шорох. К ним кто-то приближался. Незнакомый шел прямо на них через вересковую пустошь. При этом он что-то выкрикивал. Джини прищурился, стараясь разобрать в темноте, кого это несет сюда в столь неподходящий момент. И разглядел человека, продирающегося сквозь густой кустарник. Казалось, он не разбирал дороги и двигался наобум.

— Лори! Лори! — послышался хриплый голос. — Это же я, твой отец! Лори, девочка моя! Моя крошка! Это твой отец!

В тот же миг лев бросился на крики. Он мгновенно пересек поляну и в несколько прыжков оказался рядом с французом. Сэмпл, ослепленный выстрелом, ничего не видел вокруг себя, хотя наверняка слышал, как страшный зверь мчитя прямо на него. Лев схватил француза за ногу и рванул его на себя.

Джини услышал, как захрустели кости. В следующий момент

чудовище подмяло под себя Сэмпла и, урча от вожделения, принялось разрывать беднягу на части.

Джини вскочил и, не помня себя от ужаса, бросился прочь.

Миссис Сэмпл не заметила поначалу бегства Джини. Она была полностью захвачена созерцанием гибели собственного мужа. Однако уже через несколько секунд львица пришла в себя и увидела Кейлера. Тот со всех ног мчался по направлению к забору. Бежать было трудно. Кустарник сплошной стеной вставал на пути Джини, но тот, не обращая на него внимания, напролом пробирался к спасительной ограде.

Забор оказался значительно дальше, чем предполагал Джини. А Кейлеру-то казалось, что до него рукой подать. Видимо, заросли скрадывали расстояние.

Внезапно Джини споткнулся о какой-то корень. Ботинок слетел, и теперь Кейлер мчался наполовину разутый. Он мгновенно разодрал ногу. Да и второе дыхание, похоже, кончалось. Джини жадно хватал ртом воздух, словно никак не мог надышаться.

Львица настигала его. Она прекрасно понимала, что у Джини остается последний шанс, и упускать его он, разумеется, не намерен. Львица рванулась вперед с удвоенной прытью. Джини уже слышал за спиной ее тяжелое дыхание.

Кейлер летел с такой скоростью, что не успел притормозить у забора и врезался в него головой.

Веревки на заборе не было. Вероятно, она просто померещилась ему с дальнего расстояния. Джини резко обернулся. Ярдах в двадцати он разглядел знакомую бледную тень: миссис Сэмпл почти нагнала Кейлера.

Джини набрал в легкие побольше воздуха и кинулся вдоль ограды к тому месту, где, как он рассчитывал, могла оказаться спасительная веревка. Рукой он касался забора, чтобы случайно не пропустить ее.

Миссис Сэмпл срезала угол и таким образом выиграла еще ярдов десять. Оглянувшись через плечо, Джини увидел ее сверкающие глаза и злобный оскал.

Что-то нашептывало Кейлеру: все напрасно, тебе не уйти. И канат ты не найдешь. А львица уже в нескольких ярдах от тебя. Прощайся с жизнью, дружок...

Джини опустил голову и что было духу рванулся дальше. Он понесся так быстро, что мгновенно отвоевал у миссис Сэмпл пару футов. Однако силы его были на исходе.

И тут Джини увидел веревку. Тот самый канат! Кейлер ухватился за его конец и, обливаясь потом, начал карабкаться вверх. В поисках опоры он то и дело нащупывал ногами очередной кирпич. Внезапно львица схватила зубами разутую ногу Джини.

Кейлер что есть силы лягнул в лицо миссис Сэмпл. Но та мертвой хваткой вцепилась в его ногу, и Джини чувствовал, как рвется под клыками львицы шерстяная ткань. Кейлер засучил ногами и, наконец изловчившись, так пнул миссис Сэмпл, что та с криком отлетела. Теперь ей требовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Подтянувшись на канате, Джини в мгновение ока взобрался

наверх. Миссис Сэмпл снова попыталась было ухватить его за голень, но Джини опять с такой силой врезал ей ногой по лицу, что львица мгновенно соскочила на землю. Джини помешкал было наверху несколько секунд, а затем решительно сиганул с забора на другую сторону.

Кейлер неудачно приземлился. При падении он повредил колено. Но сейчас это не имело значения. Джини вскочил и стремглав ринулся к дороге прямо через полосу дерна. Впереди уже виднелись спасительные огоньки. Джини вдруг зашелся в кашле. Сплюнув, он помчался в сторону домов.

Кейлер отбежал от забора на приличное расстояние. Силуэт особняка, к которому он приближался, уже отчетливо проступал на фоне облачного неба. Здание было выстроено в колоннальном стиле. Джини увидел и машины, припаркованные около дома, и изгородь. Ему даже показалось, что он различает в окнах фигуры гостей, съехавшихся, видимо, на какое-то торжество. Джини замедлил бег и постепенно сменил его на шаг. Еще немного — и Кейлер у заветной цели.

И вдруг он услышал позади тяжелый топот. Оглянувшись, Джини разглядел, как следом за ним по асфальту бок о бок мчатся Лори и лев.

— Господи! — холодея, прошептал перепуганный Джини и снова припустился бежать. Он едва волочил ноги. И дом, до которого было рукой подать, внезапно словно отъехал от Джини на целую милю. Кейлер не переставая кашлял, и это затрудняло бег. Теперь он проклинал все выкуренные сигареты. Джини казалось, что кто-то, сподобившись облить его легкие керосином, поджег их.

До изгороди оставалось каких-нибудь футов пятнадцать, когда львы настигли Кейлера. Однако самец почему-то медлил. Обегая вокруг Джини, он постепенно суживал кольца. Лори шипела, фыркала и, стоя на четвереньках, тоже, казалось, не торопилась.

Джини застыл как вкопанный. Пытаясь защититься от львов, он невольно поднял руку, хотя прекрасно понимал, что этим жестом вряд ли сможет уберечься от их чудовищных кльков.

— Лори, — хрипло вымолвил Джини. — Лори, Бога ради...

Но та лишь лениво огрызнулась, и страшные зубы сверкнули в отсветах окон. «Господи, ведь я всего футов в двадцати от цивилизации, — пронеслось в голове у Джини. — А жители этого дома, выйдя поутру с собакой, обнаружат мой растерзанный труп. Как тело того несчастного девятилетнего мальчика». Кейлера охватила паника.

— Лори, прошу тебя! Лори, послушай... Я же знаю, что ты — Лори! Отзови его, Лори! Ради всего святого, отзови его!

Лев начал припадать к земле, готовясь к прыжку. Он прищурил глаза, концентрируя взгляд на жертве, и свирепо обнажил кльки.

— Лори! — что есть мочи закричал Джини. — Лори, уведи это чудовище! Лори, я же люблю тебя! Уведи его!

Лори обежала вокруг мужа. И вдруг зарычала на льва. Тот замешкался, и Джини разглядел, как расслабляются его мышцы. Гордо вскинув свою роскошную голову, словно связываться

с Лори или Джини было ниже его царского достоинства, Лев застыл на месте.

Джини не шевелился, пытаясь совладать с внезапно охватившей его дрожью.

— Лори, — взмолился он. — Я прошу тебя, Лори. Если ты когда-нибудь любила меня. Прошу...

Лев собрался было прыгнуть в сторону Джини, и тот нервно вздрогнул, но Лори тут же подскочила ко льву и боднула его головой. Зверь повинился. Развернувшись, он рысцой потрусил прочь.

Джини не сводил с него глаз. Очень скоро зверь скрылся в темноте. Тогда Кейлер повернулся, Лори как сквозь землю провалилась. Джини едва волочил ноги. Он с трудом дотащился до ворот, толкнул их, из последних сил вскарабкался на крыльцо и постучал в дверь.

Через пару минут ему наконец открыли. На пороге стоял седовласый мужчина в дорогом костюме.

— Проходите, — испуганно пробормотал он, оглядывая незнакомца. — Что с вами стряслось?

— Львы, — только и успел произнести Джини, теряя сознание.

Джини не смог не явиться на похороны Мэтью. День выдался сухой и на редкость холодный. Кроме родных, никого не было. Листья шуршали под ногами, и все двигались ровным шагом, словно солдаты в строю. Небо было ясным, и только высоко-высоко виднелись легкие очертания облаков.

Миссис Сэмпл и Лори бок о бок стояли у могилы. Обе в черном. Лица их скрывала вуаль. Надгробный камень поражал своей безыскусностью. Очевидно, он был из самых дешевых. Да и надгробная надпись отличалась незатейливостью: «Мэтью Ба-ста от любящих друзей».

Джини чуточку запоздал и припарковал свой белоснежный «нью-йоркер» у кладбищенских ворот. С ним была и Мэгги в новом черном пальто, которое Джини купил ей по случаю траура. Они медленно подошли к могиле, однако никто не обратил на них внимания. И Джини почувствовал, что здесь они всего лишь ненужные свидетели.

Священник как раз заканчивал отходную молитву. Нагнувшись, миссис Сэмпл стрепла горсть холодной земли и бросила ее на крышку гроба. Лори, не шевелясь, стояла рядом. Она сложила на животе руки, как будто находилась на последнем месяце беременности.

— А она действительно очень красива, — прошептала Мэгги. — Так близко я ее еще не видела.

— Красота, — возразил Джини, — это всего лишь внешняя оболочка...

Мэгги нахмурилась.

— Сразу видно настоящего политика. Ты говоришь штампами.

Он улыбнулся.

— Я уже слышал подобное обвинение, — признался он. — Правда, это было очень давно.

Миссис Сэмпл и Лори ушли с кладбища, даже не покосившись в сторону Джини. Теперь их делами занимались адвокаты. Они-то и сообщили, что Лори согласна на развод. Она лишь просила, чтобы Кейлер выделил определенную сумму на ребенка, если Лори вдруг окажется беременной.

Джини и Мэгги еще несколько минут постояли у могилы, а затем вернулись к машине.

— А знаешь, что я хочу тебе сказать? — начал Джини, когда они въезжали в залитый утренними солнечными лучами город.

— Что же?

— Обычно на беззащитных-то и сваливают вину.

— Ты имеешь в виду людей или животных?

— Ну, в данном случае животных. Вернее, одного зверя.

— Но ведь он растерзал Сэмпла. Или — как его? — Мэтью Баста. Или как там его еще называли...

— Действительно, — согласился Джини. — А кто его выпустил? Он ведь сыграл всего-навсего роль орудия. Возможно, он предпочел бы всю свою жизнь проторчать в клетке, выходить иногда на арену, выполнять под свист бича приказы дрессировщика, а потом опять тащиться в свою клетку и хавать мясо вставными зубами.

— Не понимаю, как ты еще можешь шутить насчет зубов после всего того, что пришлось пережить.

Джини пожал плечами.

— Честно говоря, мне все это кажется сном.

— Именно поэтому ты и явился сегодня на кладбище?

— Знаешь, я чувствую вину перед Мэтью. Ведь, если бы не я, бедняга, может быть, был бы сейчас жив.

Мэгги сняла черную шляпку.

— Ну, конечно. Зато ты был бы уже на том свете.

Джини притормозил у светофора. Солнце ворвалось в окна машины, и волосы Мэгги внезапно вспыхнули в его лучах. На противоположной стене висел обтрепанный плакат, возвещавший о приезде цирка Ромеро. На нем был изображен лев, прыгающий в обруч. В соседней машине какой-то мужчина средних лет, не вынимая изо рта сигареты, громко спорил с женой.

— Мэгги, — вдруг позвал Кейлер.

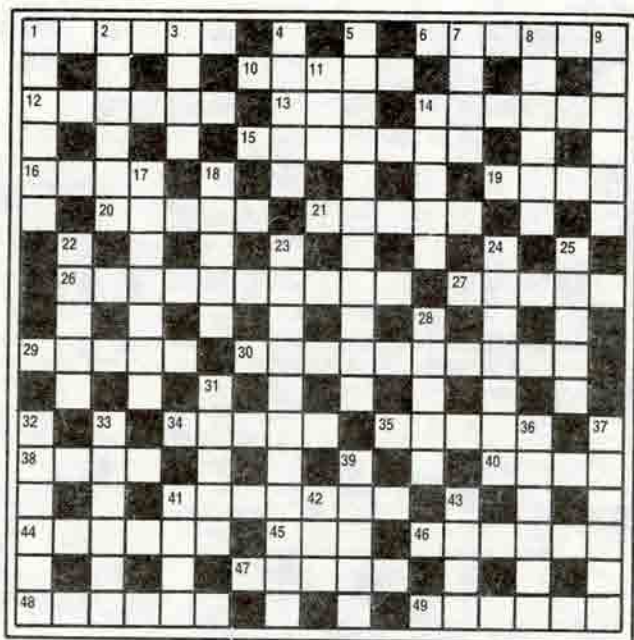
— Да, Джини.

— Как ты думаешь, я еще не совсем тронулся? Ты знаешь, мне до смерти хочется, чтобы ты осталась со мной.

— Что ж, я, конечно, не Лори, и ты вполне можешь воспользоваться моей слабостью и загнать меня под каблук... Но если ты дашь мне клятвенное обещание не делать этого, то я, пожалуй, подумаю над твоим предложением, — засмеялась девушка.

Через девять месяцев в одной из газет появилось объявление: «У миссис Лори Сэмпл-Кейлер, бывшей супруги Джини Кейлера, проживающей в штате Мэриленд, родилась девочка Сабина. Миссис Лори Сэмпл-Кейлер разрешилась от бремени в одной из больниц района Мерриам. ХАКХИМ-АЛЬ ФАРИККА».

Перевод с английского МАРИИ ПАВЛОВОЙ и МАРИНЫ ЯКОВЛЕВОЙ.

1. Певчая птица, просыпающаяся в три утра. 6. Голландский город, где основано первое в мире Общество биометеорологии. 10. Музыкант, игрой на форминге усмиравший волны и помогавший гребцам корабля «Арго». 12. Бабочка, у которой летает лишь самец. 13. «Золотой», «сладкозвучный» музыкальный инструмент Востока. 14. Представитель древнейшего народа Сибири. 15. Охотник на ягуаров и других кошек в Латинской Америке. 16. Носковый прыжок фигуриста. 19. Африканская птица, символ плодородия. Сейчас стоит у опасной черты. 20. Железная скоба с ушками для скрепления расколотых колес у повозок. 21. Итальянский драматург, на чьи либретто писали оперы Ф. Арайя, Ф. Гендель, Д. Перголези. 26. Знаменитый русский певец, о чьих концертах ни один советский рецензент не написал ни строки. 27. Немецкая средневековая басня, загадка, поговорка с назиданием. 29. Таджикский зеленый чай. 30. Один из штатов США, где много пум. 34. Кардинал Ришелье распорядился чеканить на каждой пушке надпись: «Последний ... короля». 35. Спуск по трассе на бобе или санях. 38. Зверек, названный от древнелитовского слова, означающего «прыгун». 40. Великая опера, написанная к открытию Суэцкого канала. 41. Предмет, который в Тулу с собой не берут. 44. Старинная конская попона из металлических блях и пластинок. 45. Каждая из «трав» в русском выражении «корова по четвертой

траве». 46. Натуралист, тайно привезший в Англию семена тевети, за что был избран в Академию наук. 47. Африканское животное, у которого сердце весит одиннадцать килограммов. 48. Восточный обычай, когда во время родов жены муж в шатре кричит и стонет громче роженицы. 49. ... Мухаммед эд-Диб — пастух-мальчик, открывший первую из Кумранских пещер, где найдены древние свитки.

По вертикали.

1. Крупнейшая газель. 2. Ушник. 3. Основатель и многолетний издатель знаменитого журнала «Сын отечества». 4. Газ с чесночным запахом, выступающий «свидетелем» в судебно-медицинской экспертизе. 5. Апатия. 7. Композитор, автор первой комической сербской оперы «Гадалка». 8. В Индии — ступа, в Шри Ланке — 9. Кап по своей сути. 11. Вирус, поражающий бактерию. 14. ...айы тойон — верховное якутское божество, персонификация солнца. 17. Обычное на Руси название запечного сверчка. 18. Счетно-денежная единица, равная в средние века двадцати пфеннигам. 22. Каяла как географический объект, по версии академика Б. Рыбакова. 23. Учение о загробной жизни человеческой души. 24. Нидерландский философ с принципом: «Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать». 25. Раб в средневековых мусульманских странах. 28. Сосуд, в каком у А. Пушкина «кипит» «ви холодная струя». 31. Красный петух. 32. Звукообразующая деталь варгана. 33. Поэт. Первая строка его стихотворения «Розы» стала темой стихотворения в прозе И. Тургенева. 36. Арабская монета, на которой сначала были лишь исламские символы веры. 37. Американский промышленник, вывезший из России за бесценок массу картин и других предметов искусства. 39. Чертогон. 41. Писательница, которой подражали А. Герцен, А. Дружинин, А. Писемский. 42. От него, по поверью, спасает черный петух в доме. 43. Две руки, во все брюхо зубки (загадка).

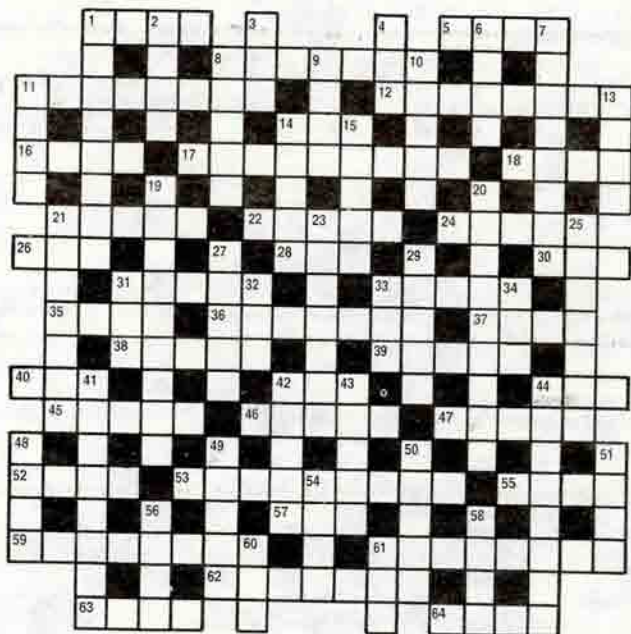
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали.

1. Ефим. 6. Клав. 9. Гений. 11. Тригла. 12. Будкер. 13. Унион. 14. Жадина. 15. Горбач. 17. Мишук. 18. Ирд. 20. Шушун. 21. Цзе. 23. Русак. 25. ...тварь. 26. Серебро. 27. Фетиш. 29. Айван. 31. Йод. 33. Рибат. 34. Гук. 35. Перак. 37. Хогарт. 39. Элодея. 41. Вспыл. 42. Львица. 43. Шиллер. 44. Звуки. 45. Оцуп. 46. Секс.

По вертикали.

2. Флиндерс. 3. Малина. 4. Чернь. 5. Никотин. 6. Клубок. 7. ...аркебуза. 8. Стаж. 10. Врач. 15. Гур. 16. Тунец. 17. Мученик. 18. Иудей. 19. Давид. 21. Цвейг. 22. Ермак. 24. Ардат. 28. Торговец. 30. Вурдалак. 32. Зет. 33. Рабство. 35. Прицеп. 36. Эллипс. 37. Холм. 38. Зыбка. 40. Ядро.

КРОССВОРД
Составил
И. ГОГИЧАШВИЛИ,
Тбилиси

По горизонтали.

1. Европейская столица, где в почтовые ящики можно опускать письма и в больших конвертах. 5. Металлическая пластинка для исследования под микроскопом. 8. Атака, штурм. 11. Поворот парусного судна, когда его нос пересекает линию ветра. 12. Другое название жука-усача. 14. Древняя столица Армении. 16. Деревенский дом. 17. Альпийский цветок, символ мужества и отваги. 18. Земноводное, уничтожающее очень много вредных насекомых. 21. Морское путешествие отдыхающих. 22. Оратор. 24. Не овощ, а витаминный. 26. Индейский народ в Канаде. 28. За белыми березами бездонная яма (загадка). 30. Эстонский композитор, один из основоположников национальной оперы. 31. Композитор, у которого для сражения с Парижем были лишь десять пальцев и один дукат в кармане. Но он победил и город, и мир. 33. Драматическая поэма Г. Ибсена. 35. Жалостные звуки. 36. Австралийская двойкодышащая рыба. Она столь ленива, что ее можно поймать голыми руками. 37. Загородный дом в Европе. 38. Римское божество домашнего очага. 39. Светящиеся строки на экране телевизора. 40. Место, где у вороны в басне И. Крылова «дыханье сперло». 42. Англичанин, положивший начало «кладбищенской поэзии». 44. Африканская антилопа, похожая на фавна. 45. Металлорежущий инструмент. 46. Стая собак. 47. Штат США. 52. Надпись в фильме. 53. Итальянский город, где в 1421 году была выдана первая привилегия — прообраз патента. 55. Трехатомный кис-

лорд. 57. Цыганка из русских романсов. 59. Выдумка, мечта. 61. Шведский ученый, один из основателей физической химии. 62. Американский эстрадный певец. 63. Пушная дань на Руси. 64. Плот из бревен в несколько ярусов.

По вертикали.

1. Американский писатель, автор «Марсианских хроник». 2. Французский физиолог, описавший реакцию организма на чужеродный белок. 3. Единица работы. 4. Юридический орган. 6. Знаменитый парижский музей. 7. Ореховое дерево, у которого очень быстро растут корни. 8. Бамбуковый медведь. 9. Навес в алтаре над престолом. 10. Львиное семейство. 11. Сарай для просушки снопов. 13. Шотландская родовая община. 14. Аль-Джумхурия аль-Джазира Демократия аш-Шаабия (страна). 15. Официальный язык Израиля. 19. Ненависть ко всему новому. 20. Доктор из «Похождения бравого солдата Швейка», лечащий клизмами. 21. Герой в романе-эпосе Р. Роллана. 23. Овсяная мука. 25. Кабачок в Италии. 27. Граница, рубеж. 29. Папа-«крестоносец». 31. Место соединения деталей обуви, одежды. 32. Археологическая культура, названная по могильнику в Румынии. 33. Инструмент для сверления скважин. 34. Презент. 41. Древнее название Англии, Уэльса и Шотландии. 42. Итальянский архитектор позднего барокко. 43. Кладка яиц тутового шелкопряда. 44. Пряность. 48. Десять русских чарок водки. 49. Русский поэт, теоретик символизма. 50. Струнный музыкальный инструмент. 51. Комарье. 54. Перемещение. 56. Хлебное изделие. 58. Обычная в Индии священная корова. 60. Название реки Урал до 1775 года. 61. Крепость в городах Средней Азии.

283

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали.

1. Марфа. 4. Сова. 7. Торт. 10. Цитолог. 11. Раскат. 13. Вето. 15. Танзания. 16. Колбаса. 17. Фара. 19. Астронавт. 24. Мескит. 25. Рондо. 26. Портсигар. 30. Окисление. 34. ...чалма. 35. Хлорат. 36. Аллигатор. 41. Пьер. 43. Мелисса. 44. Бумажник. 45. Небо. 46. Энтада. 47. Шаталин. 48. Моль... 49. Иена. 50. Запас.

По вертикали.

2. Авокадо. 3. Флорида. 4. Строка. 5. Васильев. 6. Лигнит. 8. Опера. 9. Баранка. 12. Утка. 14. Карта. 17. Фтор. 18. Радикал. 20. Слон. 21. Рать. 22. Наив. 23. Вратарь. 27. Ясли. 28. ...жена... 29. Диво. 30. Омар. 31. Схема. 32. Гогланд. 33. Марсиане. 37. Лаурана. 38. Граната. 39. Теннис. 40. «Рекс». 41. Панама. 42. Евбул.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера

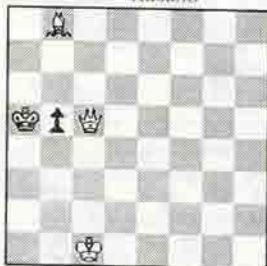
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций IV международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр «Смены».

Приводим также ответы на задачи, опубликованные в №№ 9—11 за 1994 г. Правильные решения прислали **П. Бельков** (пос. Пышма Свердловской обл.), **В. Давиденко** (Казань), **М. Дерябин** (Калуга), **В. Зенков** (Геленджик), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **К. Костюкович** (Могилев, Беларусь) и **И. Натфуллин** (Москва).

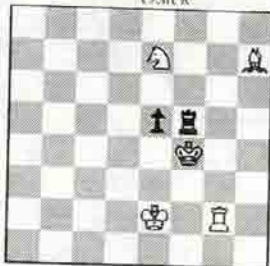
ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

49. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

Мат в 2 хода

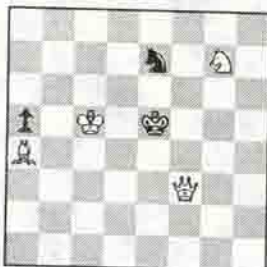
50. Н. ЧИСТЯКОВ
Омск

Мат в 2 хода

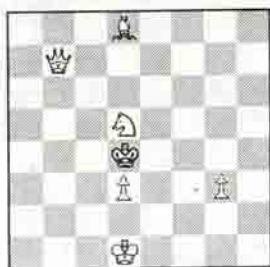
51. В. АНТИПОВ

г. Боровичи Новгородской обл.

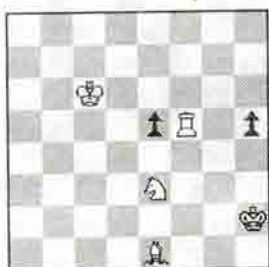
Мат в 2 хода

52. А. ЗАРХ
Рига, Латвия

Мат в 2 хода

53. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

Мат в 3 хода

54. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

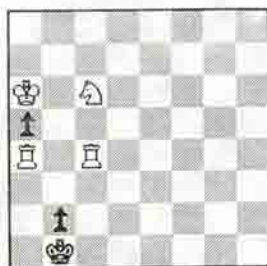
Мат в 3 хода

55. В. ИВАНОВ
и Н. ЗИНОВЬЕВ

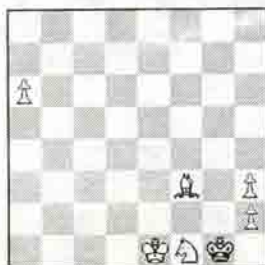
Мат в 4 хода

56. А. ДАШКОВСКИЙ
г. Ухта

Мат в 5 ходов

57. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

Мат в 5 ходов

РЕШЕНИЯ ШАХМАТНЫХ ЗАДАЧ

«Смена» № 9, 1994

79. Н. Пархоменко. 1.Фf8
 80. М. Власов. 1.Фс3. *Побочное решение:* 1.Лс5
 81. В. Желтоножко. 1.Cd3, 1.c5? Kpb5!
 82. З. Гнат. 1.Фс1
 83. В. Желтоножко. 1.Фf6 g1Ф 2.Лf1, 1...g1K 2.Лg4. 1.Фg5? g1Ф 2. Фd5, 1...g1K 2.Лf2, 1...Kpg1!
 84. С. Демидюк. 1.Са8! c2 2. Фb7, 1...Kрс2 2. Се4
 85. М. Чернушко. 1.Cf8 d2 2.Cс2, 1...Kрс1 2.Ла1. *Побочные решения:* 1.Cg7, 1.Cg5, 1.Kpf2, 1.Kpg2 и др.
 86. В. Иванов и В. Сурков. 1.Cb3! Kpb3 2.Фb2, 1...Kpd3 2.Kрс5
 87. В. Кожакин. 1.Лe2 Kрс3 2.Фb5, 1...Kрс4 2.Фb6, 1...Kрс5 2.c4
 88. М. Власов. 1.Cb4 Kpb6 2.Kd5 Кра6 3.Cd7, 1...b6 2.Cс6 b5 3.Cb7, 1...b5 2.Cd7 Kpb6 3. Kd5. *Побочное решение:* 1.Kd5 Кра5 2.Cb4 Кра6 3.Cd7, 1...b6 2.Cd6 Кра5 3. Сb4, 1...b5 2.Cb6 и 3.Cd8
 89. М. Кормильцев. 1.Kpg4 Кре6 2.g6 Кре5 3.Kpg5 Кре6 4.g7 Кре5 5.g8Л Кре6 6. Лg7, 1...Kpg6 2. Kd6 (*дуаль:* 2.Kh6 Kpg7 3.Kd7 Kph7 4.e6) Kpg7 3.e6 Kpf8 4.Kс8 Kpg7 5.e7 Kpg6 6.e8Ф, 1...Kpf8 2.Kph5 Kpf7 3.g6 Кре6 4.Kpg5 Кре5 5. g7 Кре6 6.g8Ф
 90. В. Квятковский. 1.Лg5 Kpf4 2.Се3 Кре4 3.Cс5 Kpf4 4.Се7 Кре4 5. Са3 Kpf4 6. Сс1 Кре4 7.Kpd2 Kpf4 8.Kpd3x. *Побочные решения:* 5.Cf6 Kpf4 6.g3 Кре4 7.Ле5; 1.Ла5 Kpf4 2.Се3 Кре4 3.Cg1 Kpf4 4. Ch2 Kpg4 5.g3 Krh3 6.Kpf3 Kph2 7.Ла1

«Смена» № 10, 1994

91. М. Марандюк. 1.Кре2, 1.Фа4? d4!, 1.Лb6? Kpd4!
 92. М. Власов. 1.Лf4, 1.Kpb7? d3!, 1.Лс7? Кре6!
 93. В. Желтоножко. 1.Kh3!
 94. В. Иванов. 1.Лg5! hg 2. Cf3 g4 3. Cg2x, 1...h5 2. Cg3 hg 3. Лh4x
 95. В. Антипов и Н. Чистяков. 1.Лhg5! Kph4 2. Лg6, 1...Kph3 2.Лf4, 1...Kph2 2. Лf1, 1.Лfg5? Kpf4(f2) 2. Лg6, 1...Kpf3 2. Лh4, 1...Kph2!
 96. М. Чернушко. 1.Cb2 Kpb2 2. Ка3 Кра3 3. Лh2. *Побочные решения:* 1.Лh2, и любое отступление ладьи по линии «h».

«Смена» № 11, 1994

97. В. Желтоножко. 1.Kpg3!, 1.Лfg5? f1Ф!, 1.Лh5? f1Kf!
 98. М. Марандюк. а) 1.Kd1!, 1.Ла6? Kрс4!, б) Kf2 — e1. 1.Kс2!, в) Kf2 — g7. 1.Ke8!
 99. А. Хильдебранд. 1.Kf6
 100. В. Морозов. 1.Cd2
 101. С. Демидюк. 1.Ка8! Кра6 2.Фd7, 1...Kpb5 2.Фd6
 102. М. Чернушко. 1.Ke1! Kpd4 2. Фb6, 1...Kpf4 2. Фh6
 103. В. Антипов. 1.Кра7 Лс4 2. Фа3 (*дуаль:* 2.Фа6), 1...Лс5 2. Фс5, 1...Лс3 2.bc
 104. А. Каргаполов. 1.Kg1 Kpg1 2. Фа7, 1...Kph2 2.Kf3
 105. М. Власов. 1.Cс2 Се8 2.Cb3 Cg6 3. Кс6 Се4 4. Kd4 Cg6 5. Cс2 Се8 6. Се4 Са4 7.Cd5 Cd1 8. Cb3 Cb3 9. Kb3 Кра2 10. Kрс2 d5 11. Kd4 Кра1 12. Кс6 Кра2 13. Kb4 Кра1 14. Kрс1 d4 15. Кс2 Кра2 16. Kd4 Кра1 17. Kрс2 Кра2 18. Ke2 Кра1 19. Кс1 a2 20. Kb3x

«СМЕНА»-95

Во втором полугодии мы предполагаем опубликовать: новую повесть Николая Леонова «Мент вернулся», роман Трегори Макдональда «Флетч и старая вдова», детектив Андрея Галушки «10 дней на карусели», роман Дж. Узстлейка «361».

По традиции, в каждом номере вас ждут очерки о малоизвестных страницах русской истории и шедеврах мирового искусства.

СП-1

Министерство связи Российской Федерации

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов

I

на 1995 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер

на журнал

70820

(индекс издания)

«СМЕНА»

Стои-мость

подписи пере-адресовки

руб.
руб.

Количество комплек-тов

I

на 1995 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

уда

(почтовый индекс)

(адрес)

ому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-95

Это — 5900 рублей за один номер, 17 700 — за три, полугодовая подписка — 35 400 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

ВЕЛАСКЕС. Королева Маринна. 1652 — 53 гг. Музей Прадо. Мадрид.

ИНДЕКС 70820

**Александр
КАЛЬЯНОВ**